

FORGOTTEN REALMS®

ЭВЕРМЕТ

остров эльфов

Безмятежный, прекрасный, неприкосновенный.

Богатый магией и сокровищами, для тех, кто слышал о нем легенды, он является абсолютным раем. Для осажденных эльфов Торила - лучшее убежище. Но для многих он является высшей наградой.

В центре его истории - Амларуил, Королева Всех Эльфов. Когда Эвермит подвергается массовой, разрушительной атаке, ее жертва становится последней надеждой на спасение эльфийской родины.

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons "**Forgotten Realms**". Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Перевод: **Senar**

Корректор: **Алинка Назарова**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно. ;-)

Evermeet Island

ЭВЕРМИТ: ОСТРОВ ЭЛЬФОВ

Элейн Каннингем

Благодарности

В Королевствах тысячи историков, и эта книга в огромном долгу перед тремя лучшими из них. Многое, что есть хорошего в этой истории, появилось благодаря их предложениям и исследованиям; все недостатки, которые остались, полностью принадлежат мне. В благодарность за их опыт и энтузиазм я хотел бы посвятить эту книгу Стивену Шенду, глашатаю и историку; Эрику Бойду, за ответы по Королевствам для Томаса Аквинас; и Лунной Песне, Мудрецу Арабеля, где бы он ни находился.

27-й день Элейнта, 1367 ЛД.

Уважаемому ученому, Атолу из Кэндлкипа, шлет привет Данило Танн, его бывший и недостойный ученик.

Мой старый друг, я с огромным удовлетворением беру в руки перо и пергамент, чтобы начать дело, которое хоть в малой степени сможет оправдать ту заботу и усилия, которые вы когда-то приложили к моему образованию. Я благодарю вас за это, а также за ваше предложение помощи в моем новом начинании.

Я хочу собрать некоторые из историй, рассказанных мудрецами и бардами, воинами и правителями, и превратить их в нечто похожее на историю эльфийского острова Эвермит. Без вашей помощи и знакомства я не осмелился бы приблизиться к могущественным, знаменитым и хорошо вооруженным. Те, кто меня не знает, наверняка не решатся участвовать в столь амбициозном начинании. Что же касается тех, кто меня знает... что ж, достаточно сказать, что ущерб нанесен. Возможно, мантии вашей прекрасной репутации позволят мне обрести доверие там, где оно не было посеяно.

Что, спросите вы, заставило меня взяться за столь сложную задачу, как эта история Эвермита? У меня есть три причины.

Я считаю, что уроки, которые преподает эльфийская история, еще не усвоены. Хотя чудесный остров Эвермит кажется нерушимым, но так ли уж сильно он отличается от Иллефарна, Келтормира или Кормантира? Когда-то эти великие центры эльфийской культуры казались вечными, теперь же о них остались лишь легенды. Чего же нам ждать от Эвермита и эльфов, сделавших остров своим домом и надеждой? Я молюсь, чтобы в моих взглядах было больше пессимизма, чем пророчества; тем не менее, перемены происходят, и часто тогда, когда мы меньше всего к ним готовы. За свою короткую карьеру барда я заметил, что факты обычно

служат лишь для того, чтобы затемнить истину. Истина, если ее вообще можно найти, скорее всего, будет услышана, будучи представленной в рассказах и песнях.

Вы также знаете о моем давнем увлечении всем эльфийским. Возможно, вы помните, что вам удавалось ненадолго отвлечься от моих прискорбных магических шалостей, когда ваши уроки были посвящены народу фей. Вскоре после того, как вы покинули пост моего наставника, выразив желание вернуть себе душевный покой и отрастить брови и бороду - за что я приношу свои искренние извинения (клянусь, эти чернила должны были светиться в темноте, а не взрываться при свете свечи!) Я взялся за изучение эльфийского языка. За прошедшие годы я достиг такого уровня владения языком, который позволит мне читать любые истории, учебники и письма, которые вы сможете мне прислать. Будьте уверены, я буду обращаться с ними гораздо бережнее, чем с учебниками леди Кассандры - моей матери, и верну их в Кэндлкуп без пошлых придирок и мелких угольных набросков, которыми были заполнены поля тех книг - за исключением, конечно, тех, что касались эльфийских легенд и преданий. Но даже тогда я признавал и уважал уникальную магию таких историй.

Моя последняя причина - самая глубоко личная. По благословению богов (каких именно богов, еще предстоит выяснить) я скоро женюсь на эльфийке королевской крови и смешанной расы. Ее самое большое горе, а значит, и мое, заключается в том, что ей было отказано в ее эльфийском наследии. И хотя эта история не может вернуть ей ее право первородства, это единственный дар, который я в силах сделать. Моей леди мало что нужно из того, что может купить мое богатство. То, что она ценит, не найти на базарах Глубоководья, и, увы, не найти в других местах: честь, храбрость, традиции. Выполняя эту работу, я постоянно держу перед собой образ этой истинной дочери Эвермита, которую я очень люблю за ее эльфийские манеры - и несмотря на них.

Вы думаете, это противоречие? Я тоже, пока не познакомилась с Эрилин. Моя леди способна вызывать восхищение и раздражение в равной степени. Я подозреваю, что история ее предков может соответствовать этой модели. Однако я буду следовать за историей эльфов Эвермита, куда бы она ни привела, настолько верно, насколько это в моих силах. В этом я клянусь Вам Тайной, которой дорожу больше всего, - что самая прекрасная и храбрая из этих чудесных, неистощимых существ может полюбить такого человека, как я.

Я почтительно остаюсь с вами на службе правды, истории и песни.

Данило Танн

Прелюдия: Край Сумрака

1371 ЛД

Высоко над водами Бездорожного моря кружил, парил и танцевал в хрустящем воздухе серебряный дракон. Сколько веков прожила эта драконица, но никогда еще

не находила она удовольствия, которое могло бы сравниться с радостью полета - порывом ветра и восхитительным покалыванием ледяных кристаллов о ее чешую.

Пролетая над узкой прорехой в облачном покрове, она заметила, что не только она летает в этот чудесный осенний день. Далеко внизу над волнами пронеслась стая белокрылых морских птиц.

Морские птицы?

Драконица удивленно остановилась. На много-много миль не было суши - как могла стая такого размера держаться так далеко в море? Любопытствуя, она сложила крылья и нырнула. Она полетела вниз, погружаясь в туман и сырость облаков. По привычке драконица расправила крылья перед самым прорывом сквозь облака, вынырнула из пикирования и закружилась в тумане, чтобы замедлить движение. Прятаться среди облаков было, скорее всего, излишней предосторожностью, ведь даже самая зоркая морская птица увидела бы дракона, если бы вообще увидела ее, всего лишь как серебристое пятнышко. Но драконица была Хранительницей; ее задача - видеть и не быть замеченной.

Драконица посмотрела вниз на странную стаю. На этой высоте она разглядела, что это вовсе не птицы, а корабли. Огромный флот кораблей, плывущих на запад, к Эвермиту.

"Я могла бы напасть", - с тоской прошептала драконица, но знала, что не сможет. Во-первых, кораблей было слишком много, а ее долг в таких делах был ясен. Она повернула на запад, и ее сверкающие крылья затрепетали, когда она снова поднялась в холодный, сухой воздух над облаками. Там она могла лететь быстрее.

И она должна была лететь, со всей скоростью, которую давала ей магия драконьего полета. Дракон был хранителем Эвермита почти столько же лет, сколько королева Амларуил была его правительницей. За время своего многовекового бдения дракон повидал сотни кораблей, пытавшихся пройти к Эвермиту. Большинство из них сгнили на дне океана. Но эта стая, этот флот, представлял собой разрушительную силу вторжения. Дракон не мог найти другого объяснения такому количеству кораблей - даже во времена эльфийского отступления не собиралось столько кораблей одновременно. Если хотя бы десятая часть из них сумеет прорваться через защитные сооружения острова, они смогут нанести значительный урон защитникам Эвермита.

Дракона мчалась к эльфийскому острову, ее разум отчаянно тянулся через многие мили, пытаясь найти разум своего эльфийского партнера, чтобы предупредить того о приближении опасности.

Тишина. Мрак.

На мгновение возникло недоверие - ведь Шонассир Дуротиль был грозным воином, одним из лучших Всадников Ветра во всем Эвермите. Дракон много раз связывался с ним, даже с такого далекого расстояния. Если эльф не отвечал, значит, не мог ответить. Шонассир был мертв, в этом дракон была уверена до ужаса. Ей не хотелось размышлять о тяжести битвы, о том, какой враг мог загнать такого воина, как Шонассир Дуротиль, в Арвандор раньше положенного срока.

Драконица пробормотала слова заклинания, которое должно было ускорить ее полет к эльфийской родине. Через несколько мгновений облачная масса под ней

пронеслась белым пятном. Но как бы ни была она быстра, у дракона были основания опасаться, что она уже опоздала.

Когда Шонассир Дуротиль погиб, он находился на территории Эвермита.

* * * * *

Высоко над палубой "Праведного места", не обращая внимания на пронсящегося над головой дракона, молодой моряк прижался к поручню вороньего гнезда и вглядывался в бесконечные волны.

Каймид Безбородый - так называли его товарищи, потому что его лицо действительно было гладким, как только что снесенное яйцо. Но как бы молод он ни был, это было его третье плавание, и он гордился своим местом на этом судне, флагмане могущественных сил вторжения. А еще лучше, что в качестве вахтенного Каймид может первым увидеть легендарные оборонительные сооружения Эвермита.

От этой мысли по позвоночнику молодого моряка пробежала дрожь возбуждения. Он не думал о страхе, ибо как они могли потерпеть неудачу? Каймид знал секрет, удивительный и опасный секрет, который, по его мнению, предвещал победу. Это приключение должно было увенчаться славной победой, и тогда он получит свою долю сокровищ и эльфийских девиц. Сражения, которые предстояли, только разожгут его аппетит к тому и другому.

"Скоро", - нетерпеливо пробормотал Каймид, вспоминая легенды, рассказываемые в таверне. По словам моряков, переживших такое плавание - то есть тех, кто повернул назад, - эльфийская защита начиналась буквально через две недели плавания к западу от Нимбрала. Времени было в обрез. *(на самом деле северо-северо-запад от Нимбрала)*

Каймид внимательно осматривал море, его глаза улавливали каждую деталь: длинную, мерцающую тень, которую мачта корабля отбрасывала на волны позади них; прыжки и всплески пары дельфинов во время игры; матроса, спящего на палубе внизу, его лысая голова покоилась на мотке веревки. Каймид увидит все и ничего не упустит.

Словно в насмешку над его гордыми мыслями, в поле зрения появился остров, возникший так внезапно, словно его вытащили из мешка волшебника. За ним показался второй остров, потом еще один - там был целый архипелаг! А между островами из моря торчали зазубренные скалы, словно надгробные камни для тысячи неосторожных кораблей.

"Опасность! Опасность, прямо по курсу!" крикнул Каймид пронзительным от внезапного страха голосом. "Земля, скалистые отмели!"

На палубе внизу капитан помахал рукой в знак признательности и отстегнул от пояса подзорную трубу, хотя больше из соображений протокола, чем из веры в энтузиазм молодого Каймида. Капитан Близис был сыном моряка и внуком пирата. Море пело в его крови; оно было его домом почти все его сорок с лишним лет. Он умел читать узоры по звездам и ветрам не хуже любого живого человека. Нет, по его расчетам, Праведное место находилось далеко в море и в нескольких днях пути от любого берега. На это он готов поставить свою долю эльфийских сокровищ.

Близис поднял бокал. Он отшатнулся, моргнул, затем пристально взгляделся в открывшееся изображение. Конечно, впереди была земля, барьер еще более опасный, чем предупреждал молодой Каймид. Косые лучи полуденного солнца освещали острова: Песчаные участки были цвета бледных роз, скалы - смертоносный сад закатных красных и оранжевых цветов.

"Коралловый риф так далеко на севере?" недоверчиво пробормотал Близис. Повернувшись на пятках, он приказал своей команде повернуть на север.

"Отмените эти приказы".

Слова были произнесены тихо, но какая-то фейская магия донесла их до каждого уголка корабля. Матросы замешкались на своих рабочих местах, разрываясь между опасностью впереди, которая теперь была видна всем, и благоговением перед говорящим.

Из трюма вышла стройная фигура, закутанная в плащ от холодного ветра и морских брызг. "Плывите дальше", - спокойно сказал он, обращаясь к рулевому, застывшему у штурвала. "Нет необходимости менять наш курс".

"Нет необходимости?" недоверчиво повторил Близис. "Этот коралл может пронзить корабль быстрее, чем дварфийские топоры режут сыр!"

"Вы сами указали на малую вероятность существования такого кораллового рифа в этих холодных водах", - ответила фигура в плаще. "Это всего лишь иллюзия".

Капитан поднял свою подозрительную трубу, чтобы еще раз взглянуть на грозный барьер. "Выглядит достаточно прочно. Ты уверен, что это действительно так?"

"Абсолютно уверен. Мы плывем дальше. Пусть боцман передаст сообщение на другие корабли".

Капитан Близис замялся, затем пожал плечами и сделал то, что ему сказали. При этом он рисковал всем, что имел - своим положением, своей долей добычи, самой жизнью, - но он подозревал, что у его властного пассажира на кону было столько же и даже больше.

Хотя Близис был капитаном судна, он был не более чем наемным работником. Корабль, которым он командовал, принадлежал эльфу - собственно, насколько Близис мог судить, все корабли флота принадлежали ему.

Эльфу. Близиса все еще удивляло, что эльф мог возглавить силы вторжения против своих сородичей. Хотя, если подумать, люди были достаточно проворны, чтобы сражаться между собой. Его не должно было удивлять, что эльфы не сильно отличаются от них, но все же удивило. На этом корабле было несколько эльфов, да и на других тоже. Насколько Близис мог судить, все они были твердо намерены свергнуть правящую королеву и самим захватить остров. Это вполне устраивало Близиса, поскольку эти эльфы были готовы разделить со своими союзниками-людьми военные трофеи и славу завоевания.

Конечно, при условии, что кто-то из них переживет путешествие.

Капитан прошел на нос и молча наблюдал, как корабль приближается к коралловому рифу. Некоторые члены экипажа, доверившись свидетельствам собственных глаз, а не заверениям таинственного эльфийского лорда, перепрыгнули через поручни, чтобы рискнуть и выплыть на берег.

"Оставьте их", - приказал эльф. "Они скоро поймут свою глупость, а другие корабли подберут их, когда будут проходить мимо".

Блетис рассеянно кивнул, его взгляд был прикован к стремительно приближающимся скалам. Инстинктивно он напрягся, ожидая первого толчка от соприкосновения с невидимым коралловым шельфом, но его не последовало. Едва дыша, он напряженно следил за тем, как рулевой направляет корабль по извилистому курсу между скалами цвета крови, не задевая ни одной. Не касаясь ничего. Это был подвиг мореплавания, в возможность которого Близис не поверил бы, если бы не стал его свидетелем.

Но и усилия были потрачены впустую. Через несколько мгновений первый из островов лежал прямо перед ними - безнадежно скалистый берег, над которым нависала густая листва. Они были достаточно близко, чтобы почувствовать густой запах суглинистой почвы и глубокий, сложный аромат растущих растений. Мимо беззвучно пролетело крупное насекомое. Близис инстинктивно прихлопнул его и промахнулся.

Внезапно напряженную тишину пронзило странное, волнообразное гудение, которое ледяными волнами накатывало на них из густого леса. Ему быстро вторили другие существа - крупные, судя по звуку, - чей трубный рев был наполнен голодным предвкушением.

Близис вздрогнул. Он уже слышал подобные крики, давно, когда его корабль проплывал слишком близко к берегам джунглей Чалта. Если эльф ошибся, если корабль сел на мель у этого жестокого побережья, все они были мертвее однодневной макрели.

К удивлению и облегчению капитана, корабль прошел через бухту и скалы, вливаясь в "лес" за ними так же легко, как сквозь туман. Цвета коралловых образований и пышной зеленой листвы играли над кораблем и ошеломленными моряками, пока они скользили сквозь иллюзию.

Близис поднял одну руку и стал рассматривать меняющиеся узоры на ней. Ему вспомнился давний момент, когда в детстве он стоял у основания радуги и смотрел, как цвета переливаются на его босых ногах. Этот барьерный риф, при всем его грозном виде, был не более существенным, чем та радуга.

"Вот тебе и защита Эвермита", - пробормотал он.

Единственным ответом эльфа была тонкая улыбка.

"Буря впереди!" - пропел молодой дозорный. "Идет сюда, и идет быстро!"

На этот раз Близису не пришлось поднимать подзорную трубу. Буря неслась к ним с необычайной скоростью. Через несколько мгновений после того, как Каймид объявил тревогу, сердитые багровые тучи заполнили небо и метнули молнии во внезапно ставшие пугливыми волны.

Из облаков спустился вихревой конус. За ним последовали другие, пока несколько из них не опустились на море. Вода бешено забурлила, когда голодные облака набросились на волны, а воронки быстро становились все темнее и мощнее от силы клубящихся внутри вод. словно стая охотящихся волков, водяные струи стали кружить вокруг флота.

"Скажи мне, что это очередная иллюзия, эльф", - умолял Близис.

"Буря вполне реальна", - сказал эльф, плотнее натягивая складки плаща. "Плыви дальше".

Корабельный помощник, грузный пират, чье лицо приобрело бледный зеленоватый оттенок, что не соответствовало его калишитскому происхождению, бросился к капитану и схватил его за руку. "С нас хватит, Близис. С нас всех. Отдай приказ повернуть!"

В глазах пирата Близис прочел несомненный мятеж. "Помни о сокровищах!" - увещевал он. Приятель, как он знал, играл в карты, кости, игорных петухов и боги знают, во что еще. Везение его во всех этих делах было чудовищно плохим; он задолжал огромные суммы людям, которые не жалели средств, чтобы взыскать с них долги. Это плавание, знал Близис, было для него не чем иным, как последним шансом на выживание.

"От сокровищ мало пользы мертвецу", - резко ответил помощник, и его слова были не только признанием собственного затруднительного положения, но и смертельной угрозой. Он отпустил руку капитана, достал из пояса изогнутый нож и высоко поднял его.

Когда лезвие вонзилось в горло капитана, эльф произнес странный слог и сделал мерцающий жест одной золотой рукой. Мгновенно нож засветился от кончика до рукояти яростным красным жаром. Матрос отпрянул назад, его оружие не попало в цель. Затем, застонав от боли, он выронил зачарованное оружие и разжал обожженные пальцы.

Близис ударил кулаком в лицо вероломного матроса и был вознагражден удовлетворительным хрустом кости. Он ударил его снова, на этот раз ниже, с размашистым восходящим ударом, который вогнал сломанные кости носа матроса глубоко в череп.

Мгновенно мертвый, человек упал на палубу. У Близиса возникло искушение пнуть его еще пару раз для верности, но корабль начал крениться, и он не был уверен, что сможет сделать это, не упав на спину.

"Шторм не причинит нам вреда", - сказал эльф так спокойно, словно мятежного противостояния и не было. "Это рука богини, проявление Аэрдри Фэйниа, Повелительницы Воздуха и Ветра. Эльфийские корабли могут проходить через него невредимыми".

Словно опровергая эти заверения, молния пронзила небо, и грохот обрушился на рев собирающихся ветров. Близис поднял свой бокал и увидел, как мачта далекого корабля раскололась и упала. Промасленные паруса, сброшенные при первых признаках приближающейся бури, уже тлели. Через несколько мгновений корабль превратился бы в факел. Близис бросил пытливый взгляд на хозяина корабля.

Эльф небрежно пожал плечами. "Корабли, созданные людьми, были полезны, чтобы доставить нас так далеко - даже самые прожорливые пираты Нимбрала не стали бы нападать на флот такого размера. Некоторые из людей пошли на корм голодным морским тварям; некоторые корабли были отданы в качестве платы Амберли. Но мы близки к цели; пришло время сократить флот. Большинство человеческих кораблей будет уничтожено задолго до того, как мы достигнем Эвермита".

Близис вцепился в поручни, пытаясь осознать это бессердечное заявление и тот факт, что огромный флот будет сокращен почти наполовину. "Но почти три десятка

эльфийских кораблей останутся", - упорствовал капитан, повышая голос, чтобы его было слышно из-за бушующего шторма. "Это сила вторжения! Независимо от того, эльфийские это корабли или нет, эльфы Эвермита догадаются о ваших намерениях. Внезапно наши шансы выглядят примерно в два раза хуже, нежели при моем согласии!"

Странно холодная улыбка эльфа вернулась. "Вы хитрее, чем кажется, капитан Близис. Но не беспокойтесь. Не все корабли приходят в один порт; "Праведное место" будет одним из трех кораблей, причаливающих к Лейтильспару. И уверяю вас, королева Амларуил примет нас".

"Этот дурак был не так уж и неправ", - горячо сказал Близис, толкнув сапогом упавшего первого помощника. "И он будет не последним, кто возьмет в руки оружие, чтобы положить конец этому путешествию. Если у тебя есть хорошие новости, сейчас самое время говорить".

"Тогда слушай, чтобы ты мог успокоить страхи своей команды и полностью настроиться на выполнение предстоящей задачи", - согласился эльф. "Один из эльфов на борту этого корабля - Ламруил, младший сын королевы Амларуил и покойного короля Заора. Единственный выживший королевский отпрыск, если все прошло так, как планировали наши союзники, и, следовательно, единственный наследник трона Эвермита". Эльф сделал паузу, и на его золотистом лице мелькнула гримаса отвращения. "Хотя сам принц Ламруил не особенно впечатляет, его присутствие на этом корабле дает нам огромную власть".

"И поэтому, - заключил эльф с мрачным удовлетворением, - у королевы нет иного выбора, кроме как принять нас. Будущее Эвермита, так или иначе, находится в руках ее никчемного отродья".

* * * * *

"Ваши советники собрались в тронном зале, Ваше Величество".

Королева Амларуил кивнула, не отрывая взгляда от неподвижного лица своей первородной дочери. "Я подойду прямо сейчас", - сказала она голосом, в котором не было ни намек на усталость или печаль.

Придворный отвесил глубокий поклон и оставил королеву наедине с поникшей принцессой.

Илайрана - так назвала Амларуил свою дочь много лет назад; это имя произошло от высокоэльфийского слова, означающего "опал редкой красоты". Илайрана была так прекрасна в младенчестве, так похожа на драгоценный камень, в честь которого ее назвали: молочно-белые волосы, оттененные бледной зеленью, светящаяся кожа, такая белая, что на ней проступали голубые оттенки, и большие глубокие глаза, которые могли меняться в зависимости от освещения и настроения от цвета весенней листвы до глубокой синевы летнего моря. Амларуил с тоской отметила, что Илайрана по-прежнему прекрасна, даже в предсмертной дреме, которая овладела ею после битвы, состоявшейся две ночи назад.

Как и большинство священнослужителей Селдарина, Илайрана отправилась на битву против страшного существа, выпущенного на эльфийский остров злым богом Маларом, Повелителем зверей. К концу битвы многие жрецы и жрицы пали:

Илайраны просто не стало, хотя ее тело осталось. Амларуил не удивилась этому, ведь в ее старшем ребенке всегда было что-то потустороннее. Зная о полной преданности Илайраны Анггаррадху, богине, которой она служила, Амларуил подозревала, что ее дочь проследила за битвой до ее конечного источника и даже сейчас твердо стоит на стороне Анггаррадха. Если это так, то богине действительно хорошо служили.

А если так, то Илайрана вряд ли вернется. Немногие эльфы, увидевшие чудеса Арвандора, даже в таких тяжелых обстоятельствах, смогли бы примириться со смертным миром.

Амларуил прошептала молитву и прощание, а затем поднялась от постели дочери. Весь Эвермит ждал ее. На ее личные трагедии оставалось мало времени.

Королева быстрым шагом направилась в тронный зал. Там ее ждало большое собрание: оставшиеся в живых члены Совета Матрон, представители всех знатных кланов, лидеры эльфийских воинов, даже несколько других фей, которые сделали Эвермит своим домом и сражались вместе с эльфами. Как один, они преклонили колени в присутствии эльфийской королевы.

По своему обыкновению, Амларуил глубоко поклонилась народу, которому служила, а затем велела всем подняться, чтобы заняться текущими делами. Она села на трон и призвала Керита Черношлема, лунно-эльфийского воина, командовавшего обороной острова, представить свой доклад.

Но в этот день Кериту не суждено было говорить.

Взрыв был внезапным, тихим и совершенно разрушительным. Не было ни грохота, ни вибрации, заставившей хрустальные башни города вздрогнуть в знак сочувствия, ни даже дрожи, сотрясающей мозаичный пол из драгоценных камней под их ногами. И все же не было ни одного эльфа в той палате - ни одного эльфа во всем Эвермите, - который бы не почувствовал этого или не понял, что это значит.

Круги были разрушены. Уникальная магия Эвермита исчезла.

Почти пять дней длилась битва за эльфийскую родину. Армии чудовищ появлялись из моря и спускались с небес, человеческие волшебники неописуемой силы бросали вызов Плетению эльфийской магии, корабли с конными воинами обрушивались на остров со всех сторон. Хуже того, существа из Нижнего мира нашли путь на остров, запятнали гавань, которой был Эвермит, и убили многих лучших защитников острова. Хотя осажденные Люди были невыразимо измождены, они не пали духом.

Но этот удар, несомненно, был выше их сил.

Двигаясь как во сне, королева Амларуил поднялась со своего трона и подошла к открытому окну. Перед ней расстилалась странная картина: На кишащих улицах Лейтильспара, которые несколько минут назад были оживлены эльфийскими воинами, митингующими в ответ на очередную угрозу с побережья, царила полная тишина. Эльфы стояли неподвижно, застыв в пароксизме страдания.

Амларуил подняла глаза к северу. Далеко-далеко, в самых глубоких и древних лесах Эвермита, вздымались к небу шпили Башен Солнца и Луны. Теперь они исчезли, а вместе с ними и Высшие Маги Эвермита. Амларуил позволила себе на мгновение погрузиться о потере друзей, которыми она дорожила на протяжении веков.

Королева повернулась к своим советникам, которые в этот раз не могли говорить. Все они знали, что это значит. Единственное, что могло разрушить Башни, - это еще один могущественный круг Высших Магов. А в наши дни ослабления могущества и угасания магии только на Эвермите можно было творить такое волшебство. Со всех сторон окруженные захватчиками, они, тем не менее, выстояли. Сокрушительным ударом, единственным, к которому они не были готовы, стало предательство изнутри.

Наконец Залтариш, древний писец королевы, дал трагедии свое отражение.

"Эвермит потерял, Ваше Величество", - прошептал он. "Пришли сумеречные времена для эльфов".

КНИГА ПЕРВАЯ: Тканная Легенда

"Если ты спрашиваешь моего совета - а ты спрашивал, - я бы сказал, чтобы ты поручил это задание своему дяде Хелбену. Из вас двоих он больше заслуживает этого. Но раз уж ты не похож на мстителя, то лучше начать эту историю с самого начала. Мне кажется, ты не можешь рассказывать историю эльфийского народа, не говоря о богах. Действительно, я знал многих эльфов, которые хотели бы, чтобы ты поверил, что между ним и ними нет особой разницы."

-выдержка из письма Эльминстера из Долины Теней.

1. Божественные войны

До начала времен, до того, как сказочное царство, известное как Фейри, начало спускаться в сумрак, существовал Олимп.

Дом богов, Олимп был огромным и чудесным местом. Здесь были прозрачные моря, из глубин которых рождались новые живые существа, которые со временем обретут дом в младенческих мирах, пробуждающихся под тысячей солнц. Здесь были зеленеющие луга, причудливо плодородные, как умы богов, ходивших по ним, и сады, похожие на огромные и великолепные закаты. Здесь был Арвандор, лесной дом эльфийских богов.

Именно в Арвандор он и бежал сейчас, израненный, с больным сердцем, близкий к смерти, как никогда не был близок эльфийский бог.

Это был Кореллон Ларетиан, глава эльфийского пантеона. Он был красив, несмотря на раны, нанесенные в битве. Несмотря на тяжелое ранение, он бежал с грацией и скоростью, которым могла бы позавидовать горная кошка. Но лицо повелителя эльфов было напряжено от разочарования, а одна рука сжимала пустые ножны на бедре.

Кореллон был воином - отцом всех эльфийских воинов, и он хотел лишь стоять и довести битву до конца. Но его оружие было разбито, и он был связан честью не использовать свою божественную магию против врага. Не было иного выбора, кроме отступления, ибо если Кореллон падет - Кореллон, суть эльфийской силы, магии и красоты, - то гибель эльфийского народа будет обеспечена.

Он утешался тем, что за каждую пролитую им каплю крови родится эльфийский ребенок. Так уже бывало много раз: Это была не первая его битва с Груумшем. Он подозревал, что и не последняя.

Битва шла с самого рассвета, и вот уже приближались сумерки. Повелитель эльфов, почти оглушенный стуком собственного сердца, остановился и огляделся в поисках места, где можно было бы отдохнуть и укрыться. Таких мест на Болоте было мало: бесконечные холмы, неглубокие моря торфа и несколько упрямых деревьев. Одно дерево притаилось неподалеку - низкий, шишковатый кипарис, чьи скрученные ветви с тонкими листьями свисали вниз, касаясь земли.

Кореллон нырнул в скудную тень и опустился отдохнуть. Даже когда он это делал, его взгляд метался по холмам и прикидывал планы на битву, которая еще может его настигнуть. Он признавал, что Болото не лишено суровой красоты, но все же вряд ли это было место для эльфийского бога. Кореллон был не в своей стихии, и он прекрасно это знал.

Олимп не знал границ, и в его пределах находились земли, которые были раем для многих и многих народов. Это место было выбрано из любезности к другому богу, с которым Кореллон искал взаимопомощи: Груумш, Первая Сила оркских богов.

Для Груумша были родными дикие болота, холмы и горы сотни миров. Хотя повелитель орков никогда не смог бы победить своего эльфийского коллегу среди деревьев Арвандора, здесь преимущество было за ним. Знакомая обстановка, очевидно, придала ему сил. С первого удара Груумш казался более уверенным, более мрачно решительным, чем когда-либо прежде. Он по-прежнему стремительно и настойчиво преследовал эльфийского бога.

Острые глаза Кореллона заметили, как его враг взобрался на дальний холм. Груумш был вдвое выше, чем любое из сросшихся деревьев Болота, он был мускулист и покрыт серой шкурой, почти такой же прочной, как эльфийская кольчуга. Его медвежья морда подергивалась, когда он принюхивался к воздуху, не идет ли мимо повелитель эльфов, а железное копье подпрыгивало на плече, пока он шел. Зверобог истекал кровью почти так же обильно, как и Кореллон, ибо битва между ними была долгой и ожесточенной. Разница между ними заключалась в том, что повелитель орков все еще держал свое оружие, а меч Кореллона лежал среди вереска разрозненными осколками.

Наблюдая за приближением оркского бога, Кореллон впервые осознал всю глубину собственной глупости. Он попросил Груумша прийти на Олимп, чтобы они могли обсудить прекращение разрушительной войны между орками Груумша и эльфийскими детьми Кореллона - войны, которая грозила разрушить саму ткань древнего царства Фейри. Кореллон пригласил, и Груумш согласился.

Принял, а потом предал.

Эльфийский лорд винил себя. Хотя ему хотелось бы сказать, что он относился к Груумшу как к благородному врагу, предлагая добрую волю и ожидая ее в ответ, он

не был особенно удивлен, когда повелитель орков нарушил перемирие. По правде говоря, Кореллон был готов отдать почти все преимущества, потому что ему и в голову не приходило, что он может проиграть бой.

Он был горд, возможно, слишком горд, как и его эльфийские дети. У Кореллона были основания знать о хитрости и боевой ярости своего оркского противника, но он верил в свое превосходное проворство и в Сахандриан, свой чудесный меч. Даже сейчас он не мог понять, как оркскому богу удалось пронзить магию и металл Сахандриана лишь ржавым одноручным топором.

Предательство, - мрачно заключил Кореллон. Другого объяснения не было, ведь Сахандриан был не просто обычным мечом. Это была работа самого Кореллона - он потратил несметные века на его создание и зачарование. И он не был единственным богом, приложившим руку к его созданию. Сеханин Лунная Радуга, эльфийская богиня лунного света и тайн, вплела в сияющий клинок лунную магию. Поскольку красота имеет свою силу, Ханали Селанил сделала из рукояти меча произведение искусства, изобилующее драгоценными камнями и затейливой резьбой. На лезвии она выгравировала руны, изображавшие - и, возможно, запечатлевшие - непреходящую силу эльфийской любви. Его возлюбленная Арошни, богиня-покровительница ремесленников и богиня эльфийской судьбы, своими руками соткала искусно выполненные шелковые ножны, которые облепили ножны Кореллона и окутали его магической паутиной.

У всех этих богинь были поклонники среди людей; вполне возможно, что кто-то из высших священнослужителей уловил магическую сущность своей госпожи и каким-то образом обратил это знание против повелителя эльфов.

Но почему? С какой целью эльф стал бы выступать против своих богов? Этот вопрос - вопрос, который Кореллон никогда раньше не задавал, да и не хотел задавать, - преследовал его, пока он наблюдал, как сумерки окрашивают небо в багровый цвет, а Груумш становится все ближе.

Над далекими холмами взошла одинокая луна Олимпа - янтарный шар, который по мере восхода бледнел до серебра. От ее света перед повелителем орков протянулась громадная, отливающая луной тень. Заметив это, Груумш оскалил клыки в дикой ухмылке. Яркий лунный свет был для него таким же союзником, как и открытая местность, поскольку облегчал слежку.

Легкое движение на горизонте привлекло внимание повелителя орков. Это было не более чем мерцание, скорее похожее на цветные огоньки, пляшущие в холодном северном небе на одном из любимых миров Груумша. Но он узнал его источник и помрачнел.

Сеханин.

Груумш ненавидел всех эльфийских божеств и ненавидел их не совсем бессмертных детей, но к этой девице он питал особую вражду. Бледная, как лунный свет, и невкусная, как бескровная еда, богиня Сеханин была, тем не менее, сильным противником. Это оскорбляло Груумша. Женщины-орки обычно были меньше и слабее мужчин, и, как следствие, обладали значительно меньшей силой. Оркская молодежь усвоила это наставление: "Если бы Груумш хотел, чтобы самки были вождями, он бы дал им большие мускулы". Он, конечно, не наделил бы их фейской магией Сеханин или тем тонким умом, глубины которого не мог постичь ни один

оркский воин. Кореллон был достаточно плох, но, по крайней мере, Груумш знал, чего ожидать от эльфийского бога: битвы - прямой, кровавой и бодрящей. Это он мог понять и уважать.

Орк с опаской наблюдал, как пляшущие огоньки сливаются в стройную женскую фигуру. Словно светящееся облако, Сеханин шла к нему, быстро обретая форму. Ночь была ее временем, и она, казалось, черпала силы и энергию в лунном свете. В ее руках был сверкающий меч, который она держала острием вверх.

Груумш сразу же понял, что это не обычное оружие, даже если верить богам. Нет, этот меч был живым существом. Он был таким же живым и таким же проблемным, как любой эльфийский мир и все существа, которые ходили по нему; таким же огромным по силе, как солнце, которое согревало этот мир и небо, которое его согревало. Ошеломленный орк заметил тысячи крошечных звездочек, которые кружились внутри чудесного клинка, и почувствовал магию, которая пульсировала в нем, как океанские приливы и отливы.

Это был Сахандриан, меч Кореллона, сотворенный целиком и полностью!

Удивление быстро сменилось яростью, и Груумш издал яростный рев, который раскатился над болотом подобно грому. Самым гордым моментом в божественной жизни повелителя орков было сокрушение этого меча, наблюдение за тем, как светящиеся осколки тускнеют и исчезают. Каким-то образом этот великий триумф был разрушен тощей эльфийской девицей. Ненависть орка к лунной богине возросла в тысячу раз, и он завыл страшную клятву мести ей и всем эльфийским существам.

Но Сеханин шла дальше, не спуская глаз с разъяренного Груумша. Она взобралась на холм, на котором он стоял, и стала спускаться в долину, двигаясь на расстоянии броска копья.

Повелитель орков нахмурил брови от этого молчаливого оскорбления. Он смахнул копье с плеча и отбросил его назад для броска.

Слабый звук, должно быть, насторожил его цель, потому что Сеханин наконец повернулась к нему с выражением слабого презрения на лице. Слишком быстро - невероятно быстро - она направила эльфийский меч на повелителя орков, словно это был посох волшебника. Один импульс серебряного света вырвался из оружия и поглотил его в мерцающую сферу. Ослепленный и рычащий от ярости, Груумш сжал свободную руку в кулак и яростно таращил глаза, пытаясь прогнать звезды, которыеплыли и кружились за его веками.

К тому времени, когда к повелителю орков вернулось зрение, богиня оказалась далеко за пределами досягаемости его копья. Она стояла возле шишковатого кипариса, примостившегося на вершине холма. К ужасу орка, Сеханин была не одна - к ней стремительно приближался знакомый золотой воин. Она опустилась перед ним на колени, Сахандриан протянул перед ней руку. Огни, вихрившиеся в эльфийском оружии, вспыхнули и запрыгали, когда законный владелец вернул себе меч.

Груумш потряс своим бесполезным копьем и заплясал от ярости. "Плут! Трус!" - зарычал он на Кореллона Ларетиана. "Побежденный в одиночном бою, ты прячешься за женскими юбками! А как же твоя клятва? Ты поклялся, что никакая

эльфийская магия не будет направлена против меня, но ты позволяешь этой ведьме уничтожить мою победу!"

"Не так", - твердо сказала Сеханин, и ее серебристый голос разнесся над долиной, лежавшей между ними. Она встала и обратилась лицом к разгневанному богу. "Ты нарушил перемирие, Груумш из племени орков, и это запомнится на все времена. Кореллон придерживается договора, который он заключил с тобой, и всех принципов благородного боя. Он никогда не был побежден. Уничтожение его меча не было твоей победой. Эльфом был разбит Сахандриан, и поэтому Селдарину предстоит восстановить свой собственный".

С этими загадочными словами богиня снова повернулась к Кореллону. Ее серебряные глаза окинули его; на них навернулись слезы, когда она обратила внимание на его многочисленные раны. Сеханин вытерла слезы со щеки и нежными пальцами коснулась кровоточащего лица бога. Мгновенно капли на ее руке приобрели мистическое сияние.

"Дети луны и солнца, - прошептала она. "Узри, мой господин, души еще не рожденных эльфов. Даже битва с бесчестным врагом не может ослабить магию, которую мы разделяем".

Она начала говорить дальше, но яркий лунный свет, поддерживавший ее, внезапно померк, а поднявшийся ветер погнал по луне клубы черных туч. Сеханин бросила взгляд через плечо. Орк, как она и ожидала, бросился в атаку, воспользовавшись, должно быть, показавшимся ему моментом эльфийской слабости.

Лицо богини ожесточилось. "Убей его, мой господин, - яростно прошептала она и прикоснулась пальцами к ножнам Кореллона, словно в мрачном напутствии. Когда темные тучи рассеялись, она исчезла.

Кореллон сдержал слова благодарности и подавил в себе вопросы. Позже, пообещав он, ему придется разыскать лунную богиню и получить от нее объяснения относительно магии, которую она сотворила, и эльфийского предательства, на которое она намекнула.

Но сейчас ему было достаточно просто снова обнять Сахандриан. Эльфийский бог высоко поднял свой меч, ликуя от ощущения чудесного оружия в руке и перспективы новой битвы. Со звонким криком он помчался вниз по склону холма, чтобы встретить натиск оркского племени.

Они встретились в долине внизу с громовым лязгом. Искры полетели, как падающие звезды, когда эльфийский клинок ударился о железный наконечник копья повелителя орков. Кореллон намеренно позволил своему клинку отскочить от копья; он знал, что не сможет сравниться или даже противостоять силе атаки орка. Его преимуществом была ловкость. Не сбавляя темпа, эльф увернулся под скрещенным оружием. Металл заскрипел по металлу, когда меч со смертоносным намерением скользнул по древку копья.

Груумш резко повернул копьё в одну сторону, отбрасывая встречный клинок. Он крутанулся, отступая назад, чтобы оказаться вне досягаемости эльфа. Развернувшись к противнику, Груумш опустил тупой конец копья вниз, сильно и низко замахнувшись на ноги лорда эльфов.

Кореллон проворно отпрыгнул назад - именно так, как и рассчитывал орк. Основное оружие Груумша было значительно длиннее, чем у эльфа: Даже Сахандриан не мог разрубить то, до чего не мог дотянуться.

С яростной улыбкой орк завершил размашистую дугу, взмахнув своим оружием так, что древко оказалось на одном уровне, а железный наконечник был нацелен в горло эльфийского владыки. Со всей силой он рванулся вперед, нанося удар за ударом.

Кореллон не пытался парировать могучий удар. Он увернулся от метнувшегося копья, затем развернулся лицом к противнику, используя свою скорость, чтобы придать силу удару Сахандриана. Меч нанес колющий удар в бедро повелителя орков. Груумш вихрем бросился на эльфа, выставив перед собой копье на всю длину. Но эльф шагнул ближе, слишком близко, чтобы острый наконечник мог его найти. Его меч метнулся и пробил еще одну брешь в шкуре повелителя орков, прежде чем древко копья вонзилось ему в ребра.

От удара эльф покатился, поднялся на ноги и снова сделал выпад в сторону. Но Груумш отбросил копье. В одной массивной руке он держал кинжал, в другой - топор, которым в тот день каким-то образом уничтожил Сахандриан.

Долгие мгновения противники стояли почти лицом к лицу, и над бдительным Болотом раздавался звон и лязг металла о металл. В руках эльфийского бога Сахандриан кружился, метался и танцевал, двигаясь так быстро, что оставлял на своем пути ленты света. Но на этот раз меч Кореллона держался твердо, снова и снова отклоняя топор оркского бога, не оставляя ни малейшей ямки на его сверкающем острие.

Сросшиеся тени сражающихся богов становились все короче по мере того, как луна поднималась высоко в небо. Груумш тяжело дышал, а в ушах у него гудело так, словно в черепе поселился целый рой злобных насекомых. Орк был намного сильнее, но как он ни старался, он не мог пробиться сквозь защиту эльфа и ударить со всей силы. Но Груумш был не так проворен, как эльф, и хотя у него было два оружия против одного у Кореллона, эльфийский клинок снова и снова проскальзывал сквозь его защиту. Его кожу пересекали аляповатые полосы, а рукоять топора была скользкой от его собственной крови. До Груумша начало доходить, что битва, которую он считал уже выигранной, победа, которую он выкупил из рук предателя, снова принадлежит эльфийскому богу.

Словно почувствовав поворот битвы, Кореллон бросился вперед, увернувшись от мощного удара орка, и с мечом наперевес бросился к горлу повелителя орков.

Груумш сразу понял, что у него нет надежды парировать атаку эльфа. Инстинктивно он пригнулся и вскинул руку с кинжалом вверх, чтобы заблокировать убийственный удар. Эльфийский клинок глубоко вонзился в предплечье повелителя орков, застряв между сросшимися костями, и отбросил его руку к лицу.

Слишком поздно понял орк, что все еще сжимает свой кинжал. Его собственное лезвие сильно уперлось в кожу на скудном лбу. Груумш услышал ужасный звук металла, скользнувшего по кости, почувствовал, как внезапно ослабло сопротивление, когда лезвие скользнуло вниз. Затем все остальные ощущения исчезли в раскаленном взрыве боли.

Кореллон отпрыгнул назад, выдернув меч из руки орка, прежде чем падение бога успело повалить и его. Долгое мгновение он стоял и смотрел на своего поверженного противника. Повелитель орков катался и метался по земле в бессмертной агонии, зажимая руками глаза - один из них был ослеплен обильным потоком крови из зияющей раны на голове, другой ослеп навсегда. Кроме разрушенного глаза, большинство ран Груумша заживут - слишком быстро для душевного спокойствия Кореллона, - но этой ночью больше не будет никакой битвы.

Повелитель эльфов засунул Сахандриан обратно в ножны. Его пальцы коснулись кожи, и в его восторге промелькнула грусть. Хотя победа была за ним, чудесные мягкие ножны, которые сплела для него Арошни и которые он нес в бой как ее знак, были потеряны во время ужасной битвы.

"Ты заклеямен, ослеплен и потерпел полное поражение", - холодно сказал Кореллон. "Но я не считаю это достаточной платой за то, что я потерял сегодня".

Орк утер кровь с лица и прищурился на своего врага единственным оставшимся глазом. "Ты и половины не знаешь, эльф", - прорычал он. "И ты не можешь понять, что ты потерял - ты даже не знаешь имен своих врагов! Что касается поражения, то я его не признаю! Убей меня сейчас, если сможешь, и твоя собственная серебряная шлюха засвидетельствует, что ты сразил раненого и безоружного врага!"

Кореллон взглянул на луну и понял, что, по крайней мере, в этой части орк говорит правду. Богиня лунного света и тайн видела все, и честь заставит ее рассказать о таком бесчестии перед Советом Селдаринов. Даже если бы Кореллон хотел этого, он не мог бы убить поверженного оркского бога. По условиям их соглашения он также не мог изгнать Груумша с Олимпа, пока орк сам не решил уйти.

"Ты говорил о других, - сказал повелитель эльфов, оглядывая безмолвные холмы, - но я не вижу никого, кто готов взять в руки твое павшее оружие".

Орк ухмыльнулся. "Пока ты на открытом болоте, мне не нужна ничья помощь. До Арвандора далеко идти, эльф, а ты качаешься на ногах, как саженец на сильном ветру. Иди, если сможешь - я не отстану от тебя. Одного глаза мне хватит, чтобы пройти по тропе через эти холмы. Если ты еще будешь стоять, когда я найду тебя, мы сразимся снова. Если нет, я убью тебя там, где ты лежишь!"

Кореллон понял, что не может насмехаться над этим мрачным обещанием. Жар боевой лихорадки быстро улетучивался, а тяжесть ран давила на него. Вполне возможно, что орк, как бы тяжело он ни был ранен, мог сделать именно то, что обещал. Не говоря больше ни слова, Кореллон снова повернулся к Арвандору.

* * * * *

Плотным и глубоким был лесной занавес, окружавший Арвандор. Заблудившиеся существа могли бродить в лесу за его пределами много дней, ни разу не переступив невидимую границу и, возможно, даже не поняв, что их путь прегражден. Древние деревья менялись, сбивая прохожего с толку, тропинки появлялись как бы случайно, чтобы затем исчезнуть в лесном водоеме или зарослях папоротников; ручьи внезапно расширялись, превращаясь в огромные зияющие пропасти; густые сплетения лиан вдруг прорастали колючками или просто отказывались расступаться. Арвандор был убежищем и крепостью.

Скрытая среди зеленых теней, окружавших и защищавших Арвандор, эльфийская богиня прижалась к самым верхним ветвям дерева и смотрела на лес. Ее тонкие черные пальцы крепко сжимали рукоять, а прекрасное лицо было напряжено от предчувствия.

Три долгих дня прошло с тех пор, как Кореллон Ларетиан, ее возлюбленный и лорд, отправился на встречу с оркским богом. Арошни ждала результата с напряженным нетерпением. На карту было поставлено многое. Неизвестно, что может случиться среди Селдаринов, если Кореллон не вернется. Хотя никто из эльфийских богов не мог по-настоящему заменить Кореллона, многие наверняка попытались бы это сделать.

Отношения Арошни с лидером Селдаринов были уникальными. Кореллон Ларетиан был эльфом во всем: воином и поэтом, магом и бардом, даже мужчиной и женщиной. Но с приходом Арошни божество приняло лишь один облик - золотого эльфа-мужчины. В Арошни он увидел свою идеальную противоположность: женщина - мужчине, художник - воину, тайны полуночи уравнивают яркость дня. Хотя Арошни была лишь второстепенной богиней, Кореллон был совершенно очарован ее красотой и сделал ее своей супругой. Она родила ему детей - близнецов, таких же мрачных и прекрасных, как она сама. Как возлюбленная Кореллона, Арошни занимала почетное место среди Селдаринов, а также обладала новыми силами, которыми наделил ее эльфийский бог. По указу Кореллона судьба смертных эльфов, разделявших ее темную красоту, была в ее руках. Она научилась наслаждаться этой силой и боялась ее утраты не меньше, чем исхода битвы.

Ее острый слух уловил слабый звук - отдаленное шипение и шорох топчущегося под ногами подлеска. Ни один эльфийский бог не издал бы такого грохота. Наконец-то Арошни получила ответ.

Богиня соскользнула со своего места на волшебной нити. Ее туфельки без звука коснулись лесного пола, но не успела она сделать и шага в сторону победоносного орка, как ее взгляд упал на самое неожиданное зрелище.

Кореллон.

Повелитель эльфов был всего в нескольких десятках шагов от нее. Он шел медленно и выглядел потрепанным, как поникший цветок, но все же двигался по лесу, как дуновение ветра. Взгляд Арошни упал на его бедро. Ножны, которые она сплела и зачаровала, исчезли, и меч Сахандриан был цел. Невидимая аура прилипла к мечу - безошибочное прикосновение лунной магии Сеханин.

Багровые глаза Арошни вспыхнули от этого нового доказательства вмешательства соперницы в ее личные дела. Задыхаясь от ярости, богиня вскинула руку, чтобы стереть следы работы Сеханин. Магия вырвалась из кончиков ее эбеновых пальцев, превратившись в огромный занавес, перекрывший лес в любом направлении, насколько хватало глаз.

Кореллон остановился, явно озадаченный сверкающим барьером, который, как предполагалось, преграждал ему путь в Арвандор.

Арошни охватила досада. Конечно, бог должен был знать, чьих рук это дело. Даже такой влюбленный, как она, он наверняка расценил бы этот поступок как предательство. И даже такой ослабленный, каким он, очевидно, был, он мог легко

затмить магию второстепенной богини. Тогда где бы она была? Проклятая одним порывом, вся ее работа пошла прахом.

Быстро сообразив, Арошни начала плести другую паутину. Она вышла из тени на виду у всех, ее лицо светилось притворным облегчением и радостью.

Проходи, любовь моя, - тихо сказала она, вливая свои слова в сознание Кореллона. Паутина не мешает тебе, но преградит путь орку. Иди и найди исцеление.

Она почувствовала ответный всплеск благодарности и любви Кореллона - и ее захлестнула почти непреодолимая волна изнеможения. Словно почувствовав это, Кореллон быстро отстранил свое болезненное прикосновение. Эльфийский бог проскользнул сквозь сети Арошни так же легко, как сокол пронзает облако. Он поцеловал ей пальцы в знак приветствия, а затем исчез в лесу в поисках деревьев Арвандора.

Арошни осталась на месте. Как ни неприятна была эта перспектива, она должна была поговорить с Груумшем, ибо у нее были вопросы, на которые мог ответить только орк.

Ждать пришлось недолго. Груумш, очевидно, уловил эльфийский запах - то ли её, то ли Кореллона, она не знала и не заботилась об этом - и с диким криком бросился через лес к ней.

К паутине.

Орк влетел прямо в нее. Дико извиваясь, он ревел и проклинал, но ничего не добился, только безнадежно запутался. Из дальнего леса до него донесся смех Кореллона, словно золотые колокольчики - прекрасный даже в насмешку.

Повелитель орков удвоил усилия, но его удалось остановить. Конечно, с язвительной улыбкой подумала Арошни, естественные защитные силы Арвандора справились бы с этим и без ее "вмешательства". Очевидно, эта мысль не пришла в голову Кореллону. Он был слишком сильно поглощен чарами Арошни, чтобы увидеть какой-либо гобелен, кроме того, что она сама соткала.

"Глупец", - шипела она, глядя на одного пленника и размышляя о другом. И когда она произнесла этот эпитет, Арошни задумалась, кто из орков или эльфов заслуживает этого больше.

2. Мастер Охоты

Ускользнуть из мира богов, принять облик аватара и искать союзника богов в незнакомых лесах мира смертных было делом непростым. Это было нелегко, но, впрочем, ничто в этом деле, к которому Арошни приложила руку, не было легким.

Эльфийская богиня бесшумно проскользнула через лес, следуя за невидимыми нитями магии к месту необычной силы. Плетение было сильным в этом мире. Это было необыкновенно красивое место, с его единственным обширным пространством земли, расположенным, как полированный нефрит на берегу моря цвета лазури. Драконы бродили по лесам и властвовали в небе, но и другие

магические расы притягивались к этой земле, как пчелы к клеверу. Новые расы тоже поднимались, быстро увеличивая свою численность. Даже боги видели перспективы в растущем мире - в последнее время здесь происходила настоящая миграция великих и малых сил. Арошни надеялась найти среди этих богов союзника, достаточно сильного и податливого, чтобы заменить непокорного Груумша.

После битвы с Кореллоном Ларетианом - не говоря уже о бесславном конце приключения в качестве оркской мухи в паутине эльфийской богини - Груумш категорически отказался иметь что-либо общее с Арошни и ее амбициями. Она была эльфийкой, а значит, его бессмертным врагом, и дело с концом.

Да будет так. Арошни была рада избавить свой нос от зловония бога орков. Были и другие существа, которых можно было обмануть, задобрить или соблазнить, чтобы они выполнили ее просьбу. Поэтому она сосредоточилась на магических линиях, следуя за ними в самое сердце земли. Со временем они сошлись в плотную сеть над одним древним лесом.

Это был лес, такой же густой и глубокий, как любой в Арвандоре, и почти такой же фейский. Огромные треанты, почти неотличимые от окружающих их вековых деревьев, наблюдали за проходом богини с видимой незаинтересованностью, свойственной долгоживущим существам, которые соизмеряют подобные события с веками. Маленькие грации единорогов рассыпались и бежали перед ней, как испуганные серебристые олени. Стремительные вспышки света указывали на присутствие спрайтов или фейри-драконов - или, возможно, более злобных, но все же интригующих существ, известных как блуждающие огоньки. Но, несмотря на все чудеса леса, здесь было множество свидетельств опасности: далекий рев охотящегося дракона, перо, выпавшее из крыльев линияющего грифона, следы мантикор, отпечатки ног проходящего мимо оркского военного отряда.

Именно последнее заинтересовало Арошни больше всего, ведь во всех известных ей мирах орки были злейшими врагами всех эльфов. Несомненно, бог этого племени, кем бы он ни был, с интересом выслушает ее предложение - при условии, что она, эльфийская богиня, сможет заручиться его вниманием.

Пока утро еще только начиналось, острый слух Арошни уловил звуки битвы на севере, где горные вершины возвышались над линией деревьев и исчезали в собирающихся облаках. Приблизившись, она различила звуки голосов орков, возвышавшихся в боевых кличах. Но не было слышно ни лязга оружия, ни грохота, который свидетельствовал об обычной манере ведения войны среди детей Груумша. Действительно, казалось, что битва идет с гор, расположенных гораздо выше орков, и она больше походила на состязание двух сверхъестественно сильных медведей, чем на дуэль орков. Титанические бойцы терялись в темных облаках, но их рев раздавался как гром, а от их столкновений сотрясалась земля под ногами Арошни.

Богиня заметила орков, собравшихся у подножия горы, танцующих, воющих и улюлюкающих в том, что казалось религиозным безумием. Она подумала, не устраивают ли эти глупые существа такие представления всякий раз, когда над горой собирается гроза. Возможно, это было просто совпадение, и это конкретное проявление действительно исходило из рук богов. Из того, что Арошни знала об орках, она сомневалась, что они могут отличить одно явление от другого.

Богиня быстро двинулась в гору, бесшумно и незаметно, чему в немалой степени способствовали вещи, которые она забрала из покоев своей дочери. Юная Эйлистри, известная среди Селдаринов как Темная Дева, уже была признанной охотницей. Арошни предпочитала пышные платья и изящные туфельки, но они не подходили ни для ее нынешней задачи, ни для дикой местности в самом сердце этого края. И вот, облаченная в кожу темно-коричневого цвета, обутая в сапоги, которые, казалось, поглощали звук, и закутанная в зеленый плащ, цвета которого менялись в соответствии с листвой вокруг, Арошни подкралась к месту сражения. Вряд ли сражающиеся заметили бы ее приближение, несмотря на эти меры предосторожности, настолько яростным было их сражение.

Она опоздала, чтобы увидеть сам бой, но, глядя на победителя, одобрительно кивнула.

Малар, Великий Охотник, стоял над быстро увядающим телом существа, очень похожего на него самого. Его рост превышал двенадцать футов, а мех, как у черного медведя, покрывал мощное, покрытое толстыми мышцами тело, по форме напоминающее тело оркского воина. У Малара не было выдающихся клыков, чтобы хватать и разрывать своих противников; по сути, у него вообще не было морды, только полость в центре лица, затянутая плотью, которая служила и носом, и ртом. Но, похоже, он не страдал от этого недостатка. Из его массивной головы торчали рога, каждое острие которых было кинжально острым. Изогнутые когти на его руках были размером с ладонь Арошни. Однако победа далась Малару нелегко: Его огромная грудь вздымалась и опадала, как волны на взбесившемся море, а дыхание, вырывавшееся через ротовую полость, было тяжелым и затрудненным.

Арошни сняла с плеча лук дочери и приладила к нему одну из зачарованных стрел Эйлистри. Она прицелилась в цель и приготовила оружие. Хотя она и намеревалась заключить сделку с богом, она знала, как важно вести переговоры с позиции очевидной силы.

"Славься, повелитель зверей, мастер охоты!" воскликнула Арошни.

Малар обернулся на эльфийский голос и встал в боевую стойку: колени согнуты, мышцы напряжены для быстрого рывка, руки раскинуты в подобии объятий, когти превращены в страшное разящее оружие. Его глаза сузились в злобные щели, когда он посмотрел на вооруженную богиню.

"Что ты здесь делаешь, эльфийка?" - прорычал он громовым раскатом. "Это место не твое!"

"Нет, оно принадлежит тебе по праву завоевания", - согласилась богиня, кивнув в сторону павшего бога. От звериного аватара уже мало что осталось, кроме тусклого серого контура. "Это был Херне, не так ли? Я видела его мельком раньше, в других мирах. Бледная копия Малара, как мне кажется".

Руки Повелителя зверей чуть опустились. Он явно настороженно относился к эльфийке, но был готов выслушать еще больше ее лести. "Это племя орков теперь следует за мной", - похвастался он.

"Так и должно быть", - ответила Арошни, тщательно скрывая свое воодушевление. Этот Малар был именно тем, кто ей нужен! Честолюбивый мелкий бог, почти жаждущий расширить свое влияние и власть. И самое главное - охотник.

Она кивнула в сторону теневых останков Херне и вздохнула. "Все равно, это пустая трата времени. Не то чтобы Херне пал - никогда", - поспешно добавила она, когда в горле Малара раздался рык. "Жаль только, что такой могучий охотник, как Повелитель зверей, тратит свой талант на легкую добычу".

Когда бог, казалось, не обиделся, Арошни чуть опустила лук и сделала осторожный шаг ближе. "У меня есть предложение для тебя, великий Малар, возможность, которая, наверное, никогда больше не представится охотнику".

"В этих лесах много дичи", - заметил Повелитель зверей, внимательно наблюдая за ней.

"Ах, но разве может какое-нибудь испытание сравниться с выслеживанием эльфийского бога в его священном лесу? Это вызов, на который отважится только величайший из охотников".

Малар, казалось, размышлял над этим, его красные глаза пристально светились. "Эльфийский лес, говоришь? Мудрый охотник не отложит нож и не бросится в объятия медведя".

"Раненого медведя", - подчеркнула она.

"Это еще хуже".

"Что касается этого, посмотри, а потом суди сам", - сказала Арошни. Быстрым жестом эбеновой руки богиня сотворила сияющую разноцветную сферу и велела Повелителю зверей заглянуть внутрь. Внутри шара находилось крошечное изображение Кореллона Ларетиана, выглядевшее (если бы не его размер) так же реально, как если бы он стоял перед ними. Было ясно, что эльфийский бог тяжело ранен; золотой свет вытек из его кожи, оставив ее серой и изможденной. Его шаги медленно и неуверенно пробирались сквозь деревья.

Повелитель зверей изучал эльфийского бога, оценивая его размеры на фоне золотых папоротников. "Он мал", - согласился Малар.

"И слаб! Видишь его повязки, они уже мокрые и багровые".

Охотник прищурился, вглядываясь в сферу. "Странно. Так много крови, а он не оставляет следов".

"Ты ожидал меньшего от эльфийского бога?" ответил Арошни. "Даже если так, Малар, мастер охоты, наверняка сможет его выследить. Подумай об этом - какая слава придет к тебе, когда ты убьешь главу эльфийского пантеона!"

Малар задумчиво хмыкнул. "Этот лес, который ты мне показываешь, эльфийский. Никогда еще я не охотился так близко от Арвандора".

"Какое дикое место не является для тебя законным местом охоты?" - прохрипела она, чувствуя, что бог испытывает сильное искушение. Богиня жестом указала на шар. В ответ он увеличился в размерах и почти полностью заполнил истоптанную битвами поляну. "Это врата на Олимп, великий Малар. Все, что тебе нужно, это пройти через них".

Повелитель зверей с интересом наблюдал за сценой внутри шара, но все еще не был убежден. "Ты эльфийка. Что такого сделал этот эльфийский лорд, что ты хочешь его смерти?"

Арошни решила, что знает, какой ответ больше всего порадует Малара. "Он слаб", - твердо сказала она. "Это оскорбляет меня".

"Если он так слаб, то убей его сама".

Богиня пожала плечами. "Я бы убила, но другие боги Селдарина любят Кореллона. Они не примут в качестве своего правителя того, кто убьет его. А я хочу править".

"Странные эти эльфийские боги", - размышлял Малар. "По природе своей править должен сильнейший. Тот, кто способен убить этого бога, заслуживает того, чтобы вытеснить его. Если эльфы думают иначе, то они действительно слабы".

"Не все так думают", - поправил его Арошни.

Багровые глаза охотника встретились с ее глазами, оценивая ее. "Возможно, мне следует убить Кореллона Ларетиана, да и тебя тоже, а потом попытаться счастья среди вашего пантеона!"

Арошни презрительно рассмеялась. "Одного раненого эльфийского бога ты, конечно, можешь убить, но всех сразу? Нет, довольствуйся тем трофеем, который ты видишь перед собой. Кореллон - гораздо больший приз, чем все, что ты завоевал сегодня".

Малар кивнул в сторону подножия горы, где празднование орков достигло, судя по звукам, смертельного исступления. "Богу нужны поклонники".

"И ты их получишь", - сказала Арошни, уверенная, что наконец-то знает, какая приманка заманит Малара в ее сети. "Орки ценят силу: Это племя пойдет за тобой, потому что ты победил их бога. Сколько еще орков вольется в их ряды, когда они узнают, что ты преуспел там, где не смог Груумш Одноглазый?"

"Этот эльф ослепил Груумша?" - спросил Повелитель зверей, в его голос закралась осторожность, когда он с уважением посмотрел на образ Кореллона. Малар слишком хорошо знал, что Груумш, Первая Сила орков, был силой, с которой приходилось считаться.

"Еще один признак слабости Кореллона", - поспешно сказала Арошни. "Он должен был убить орка, когда у него была такая возможность. Я бы убила. Или, по крайней мере, я бы его оседлала!"

Охотник негромко захихикал. "Я не унижаю свою добычу, а уничтожаю ее. Твои пути - не мои, эльфийка, но я не могу отрицать привлекательности нарисованной тобой картины. Груумш на коне! Я не утонченный бог, но даже я могу оценить иронию!"

Арошни воспользовался моментом мрачного товарищества. "Тогда иди, уничтожь и возьми свой трофей. И когда это будет сделано, ты получишь то, чего желаешь больше всего", - сказала она голосом, в котором звучали шелк и соблазн.

"Что именно?"

"Добыча - добыча, которая соблазнит лучших охотников этого мира и принесет тебе много новых последователей. Эльфы", - сказала она, наконец, по буквам. "Когда я буду править в Арвандоре, я пошлю племена эльфов в этот мир. Орки будут охотиться на них, и при этом они будут следовать за Маларом, величайшим из всех охотников на эльфов".

"Эльфы!" Малар фыркнул. "Здесь уже есть эльфы. Плетение сильно: Где есть магия, там всегда есть эльфы".

Богиня быстро скрыла свое удивление. Она не почувствовала присутствия эльфов в этом мире, что легко мог сделать любой член Селдарина. Возможно, она

была слишком поглощена своими поисками, чтобы обратить внимание на их присутствие.

"Но эльфов здесь мало, и они не имеют реальной силы", - сказала она, надеясь, что это действительно так. "Я пошлю целые кланы. Эльфов, которые построят города и создадут волшебное оружие. Ваши примитивные орки придут к тебе в надежде захватить такие призывы. Ты станешь великой силой - богом всех тех, кто ненавидит и охотится на детей Кореллона!"

Наконец Повелитель зверей кивнул. "Я иду", - просто сказал он, а затем прыгнул в сияющий шар.

Видение, которое наколдовала Арошни, рассеялось со слабым треском. Когда оно исчезло, исчез и Мастер охоты.

В горле Арошни зародилась торжествующая усмешка. Ее смех становился все глубже, сотрясая ее плоский живот, и все мощнее раскатывался над горами. Он звучал все громче и громче, становясь все более жутким, пока, казалось, не слился с воплями ветра.

А в долине внизу свирепые орки приостановили свою оргию резни и празднеств, чтобы прислушаться к нечестивому звуку. Впервые за этот день они познали настоящий страх.

* * * * *

Долгая ночь битвы была уже воспоминанием, и утренний солнечный свет, проникавший сквозь полог леса, приносил тепло и силу измученному лорду эльфов. Кореллон был почти дома - он чувствовал изменения в воздухе, ощущал силу в земле под своими ногами. Он уже чувствовал, как через него течет магия Арвандора. Он ускорил шаг: битва с Груумшем закончилась, но она породила множество вопросов, которые требовали разрешения.

Из кустов алого сумаха позади него донеслось низкое звериное рычание. Кореллон застыл на месте, вдвойне испугавшись. Он не слышал приближения животного и не знал ни одного врага в лесу. Он настороженно повернулся на звук, положив руку на рукоять меча, как раз в тот момент, когда листва, казалось, взорвалась от силы бегущего человека.

Чудовищное, покрытое мехом существо прыгнуло на него, широко раскинув руки и изогнув когти в хватательные крючья. Кореллон нанес удар, рассекая одну из кожистых ладоней существа. Прежде чем зверюга успела среагировать, эльф ускорился прочь.

"Малар!" - сурово позвал он, ибо знал о Зверолорде - хотя и ничего хорошего. "Как ты смеешь охотиться в эльфийском лесу?"

"Я охочусь, где хочу, - прорычал бог, - и на кого хочу".

Сказав это, Малар опустил голову и набросился на повелителя эльфов, словно олень. При его приближении из его головы вырвались рога, каждый из которых мгновенно разветвился на множество смертоносных, похожих на чернила наконечников.

Кореллон устоял на ногах. Крепко держа меч обеими руками, он уперся в рога. Мгновенно он повернулся так, что оказался спиной к Малару, затем быстро наклонился вперед, со всей силы ударяя своим спутанным мечом вперед и вниз.

Невероятная скорость маневра эльфа в сочетании с импульсом от удара Малара подбросила Повелителя зверей вверх и перевернула гораздо более мелкого эльфа. Он приземлился на спину, достаточно сильно, чтобы отскочить и даже проскочить вперед на шаг или два. Кореллон проворно прыгнул вперед. Ногой он прижал одно из предплечий Малара к земле, а острие меча прижал к горлу черношерстного.

Уступи", - потребовал лорд эльфов. "Сделай это, и ты покинешь это место невредимым".

Малар издал вызывающее рычание. Свободной рукой он нанес мощный удар по ногам эльфа. Клинок Кореллона метнулся вперед, чтобы парировать удар. Он отбил руку в сторону и для верности отрубил пару ногтей бога. Быстро Кореллон изменил направление своего удара, нанося ответный удар по горлу Повелителя зверей.

Но Малар просто исчез.

Острие меча Кореллона вонзилось в примятую траву и прочертило глубокую борозду в земле под ним. На кратчайшее мгновение Кореллон пошатнулся, потеряв равновесие. Не успел он встать на ноги, как удар сзади отправил его в полет. По лесу разнесся низкий, гулкий смех, когда проворный эльф-лорд увернулся и перекатился.

Кореллон был в ярости. Одно дело, когда Груумш бросил ему вызов на его родной земле: Груумш был Первой Силой его пантеона, могущественным богом и достойным, пусть и коварным, противником. Малар же был второстепенным богом, который искал поклонников среди сотни миров и стольких же рас хищных существ. То, что такой бог бросил вызов Кореллону, было выше всяких оскорблений.

Эльф поднялся и закружился, держа меч в руке. В воздухе перед ним висела огромная, раздвоенная конечность, похожая на переднюю лапу титанической пантеры. Когти были бархатистыми; Малар бился о Кореллона, как злобный котенок, играющий с мышью.

Кулак Кореллона сжался вокруг рукояти его меча. Огни внутри Сахандриана засверкали и заискрились в такт гневу владельца меча.

Кореллон стремительно бросился на своего странного врага. Его меч вихрился, кружился и вращался, прочерчивая глубокие линии на кошачьей конечности и отправляя в полет пучки черного меха. Смех Малара вскоре перешел в рычание гнева и боли. В ответ когти пантеры метали и резали, но ни разу не задели эльфийского бога. Кореллон танцевал вокруг Конечности Малара, дразня, предлагая проход там, где его не было, заманивая Повелителя зверей на новую атаку, а затем еще на одну - и каждый раз нанося быстрые и ужасные ответные удары.

Ярость Малара, его непреодолимый инстинкт убийства заставляли его сражаться все дальше и дальше, пока его пантерный мех не стал липким от крови, шкура не порвалась, обнажив сухожилия и даже кости. Прошло много долгих мгновений, прежде чем до Повелителя зверей дошло, что его тактика продиктована скорее жаждой крови, чем разумной стратегией. И снова бог изменил форму. Как саван абсолютной черноты, он окутал своего эльфийского врага.

Кореллон застыл на полпути. Не потому, что его испугала внезапно наступившая вокруг полутьма - он знал о проявлениях Малара и ожидал этого, - но

из-за удушающего ощущения зла в окружавших его миазмах. Кореллон инстинктивно бросился в сторону; облако, которое было Маларом, просто двинулось за ним. Глубокий, рычащий смех раздался сквозь черноту, усиливая удушающую пелену зла.

Жуткое красное сияние упало на лорда эльфов. Кореллон посмотрел в огромные красные глаза, парящие на вершине облака. Не раздумывая, лорд эльфов поднял меч высоко над головой и со всей силы метнул его вверх. Сахандриан дважды перевернулся через край, образовав спираль чистого света, которая пронзила всепроникающее зло. Острие меча вонзилось глубоко между багровыми глазами Малара.

С ревом страдания и ярости, от которого задрожали окружающие деревья, Малар исчез.

Кореллон моргнул от внезапной яркости и уклонился от воя, возвестившего о триумфальном спуске Сахандриана. Меч вонзился острием вниз в землю перед ним.

Пока эльф-лорд вытирал меч от крови, ихора и налипшей земли, он думал о битвах, которые выиграл. Груумш был тяжело и надолго ранен, Малар полностью побежден и изгнан - по крайней мере, на время. Это были подвиги, которые будут вспоминать в песнях и вплетать в ткань тысячи легенд.

Но Кореллон не находил в этих победах ни гордости, ни радости. Давило на него предчувствие, что на самом деле он завоевал в этот день не славу, а новых смертельных врагов для своих братьев и сестер-богов и их эльфийских детей.

3. Темный Гобелен

Арошни стремительно возвращалась в сердце Арвандора, в лесной дом, который разделял с ее детьми Кореллон Ларетиан. Хотя она и возвращалась домой, богиня была не в лучшем расположении духа.

Она наблюдала за битвой между Маларом и Кореллоном через другой из своих магических шаров. За один день два ее избранных агента не смогли справиться с эльфийским богом. И снова Кореллон невольно заблокировал ее продвижение к законному месту во главе эльфийского пантеона.

Как ни была она недовольна, Арошни почувствовала некоторое облегчение, как только сбросила одолженное у охотника одеяние и облачилась в пленочный халат и изящные туфельки, сделанные ее собственными руками из тончайшего паучьего шелка. Она без стука вошла в личные покои дочери и сбросила на пол одолженное снаряжение.

Эйлистри была дома - редкий случай - и готовилась к какому-то лесному празднику. Она подняла взгляд от сапог, которые зашнуровывала, явно напуганная вторжением. Ее серебряные глаза переместились с разбросанных вещей на лицо матери, затем потеплели от радости и возбуждения.

"О, мама! Ты была на охоте! Почему ты не сказала мне, что хочешь пойти? Мы могли бы пойти вместе и повеселиться от души!"

"Действительно, могли бы", - размышляла Арошни вслух, перебирая в уме возможные варианты. Ей нужны были союзники, и было бы неразумно упускать из виду тех, кто был ближе всего.

Конечно, Эйлистри не была бы ее первым выбором. Девушка была подвержена зыбким настроениям и обладала неуверенным нравом. В один момент она была беззаботным ребенком, танцующим, как лунный луч, или бегущим по лесу, как серебряный волк; в другой момент она была то соблазнительной, как сирена, то серьезной, как дварфийский бог. Что ж, девочка была в том возрасте, когда такие перепады были обычным делом, заметила Арошни, наблюдая за дочерью. Эйлистри уже не была ребенком, и она была слишком красива, чтобы устраивать Арошни, которой не нравилось соперничество с кем бы то ни было. Юная богиня унаследовала лицо своей матери, но ее волосы и глаза были серебристого оттенка, который всегда вызывал в памяти Арошни ее ненавистную соперницу, Сеханин Лунную Радугу. Эйлистри была очень высокой, что еще больше раздражало ее изящную мать, но Арошни должна была восхищаться силой и грацией длинных конечностей своей дочери. Никто в Селдарине не мог обогнать Темную Деву, и мало кто мог сравниться с ней в мастерстве владения луком.

Да, в Эйлистри есть определенные возможности, - лукаво заключила Арошни. Она сомневалась, что девушку можно склонить к открытому выступлению против Кореллона, ведь Эйлистри обожала своего отца. Но она была молода, и ее наивность можно было превратить в мощное оружие против повелителя эльфов. И хотя Арошни нужны были союзники, ей также требовались козлы отпущения. Так или иначе, Эйлистри послужит.

Богиня обняла дочь за талию. "Ты права, моя маленькая воронушка", - сказала она с редкой теплотой. "Нам давно пора поохотиться вместе. У меня есть план. Послушай и скажи мне, если тебе это понравится".

* * * * *

Дни на Олимпе длинные, дольше, чем годы в некоторых мирах, но Арошни они показались слишком короткими. Утро прошло в суматохе. Сначала она бродила по лесу с Эйлистри, изучая навыки и привычки дочери и придумывая, как обратить эти знания против нее.

Другой ее ребенок, сын Ваэрон, тоже должен был сыграть свою роль, и Арошни потратила не мало времени, чтобы обучить его этой роли. Это оказалось непростой задачей, учитывая, что весь Селдарин праздновал двойную победу Кореллона Ларетиана. Избежать нескольких десятков празднующих эльфийских божеств даже в таком огромном месте, как Арвандор, оказалось делом нелегким. Нелегко было и удержать внимание Ваэрона: Многие юные богини, а также одна или две из старших сил упрашивали красивого молодого бога присоединиться к веселью.

В час солнцестояния Арошни наконец оставила Ваэрона наедине с его весельем. Она разыскала Кореллона, ибо он мог бы удивиться, если бы она этого не сделала, и провела самые светлые часы дня в беседах и развлечениях. Но время, проведенное в присутствии повелителя эльфов, тяготило ее. Роль любящей супруги никогда прежде не была Арошни в тягость, но многое еще не было сделано, и ей было трудно

говорить сладкие речи и рассказывать остроумные истории, пока в голове у нее крутились детали заговора. Наконец ей удалось ускользнуть, со смехом заявив, что она пожадничала, отняв у него так много времени, - при этом она ненавязчиво напомнила ему, что другие ждут, чтобы отпраздновать вместе с ним. Это была сильная уловка, ибо все эльфы, кроме, пожалуй, самой Арошни, превыше всего ценили общество своих сестер и братьев-богов. Ей всегда хотелось куда-то идти, а дела лучше всего совершать, когда нет глаз, чтобы наблюдать за ними.

Боги Селдарина редко выезжали из Арвандора, разве что для того, чтобы удовлетворить нужды и взрастить искусство своих эльфийских детей. Но в этот долгий день Арошни побывала во многих странных и страшных местах, ища воинов для битвы, которая должна была произойти слишком скоро. Эльфы были древним народом, почти таким же древним, как и боги, от которых они произошли, и многие существа завидовали и ненавидели их. Богам всех этих народов - орков и огров, гоблиноподобных, хобгоблинов, жукомедведей, злых драконов, существ неба и глубоких морей, даже существ из стихий - Арошни несла свои семена войны. Она не являлась сама, ибо путешествовать в эльфийском облике означало бы обречь себя на мгновенную смерть или, по меньшей мере, почти гарантировать, что Селдарин в конце концов раскроет ее заговор. Для этого дня Арошни приняла новую смертоносную форму, подходящую для ее талантов, но такую, которую могли бы оценить боги и обитатели тьмы.

Солнце садилось за эльфийский лес, когда Арошни вернулась на Олимп, довольная своими трудами. Однако ее удовлетворение исчезло, когда она обнаружила, что в ее собственном доме ее ждет гость.

Полупрозрачная фигура Сеханин Лунной Радуги расхаживала по прихожей в сильном волнении. Она остановилась, когда вошла Арошни, и ткнула пальцем в сторону темной богини.

"Я называю тебя, Араушни, предательница Селдарина, участница заговора с орками и прочими худшими", - провозгласила она своим серебристым голосом.

В сознание Арошни прокралась ниточка беспокойства. Что знала лунная богиня? И, что еще важнее, Сеханин просто высказала подозрения, вызванные ревностью, или у нее есть веские доказательства вероломства Арошни?

Она сложила руки и посмотрела на тeneвую богиню. "Это серьезное обвинение", - холодно сказала она. "И опасное, учитывая, что ты, скажем так, не совсем в себе?"

Богиня лунной магии проигнорировала угрозу. Из складок своего платья она извлекла знакомый предмет - мягкие ножны, сделанные из тончайшего шелка и украшенные блестящими цветными нитями. На них был нарисован замысловатый гобелен, изображавший богов за игрой в их эльфийском лесу. Несравненный образец искусства ткача, картина была испещрена рунами защиты и охраны, какие могут быть только у эльфийской богини. Сердце Арошни болезненно забилося, когда она узнала зачарованные ножны.

"Это твоя работа, не так ли? Никто другой во всем Арвандоре не смог бы создать столь дивное плетение", - сказала Сеханин, не думая о лести.

Арошни откинула голову назад. "Это делает меня художником, а не предателем. Если ты хочешь сказать что-то еще, говори быстро, а потом уходи".

"Когда ты соткала этот гобелен? Когда была высвобождена магия этих рун?"

Темная богиня нахмурила брови, обдумывая странные вопросы. Руны и начертания были похожи на те, что давали защиту от нападения. Кореллон, конечно же, сражался с Груумшем всю предыдущую ночь. И если подумать, Арошни проделала большую часть работы в прохладные часы после полуночи, когда ярко светила луна...

Ее алые глаза расширились, когда пришло понимание. Она работала, когда ярко светила луна и когда сила Сеханин была на пике.

"Ты чувствовала, что магия в гобелене неправильная. Ты знала это - конечно, знала, ибо, клянусь, сам лунный свет доносит до тебя секреты живущих в ночи, - но ты позволила своему господину идти в бой, надев жетон, который обрек его на поражение. Если я предатель, то и ты тоже!"

Сеханин покачала головой. "Я почувствовала твою враждебность, это правда, но я думала, что это касается только меня. Только когда нападение Груумша развязало твоё проклятие, я поняла. Перед восходом луны, когда я была слишком слаба, чтобы действовать, орк разбил меч моего лорда и тяжело ранил его".

"А ты, сука, вмешивающаяся в чужие дела, просто обязана была подбирать осколки", - гневно сказала Арошни. "Ты забрала у него ножны, не так ли?"

"Если бы я этого не сделала, был бы он сейчас в безопасности в Арвандоре?"

Арошни шипела от ярости и разочарования. Богиня лунного света была также богиней тайн. Похоже, она умела разгадывать их не хуже, чем создавать. И Сеханин была могущественна - гораздо могущественнее Арошни. Точнее, она становилась такой, когда луна была высоко. Даже сейчас, когда закат еще окрашивал небо над Арвандором, стеклянная форма Сеханин быстро обретала суть и силу. Арошни требовалось действовать немедленно, иначе все было бы потеряно.

Вскинув обе руки, темная богиня вложила всю силу своего гнева и ревности в магию, которая полилась с кончиков ее пальцев. Злобная сила шелковистыми нитями оплела лунную богиню. Мгновенно Сеханин оказалась опутанной паутиной, куда более прочной, чем та, что остановила натиск могучего Груумша Одноглазого.

Но Арошни этого было мало. Ее ярость вызвала миниатюрную бурю, ветер завывал и метался по стенам зала, пока не образовал клубящееся облако. Вихрь подхватил сопротивляющуюся лунную богиню и швырнул ее в самое сердце маленького водоворота.

Это было именно то, что было нужно Арошни. Она снова подняла руки, и снова нити магии устремились к ее сопернице. Ветер подхватил их, закружил, плотно обернул вокруг Сеханин, пока богиня не оказалась в плотном коконе, как не пробудившаяся бабочка.

Удовлетворившись этим, Арошни отпустила бурю. Улыбка искривила ее губы, когда она смотрела на плененную богиню. Сеханин была хорошо видна сквозь слои плетеной магии, но она не могла ни двигаться, ни говорить. Из предосторожности Арошни послала в разум богини безмолвное злорадное оскорбление. Это было все равно что говорить с камнем - даже общение разума с разумом, разделяемое членами эльфийского пантеона, не могло проникнуть сквозь эту паутину магии. Захват Сеханин был завершен. Но, к сожалению, он был временным. Восход Луны наделит Сеханин силой, намного превосходящей все, чем могла бы повелевать Арошни.

Темная богиня послала еще один безмолвный призыв - тот, что обращался исключительно к разуму Ваэрона и в выражениях, не оставляющих места для споров, говорил ему, что он должен прекратить все, что делает, и поспешить домой.

В удивительно короткий срок (ведь Арошни предупредила, что может случиться, если он будет медлить) молодой бог ворвался в зал. Его глаза расширились, когда он посмотрел на Лунную Богиню и задумался о том, какую цену они могут заплатить за нападение на одно из самых могущественных эльфийских божеств.

"Мама, что ты наделала?" - сказал он в большом смятении.

"Ничего не поделаешь. Она знает - по крайней мере, подозревает, - что ножны, которые я соткала для Кореллона, украли магию его меча. Но, будучи благородной сестрой, - усмехнулась Арошни, - она пришла, чтобы высказать мне свои подозрения, прежде чем отправиться в Совет Селдарина. Единственный способ попасть туда сейчас - это упасть на землю и скользить, как змея. Я бы почти приветствовала вторжение Совета в мои дела ради удовольствия наблюдать такое!"

Ваэрон пристально вглядывался в магическую паутину, связывавшую Сеханин. "Она продержится, по крайней мере, до окончания битвы?"

"Нет", - признала Арошни. "Она бы вообще не выдержала, если бы не была такой дурой, что пришла ко мне - ко мне, своей злейшей сопернице, - когда ее сила была почти на нуле. Но луна скоро взойдет. Ты должен отвести ее туда, где нет лунного света, и проследить, чтобы она оставалась там, пока не закончится битва".

"И что потом?" - возразил он тоном, напоминающим усмешку его матери. "Как ты можешь надеяться править, когда тебе противостоит богиня с силой Сеханин? Ты должна убить ее сейчас, когда она еще беспомощна".

Рука Арошни метнулась вперед и нанесла звонкую пощечину по лицу сына. "Не смей спрашивать меня", - сказала она голосом, в котором кипела ярость. "Если ты настолько невежественен, что считаешь, будто один бог может легко убить другого, то, возможно, я ошиблась, сделав тебя своим доверенным лицом и партнером!"

"А как же Херне?" - наседал Ваэрон, желая спасти хоть что-то из своего достоинства, даже если это означало лишь победу в небольшом споре. "Ты сказала мне, что его убил Малар. И если уж на то пошло, зачем тебе понадобилось настраивать Груумша и Малара против Кореллона, если ни у того, ни у другого не было надежды на успех?"

"Не будь глупее, чем нужно", - огрызнулась богиня. "Одно дело - уничтожить бога из другого места и другого пантеона - даже среди богов есть охотники и преследуемые; хищники и жертвы. Но убить члена собственного пантеона - совсем другое дело. Если бы это было так просто, разве я бы уже не правила Арвандором?"

Молодой бог несколько мгновений смотрел на свою мать, его глаза были задумчивы, а кончики пальцев осторожно поглаживали его побаливающую щеку. "Если все так, как ты говоришь, - медленно произнес он, - то, возможно, тебе стоит покинуть Селдарин".

"Разве ты не слышал ни слова из того, что я сказала за этот день? Я хочу править Селдарином!"

"Тогда делай это путем завоеваний, а не интриг, - предложил Ваэрон, - ты собираешь армию, чтобы исполнить свою волю. Покинь Селдарин и встань во главе

этой армии лично! Представь Арошни во главе могучей армии, как лидера антисельдаринцев!" - заключил он, его голос звенел от драматизма и гордости того, кто восхищается собственными видениями.

Арошни на мгновение уставилась на него, затем в отчаянии покачала головой. "Как я родила двух таких идиотов? Думай, мальчик! Перечисли в уме великих и славных генералов, которых я взяла на службу!"

Она замолчала на мгновение, позволяя именам врагов Селдаринов повиснуть в воздухе между ними. Там был Маглубиет, предводитель богов гоблинподобных. Храгек, который вел жукомедведей на охоту и в бой. Кёртолмак, глава пантеона кобольдов - Арошни до сих пор поражало, что у кобольдов есть пантеон. По любым меркам эльфийского рода, эти боги были невыразительными противниками. Некоторые из других богов, принявших участие в предстоящей битве, были гораздо могущественнее этих, и список можно продолжать до бесконечности - но армия, которая получилась в результате, была гораздо меньше, чем сумма ее частей. Многие из них были врагами или, в лучшем случае, относились друг к другу с презрением. Это был нестабильный союз, и слишком много гнева и энергии богов было потрачено друг на друга. Если Ваэрон слишком глуп, чтобы понять это, Арошни лучше сразу же избавиться от него.

К ее облегчению, на лице молодого бога появилось выражение неуверенности, пока он размышлял об их союзниках. "Эта армия - она способна победить?"

"Конечно, нет", - безапелляционно заявила богиня. "Но эти боги достаточно сильны и многочисленны, чтобы нанести значительный ущерб. И самое главное, это армия, которую никто в Арвандоре не воспримет иначе, чем коалицию эльфийских врагов. Селдарины одержат победу, но битва будет долгой, и потери будут с обеих сторон. Мы с тобой позаботимся о том, чтобы одной из них стал Кореллон Ларетиан".

"Наше горе, конечно, будет душераздирающим", - добавил Ваэрон с лукавой усмешкой.

"Естественно. И все боги Селдарина, ошеломленные потерей их любимого Кореллона, сплотятся вокруг его супруги и ее героического сына. Как только мы получим эту высшую власть, покончить с Сеханином будет пустяковым делом". Она бросила боковой, меряющий взгляд на молодого бога. "Ты все еще готов пойти на это?"

Когда Кореллон посмотрел на нее безучастно, она заметила: "В конце концов, он твой отец".

"А он - твой муж-лорд. Если есть разница, пожалуйста, объясни мне ее. В противном случае мы скажем, что я твой сын, и оставим этот вопрос как решенный", - сказал Кореллон. Его слова были грубыми, а последствия - суровыми; инстинктивно он приготовился к очередному проявлению вспыльчивости своей матери.

К его удивлению, она радостно рассмеялась. "Ты действительно мой сын. Твоя роль в этом деле будет выполнена хорошо, в этом я почти не сомневаюсь. Я также не сомневаюсь в твоём желании править вместе со мной, когда все закончится. Иди сейчас, избавься от Сеханина, а затем возвращайся как можно скорее. Времени мало.

Мне нужно, чтобы ты отнес эти ножны в Болото, чтобы Эйлистри смогла "найти" их этой ночью. Битва начнется с приходом нового света".

Она сдержала улыбку, когда Ваэрон поцеловал ее в щеку, и не сдержала ее, когда он применил малую магию, уменьшившую богиню луны до приемлемых размеров, а затем перенес ее через только что созданный портал; магические врата сверкали, как черный опал.

Возможно, размышляла Арошни, портал вел в мир смертных, где солнечные дни длились почти так же долго, как на Олимпе, возможно, в глубоко зарытый склеп, где Сеханин могла лежать, беспомощная и лишенная лунного света, до тех пор, пока не закончится битва за Арвандор. Арошни не знала, но она верила, что Ваэрон придумает подходящее изгнание для ее соперника. В конце концов, он был ее сыном.

И поскольку Ваэрон действительно был ее сыном, улыбка Арошни сменилась беспокойством, как только его не стало видно. Ей с пугающей ясностью пришло в голову, что тот, кто с такой готовностью предал своего отца, скорее всего, обратится против матери, с которой он теперь замышляет.

Впервые Арошни осознала, насколько она действительно одинока на выбранном ею пути. Вместе с этим осознанием пришло сожаление. Но это чувство не заставило себя ждать, а когда оно прошло, вместе с ним ушло и нечто другое - часть сердца Арошни, которая медленно умирала, незамеченная и неоплаканная. Тонкая нить магии, связывавшая ее с другими богами Селдарина и их эльфийскими детьми, наконец оборвалась. Кем бы ни стала Арошни, она больше не была истинной эльфийкой.

Так тому и быть, подумала богиня. Она все равно останется неоспоримой королевой Арвандора, несмотря ни на что.

А если этого не произойдет, с внезапной ясностью осознала Арошни, то ей придется искать место, где она сможет править. Она была такой, какой была, и другого пути для нее уже не существовало.

4. Деревья Арвандора

В долгий, тихий час перед рассветом боги антиселдаринской коалиции пробирались через лес, окружавший Арвандор. Их путь был беспрепятственным. Игривые иллюзии, сбивавшие прохожих с пути, затихли; магические щиты были опущены. Даже часовые леса замолчали. Деревья погрузились в зачарованную дрему, затихли птицы.

Неподалеку, в лесной чаще, куда она каждый день приходила встречать рассвет музыкой и танцами, богиня Эйлистри с недоумением заметила тишину. В этот час птицы должны были петь свои утренние призывы солнцу и оленям, пасущимся на еще влажных травах.

Она отложила не наигранную флейту и сняла с плеча лук. Хотя в этом лесу она никогда не встречалась с опасностью, она чувствовала, что что-то не так. В воздухе было что-то не так - неосязаемые миазмы, настолько сильные, что почти

напоминали запах. Инстинктивно Эйлистри подняла голову к ветру и принялась, как волк.

Запах был очень знакомый молодой богине. Хотя некоторые из эльфийских богов ненавидели смерть любого лесного существа, некоторые из них, как Эйлистри, жили в согласии с путями природы. Время от времени она охотилась, как охотится ястреб или волк. Она охотилась, потому что была частью леса, и потому что лесные эльфы из сотен миров, которых она считала своими подопечными среди эльфийских детей Кореллона, охотились ради пропитания. Много раз ее невидимая рука направляла прицел эльфийского лучника, или ее шаги указывали след поджидающей добычи. Эйлистри хорошо знала запах крови.

Она поспешила навстречу запаху, который становился все сильнее и сильнее, все сложнее и сложнее, пока не стал угрожать перехватить дыхание и скрутить желудок. Другие запахи смешивались с кровью и витали в сыром утреннем воздухе: затхлая вонь существ, которых Эйлистри никогда не видела, и слабый, тягучий аромат ужаса.

Через несколько мгновений юная богиня стояла над разбросанными останками самых нежных существ леса. В глазах, блестящих от непролитых слез, она разглядела тела лани и двух ее новорожденных оленят. Судя по всему, все три оленя умирали медленно. На рыжевато-коричневых шкурах было множество мелких злобных ран. Большинство из них были проколами, как от удара мечом или копьем, но были и следы работы когтей и зубов. Но это не дело рук животного, в этом Эйлистри была уверена. Ни одно животное в лесу не станет убивать, разве что ради еды. Эта бессмысленная резня была чем-то совершенно иным, чем-то ужасным, что она не могла себе представить. Кто бы это ни сделал, он убивал просто ради удовольствия.

Внезапно Эйлистри поняла, как назвать миазмы, висевшие в лесном воздухе, словно туман. С этим она никогда не сталкивалась, но узнала, что это такое: среди деревьев Арвандора гуляло зло.

Богиня отвернулась от мрачного места, ее серебряные глаза сканировали истоптанную, пропитанную кровью листву. Она выследит того, кто это сделал, а затем предаст его суду Совета Селдаринов. След убийцы будет легко проследить: ноги, сделавшие его, были небрежны и неуклюжи. Но прежде чем начать, она возвысила голос, как ворон. Олени были частью круга природы, и, призвав воронов, она, по крайней мере, придаст их смерти хоть какое-то значение.

Эйлистри не успела далеко уйти, как поняла, что это конкретное зло ходит не в одних сапогах. Одно существо убило оленя, но его путь вскоре сошелся с путем другого. И вскоре после этого пара следов была поглощена широкой полосой примятой и вытопанной листвы.

Молодая охотница опустилась на одно колено, чтобы изучить след. Многие прошли мимо, слишком многие, чтобы она могла различить отдельные следы. Испугавшись, она прижала ухо к земле. Звук, донесшийся до нее, был похож на раскаты далекого грома.

Девушка вскочила на ноги и проворно вскарабкалась на древний дуб. С этого дерева она перебралась на другое, потом еще на одно, следя за захватчиками сверху. Глаза у нее были зоркие, и среди деревьев она двигалась почти так же быстро, как на земле. Вскоре захватчики оказались в поле ее зрения.

Их было сотня, возможно, больше, и все они были богами. Эйлистри не могла назвать имена многих из них, но некоторых узнала: громоздкое рыжее существо было Храгек, богом жукомедведей; божество гоблиноидов было тем, чье имя она слышала, но не могла вспомнить. Их возглавлял хромой, покрытый боевыми шрамами Малар, который был так изранен, что, казалось, его гнала вперед только злоба. Все они были вооружены куда лучше, чем требуется для охоты, и с мрачной решимостью шли по прямому пути в Арвандор.

Как это было возможно, Эйлистри не знала - путь в Арвандор был известен только эльфам и другим лесным жителям. Она также не могла сказать, как получилось, что эта разношерстная армия протопала через лес, рыча, толкаясь и пихая друг друга, не издав ни единого звука, возвещающего о их приближении.

Юная богиня отчаянно желала лунного света, ведь Сеханин показала ей, как перемещаться по нитям этой магии с помощью одной лишь мысли. Сама Эйлистри не отличалась особой магией, и сосредотачивалась она в основном на простых вещах: знании трав и врачевании, особом общении с лесными существами, любви к музыке и танцам. Ничто из этого не могло пригодиться сейчас, кроме, пожалуй, ее умения охотиться.

Богиня испытывала искушение послать на армию небольшой шквал стрел. У нее был колчан, полный прекрасных стрел, и непревзойденная меткость. Несомненно, она могла бы сразить десяток или больше, прежде чем им удалось бы стащить ее с возвышения.

Но что потом? И что станет с другими эльфийскими богами, когда эта армия нагрянет на них без предупреждения? С трудом Эйлистри удержалась на ногах. Она была дочерью Кореллона Ларетиана, и первым ее долгом был эльфийский пантеон.

Решительно сжав челюсти, Эйлистри легко пронеслась сквозь кроны деревьев, чтобы выполнить долг. И все же в ее сердце жила гордость за то, что именно она подняла тревогу. А еще ее подстегивала надежда, что Кореллон, лучший эльфийский воин, вознаградит ее усердие, предоставив ей место рядом с собой во время грядущей битвы.

Она была уверена, что он так и сделает, и не только за ее зоркий глаз и быстрый доклад. Эйлистри провела большую часть предыдущей ночи, разыскивая на болоте потерянные ножны своего отца. Кореллон очень дорожил ими, потому что Арошни сделала их, и он всегда носил их в бою как знак своей возлюбленной. Эйлистри с тоской подумала, не полюбит ли он ее еще больше, когда она вернет ему такое сокровище.

И вот, несмотря на опасность, мрачно надвигающуюся на ее лесной дом, настроение Эйлистри было светлым от надежды и воодушевления.

* * * * *

Боги Селдарина быстро собрались, чтобы встретить приближающуюся угрозу. Из сотни миров и со всех уголков священного эльфийского леса прибыли они, а вместе с ними и боги других фей: пикси, спрайты - даже боги древнего Двора фей облачились в доспехи для битвы. Пришли и божества лесного народа: бессмертные единороги, кентавры и дикоглазые фавны шли рядом с эльфами. Все силы

Арвандора объединились в необыкновенном единстве против угрозы. Они собрались, надежно укрытые магической завесой Арвандора, и ждали приказа Кореллона Ларетиана атаковать.

Первой нанесла удар Аэрдри Фэйниа, богиня воздуха. При ее появлении антисельдаринские войска резко остановились; они с открытым ртом уставились на стоящее перед ними явление. С головы до пояса Аэрдри казалась прекрасной эльфийской женщиной с бледно-голубой кожей, струящимися белыми волосами и пернатыми крыльями цвета летних облаков. Она передвигалась не на ногах, а в облаке клубящегося тумана, причем с такой неземной грацией и скоростью, какой никто из них никогда не видел. Потрясенным захватчикам показалось, что само небо внезапно опустилось и приняло эльфийский облик.

Но Аэрдри оказалась не такой хрупкой, как выглядела. Из ее протянутой руки вырывались шквальные ветры и яростные разряды молний, которые заставляли атакующую армию пятиться назад, судорожно хватаясь за хлещущие ветви в поисках опоры. На короткое время показалось, что захватчиков можно выбить из леса одним лишь гневом Аэрдри.

Но другие боги жаждали испытать свою силу против эльфов. С севера, словно боевая колесница, пронесся ледяной ветер, который нес на себе богиню Аурил. Вслед за ней пришли зимние бури, по сравнению с которыми самые страшные атаки Аэрдри казались нежными зефирами. Там, где проходила Аурил, деревья дрожали, а их листья становились жесткими и сворачивались внутрь, словно ища тепла, затаившегося в лесу.

Отчаявшись защитить эльфийский лес от убийственных морозов Аурил, Аэрдри расправила крылья и поднялась высоко над деревьями Арвандора, а затем пригнулась и налетела на вторгшуюся богиню, словно падающий сокол. Две богини ветра и погоды встретились в столкновении молний и грохоте грома, который потряс сорванные листья с деревьев вниз.

Схватившись в воздухе, как пара пантер, богини стремительно понеслись прочь в водовороте своей собственной битвы. Вскоре от них не осталось ничего, кроме клубящихся облаков густо-фиолетового и ярко-белого цвета в далеком небе и вспышек молний, которые они бросали друг в друга как оскорбления.

Антисельдаринская орда, внезапно освободившись от невидимых оков ветров Аэрдри, сплотилась и пошла в наступление. К ужасу эльфийских богов, они легко прошли сквозь стену защитной магии Арвандора. Их темп ускорился до стремительного, когда они сократили расстояние между собой и изумленными эльфийскими защитниками.

Наблюдая за этим осквернением священного леса, Кореллон Ларетиан вспомнил слова Сеханин о своем мече: Сахандриан был уничтожен благодаря предательству эльфов. Было ясно, что богиня сказала правду и что тот же предатель действует и сейчас. Только эльфийский бог мог изменить магию, защищавшую Арвандор. Этот же предатель, мрачно подумал Кореллон, скорее всего, был среди эльфов, стоявших вместе с ним.

Но кто это был? Сеханин знала или, по крайней мере, подозревала, но ее нигде не было. Оставалось только сражаться, и он должен был сделать это, не зная имени своего самого опасного врага. А может быть, подумал он с внезапным ужасом,

предательницей была сама Сеханин? Она была свидетелем его близкого поражения от руки Груумша, она дала ему меч, чтобы он продолжал сражаться, а не бежал в Арвандор. И, как он уже заметил, она не стояла среди войск Арвандора.

Кореллон сделал длинный, спокойный вдох и перевел взгляд на врага, которого мог видеть. Повелитель эльфов высоко поднял Сахандриан. "За Арвандор", - крикнул он, возглавляя атаку на наступающую толпу.

Эльфийские боги и их когорты последовали за Кореллоном. Но почетное место рядом с ним заняла его стремительная и прекрасная дочь. Он гордился Эйлистри за то, что она предупредила эльфов, и радовался, что она догадалась поискать в Болоте знак Арошни. Теперь он носил чудесные ножны и утешался тем, что его любимый Арошни находится в относительной безопасности, творит магию вместе с другими богами, чьи силы были скорее мистическими, чем военными.

Кореллон бросил взгляд через плечо. Арошни стояла несколько в стороне от других богов магии, раскинув руки, а ее багровые глаза были полны силы. Их сын, Ваэрон, стоял на страже своей матери, пока она произносила заклинания.

А потом захватчики обрушились на эльфийских богов, и времени на раздумья больше не было. Кореллон рубился, кружился и танцевал, его могучий меч отбрасывал в сторону топоры и пики врагов. Многие из эльфийских богов встали рядом с ним, ибо захватчики, пытаясь добраться до своего самого могущественного врага, падали друг на друга. Эйлистри сражалась рядом с ним с серебряным мечом и с леденящей душу свирепостью, но вскоре она была поглощена битвой. В давке и суматохе Кореллон потерял ее из виду.

Пронзительный, носовой вопль, который мог издавать только Кёртолмак, привлек внимание Кореллона. Он взглянул в сторону вопля и увидел, как кобольдский бог выдергивает из своего затылка блестящую черную стрелу. Кореллон отметил странный, почти вертикальный угол стрелы и посмотрел вверх, инстинктивно парируя удар кинжала. Эйлистри устроилась на деревьях над головой, и у нее была наготове еще одна черная стрела. Она послала отцу ухмылку, в которой угадывались и коварство, и свирепость, а затем послала следующую стрелу в самую гущу сражения.

Ее целью было мелкое гоблинское божество, пытавшееся подкрасться к Кореллону. Зажав кинжал между зубами, гoblin прополз на руках и коленях между ног хобгоблина, который сражался рядом с эльфийским лордом, стоя почти нога в ногу с кентавром и сражаясь шестами. Стрела Эйлистри попала гоблину в крестец; он взвизгнул, и его голова попала точно между ног хобгоблина. Хобгоблин издал высокий крик боли и возмущения. В ярости он совсем забыл о своем враге-кентавре и принялся колотить своего союзника-гоблина посохом.

Кентавр с отвращением фыркнул и рысью бросился на поиски более достойного противника.

Кореллон захихикал, но все мысли о веселье исчезли, когда меч с ржавым наконечником вонзился в спину бога фей, сражавшегося по левую сторону от него.

Кореллон схватил своего брата фей и оторвал его от клинка - действие, которое принесло бы верную смерть даже большинству богов, но было единственной надеждой феи на выживание. Меч, пронзивший его, был железным, и для феи он был так же смертелен, как яд для смертного.

Кореллон услышал позади себя разъяренный вой, стук и хруст толстых костей, отдающихся под ударами копыт. Он повернулся и переброшил своего раненого союзника через спину боевого пегаса. Не задерживая дыхания и не раздумывая, он уклонился от падения оркского бога, чей череп разможил крылатый конь, крутанулся и увернулся, а затем подставился под удар железного меча огра. Он выдернул оружие из живота огра и на обратном движении парировал удар копья хобгоблина. И так продолжалось до самого утра.

Окруженный со всех сторон, Кореллон сражался, как и все, кто защищал священный лес. То тут, то там исчезали фигуры - боги не умирали легко, но редко среди них случались такие бои, как этот. Потери были с обеих сторон, и долгие часы было неясно, кто одержит верх.

Но наконец настал момент, когда Кореллон обернулся, ища следующего нападающего, и обнаружил, что его нет под рукой. Сквозь деревья доносилось несколько шальных хлопков, говорящих о рукопашной схватке. Неподалеку разъяренный фавн прыгал вверх-вниз на упавшего гоблина, несомненно, оставив на спине поверженного бога татуировку из отпечатков копыт. Огр бешено метался по близлежащему лесу, отмахиваясь и царапаясь от маленьких ярких огоньков, которые цеплялись за него, как рой разъяренных пчел. Спрайты, отметил Кореллон, яростные и бесстрашные, как обычно. Несмотря на потери - ведь не один огонек мерцал и гас, когда огр наносил дикие удары по своим мучителям, - спрайты продолжали сражаться, их крошечные мечи мелькали и разили, снова и снова жала огра.

Битва почти закончилась, Арвандор был в безопасности. Кореллон удовлетворенно кивнул и вложил меч обратно в ножны.

Странное, покалывающее чувство пронзило его руку, когда пальцы коснулись переплетения гобеленовых ножен. Внезапно его охватило всепоглощающее чувство зла, злобы более ужасной, чем облако тьмы Малара.

Кореллон инстинктивно попытался отстраниться и понял, что не может. Он посмотрел вниз на свои сапоги. Из земли сочилась вязкая, тошнотворно-зеленая субстанция, которая держала его.

"Гонадор", - в ужасе пробормотал повелитель эльфов. Гонадор был древним, элементарным злом, которого прежде не видели нигде на Олимпе. Только присутствие истинного зла могло открыть дверь Арвандора для такой силы. Кореллон познал момент отчаяния, когда осознал масштабы предательства в Селдарине.

В этот момент мимо Кореллона пронесся огрский бог, убежавший от мстящих спрайтов. Желтые глаза огра расширились при виде пойманного эльфийского бога, а затем потемнели от жажды крови и мечты о славе. Не обращая внимания на жалящие мечи спрайтов, огр высоко поднял свой молот - толстую цепь, заканчивающуюся шипастым шаром, - и стал размахивать им по кругу, надвигаясь на эльфийского бога.

Кореллон потянулся к Сахандриану. Меч не освободился; гобеленовые ножны сжались вокруг него, как злобный кулак.

Испугавшись, Кореллон взглянул в ту сторону, где стояла Арошни. Торжество на ее лице охладило его так, как не могло сделать даже облако Малара или ползучий ужас Гонадора.

Не успел он пережить это потрясение, как крик Эйлистри оторвал его взгляд от злорадного лица Арошни. Кореллон взглянул вверх, когда его дочь выпустила стрелу, пробившую горло нападавшему огру.

Звероподобный бог остановился, а его крутящийся меч - нет. Цепь обернулась вокруг его шеи, раз, два, прежде чем шипастые шары вонзились ему в грудь. Его очертания начали исчезать, но не раньше, чем еще две стрелы Кореллон ошестинились из его горла.

Четвертая стрела была уже в полете. Кореллон снова почувствовал звон в ножнах и увидел, как стрела неуловимо изменила курс. Когда стрела его дочери спикировала в его сторону, Кореллон понял, почему его меч сломался во время битвы с Груумшем Одноглазым.

Боль от предательства Арошни прокатилась по нему огромными, сокрушительными волнами. Кореллон даже не почувствовал, как стрела его дочери пронзила его грудь.

5. Окончание битвы, Объявление войны

Закат уже скрылся за лесом, и луна только начинала всходить, когда Аэрдри Фэйниа, потрепанная, но победоносная, прилетела обратно на поля сражений Арвандора. День был долгим, но в результате Аурил, Несущая Бурю, потерпела сокрушительное поражение. Ценой этого поражения стало вечное изгнание Аурил с Олимпа; отныне богине непогоды придется довольствоваться тем, что она приносит зиму в смертные миры. Это, конечно, значительно расширило бы обязанности Аэрдри - ей пришлось бы следить за тем, чтобы побежденная богиня не направила свой ледяной гнев на эльфийский народ. Она подозревала, что многие из побежденных и изгнанных богов отомстят смертным эльфам.

Пролетая над местом битвы, Аэрдри с облегчением отметила, что ее божественные брат и сестра тоже одержали победу. Большинство захватчиков было изгнано, и поле битвы, хотя и сильно истоптанное и окровавленное, почти затихло. Деревья Арвандора еще некоторое время будут носить шрамы от бурь Аурил, но все лесные божества присоединятся к исцелению и очищению леса. На одном из таких деревьев уже сидела дочь-охотница Кореллона и, несомненно, творила над разрушенными сучьями целительную магию.

Богиня спустилась к победившей Селдарин, ее мысли были заняты предстоящим праздником. Ее взгляд упал на юную Эйлистри, когда охотница с мрачным лицом выпустила черную стрелу. С ужасом Аэрдри увидела, как стрела вонзилась в Кореллона Ларетиана. Она пробила блестящую броню, покрывавшую грудь эльфийского лорда, и отбросила его назад.

Из горла Аэрдри вырвался вопль, подобный воплю поднявшегося ветра. Ей и в голову не пришло, что поступок Эйлистри может быть не чем иным, как предательством, учитывая все, что Селдарин было известно о мастерстве Темной Девы в обращении с луком.

Богиня воздуха вскинула обе руки. Из ее пальцев вырвался ураган, ярость которого посрамила бы Аурил. Порыв ветра ударил молодую охотницу с силой, отбросившей ее от дерева. Эйлистри упала вниз, и сухие ветки затрещали под ней, когда она падала. Она тяжело ударилась о землю и лежала неподвижно.

Не обращая внимания на упавшую богиню, Аэрдри поднялась на ноги и поспешила к оставшимся в живых членам селдаринов, которые столпились вокруг своего павшего лидера. Однако все они отступили назад, чтобы дать Арошни пройти, и в почтительном молчании наблюдали, как богиня опустилась на колени перед Кореллоном, чтобы оплакать свою погибшую любовь.

"Он не умер", - внезапно сказала Ханали Селанил.

Арошни подняла залитое слезами лицо от рук и устремила обвиняющий взгляд на богиню любви и красоты. "Как можешь ты, из всех богов, насмехаться над моим горем? Моего возлюбленного больше нет!"

"Стрелы Темной Девы не смогли убить его", - сказала Ханали, на этот раз более решительно.

"Я не знаю, зачем Эйлистри это нужно, но знаю, что она метко стреляет. Еще ни разу она не промахнулась мимо цели", - возразил Арошни.

Не тратя времени на дальнейшие речи, Ханали оттолкнула супругу эльфийского лорда и опустилась на колени вместо нее. Защитная оболочка Кореллона мгновенно расступилась перед ее прикосновением. "Все так, как я и думала", - пробормотала она, изучая большой наконечник стрелы, частично застрявший в груди эльфийского лорда. "Эйлистри охотилась на огров - эта стрела достаточно велика и сильна, чтобы пробить шкуры зверей, но она слишком велика, чтобы проскочить между ребрами Кореллона. Она застряла там. Помогите мне, - сказала она и повернулась к Аэрдри.

Вдвоем богини извлекли стрелу из эльфийского бога и обработали его раны. Но Кореллон не оживал. От него исходила аура неподвижного отчаяния, как будто зло, с которым он боролся весь этот долгий день, глубоко охладило его, оставив застывшим внутри себя. Другие божества начали тихо напевать, ускоряя исцеление лорда эльфов своей собранной силой. Даже Арошни опомнилась от своего горя и достала из складок платья сияющий флакон.

"Вода из Элизиума, настоящая на целебных травах из сердца Арвандора. Это поможет восстановить его", - сказала она и поднесла флакон к губам Кореллона.

По правде говоря, Арошни готовилась к такому развитию событий. В последнее время у нее было достаточно доказательств того, как упорно ее "любовь" цеплялась за свою бессмертную жизнь. Возможно, зелье в ее склянке и не было достаточно смертоносным, чтобы убить раненого бога, но оно определенно погрузило бы его в дремоту. Если повезет - и, возможно, несколько повторных доз, - Кореллон никогда не проснется. А если природа его смертельной дремоты когда-нибудь обнаружится, Арошни откроет простую, но разрушительную истину: именно Эйлистри собрала травы и сварила зелье. Молодая охотница приготовила смертельный яд не для себя, а для боевых стрел смертных эльфов, но никто, кроме нее и Арошни, не знал об этом.

Поскольку Эйлистри лишилась дара речи и будет таковой еще некоторое время - если не навсегда, - Арошни была уверена, что этот аспект ее заговора не будет раскрыт. И тогда, как только сила Кореллона станет ей подвластна, она...

Острый, как шпилька, луч лунного света ударил с быстротой молнии, разрушив мечту богини о победе и выбив флакон из ее пальцев черного дерева. От испуга Арошни отпрянула от Кореллона и выкрикнула проклятие, настолько мерзкое, что оно повергло эльфийских богов в молчание.

Атакующий лунный свет отступил, смягчился и превратился в туман, а затем принял форму, которая уже была слишком хорошо знакома Арошни.

"Сеханин!" - вскричала темная богиня. Она поднялась и бросилась на своего сына, который стоял у ее плеча, словно парящий ворон, ожидающий возможности покормиться. Ваэрон инстинктивно сделал шаг назад.

"Ты идиот!" - закричала она, ее лицо исказилось от ярости и разочарования. "Слишком рано, слишком рано! Еще день, и у меня было бы столько силы, что Сеханин ничего не смогла бы сделать. Но ты - ты уничтожил нас обоих!"

Она подняла руку, чтобы ударить юношу, но Ханали Селанил схватил ее за запястье с силой, удивительной для столь хрупкого человека. "Хватит! Твои слова вызывают серьезные вопросы, Арошни, и будь уверена, что мы найдем на них ответы. Помни, что совет, который будет рассматривать эти вопросы, стоит здесь и свидетельствует о том, что ты сказала и что ты делаешь", - сурово сказала богиня.

Арошни отпрянула от сына, яростно стряхивая с себя сдерживающую руку богини. Она вперила взгляд в изысканное лицо Ханали. "И кто же созовет этот совет?" - усмехнулась она. "Ни один эльфийский бог не равен Кореллону по могуществу, и никто, кроме него, не может созвать совет. Разбуди его, если сможешь, или придержи свой обвинительный язык!"

В ответ Сеханин Лунная Радуга и Аэрдри Фэйния зашли с флангов Ханали. От всех них поднялся светящийся туман, который слился в единую богиню невозможной красоты и устрашающей силы. Арошни, увидев ее, с уверенностью поняла, что перед ней ее собственная приемница.

"Я - Анггарадх", - сказала новая богиня голосом, в котором были ветер, лунный свет и музыка. "Из сущности трех величайших эльфийских богинь я рождена. Я - три, и я - одна: три, чтобы предательство никогда больше не проникло в сердце богини Арвандора, и одна, чтобы встать на сторону Кореллона".

Анггарадх наклонилась и слегка прикоснулась рукой ко лбу Кореллона, а затем к его сердцу. Раны закрылись, и темная аура, окутывавшая его, словно расступилась. Повелитель эльфов наконец открыл глаза. Они остановились не на дивной Анггарадхе, а на Арошни. В его взгляде была страшная сердечная боль и столь же сильная решимость.

"Великое зло вошло в нашу среду", - сказал он сухим шепотом. "Мы должны противостоять ему сейчас, ради Селдарина и всех наших эльфийских детей. Совет созван. Пусть каждый, кто хочет, говорит свободно".

И вот Сеханин вышла вперед и рассказала свою историю, начав с подозрений относительно зачарованного гобелена Арошни. Она рассказала о том, что была свидетелем битвы с Груумшем и о том, как разбился меч Кореллона. Она рассказала о своей собственной глупости, когда приблизилась к Арошни, о том, как ее захватила

паутина темной богини и как она оказалась в плену у Ваэрона. В нескольких кратких словах она призналась им, как ей удалось бежать и какой силой она пожертвовала ради этого.

Члены Селдарины молча слушали страшный рассказ Сеханин. Наконец Кореллон заговорил. "Вы все слышали обвинения и были свидетелями тревожных событий. Вы должны решить, какую судьбу заслужила Арошни".

"Изгнание". Это слово прозвучало словно из одного горла.

Кореллон смотрел в злобные малиновые глаза Арошни, удивляясь тому, что никогда прежде не видел ее по-настоящему. Она стояла напряженная и вызывающая, сжав кулаки, и вся ее стройная фигура дрожала от усилий, которые она тратила на то, чтобы не наброситься на него. Откуда она взялась - эта ярость, это ужасное стремление?

"Что ты натворила?" - мягко сказал он. "На что ты могла надеяться, совершая такие поступки? Если тебе чего-то не хватало, тебе стоило только сказать, и я бы с радостью дал тебе это".

"Вот именно", - прорычал Арошни. "Ты бы отдал. Истинная сила не дается, а захватывается! Что касается твоих "великих даров", то я держала в своих руках судьбы смертных существ, но разве моя собственная когда-либо была мне подвластна? Ты обращался со мной, как с некой заветной и бережно хранимой собственностью, но при этом стоял на пути всего, чего я желала!"

"Не так", - мягко сказал ей Кореллон. "Я никогда не проявлял к тебе такого неуважения. Я любил тебя".

"И ты не раз пожалеешь об этом", - прошипела она.

Повелитель эльфов в недоумении покачал головой и повернулся лицом к сыну. "А ты, Ваэрон, - добавил он печально, - хотя ты тоже предал, но заслужил другую судьбу. Ты молод, и ты просто следовал велению своей матери. Трагично, что этот путь привел тебя ко злу. Ты должен научиться думать и жить самостоятельно. Возможно, со временем ты сможешь искупить свою вину и вернуться в общество Арвандора. Но пока что ты должен найти место в мире смертных в одиночестве".

"Не в одиночку", - твердо сказал Ваэрон. "Эйлистри замышляла вместе с нами. Она заслуживает того, чтобы разделить мою судьбу".

"Эйлистри? Я не могу поверить, что эта девушка...", - начала Сеханин.

"Тебя здесь не было!" яростно вмешалась Аэрдри. "Я видела, как она пустила стрелу, которая сразила Кореллона! И, как отмечает ее собственная мать, девушка никогда не промахивалась!"

Кореллон покачал головой. "Я не могу поверить, что она могла совершить такое!"

"Верь!" - шипел Ваэрон, разгневанный тем, что Кореллон испытывал такие сомнения и муки при мысли о том, что его драгоценная Эйлистри могла обернуться против него. Он был готов назвать своего сына предателем! Ваэрон всегда ненавидел свою младшую, любимую сестру-близнеца. Теперь он будет мстить.

Молодой бог повернулся к матери, его глаза горели враждебностью, которая заставила даже такую, как Арошни, отступить на пятки.

"Ты обещала мне власть и честь", - сказал он голосом, предназначенным только для ушей его матери. "Но вместо этого твои амбиции стоили мне всего. Отдай мне Эйлистри, и я буду считать, что сделка этого дня заключена удачно".

Арошни смотрела в глаза Ваэрона, словно в зеркало. Через мгновение она едва заметно кивнула. "То, что он говорит, правда", - громко сказала она. "Мои дети были верны мне. Какую бы участь ты ни назначил Ваэрому, ее по праву должна разделить Эйлистри. Не она ли вернула тебе мои заколдованные ножны?"

"Где Эйлистри?" внезапно спросил Кореллон.

Аэрдри сильно покраснела, синий румянец волной смущения и стыда прокатился по высоким острым костям ее лица. "Я была уверена, что она напала на тебя, мой господин, и нанесла ответный удар. Она упала с дерева. Возможно, она еще жива, я не знаю".

"Найди ее! Вылечи ее", - настаивал Кореллон.

Он наблюдал, как несколько богов поспешили к клубку вытоптанного подлеска и поваленных сучьев. Они вытащили девочку из кучи и наложили на ее обмякшую фигуру исцеляющую магию.

Как только ее серебряные глаза открылись, они стали судорожно искать ее отца. Хоть она и была слаба, никто из богов не мог удержать ее от того, чтобы отправиться к нему.

Спотыкаясь, Эйлистри опустилась на колени рядом с отцом. Она взяла протянутую им руку обеими своими и прижала ее к своей темной, окровавленной щеке. "Моя стрела...", - задохнулась она, не в силах больше ничего сказать.

"В тебе нет вины, дитя мое, - мягко сказал бог. "Ты не знала, что было в сердце твоей матери и ее сына".

Глаза Эйлистри расширились от шока и ужаса и поднялись на мрачные лица ее семьи. У нее вырвался крик боли, когда она взглянула в их полные ненависти глаза.

"Что с ними будет?" - спросила она наконец.

"Они изгнаны, каждый в соответствии с тем местом, которое заслужил".

Темная богиня кивнула и встала. "Я пойду с моим братом".

"В этом нет необходимости", - начал Кореллон.

"Это необходимо", - настаивала Эйлистри, хотя из ее серебряных глаз лились слезы. "Я молода, и силы мои невелики, но иногда я могу видеть очертания грядущих событий. В какой-то мере я обеспечу баланс. Это все, что я вижу". Голос девушки прервался, и она бесчувственно опустилась на землю рядом с Кореллоном.

На мгновение бог погладил светлые волосы своей дочери и посмотрел на ее неподвижное лицо со смесью печали и гордости. Наконец он посмотрел на Ваэрона. "Эйлистри выбрала. Иди и возьми ее с собой. Но знай, что день, когда твоя рука поднимется против нее, будет последним в твоей жизни. В этом я клянусь всеми деревьями Арвандора".

Лицо Ваэрона исказилось от ненависти и ярости, но у него не было иного выбора, кроме как подчиниться. Кореллон стоял молча, пока молодой бог взваливал на плечи своего бессознательного близнеца и исчезал. Наконец он поднялся на ноги и встал лицом к лицу со своей павшей любовью.

"Арошни, твой приговор был произнесен Селдаринном. За то, что ты сделала, за то, чем ты стала, ты объявлена танар'ри. Будь тем, кто ты есть, и иди туда, куда должна".

Перед ужасными глазами эльфийских богов Арошни начала менять форму. Ее стройное тело выросло до чудовищных размеров, а конечности удлинлись, разделились и снова разделились. Арошни, коварная ткачиха и вероломная любовница, превратилась в паукообразное чудовище. Страшнее всего было ее лицо, ибо, хотя красота ее не изменилась, теперь ее облик был лишен искусности и искажен ненавистью.

С воплями, как проклятая тварь, которой она была, Арошни набросилась на свою бывшую любовь. Эльфийские боги выхватили мечи и выступили вперед, чтобы встать рядом со своим повелителем.

"Стоять!" приказал Кореллон голосом столь ужасным, что боги замерли на месте. Медленно, с сожалением он убрал проклятый гобелен в ножен, а затем достал Сахандриан. С мечом в руке он предстал перед Арошни, один.

Эльф-паук опустил в угрожающей позе и стал кружить вокруг своей жертвы. Кореллон держал меч перед собой, не желая наносить первый удар. Его бывшая супруга произнесла несколько сиплых слов, а затем плюнула; поток светящегося яда устремился к нему. Он слегка повернул меч и поймал струю плоским лезвием. Раздалось ужасное шипение и треск, когда яд встретился с магической защитой эльфийского клинка и сразился с ней. Но Сахандриан выдержал, и защитный взмах Кореллона послал брызги рассыпавшихся капель обратно на Арошни.

Бывшая богиня закричала в агонии: кислотоподобный яд сжег волосы ее паучьей формы и глубоко разъел плоть под ней. Она поднялась на задние лапы и прокричала еще одно заклинание. Появились четыре изогнутых меча, которые со смертельным намерением сжимали четыре ее передних придатка. Чудовище ринулось на Кореллона, мечи скрещивались и сталкивались, как два гигантских секатора.

Магический меч Кореллона вспыхивал и кружился с завораживающей скоростью, пока лорд эльфов отбивался от четырех клинков. Лицо Арошни становилось все ужаснее от ярости, пока она сражалась. Никто из наблюдавших богов не мог сказать, в какой момент исчезли последние следы ее эльфийской красоты и когда она полностью превратилась в паукообразное чудовище. Но вдруг она набросилась на горло Кореллона, жвалы клацнули в голодном предвкушении.

Повелитель эльфов просунул свой меч между двумя раздирающими клювами и резко дернулся в одну сторону, отводя атаку паучихи от своего горла. Он отпрыгнул назад, выхватив меч и высоко подняв его, чтобы отразить нисходящий удар одного из этих изогнутых мечей. Он хотел лишь парировать удар, но Сахандриан почувствовал странную тяжесть, словно меч внезапно обрел вес собственного мнения и решимости. Волшебное оружие приблизилось к его врагу и пронзило волосатый отросток.

С воплем Арошни отступила назад, отряхивая стекающий обрубок. Не понимая, что происходит, она снова бросилась в ярости, размахивая тремя мечами. Сахандриан снова ударил, потом еще раз. Еще дважды грохот падающих мечей и вопли раненой танар'ри разносились по сторожевому лесу.

Но даже теперь Арошни не признала своего поражения. Она произнесла еще одно заклинание; из ее тела поднялась нить магии, подвешенная на невидимом крюке высоко вверху. Она отмахнулась, а затем бросилась на Кореллона, капая ихором, с оставшимся мечом, выставленным перед собой как копье.

Лорд эльфов легко уклонился от атаки. Но когда паук пронесся мимо, она схватила его задними лапами и подняла с земли. Кореллон отмахнулся от нее и с ошеломляющей силой ударился о ствол массивного дерева.

Над поляной зашумели разлетевшиеся листья, когда клювоподобная челюсть чудовища вновь сомкнулась на его горле. Но Кореллон по-прежнему крепко держался за свой меч. Он пронес оружие сквозь клубок паучьих конечностей, глубоко вонзая его в луковицу. Арошни внезапно отпустил его. С жалобным стоном она вырвалась из его рук на своей волшебной нити.

Кореллон скользнул по стволу дерева и встал на землю, с болью в сердце наблюдая, как существо, бывшее его любовью, медленно раскачивается взад и вперед на своей серебристой нити, прижимая искалеченные конечности к разорванному телу. Несмотря на свой ужасающий вид, она была похожа на эльфийского ребенка, пытающегося утешить себя. Как раз когда Кореллон подумал, что больше не сможет терпеть, облик существа снова изменился, и ее лицо превратилось в прекрасное, вызывающее лицо Арошни.

"Убей меня", - дразнила она его голосом, полным боли. "Ты никогда не избавишься от меня, иначе - даже сейчас мои конечности начинают расти заново. Но ты не можешь этого сделать, не так ли? Даже в этом ты слаб! Убей меня, если можешь, и покончи с этим!"

Кореллон поднял меч высоко над головой и со всей силы метнул его. Когда Сахандриан, вращаясь, полетел в сторону бывшей богини, повелитель эльфов затаил дыхание и понадеялся, что меч подчинится его воле, а не своей собственной. Если бы Сахандриан следовал своим склонностям, то насмешка Арошни непременно стала бы реальностью.

Но эльфийский меч лишь перерезал нить, подвешивавшую Арошни над лесной почвой. Она упала, закричав от ярости.

Она так и не коснулась земли.

В лесу открылся темный, вихрящийся портал - врата в другой мир. Арошни влетела в портал, ее паучьи конечности развевались. Долгие мгновения после ее исчезновения селдарины слушали, пока ее голос, проклиная всех и клявшийся отомстить всему эльфийскому роду, не стих и не затерялся в завываниях ветра Абисса.

Когда все стихло, когда страшный портал исчез, новая богиня Ангарадх подошла к Кореллону. "Ты больше ничего не мог для нее сделать", - тихо сказала она. "Арошни стала той, кем она была на самом деле. Она там, где ей и место. Все кончено".

Но Кореллон покачал головой. "Не так", - сказал он с глубокой печалью. "Битва за контроль над Арвандором окончена, и Арошни и ее приспешники проиграли. Но я боюсь, что для эльфийского народа борьба только началась".

14-й день Найтал, 1367 ЛД.

Лорду Данило Танну из Глубоководья, арфисту и барду, шлет приветствие Ламруил, принц Эвермита.

Я прочел ваше недавнее послание с большим интересом. Задание, которое вы взяли на себя, и причины, побудившие вас его выполнить, даже ближе моему сердцу, чем вы можете предположить.

Возможно, вы удивитесь, узнав, что вы не совсем неизвестны мне. Я помню вас по приговору Кимилью Нимесину - хотя, признаться, больше по компании, которую вы составляли, чем по какой-либо другой причине. В то время меня поразило сходство между вашей напарницей, Эрилин, и моей сестрой Амнестрией. (Не напрягайте свою память - вы не вспомните моего лица. В то время я был одет в плащ и капюшон, чтобы замаскировать свою личность. Мой рост и размеры таковы, что меня не сразу признали эльфом, а годы, проведенные среди людей, научили меня двигаться и даже говорить, как вы).

Тогда я не знал и даже не подозревал, что Эрилин - полу-эльфийская дочь Амнестрии, и не чувствовал, что лунный клинок моей сестры теперь в умелых руках Эрилин. К сожалению, суд над лордом Кимилом был закрытым, иначе я узнал бы о том, что моя родственница участвовала в передаче этого предателя в руки правосудия, и мог бы дать о себе знать ей и вам.

Моя мать, королева, недавно рассказала мне о великой услуге, которую Эрилин оказала эльфийскому народу Тетира. Она также рассказала о чести, которую оказала мне Эрилин, назвав меня наследником своего клинка. Я приложил к этому письму личную записку для нее и прошу передать ее с моим глубочайшим почтением и скромной благодарностью. Я надеюсь встретиться с вами обоими в ближайшем будущем, чтобы с запозданием поприветствовать вас в семье Лунноцветущих - хотя, к сожалению, только от своего имени.

А теперь перейдем к сути вашего письма. Вы спрашивали меня о Кимиле Нимесине. Я мог бы многое рассказать вам. Он обладал многими достоинствами и качествами, определяющими эльфийское благородство: древний и почтенный род, мастерство в воинском и магическом искусстве, физическая красота и грация, обширные познания в истории и преданиях. Немногие эльфы могут сравниться с ним в владении мечом, и я когда-то считал себя счастливчиком, что учился у него. Его также называли искателем дальних приключений. Много лет назад я был польщен, когда он попросил меня сопровождать его в Фаэрун для великой работы по поиску и возвращению артефактов из потерянных эльфийских земель. В то время я и предположить не мог, что именно он искал.

Как бард, вы наверняка слышали некоторые из историй, рассказанных о потерянных детях Эвермита. Известно, что из тринадцати детей, родившихся у королевы Амлауруил и короля Заора, в живых осталось только двое - это одна из величайших печалей Эвермита. Возможно, кто-то из них еще жив, но лорд Кимил постарался устранить все сомнения, разыскав и уничтожив всех наследников трона Эвермита.

Почему же тогда он пощадил меня? Вы, лорд Танн, возможно, понимаете это лучше других. Как и вы, я младший из многих детей. Моя репутация среди моего народа - простите меня - не лучше вашей. Однако, в отличие от вас, я не театрал, скрывающий свои таланты за маской легкомыслия. (Моя мать королева хорошо осведомлена о арфистах и их методах, а ваша работа известна эльфам. Вы, проверенный исполнитель заклинаний, несомненно, найдете забавными некоторые обсуждения относительно абсолютной невозможности для человеческого мага кастовать эльфийские музыкальные заклинания). В отличие от тебя, я именно такой, каким кажусь: беспокойный, легкомысленный, недостаточно чтущий традиции, слишком быстрый в действиях, слишком любящий женские чары и не желающий ограничивать свое удовольствие потенциальными эльфийскими принцессами, слишком увлеченный широким миром и множеством народов в нем - словом, я вряд ли подхожу на роль эльфийского принца. Лорд Кимил видел во мне умеренно полезный инструмент, и не более. Без сомнения, он избавился бы и от меня, как только решил, что моя польза подошла к концу.

Что двигало Кимилом Нимесином? Этот вопрос мучает умы эльфийских мудрецов и философов с тех пор, как умер мой отец-король. Что могло заставить эльфийского дворянина, обладающего великими дарами и хорошей семьей, выступить против королевского клана - не говоря уже о короле, избранном самими богами?

Для меня это яснее, чем для многих эльфов, ибо я много путешествовал и, как и ты, любил женщину смешанной крови. Мое сердце стало арфой, настроенной на мелодии, не известные менестрелям Эвермита. Мои глаза видят, что гордость изолирует эльфов от мира и заставляет их вести бесконечную борьбу друг с другом.

Как бард и знаток эльфийских преданий, ты знаешь, что эльфийские расы часто враждовали друг с другом. В течение ужасных веков, когда Войны Короны убийственными волнами прокатывались над Народом, золотые эльфы стремились расширить свое владычество за счет поселений серебряных и зеленых эльфов, зеленые эльфы объединились с темными эльфами для борьбы с этой агрессией, и, наконец, золотые, серебряные и зеленые эльфы объединились, чтобы изгнать темных эльфов Ниже. Войны Короны и другие подобные им сражения - лишь часть истории. Между эльфийскими расами ведется тонкая, постоянная борьба, более древняя, чем начало эльфийской истории. Если ты хочешь понять Кимиля Нимесина и его последователей, ты должен вернуться так далеко, как только позволяют предания и легенды, и увидеть древний конфликт между серебром и золотом. Из таких нитей соткан гобелен Эвермита.

Проследившая историю Серебряного и Золотого, помни, что клан Нимесин - это племя, то есть второстепенная ветвь древнего клана Дуротиль. Один этот факт многое объяснит.

Повторяю: Кимил Нимесин олицетворяет собой многое из того, что ценится эльфийской знатью. В то же время, он иллюстрирует то, что в эльфийском народе является наиболее существенной и серьезной ошибкой.

Прелюдия: Приближение Тьмы

10 день Алтуриака, 1369 ЛД

Кимил Нимесин смотрел из окна своей камеры в бесконечную пустоту за окном. Собственно, это была не совсем пустота, потому что точки света мерцали, как звезды в глубоком сапфировом небе. Звездный свет был так же важен для эльфа, как воздух, которым он дышал, и даже человеческие похитители Кимила не были настолько невежественны или жестоки, чтобы лишить его этого.

Другие его потребности тоже были удовлетворены. Его "тюрьма" на самом деле была хорошо обставленным номером. У Кимила было все самое необходимое и множество удобств, а также дополнительные возможности, которые редко предоставляются пленнику и предателю. Книги по краеведению занимали целую стену полки, эльфийская арфа стояла на столе рядом с хрустальной флейтой. У него было много пергамента и чернил, и даже элегантная золотоглазая кошка, которая будет сопровождать его в вечном изгнании. Да, Арфисты были щедры.

Кимил снова, как и прежде, пережил тот день, когда Трибунал Арфистов, отвратительный суд, состоящий из людей и полукровок, вынес ему приговор. Его признали виновным в убийстве двадцати семи арфистов и приговорили к изгнанию в миниатюрный волшебный мир на каком-то далеком и загадочном плане бытия, далеко от мира, известного как Абейр-Торил. Арфисты решили, что это единственный способ обезопасить жизнь Кимила, поскольку многие эльфы Абейр-Торила сделали бы своей жизненной целью выследить и убить его. Его более серьезное преступление - измена эльфийской короне - не было вопросом, которым могли бы заняться арфисты. Кимил сомневался, что эльфы Эвермита, получив возможность предать его суду, были бы столь же милосердны, как арфисты.

Но в сердце эльфа не было благодарности. Люди, отправившие его сюда, были слабы, глупы и недалёковидны. Он найдет выход из своей тюрьмы, а затем выполнит задачу, которой посвятил свою жизнь - задачу, для которой он был рожден, воспитан и обучен.

Кимил представлял себе тех, кто выступил против него на суде, а затем мечтал о том, как он отомстит каждому из них. Это была часто повторяемая литания, и она поддерживала его на протяжении почти пяти лет плена.

Первой была Эрилин, полукровка и арфистка, которая так долго была невольным орудием Кимила. Выброшенная из королевского клана Лунноцветущих и наследница лунного клинка, она ничего не знала о своем королевском эльфийском наследии, ей не было места в мире, где людям и эльфам не суждено было встретиться, а тем более смешаться. Когда ее мать, принцесса Амнестрия в изгнании и под маской, была убита по наущению Кимила, юная Эрилин осталась одна. К изумлению Кимила, эльфийский клинок принял ребенка-полукровку как достойного наследника. Однако он быстро оправился от этого оскорбления, достаточно быстро, чтобы сделать Эрилин частью своих планов. Было проще простого добиться ее расположения, обучить, дать ей чувство места и цели, а затем использовать силу ее меча, чтобы нанести удар по семье, которая отвергла ее. В этом

была определенная справедливость, а также ирония, которую Кимил находил глубоким удовлетворением.

Эрилин, однако, была иного мнения.

Даже сейчас для Кимила было непостижимо, как полукровка могла одолеть его. Она пробралась сквозь слои его заговора, рассеяла его Элитную гвардию и уничтожила одного из самых талантливых Круговых Певцов, сорвала его план нападения на сердце Эвермита, и - что, пожалуй, самое неприятное - она победила его в одиночном бою.

За все это Эрилин должна была умереть мучительно и медленно. Но не раньше, мрачно поклялся Кимил, чем она лишится всех своих притязаний на эльфство. Он заставит ее сражаться против благородных эльфов и увидит, как ее лунный клинок обернется против нее. Он увидит, как она будет отвергнута и людьми, и эльфами. Он увидел бы, как преданность в глазах человеческого мага, который так явно любил ее, сменилась бы ненавистью и отторжением. Он увидел бы ее игрушкой орков и огров. И тогда он стал бы мерзким.

Как только Эрилин будет уничтожена, Кимил переключит свое внимание на Элайт Кроулнобар. Это был вопрос не только мести, но и принципа, ведь Элайт был не только Серым эльфом, но и разбойником. Владелец огромной бизнес-империи, в которой было все - от шокирующе преступного до просто сомнительного, Элайт был силой, с которой приходилось считаться в великом городе Глубоководье. Кимил не раз прибегал к услугам Элайта, обычно когда ему требовалось выполнить задание, за которое он не хотел запятнать свою собственную руку. И все же Элайт занял сторону Эрилин, встав вместе, как это обычно делали Серые эльфы, и дал показания против Кимила. Это было настолько необычно, когда один эльф выступал против другого, что слова Элайта имели огромный вес на суде над Кимилом. А еще были бумаги, которые Элайт предъявила, - бумаги, связывавшие Кимила со злым Джентаримом. Хвала Селдарину, Элайт не почувал, что Кимил имел дело с этой могущественной группировкой!

Потом придет Ламруил, принц Эвермита. О, Кимил видел его во время вынесения приговора, хотя этот дурак и постарался замаскироваться. Даже в плаще, приглушающем его эльфийское изящество, и в колпаке, закрывающем уши, Ламруила невозможно было принять ни за кого другого. Молодой принц был поразительно красив, даже в том смысле, в каком красота считалась среди эльфов. У него были глаза цвета лунного цветка - глубокие, ярко-синие глаза, в которых мерцали золотые огоньки, и он обладал огромным ростом и мускулистой фигурой своего отца. Немногие эльфы достигали шести футов, но Ламруил был с размахом. Сам по себе его рост мог бы одурачить не слишком наблюдательных людей, но Кимил не только изучил эльфийскую "королевскую семью", он хорошо знал Ламруила. Даже слишком хорошо.

Ламруил путешествовал с ним долгие годы, невольно помогая Кимилу в поисках "потерянных" детей Лунноцветущих. В процессе принц сражался на стороне Кимила, учился у него искусству владения мечом и обнаружил потерянные богатства предков Кимила. Однако часто казалось, что детеныш серого эльфа больше интересуется выпивкой и вином, чем их общими приключениями. Ламруил, конечно, слишком интересовался людьми и их делами, и его веселость и легкомысленность

раздражали Кимила не меньше, чем банальные кабацкие баллады, которые так нравились людям - да и Ламруилу, по правде говоря, тоже. Сейчас Кимилу было неприятно думать, что этот избалованный и ничтожный принц может попытаться вернуть часть сокровищ, которые они оставили в тайниках по всему Фаэруну. Эти сокровища Кимил планировал использовать для финансирования своих амбиций против Эвермита.

И все же, возможно, это было бы к лучшему. Улыбка дернулась в уголках плотно сжатых губ Кимила. Он хорошо охранял свои рощи, и сомневался, что Ламруил, который мало интересовался искусством магии, сможет пережить любую попытку разграбить сокровища.

В каком-то смысле Кимил сожалел, что Ламруил умер. Молодой принц был полезным инструментом и мог снова оказаться полезным. Преданный своей сестре Амнестрии, Ламруил был слепо полон решимости найти сбежавшую принцессу. Он также жаждал увидеть и познать мир и хотел связать свою судьбу с авантюристом, известным под именем Кимил. Парень был источником информации о королевской семье и пешкой в смертельно опасных поисках принцессы Амнестрии и меча, который она носила. Поиски Ламруилом своей сестры не увенчались успехом: А вот поиски Кимила - нет.

И долгое время ему это сходило с рук, достаточно долгое, чтобы придать ему уверенности, которая подстегивала его к достижению самых заветных целей. В конце концов, Амнестрия была мертва уже более двадцати пяти лет, а ее отец - более сорока. Это Кимил считал своим главным достижением. Всю свою жизнь - всю свою жизнь! - он искал способ прорвать оборону Эвермита и уничтожить претендентов на трон - серых эльфов. Тайное изгнание его семьи с острова усложнило его задачу. Кимил не мог ступить на Эвермит, боясь насторожить могущественного Серебряного эльфа, который знал его секреты. И все же он нашел выход, ведь открытие эльфийских врат принцессы Амнестрии позволило ему послать убийцу в королевский город. Эльфийские врата стали его триумфом и гибелью.

Однако Кимил не отличался упорством. В течение пяти лет он размышлял над тем, как обратить эту неудачу вспять. Эльфийские врата были сдвинуты, серебряные нити магического Плетения перестроились так, что Кимил и подумать не мог. Но даже это можно было обратить против королевских эльфов.

С тех пор как умер король Эвермита, Кимил специально изучал магические путешествия. Он понимал их так, как мало кто из эльфов. Со временем он применит эти знания на практике.

Но это был не единственный его опыт. Среди элитных гвардейцев, убитых полукровкой, была Филаурия Ни'Тессин, возлюбленная Кимила и Кольцепевец огромной силы. Большинство эльфов считали, что этот древний дар - редкий вид песни-заклинания, способный связывать разрозненные магии воедино, - вымер. Но Кимил искал Певцов Круга и обучал их плетению магии, подобно тому, как это делает Центр - могущественный маг, руководящий Кругом Высших Магов. С годами Нимесины и их тайные союзники построили на Эвермите собственную Башню. Круг был достаточно силен, чтобы бросить вызов самому Эвермиту и отгородить остров от всего мира, оставив его на мели, в плену собственного мощного магического плетения.

"Эльфы Эвермита пожелали быть изолированными от мира. Они получают то, чего желали, и то, чего заслуживают", - пробормотал Кимил.

Для того чтобы все это свершилось, не хватало только самого Кимила. Если бы только он смог освободиться из этой тюрьмы, то смог бы привести в действие планы, на реализацию которых он и его клан потратили столетия.

Если бы.

Состояние, близкое к бреду, исчезло, и реальность его заключения сомкнулась вокруг его сердца, как когти охотничьего ястреба. С его губ сорвался крик ярости и отчаяния - страшный вой, настолько полный ярости, что от него по позвоночнику пробежала дрожь ужаса.

Отголоски его крика еще долго звучали в комнате, постепенно стихая и напоминая Кимилу расходящиеся кольца, которые возникают, когда камешек бросают в спокойное море.

Когда все затихло, произошло непостижимое: Кто-то-что-то-откликнулся-на-его-неуверенный-призыв.

В комнату проник дурной запах, и рисунок на тонком шерстяном ковре начал расплываться, когда из какой-то таинственной глубины под ним сочилась темная студенистая субстанция. Кимил с ужасом наблюдал, как перед ним формируется сущность Гонадора.

Он знал эту легенду. Он знал не хуже любого живого эльфа, что Гонадор был призван великим и дерзким злом. До этого момента Кимил никогда не считал свои стремления чем-то правильным и должным. Появление Гонадора было для него взглядом в темное зеркало, и потрясение от встречи с собственным образом было сильнее, чем страх перед ужасной Силой, стоящей перед ним.

Однако оно было не столь велико, как второй ошеломляющий сюрприз, преподнесенный Кимилу. На кипящей поверхности формы Бога стихий образовался большой темный пузырь, который, казалось, приобретал злую силу по мере того, как увеличивался в размерах. Когда он лопнул, Кимил почувствовал, что его сердце тоже разлетится на куски, ибо перед ним стояло то, что больше всего на свете внушало отвращение золотым эльфам:

Ллос, темная богиня дроу.

Его ужас, казалось, забавлял богиню, и улыбка на ее прекрасном лице была еще более леденящей, чем таящееся присутствие Гонадора.

"Приветствую тебя, лорд Кимил, - произнесла она музыкальным, насмешливым тоном. "Твой призыв был услышан, твои методы одобрены. Если ты готов объединиться с теми, кто также замышляет против Эвермита, мы освободим тебя из этой тюрьмы".

Кимил попытался заговорить и обнаружил, что не может. Он облилиз пересохшие от пергамента губы и попытался снова. Однако слова, которые получились, были не совсем теми, которые он ожидал услышать.

"Ты можешь это сделать?" - прошептал он.

В глазах Ллос вспыхнул багровый огонь. "Не сомневайся в моей силе", - шипела она на него. "Мне будет забавно увидеть золотого драйдера - первого! А ты, Кимил Нимесин, тоже будешь рад такому превращению?"

Ужас сжимал сердце Кимила, когда он обдумывал эту угрозу. Эльфийские мудрецы утверждали, что Ллос может превращать своих темно-эльфийских последователей в ужасных существ, которые наполовину эльфы, наполовину пауки. Однако он не знал, что было более ужасающим: само превращение или возможность того, что он каким-то образом попал в сферу влияния Ллос. Он никогда не задумывался о такой возможности, как, видимо, и те, кто заточил его здесь. Несмотря на все, что он сделал, в жизни Кимил Нимесина не было ничего, что могло бы навести на мысль о том, что он может искать каких-либо богов, кроме богов Селдарина. И все же здесь была Ллос, прекрасная до невозможности и наполнявшая его комнату темной, притягательной силой.

"Я не сомневаюсь в тебе", - сумел вымолвить он.

"Хорошо", - промурлыкала богиня. "Тогда слушай внимательно. Мы освободим тебя из этой тюрьмы, но при условии, что ты пойдешь туда, куда мы не можем. Боги Селдарина не позволят нам напасть на Эвермит напрямую, но ты можешь собрать эльфов, которые могут и хотят это сделать".

"Но как?" запротестовал Кимил. "Во всем мире найдется мало эльфов, которые не убьют меня на месте".

"Есть другие миры, и много эльфов, которые их населяют", - сказала богиня. Она рассмеялась над ошеломленным выражением, которое появилось на лице Кимила

"Вы, эльфы-феи, так увлечены собой, так твердо решили считать себя единственным живым Народом, что забыли свою собственную историю", - усмехнулась она. "Вы пришли на Торил как захватчики, готовые вытеснить тех, кто пришел раньше. Неужели вы думаете, что вы - единственные эльфы с такими мыслями?"

Кимил с трудом попытался обдумать эту возможность. "Золотые эльфы?" - неуверенно спросил он.

Ллос снова рассмеялась, восхищенно и насмешливо. "Ах, но ты бесценен и предсказуем. Да, в других мирах есть золотые эльфы. Я приготовила их для тебя. Иди и посмотри".

Почти против своей воли Кимил направился к богине. Кипящая масса, которой был Гонадор, расступилась, давая ему пройти. Кимил осторожно прошел, а затем заглянул в шар, который Ллос сотворила из пустого воздуха. От увиденного зрелища у него перехватило дыхание.

В небе, абсолютная тьма которого соперничала с обсидиановой кожей богини дроу, два странных корабля сцепились в смертельной схватке. На одном, изящном крылатом судне, похожем на титаническую бабочку, находились эльфы, которые могли бы сойти за ближайших родственников Кимила. Другой корабль был массивным бронированным судном, укомплектованным хорошо вооруженными существами, похожими на орков, но сражавшимися с умом и дисциплиной, с которыми не мог сравниться ни один орк на Торице.

"Скоро", - сказала Ллос в качестве объяснения. "Это раса умных и сильных орков из другого мира, и они сражаются против эльфийского императорского флота. Как видишь, они скоро одержат победу над этим кораблем".

"Хочешь узнать природу этого корабля-бабочки и эльфов на нем?" - продолжила она своим слабо насмешливым тоном. "Это выжившие из мира,

охваченного пламенем. Скро захватили их родину и полностью уничтожили ее. Эти эльфы отчаянно нуждаются в родине. Они пойдут за эльфийским дворянином, который предложит им ее, и не будут сильно волноваться, если им придется свергнуть королевство, чтобы получить ее. Так поступили ваши предки, когда бежали из умирающего мира. Так же поступили бы и вы, если бы попали в новый мир. Такие эльфы, как ты, верят, что правление - это божественное право".

Мысли Кимила завертелись в голове, когда он пристально смотрел на борьбу жизни и смерти, разыгравшуюся на земном шаре. Масштаб и сложность картины, нарисованной богиней, какой бы странной она ни казалась на первый взгляд, укладывались в рамки его сознания. Принять ее было не так уж сложно.

"Что ты хочешь, чтобы я сделал?"

Ллос улыбнулась и сделала быстрый, сложный жест одной рукой. Помещение наполнилось клубами едкого дыма, и из него вышло второе грозное божество.

Кимил не был трусом, но он отступил перед злой силой, которой был Малар, Повелитель зверей.

Аватар был огромен - более чем вдвое выше Кимила, и вооружен страшными когтями и рогами, чьи зубцы казались длинными и острыми, как эльфийские мечи. Малар был покрыт черной шкурой и смотрел на эльфа с насмешливым выражением в багровых глазах. Хотя в целом бог напоминал медведя, у него не было ни морды, ни видимого загривка. Мохнатая плоть, скрывавшая его единственную ротовую полость, затрепетала, когда Малар издал вопль явного презрения.

Но звероподобный бог, в отличие от своего темно-эльфийского союзника, не терял времени ни на приветствия, ни на насмешки над эльфом. Возвышаясь над хрупкой Ллос, Малар наклонился и коснулся плавающего шара одним когтистым пальцем.

"Смотри сюда, эльф", - сказал бог суровым, скрипучим голосом. "Второй корабль эльфов, захваченный с Арборианны до того, как она была сожжена. Экипаж корабля состоит из нескольких моих последователей - гоблинов, рожденных на базе орков - и питается от одного эльфийского мага. Корабль недостаточно велик или хорошо вооружен, чтобы переломить ход битвы, но на его борту есть живое оружие, способное уничтожить судно скро. Монстр, который будет убивать и убивать, пока не останется ни одного. Ты скормишь ему моих последователей, а затем выпустишь его на корабль скро. Эльфы будут приветствовать тебя как своего спасителя. Но не забудь сначала убить эльфа-мага, чтобы он не выдал тебя остальным".

Кимил уставился на бога. "Ты предашь тех, кто следует за тобой, и попросишь меня предать одного из моего собственного народа?"

Как только он произнес эти необдуманные слова, Кимил испугался, что написал свой собственный смертный приговор. К его изумлению, оба бога разразились долгим и искренним смехом. Даже Гонадор в какой-то мере присоединился к ним, ибо студенистая масса пузырилась и всплывала в мрачной пародии на смех. Наконец ужасный хор закончился, и Ллос вытерла слезящиеся глаза и повернулась к озадаченному эльфу.

"Несколько гоблинов и орков - небольшая цена за то, что ты дашь нам. Скажи слово, и мы посадим тебя на этот корабль. Остальное ты сделаешь сам".

"Я должен возглавить вторжение в Эвермит", - ошеломленно произнес Кимил.

"Разве это не было твоим намерением? Разве это не твоя мечта? С дополнительной силой золотых эльфов Арборианны, ты должен с легкостью вытеснить клан Лунноцветущих и править Эвермитом".

"Чтобы такой план удался, мне нужно будет связаться с теми немногими из моих последователей, которые остались как на Эвермите, так и на Фаэруне", - нерешительно сказал Кимил. "Возможно ли это?"

В ответ Ллос достала горсть драгоценных камней из потайного кармана в складках своего шелкового платья цвета эбенового дерева. Она протянула их Кимилу. "Ты узнаешь их - это драгоценные камни связи, такие же, как те, что ты сам использовал для хорошего эффекта. Скажи мне всех, с кем ты хочешь связаться, и я прослежу, чтобы драгоценные камни попали к ним в руки".

Кимил задумчиво кивнул. Это был хороший план, и он мог сработать. Он заручится поддержкой многих сторон, а затем проскользнет в Торил, чтобы самому возглавить морские силы на Эвермите. Однако оставался один вопрос - огромный вопрос.

"Почему ты поддерживаешь мои амбиции?" - прямо спросил он. "Мне кажется, что в глазах Ллос и Малара один эльф очень похож на другого".

Богиня пожала плечами. "Эвермит был отвергнут для меня и моих детей; его королева - особая любимица Кореллона. Радость от того, что Амларуил из Эвермита уничтожена, будет достаточной платой за бесчестье любого союза, который мне придется заключить. Я не обижаюсь, великий Малар".

Звероподобный бог зарычал; у Кимила сложилось впечатление, что Малар был единомышленником в этом вопросе.

"Это часть, но не вся моя забота", - осторожно сказал эльф. "Когда ты начнешь уничтожать Эвермит, сможешь ли ты остановиться?"

"Ты умен", - одобительно сказала Ллос. "Ответ, как ты и предполагаешь, - нет. Я бы хотела увидеть, как этот жалкий остров поглотит море! Но, боюсь, это удовольствие придется отложить. У меня пока нет сил уничтожить Эвермит; тем не менее, я получу то удовольствие, которое смогу".

Мрачные, обнаженные амбиции в голосе богини ужаснули Кимила. Он не знал, какие амбиции богиня таила в своем темном сердце - да и не хотел знать, - но почему-то верил, что она сделает все, что предложит. Он сам заключил несколько невероятных союзов, чтобы достичь целей, которых добился до сих пор, и соблюдал их в той мере, в какой они способствовали достижению его целей. Он видел, как его собственная решимость отражается в зеркале багровых глаз Ллос.

"Что ты скажешь, то я и сделаю", - просто сказал он.

КНИГА ВТОРАЯ: Серебро и Золото

"Никто, даже самый мудрый и почтенный эльфийский мудрец, не может с уверенностью сказать, когда и откуда на Торил пришли первые эльфы. Но

рассказывают о давно минувших временах, когда эльфы тысячами бежали из охваченного войной Фейри, той волшебной страны, что существует в непроглядных тенях тысячи миров.

Песни и истории, повествующие о тех временах, многочисленны, как звезды. Никто из ныне живущих не сможет изложить историю так, чтобы она удовлетворила мудрецов, которые перебирают древние предания, как влюбленный изучает лицо своей возлюбленной, или мечтателей, которые смотрят в ночное небо и гадают.

Но иногда из рассказа небольших историй возникает узор, подобно тому, как отдельные кусочки плитки или камня становятся мозаикой, или тысяча ярких нитей переплетаются, образуя гобелен."

-Выдержка из письма Криоса Халамбара, Мастера Лютьера из Колледжа Бардов Нового Оламна, Глубоководье.

6. Плетение Паутины (Время Драконов)

Победив, они потерпели поражение.

Эльфы Тинтажера - по крайней мере, те немногие, кто пережил долгую осаду, последующую битву и ужасный магический катаклизм, завершивший ее, - прижавшись друг к другу, наблюдали, как последние корабли захватчиков были разорваны на части бушующим морем. На их острове не осталось ни одного врага. Все они были сброшены в разъяренные воды магической атаккой, сила которой превзошла все ожидания тех, кто ее вызвал. Даже сейчас эльфийский остров сотрясали сильные конвульсии, словно сама земля ощущала затаенный ужас - или предчувствие гибели.

"Деревья!" - внезапно закричала одна из самок, указывая на линию сухих пальм, которые дико раскачивались вдоль берега.

Ее товарищи по выживанию переглянулись, и по избитой группе пронесся ропот страха. До битвы эти деревья окаймляли широкую улицу, проходящую мимо храма Анггарадха, - улицу, которая когда-то находилась в сотнях шагов от океана. Даже когда эльфы с ужасом наблюдали за происходящим, грохочущий прибой поднимался все выше и выше по ромбовидным узорам, прочертившим стволы деревьев.

"К танцующему холму. Быстро!" - приказал эльфийский юноша. Его голос - начинающий баритон - сломался на последнем слове и перешел в пронзительное, детское сопрано.

Но эльфы сразу же повиновались ему. Они сделали бы это, даже если бы мудрость рассуждений молодого эльфа не была столь очевидна. Хотя Дуротиль был еще ребенком, он был младшим братом короля и всем, что осталось от королевской семьи Тинтажера. Более того, в молодом принце было что-то такое, что вызывало уважение, несмотря на его юный возраст и неуверенный тембр голоса.

Эльфы отвернулись от разрушенного города и торопливо пробирались через заваленные обломками рощи, ведущие к танцующему холму. Это была самая

высокая точка острова, и она давала лучшую надежду на убежище, пока не отступят неестественно высокие воды.

По мере приближения к вершине холма шаги эльфов становились все легче, а их опустошенные лица - спокойнее. Это священное место хранило их самые яркие воспоминания и самую сильную магию. Здесь они собирались, чтобы праздновать смену времен года, петь старые песни и танцевать от радости существования, собирать звездный свет и сплести его в чудесные заклинания, которые благословляли и укрепляли Народ или придавали магию своим произведениям искусства.

Но радость эльфов была недолгой. Земля под их ногами задрожала, а затем коротко и яростно забилась в конвульсиях, словно в страданиях.

После землетрясения наступила жуткая тишина, которую нарушил слабый рокот, доносившийся с далекого водного горизонта. Эльфы посмотрели на море и поняли, что сотрясения острова были его предсмертными муками. С запада на них обрушилась огромная стена воды.

Эльфы стояли, ошеломленные и молчаливые, глядя, как смерть мчится к ним.

"Мы должны танцевать", - призвал Дуротиль, тряся ближайшую к нему эльфийку, чтобы разбудить ее. Бонналури, единственная оставшаяся в живых жрица Анггарадха на острове, на мгновение взглянула на него, прежде чем его смысл проник в ее затуманенный горем разум. Ее глаза засияли, а затем загорелись решимостью. Вместе они сплотили эльфов и объяснили им свой отчаянный план.

Под руководством жрицы выжившие эльфы образовали круг и стали повторять за ней шаги одного из самых мощных эльфийских заклинаний. Все присоединились к танцу, даже юнцы и раненые, хотя они не знали о Высшей магии, которую она применяла, хотя риск для них и их жрицы был огромен.

Когда ее подопечные полностью слились с ритмом танца, Бонналури начала петь. Ее серебристый голос сопрано разнесся над островом, призывая силу своей богини, собирая нити магии, исходящие от каждого эльфа, и сплетая их в единую цель. Магия, которую она создала, была Ищущей, достаточно сильной, чтобы переместиться за завесу, разделяющую миры, найти место силы, подобное тому, на котором сейчас танцевали эльфы, и открыть путь в этот новый мир. При обычных обстоятельствах только самые могущественные эльфийские маги осмелились бы произнести такое заклинание, да и то лишь при поддержке Круга. Хотя она не была магом, Бонналури знала об этом искусстве больше, чем большинство священнослужителей. Она понимала всю грандиозность задачи, которую взяла на себя, и цену, которую ей придется заплатить. И не от нее одной: Лишь немногие из эльфов, танцевавших под ее песню, смогут безопасно пройти по серебряному пути. Что же касается остальных - Бонналури требовалось каждое дыхание и каждый импульс магии, которые она могла собрать, чтобы создать это заклинание. Если бы она не справилась, погибли бы все.

Подхваченные магией, эльфы танцевали почти в экстазе, не понимая, что делают, но каким-то образом находя свое место в возникающем узоре танца. Один за другим они начали петь, подхватывая нить песни Бонналури и добавляя к ней магию своей собственной жизненной сущности. Некоторые из эльфов побледнели, словно их поглотила магия. Но ни одна нога не дрогнула, и их общая песня

прозвучала вопреки приближению смерти. Они танцевали и пели еще долго после того, как перестали слышать свои голоса в реве набегающего прилива.

Тень упала на танцоров, когда стена воды закрыла заходящее солнце. Затем море врезалось в остров, отправив эльфов по серебряному пути, сотканному их магией. Но даже там море, казалось, следовало за ними, ибо взрыв силы, унесший их прочь, накрыл их, как темные и безжалостные волны.

Спустя, казалось, целую вечность, Дуротиль приземлился на неизвестный берег с силой, от которой агония пронзила все его тело. Не обращая внимания на боль, молодой эльф, как мог, перекатился на спину и поднялся на ноги, положив руку на рукоять кинжала. Его зеленые глаза обшаривали окрестности в поисках опасности. Не обнаружив таковой, он заставил себя посмотреть на тех эльфов, которые завершили магическое путешествие.

Дуротиль не увидел Бонналури среди ошеломленных выживших. Он и не ожидал этого. Хотя магия была для них так же естественна, как воздух, которым они дышали, немногие эльфы смогли бы выжить в глазу столь огромной бури. Сбор и направление такого количества магии требовали огромной силы, длительных тренировок и огромной дисциплины. Круг Высших Магов, работая вместе, мог формировать и направлять эти силы без вреда для здоровья. Но Бонналури действовала в одиночку и направила магическую бурю через свое собственное существо. Это унесло ее прочь.

Позже, молча поклялся Дуротиль, оставшиеся в живых жители Тинтажера будут оплакивать смерть жрицы и воспевать ее мужество и самопожертвование ради Народа. Но не сейчас и не в ближайшие дни. Горло Дуротила сжалось от слишком большого количества не спетых траурных песен.

Из всех эльфов Тинтажера, острова, на котором располагалась одна из самых диковинных и многочисленных цивилизаций во всей Фейри, менее сотни пережили битву, чтобы станцевать на священном холме. Из них осталось не более половины. Это было не самое благоприятное начало; тем не менее, они выжили и будут восстанавливаться.

Дуротиль сделал длинный вдох и окинул взглядом свое новое королевство. Он не сомневался, что будет править - право и ответственность принадлежали ему по праву рождения. Благополучие этого народа, хорошо это или плохо, было в его руках. И хотя он был молод, он позаботится о том, чтобы они процветали на этой новой земле.

Он отметил, что это была прекрасная земля, такая же дикая и суровая, как сказочные северные земли Фейри. С того места, где он стоял - небольшого плоского плато на вершине вздымающейся горы, - открывался вид, от которого захватывало дух и будоражило воображение. Множество огромных гор, таких высоких, что их вершины терялись в толще закатных облаков, стояли, как бдительные часовые, на севере и западе, насколько хватало глаз Дуротила.

Взгляд молодого эльфа скользнул по каменистому склону перед ним, по густому сосновому лесу, покрывавшему большую часть горы. Внизу, в долине, через зеленеющий луг протекала река, в спокойных водах которой отражались яркие оттенки розового и золотого, отбрасываемые заходящим солнцем.

Задумчиво кивнув, Дуротиль глубоко вздохнул и расправил плечи перед предстоящей задачей. Он отметил, что воздух был тонким и хрустящим, совсем не похожим на знойные, благоухающие цветами ветры, которые ласкали его потерянный островной дом. Однако этот бодрящий ветер был живым, поющим магией, которая не сильно отличалась от той, к которой он был приучен. Плетение было сильным в этом новом мире, и молодой эльф уже мог разглядеть свое собственное место в магической ткани. Там, где была магия, эльфы могли процветать. Со временем эта земля станет для него настоящим домом.

"Фаэрун, - пробормотал Дуротиль, добавляя нарастающий звук, который превратил эльфийское слово, обозначающее его родину, в нечто новое, но знакомое. Он повернулся лицом к своему народу и умилился, увидев, как на лицах нескольких эльфов отразилось его собственное чувство удивления и узнавания.

Под руководством Дуротила выжившие принялись за работу. Выжило несколько мелких жрецов, а также несколько магов. Они принялись лечить раненых с помощью мазей и заклинаний, которые у них остались. Те, чей запас магии был исчерпан, читали молитвы или просто утешали тех, кто был потрясен потерей родины, и тех, кто был ошеломлен новым и незнакомым миром, в котором они оказались.

И он был странным, безмолвно согласился Дуротиль, несмотря на успокаивающее прикосновение магического Плетения. Даже камень под их ногами был странным. Плато было удивительно ровным, почти как пол, и, судя по всему, состояло из одного камня. Пол был гладким и ровным, блестящим, как полированный мрамор. Но, несмотря на это, то тут, то там попадались странные бугорки. Вечно любопытный, молодой эльф подошел к краю площадки, затем снял с пояса кинжал и начал раскалывать одну из этих глыб. Камень был хрупким, как стекло, и легко отвалился, обнажив странную обугленную форму. Дуротиль быстро выковырял из камня тонкую металлическую трубку.

Он поднял ее, отметив тихий гул магии, которая текла через нее. Как только он поднял трубку, он уловил блеск более яркого металла под ней - скорее всего, меча. Еще несколько ударов кинжалом подтвердили природу этой второй находки. Нахмурившись в недоумении, Дуротиль поднес магическую трубку к угасающему свету и повертел ее туда-сюда, пытаясь понять смысл.

"Запаястный браслет, - объявил мужской голос со странным акцентом северных земель Фейри. Говоривший - высокий огненноволосый эльф - наклонился и взял металлическую трубку из рук Дуротила, не потрудившись спросить разрешения. После минутного разглядывания он объявил: "Эльфийское производство, я бы сказал. И меч тоже".

Дуротиль пожал плечами, хотя подозревал, что старший эльф прав. Шарларио Лунноцветущий был торговцем - скорее, пиратом, - который имел несчастье зайти в порт Тинтажера за несколько дней до того, как на него обрушились силы вторжения. Внешность северянина сильно отличалась от золотистой, элегантной красоты жителей Тинтажера. Кожа Шарларио была бледной, как пергамент, что резко контрастировало с его ярко-рыжими волосами и глазами цвета неба. Странной была его внешность, но еще более странными были его манеры. Прямолинейный до грубости, Шарларио мало интересовался сложными традициями и протоколами

придворной жизни. Однако в данный момент он, похоже, полностью разделял любопытство молодого принца по поводу предметов, зарытых в камне.

"Металлическая повязка, меч. Как же они туда попали?" - размышлял Шарларио. Его голубые глаза внезапно расширились, как будто ответ поразил его, как удар. Одним быстрым, плавным движением он поднялся и повернулся лицом к остальным.

"Ты, жрица, собери этих детей", - проревел он, его голос был хрустящим от срочности. "Все вы, спускайтесь с горы так быстро, как только сможете. Найдите укрытие - маленькие пещеры, если сможете, густые деревья, если больше ничего нет. Помогите раненым. Быстрее!"

Дуротиль поймал эльфа за руку. "Какой властью ты здесь командуешь?" - возмущенно спросил он.

Стряхнув руку Дуротила, бледный эльф взмахнул обугленной металлической лентой. "Подумай, мальчик! Эльф носил этот браслет, держал этот меч. Она погибла от взрыва жара, который превратил ее в пыль, а камень и землю - в суп. Что ты знаешь такого, что может сделать это?"

Несмотря на быстроту слов Шарларио и срочность его тона, Дуротиль с минуту молча смотрел на него. Эльфийские короли не говорят и не действуют поспешно, и молодой принц хотел вести себя с подобающим достоинством. Кроме того, ему стало интересно, как Шарларио решил, что прежний владелец браслета был женщиной.

"Ты что, совсем не разбираешься в магии?" в свое время ответил Дуротиль. "В битве заклинаний между магами достаточной силы, это..."

Шарларио оборвал его отрывистым, раздраженным ругательством. "Хватит мешкать, мальчик, здесь дракон. Тогда ты отдаешь приказ бежать, но делай это, пока твои люди еще живы!"

Глаза Дуротила расширились, когда до него дошла правда. "Драконий огонь", - пробормотал он, глядя на стеклоподобный камень и понимая, наконец, опасность, в которую они попали.

"Делайте, как сказал пират, и побыстрее!" - крикнул он бдительным эльфам, не обращая внимания на оскорбленный взгляд Шарларио.

Пока эльфы спешили исполнить его приказ, Дуротиль прикрыл глаза одной рукой и прищурился на запад.

Там лежали самые суровые горы. В горах устраивали свои логова драконы, так гласили старые предания. На острове, который был единственным домом Дуротила, драконов не было, но легенд было много. Драконы, по общему мнению, были существами огромной силы и магии. Вполне вероятно, что существо, разрушившее это место, могло почувствовать заклинание, которое привело эльфов в это место. Даже сейчас оно могло прийти, чтобы исследовать вторжение.

Конечно, крошечное пятнышко на фоне угасающего золота неба быстро приняло зловещие очертания. Дракон с красной чешуей, пылающей в угасающем свете, несся к ним.

Дуротиль отбросил внезапный, парализующий страх и попытался оценить, сколько времени пройдет, прежде чем дракон настигнет их. Слишком скоро, мрачно заключил он. Прежде чем бегущие эльфы успеют спуститься за линию деревьев, дракон настигнет их и легко разделается с ними.

Молодой принц выхватил свой клинок. Широко расставив ноги, он взмахнул мечом и выкрикнул вызов поднимающемуся ветру.

Ни одна быстрая вспышка пламени не может расплавить камень, рассуждал Дуротиль. Взрыв драконьего огня, преобразовавший эту вершину, должен был длиться долго. Его задача состояла в том, чтобы следующий взрыв длился достаточно долго, чтобы истощить силы дракона и дать эльфам время спастись. Он выиграет это время для эльфов, отвлекая огонь дракона на себя.

Молодому принцу и в голову не приходило поступить иначе. Умереть за свой народ было последним долгом любого эльфийского короля.

К его удивлению, Шарларио Лунноцветущий стоял рядом с ним, держа меч наготове. Но холодные голубые глаза старшего эльфа были устремлены не на приближающегося дракона, а на более непосредственную угрозу.

Семь эльфоподобных существ летели к покрытой шрамами горе на крыльях, похожих на крылья гигантских орлов. Двое из них держали в руках сеть, натянутую между ними, и с мрачным намерением спускались к паре эльфийских защитников.

Прежде чем Дуротиль успел отреагировать на вторую атаку, Шарларио грубо отбросил его в сторону. Младший эльф попятился и споткнулся о край обрыва. Он покатился вниз по крутому склону, дико размахивая руками в поисках опоры. Но склон был гладким и скользким от расплавленного камня, который пролился на гору после последней атаки дракона.

Он скатился вниз, так же стремительно, как если бы скатывался с одного из водопадов Тинтажера. Но на дне его не ждали мягкие брызги и теплая вода. Когда, наконец, гладкий камень поддался, Дуротиль подпрыгнул и покатился по неровной поверхности. Он видел, как груда валунов приближается к нему в кружащемся сером пятне, но не мог вовремя свернуть в сторону.

Остановки не было, но боль пронзила его, как внезапный ослепительный свет. Постепенно яркость померкла, превратившись в серую пустоту забвения. Последнее, что успел увидеть оцепеневший Дуротиль, прежде чем погрузиться в дымку, - это Шарларио, опутанный сетями и бьющийся, как пойманная рыба, когда его уносили крылатые эльфы.

* * * * *

Колесо времени года поворачивалось много раз, прежде чем молодой принц был наконец возвращен своему народу.

Группа охотников из числа золотых эльфов наткнулась на Дуротила в глухом лесу и нашла его изучающим растения, растущие в укромных местах, с такой сосредоточенностью, что можно было подумать, что у него нет других мыслей и забот. Хотя охотники задавали ему множество вопросов, Дуротиль не мог сказать им, где он был все эти годы. Он просто не помнил; годы, ускользнувшие от него, были бессмысленны для Дуротила, который в своем сердце и разуме был тем же молодым принцем, который увел свой народ из умирающего Тинтажера.

Хотя он был счастлив снова быть среди эльфов, Дуротилу не нравились изменения, произошедшие в его отсутствие, и он не был полностью доволен новым местом, которое нашел для себя Народ.

Магия, которую его народ наложил на далекий Тинтарер, была настоящей Ищущей. Он нашел место силы, танцующий холм, похожий на священное место на их родине. Многие сотни лет клан лесных эльфов собирал звездный свет и магию на горном плато. Многие из этого народа фей погибли однажды в середине лета от огненного дыхания красного дракона, который называл себя Хозяином гор. Те, кто остался, приветствовали новичков в своем лесном доме. И эльфы Тинтажера, гордый золотой народ с древних южных земель Фейри, смешались с этим диким народом.

К облегчению Дуротила, не все приняли местные устои. Некоторые эльфы держались гордо и старались посеять семена своей магии, искусства и культуры в лесной почве. Удивительно, но одним из таких эльфов был Шарларио Лунноцветущий.

Рыжеволосый воин выжил и женился на фейри - набожной жрице Сеханин Лунная Радуга. Между ними родился буйный выводок молодых эльфов, большинство из которых унаследовали бледную кожу и огненные волосы своего отца. Почти все без исключения члены нового клана последовали за своей матерью в почитании Богини Лунного Света. Другие уже называли их "лунными эльфами".

Что касается Шарларио, то он часто рассказывал об аваризель, крылатых эльфах, которые спасли его, и о чудесах Аэри, волшебного, скрытого на вершине горы царства, в которое они его перенесли. Он рассказывал об услугах, которые он оказал аваризель в борьбе с красным драконом и изгнании его из северных гор. Аваризель были лишь одной из многих рас эльфов в этой новой земле, утверждал Шарларио, и они рассказали ему о других кланах, населявших эти земли. Было много эльфов, рассеянных по лесам, или живущих в жарких южных землях, и даже обитающих в глубинах далекого моря.

Этот опыт определил судьбу Шарларио - или, возможно, утвердил ее. На родной Фейри он был купцом, бороздившим моря, собирая новости и доставляя товары в далекие эльфийские земли. Он и сейчас был странником, ибо сказки, рассказанные ему аваризель, разожгли его воображение. Ничто не могло удовлетворить его, пока он не увидит своими глазами весь Фаэрун. Он и его дети часто уходили исследовать свой новый мир, ища приключений и других себе подобных. Истории, которые они приносили с собой, были чудесными сказаниями из тех, что передаются от родителей к детям, как титулы или сокровища.

Эльфам нравились рассказы Шарларио, но мало кто верил его рассказам об аваризель. Никто из лесных жителей никогда не встречал подобных существ, а концепция крылатых эльфов казалась слишком причудливой. Даже Шарларио никогда больше не видел ни одного из них, разве что в припоминаемых снах во время отдыха. Однако это не мешало ему утверждать, что аваризель продолжают наблюдать за ним.

Из всех эльфов только Дуротиль не дразнил лунного эльфа-авантюриста за его причуды. Он тоже видел крылатых эльфов. Но по негласному соглашению они с Шарларио никогда не говорили о том дне - да и вообще ни о чем другом.

Когда Дуротиль вернулся после своего долгого и необъяснимого отсутствия, он обнаружил, что его народ впитал в себя устои страны и больше не нуждается в короле, чтобы править им. Не было короны, за которую можно было бы бороться; тем не менее, Дуротиль никак не мог избавиться от ощущения, что из всех эльфов

леса Шарларио мог бы стать его самым грозным соперником в борьбе за королевскую власть. Этого он никогда не мог забыть.

Кроме того, оставался вопрос о его собственных потерянных годах. Дуротиль понимал причуды лунного эльфа гораздо лучше, чем ему хотелось бы. Он никогда не видел аваризель-хранителя Шарларио, но на протяжении всех последующих сезонов Дуротиль часто ловил мимолетные взгляды серебристых волков неестественно большого размера, следовавших за ним по лесу, как неуловимые тени. И все годы его жизни его преследовали ночные песни волков и смутные воспоминания о доброте оборотней-эльфов, называвших себя литари. Эти мимолетные сны и глубокий шрам, который, хотя и скрытый густыми золотистыми волосами, тянулся через макушку черепа, были единственным, что осталось у него от ранних лет жизни на Фаэруне.

С годами Дуротиль научился оставлять тени своего прошлого позади. Поскольку он не был призван царствовать, эльф направил свои усилия на поиски Искусства. Несмотря на жестокие головные боли, которые продолжали его мучить, он преуспел в магии. Плетение, которое он почувствовал в тот первый день на Фаэруне, легко пришло на его зов, и он быстро рос в мастерстве и силе. Он также обладал обширными и, казалось, инстинктивными знаниями о травах и зельях - возможно, это наследие его потерянных лет, - которые хорошо помогали ему в этом деле. Через несколько десятилетий Дуротиль стал считаться самым могущественным магом в северных лесах.

Шарларио Лунноцветущий продолжал странствовать, и он часто возвращался в лес с вестями о других эльфах, которых он встречал. Некоторые из них были беженцами из Фейри или из других миров. Другие были странными, первобытными существами, населявшими деревья и воды и, казалось, возникшими из самой земли. Но хотя многие из этих диких кланов настороженно относились к новичкам, они не представляли никакой угрозы.

Это было хорошо, потому что на Фаэруне назревала война иного рода.

В этой стране богатой магии и огромных диких пространств драконы правили небом и соперничали друг с другом за владение лесами и горами. Некоторые из них рассматривали эльфов как скот или паразитов, которых можно съесть или уничтожить по своей прихоти. Много эльфийских поселений погибло от их appetитов, уничтоженных так же полностью, как в тот давний летний праздник на танцующем холме. Дракон, известный зеленым эльфам только как Хозяин Горы, был одним из самых хищных. Другие драконы были более благосклонными владыками, но мало кто из них задумывался о более мелких существах, обитавших на их с таким трудом завоеванных землях. У них были другие, более серьезные заботы: сражения с себе подобными.

Жестокими и ожесточенными были эти завоевательные войны, и с каждой весной все меньше драконов улетало в прохладные северные земли. Решив добиться превосходства или, возможно, отчаявшись выжить, некоторые из этих драконов начали задумываться о мудрости поиска новых путей.

По мере того, как Дуротиль постигал этот конфликт, он видел путь, следуя которому он сам мог бы вернуть себе власть, утраченную им по праву рождения. Он стал проводить все больше времени на вершине горы, где в далеком прошлом они с Шарларио столкнулись с ужасным Хозяином Гор. Красный дракон был побежден и

изгнан, это правда, но его время придет снова. Он будет править этими горами, как и прежде, и объединенные усилия эльфов и аваризель Шарларио не помешают его возвращению.

И когда настанет тот день, он, Дуротиль, взойдет к власти на крыльях повелителя драконов.

7. Брат против Брата

Есть вещи, размышлял Шарларио Лунноцветущий, от которых никогда не устаешь. Разноцветное пламя костра из дров, удовольствие слушать, как его сын-первенец поет баллады, которые были старыми, когда его предки ходили по Фейри, притягательность еще не виденных мест - такие вещи Шарларио считал благословением богов. Но хотя ночь была теплой и светлой от всех этих благословений, лунному эльфу было трудно удержаться от песни, лившейся из серебряной лиры его сына.

Почти три века прошло с тех пор, как Шарларио был вырван из Фейри и брошен на этот далекий берег. Это был долгий срок, даже по меркам эльфов, и все же годы пролетели слишком быстро. Шарларио вздохнул и подбросил в огонь еще одну скрученную серую палку коряги.

Его сын, Корнайт, поднял голову на звук. Выражение лица Шарларио вырвало песню из горла молодого эльфа. Его пальцы инстинктивно приглушили струны лиры.

"Ты выглядишь усталым, отец", - сказал Корнайт. "Может, мне остановиться, чтобы ты мог отдохнуть?"

Лунный эльф улыбнулся. "Я устал, парень, но сомневаюсь, что отдых принесет мне спокойные сны этой ночью. Время поджигает - слишком многое еще не сделано".

"И все же мы многого добились в этом путешествии", - серьезно сказал молодой эльф. "Мы не прожили в горах и двух лет, а уже установили дипломатические связи с не менее чем десятью поселениями зеленых эльфов. Это замечательно даже по вашим меркам. Уверен, у нас достаточно союзников, чтобы принять любой вызов, который ждет нас впереди".

"Ты никогда не сражался с драконом", - просто ответил Шарларио. "Я бы молился, чтобы тебе никогда не пришлось этого делать, но это было бы сродни молитве о том, чтобы зима не наступила. Время идет своим чередом, и годы изгнания дракона почти прошли. Существо вернется, в этом я почти не сомневаюсь".

"И мы повернем его вспять, как ты уже делал это раньше", - уверенно сказал его сын.

Шарларио не ответил. Он редко говорил о той давней битве, разве что заверял других эльфов, что красный дракон изгнан и не скоро вернется. Мало кто из них поверил его рассказу об аваризель, так что не было причин подробно рассказывать о

своей службе крылатым эльфам. Да он и не хотел, по какой бы то ни было причине. Цена за ту победу была огромной, и долг уже подходил к концу.

"Насколько ты доверяешь историям, рассказанным об Илителири?" - спросил Корнайт, наяривая на своей лире. "Со своей стороны, я не могу поверить, что южные эльфы настолько могущественны или амбициозны, как нам рассказывали. Не могу я поверить и в рассказы об их предполагаемых злодеяниях".

"Верьте", - провозгласил женский голос из тени за костром.

Оба эльфа вздрогнули от этого звука. Рука Шарларио инстинктивно потянулась к кинжалу на поясе. Осторожно поднявшись на ноги, он заметил восторженное выражение в глазах сына и прекрасно его понял.

Ничто так не любил Корнайт, как музыку, а в одном-единственном произнесенном слове было больше мелодии, чем во многих песнях и балладах. Как и все эльфы, Шарларио любил красоту, и его самого инстинктивно влекло к невидимому оратору. Тем не менее он вызвал в памяти заклинание, способное отвести магическую атаку, и держал руку на рукояти своего кинжала.

"Если ты пришел с миром, тебя ждут у нашего костра", - сказал он.

Тени зашевелились, и в круг света костра шагнула эльфийка. Несмотря на свою многовековую карьеру дипломата, Шарларио почувствовал, как у него отвисла челюсть от удивления.

Их гостя, без сомнения, была самым прекрасным существом, которое он когда-либо видел. Ее лицо было эльфийским, с острыми углами и тонко вылепленными чертами, но ее кожа была цвета беззвездной ночи. Она была выше всех эльфов, которых он знал, - гораздо выше шести футов, а ее длинные конечности были обнажены под короткой черной туникой, которая, кроме черного плаща с капюшоном, была ее единственной одеждой. Если не считать больших серебристых глаз, которые торжествующе смотрели на него, она была полуночницей в эльфийском обличье. У Шарларио возникло странное ощущение, что перед ним тень, ставшая реальностью.

"Благодарю тебя за приветствие, Шарларио Лунноцветущий, - произнесла женщина низким музыкальным голосом. Прежде чем лунный эльф оправился от потрясения, услышав, что к нему обращаются по имени, незнакомка откинула плащ. Волосы цвета звездного света рассыпались по ее обнаженным черным плечам сверкающими волнами. Серебристая аура прилипла к ее волосам, дивный, волшебный свет, который нельзя было объяснить только отраженным светом костра.

Корнайт, поднявшийся вместе с отцом, чтобы поприветствовать гостью, опустил на одно колено. На его лице читалось благоговение, и он смотрел на эбеновую богиню - а это была именно она, - словно она была ответом на вопрос, который чувствовала каждая душа, но не могла выразить никакими словами.

"Моя госпожа", - произнес он глубоко благоговейным тоном. "Что великого мы сделали, чтобы быть так благословленными? Как мы можем служить вам? Можем ли мы узнать ваше имя?"

Богиня перевела взгляд на младшего эльфа, и ее мрачное выражение лица смягчилось. "Твоя песня была прекрасна, Корнайт Лунноцветущий. Она привлекла меня сюда и радовала мое изгнание. Я отвечу на все твои вопросы, но сначала

присядь". На ее лице заиграла коварная ухмылка. "Камень, на котором ты стоишь на коленях, не может быть удобным".

Когда Корнайт замешкался, богиня опустилась на землю и расставила свои длинные конечности так, как это делает ребенок, скрестив ноги. Она похлопала по земле рядом с собой в знак приглашения, а затем бросила взгляд на все еще наблюдающего за ней Шарларио.

"Я известна как Эйлистри, Темная Дева. Я не требую от тебя ни почтения, ни бдительности", - мягко сказала она. "Я пришла как друг, и мне нужны друзья. Отложите оружие и удивление, и давайте поговорим. Есть вещи, которые ты должен знать, если собираешься противостоять Илителири".

Печаль в ее голосе поразила сердце Шарларио, и он выполнил ее просьбу. "Вы говорили об изгнании, леди", - прокомментировал он. "Простите меня, но я никогда не слышал о таком. Откуда вы изгнаны, и, если позволите спросить, почему?"

"Совсем недавно - из южных земель", - ответила богиня. "Многие эльфы там поклоняются Ваэруну. Возможно, вы не слышали о нем - он пал из Селдарина, когда Фейри была еще молода, и лишь немногие из Людей знают его имя. Его последователи похожи на него: они достаточно горды, чтобы верить, что предназначены для власти, и достаточно безжалостны, чтобы захватить ее любым способом. По мере того как их число растет, растет и могущество Ваэрона. С каждым племенем, поработанным Илителири, с каждым разрушенным городом влияние Ваэрона распространяется по земле, как пятно крови. Наконец, он стал достаточно силен, чтобы достичь того, чего он больше всего желал".

Богиня надолго замолчала, глядя в угасающий костер. "Ваэрон ненавидит меня. Он приказывает своим поклонникам преследовать и уничтожать всех, кто следует за мной. Он хотел бы видеть меня уничтоженной, если бы это было в его власти. Это не совсем так. И все же я должна уйти".

"Если тебе нужны последователи, то будь уверена, что я не боюсь этого Ваэрона", - начал Корнайт.

"А стоило бы". Эйлистри бросила на искреннего молодого эльфа успокаивающий взгляд. "Хотя он всего лишь юный бог, Ваэрон тщеславен и злобен, он готов напасть на тех, кто не оказывает ему почести. И этого ты не должен делать".

"Я и не думал", - решительно заявил лунный эльф. "До этой ночи я желал лишь следовать за своей матерью в ее преданности Сеханин Лунной Радуге".

Эйлистри печально покачала головой, отворачиваясь от поклонения в глазах молодого эльфа. "Я польщена тем, что ты думаешь обо мне, Корнайт Лунноцветущий, но не оставляй своей преданности Сеханин. Нет, послушай, - сказала она, пресекая его протесты. "Боги воспринимают время так, как ты не можешь понять. Некоторые из нас слышат отголоски того, что еще не произошло в жизни смертных. Я предвидела, что большинство из тех, кто последует за мной, будут, как и я, изгнанниками, странниками, которые никогда не найдут дорогу на эльфийскую родину".

"Эльфы, которым закрыт путь в Арвандор?" потребовал Шарларио. "Конечно, нет!"

Серебряные глаза богини затуманились, как будто они отрешились от времени и места, чтобы взглянуть на видения, которые не мог увидеть ни один смертный. "Нет, не Арвандор. Будет другая родина. Должна быть другая родина", - сказала она, ее голос стал более напряженным. "Грядет буря, Шарларио Лунноцветущий, когда дети одного отца станут злейшими врагами. Так было, и так будет, снова и снова. Действия богов проникают сквозь время, чтобы затронуть их Народ. Скоро смертные эльфы познают боль и потрясения, разорвавшие Селдарин на части".

"Этот Ваэрон должен быть очень силен, чтобы вдохновить своих последователей на такой конфликт", - с тревогой в голосе произнес Шарларио.

Серебряные глаза Эйлистри снова сфокусировались. "Не Ваэрон, - прошептала она, ее прекрасное лицо было глубоко озабочено. "Другие темные боги придут, и скоро".

Ни один из эльфов Лунноцветущих не смог подобрать слов в ответ на это заявление. Долгое время они сидели втроем, и их тишину скрашивало лишь редкое потрескивание угасающих углей, тихое щебетание ночных существ и рокот близкого моря.

"Есть еще одна вещь, которую ты должен знать и бояться", - сказала наконец богиня. "Высокая магия, которая привела тебя в это место, может быть чудесной вещью. Она также может быть использована во зло. Вы убедитесь в этом, если посетите Аторрнаш. Те, у кого никогда не было причин бояться магии, должны научиться остерегаться ее и тех, кто ею владеет".

"Аторрнаш?" - рискнул спросить Корнайт.

"Это большой город, неполных три дня пути на юг. Там ты найдешь большие богатства, могущественную магию и тех, кто предложит тебе союз в битве с драконами. Рассматривай такие дары внимательно - некоторые из них имеют скрытую цену".

Богиня резко встала и подняла глаза к небу. Над головой сияла полная луна, и лучи ее света проникали сквозь полог деревьев, укрывавших лагерь эльфов. Эйлистри протянула руку и коснулась пальцем луча света, и на ее лице появилось выражение напряженной сосредоточенности человека, прислушивающегося к далеким голосам.

"Я слишком задержалась. Ты должен знать больше, но я не могу задерживаться. Берегись." С этими словами она вскочила на вал лунного света и исчезла. Слабое сияние на мгновение задержалось в воздухе, а затем исчезло, как погасшая свеча.

Шарларио показалось, что никогда еще темнота не была такой гнетущей, как та, которую оставил после себя уход Эйлистри. Несмотря на яркую луну и отблески угасающего костра, несмотря на компанию любимого сына, эльф чувствовал опустошение, более тягостное, чем все, что он когда-либо знал.

Он взглянул на Корнайта и прочел в глазах сына боль, похожую на тяжелую утрату. Все это объясняло, как он полагал, почему боги редко появляются перед своим народом - они знали, какую пустоту оставляет после себя их отсутствие.

Шарларио резко поднялся и пнул угасающие угли в золу. "Идем", - сказал он. "До Аторрнаша почти три дня пути".

Младший эльф удивленно посмотрел на него. "Разве ты не слышал, что сказала богиня Эйлистри? Она предупредила нас о зле этого места".

"Она также сказала нам о силе. И она не просила нас держаться подальше", - заметил Шарларио.

Поскольку он был честным эльфом, он знал, что эти слова были сказаны для того, чтобы заглушить как его собственную тревогу, так и протест его сына.

* * * * *

Перед заходом солнца на третий день после встречи с Темной Девой эльфы Лунноцветущих достигли ворот Аторрнаша. Корнайт, никогда не видевший города такого размера и великолепия, смотрел на все с таким изумлением, что отцу не раз приходилось напоминать ему о необходимости соблюдения своей миссии и собственного достоинства.

Но упреки Шарларио не были столь резкими, как могли бы быть, ибо он и сам был потрясен Илителирским городом. Он видел чудесные жилища на Фейри, которые эльфийская магия могла сотворить из хрусталя, или кораллов, или живых деревьев, могучие замки из мрамора и лунного камня. Но никогда он не видел ничего подобного Аторрнашу.

Город стоял на самом краю моря, со всех трех сторон длинного и узкого залива, глубоко врезавшегося в сушу. Многие здания были построены из темного камня - не высеченного в скале, как города dwarфов, и не из куч каменной кладки, как предпочитали халфлинги, а из камня, извлеченного из глубин земли в виде готовых зданий. Драгоценные камни сверкали в точных узорах на гладком камне, иногда образуя сложную мозаику, покрывавшую целые стены или даже мостившую дорожки. Но самым чудесным из всех был огромный замок из сурового черного камня, башни которого взмывали в закатные облака. Высокая стена окружала замок, ограждая обширные владения. Такая же низкая стена из черного гранита окружала весь город, стена без швов и трещин. Судя по всему, это был единый массив твердой породы. Для Шарларио это была загадка, а стена, казалось, навевала мысли о тайнах, которые ожидали их внутри.

В последующие дни после их прибытия в Аторрнаш Шарларио начал догадываться, как могли появиться эти странные каменные стены и жилища.

Первым делом Шарларио заметил, что с заливом что-то не так. Воды были слишком бурными для такого укромного места, беспокойными даже во время отливов и в самые спокойные дни. Когда наступала ночь, а с юга дули горячие и сухие ветры, море кричало, как потерянная, обезумевшая душа. Илителири называли его Заливом Баньши, и, вероятно, не без оснований. Шептались, что многие эльфы погибли от силы магии, разорвавшей землю, чтобы создать город, и еще больше погибло, когда море хлынуло, чтобы заполнить пустоту. Шарларио почувствовал в голосе моря тревожное присутствие этих беспокойных душ.

Но ничто в сумеречном прибытии "Лунноцветущих" не наводило на мысль об этой мрачной истории. Хранители ворот спросили о своих делах и вежливо выслушали просьбу Шарларио о возможности поговорить с вождами Аторрнаша от имени эльфов Тинтажера с северных гор. Хранители сразу же отправили гонцов в Крепость Ка'Нарлист - черный замок, господствовавший над городом, и не успели

краски заката померкнуть, как Лунноцветущие расположились в роскошных гостевых покоях городского архимага.

На самом деле они не видели Ка'Нарлиста несколько дней. Архимаг прислал свои извинения и заверил, что посетит их, как только позволит работа. А пока, сообщили им его слуги, они должны были наслаждаться гостевым домом и садами, а также осматривать город в качестве гостей Ка'Нарлиста. Последняя честь, как вскоре узнал Шарларио, означала, что им оказывалось огромное почтение и неограниченный кредит доверия, куда бы они ни отправились. На рынках они быстро научились не брать в руки никаких товаров и даже не задерживаться у ларька - все, чем они восхищались, им быстро преподносили в подарок. По опыту Шарларио, эльфийские культуры разделяли древний обычай обмена подарками, и во многих местах великолепие подарка считалось показателем дарителя. Но эта щедрость выходила за рамки всего, что Шарларио когда-либо видел. Еще более странным было то, что ни разу ни один из эльфов Илителира не принял ответного дара.

Любопытство лунного эльфа росло по мере того, как проходили дни. Многие из эльфов Аторрнаша были такими же темнокожими, как богиня Эйлистри. Эти темные эльфы, заметил он, похоже, занимали большинство влиятельных должностей в городе, в то время как представители более светлых рас были привратниками, владельцами магазинов и слугами. Шарларио никогда не видел столь резкого разделения между различными эльфийскими народами, и это его беспокоило. Как и обилие необычных существ, заполонивших рынки и улицы. В своих странствиях Шарларио встречал множество странных и диковинных существ, и его постоянно удивляло разнообразие жизни на Фаэруне, но это было за пределами его опыта. Его природная чувствительность к магии заставила его заподозрить, что к созданию этих существ приложило руку Искусство. Он также заметил страх, промелькнувший в глазах Илителири, когда он попытался заговорить о таких вещах.

Странным было и уединение, в котором Ка'Нарлист держал своих гостей. Жилище для гостей было просторным и величественным, а в садах росли пышные цветы и играли такие фонтаны, каких Шарларио не видел со времен своего пребывания на затерянном острове Тинтаджер. Небольшая армия слуг была наготове, чтобы быстро выполнить любую просьбу, и предлагались всевозможные роскошества и развлечения. Гостеприимство архимага ни в коем случае нельзя было поставить под сомнение, однако гостевые покои располагались далеко за пределами стен, окружавших замок Ка'Нарлист. Даже территория, хозяйственные постройки и загоны, окружавшие замок, были отделены от владений гостей высокими черными стенами.

Поэтому Шарларио не удивило, что, когда наконец пришло известие о том, что Ка'Нарлист принимает гостей, аудиенция должна была состояться не в самом замке, а в садах для гостей.

Готовясь к этому, Шарларио и Корнайт оделись по местному обычаю в изысканные одежды и драгоценности, которыми их одарили слишком щедрые купцы. Корнайт захватил с собой маленькую золотую арфу - почти бесценный магический инструмент, которым он восхищался до того, как узнал о неизбежном

результате такой любезности. Он никогда не забудет пораженное выражение лица хозяйки, когда она милостивыми фразами настаивала, чтобы он взял ее арфу.

Когда тень солнечных часов упала на руну, отмечавшую назначенный час, Ка'Нарлист появился перед ними без предупреждения и фанфар. По бокам от него стоял бдительный мужчина-велик - кентавроподобное существо с мощным человеческим торсом на туловище огромного льва. С его тауновой кожей, кошачьим носом и густой гривой черных волос велик представлял собой необычное и впечатляющее зрелище. Но после первого изумленного взгляда Лунноцветущих полностью переключили свое внимание на архимага.

Ка'Нарлист был темным эльфом. Как и у большинства представителей элиты города, у него были малиновые глаза и белоснежные волосы. В отличие от большинства из них, он не выставлял напоказ свое богатство и статус. Он носил простую белую тунику поверх брюк и сапог, какие могли бы носить искатели приключений. На его руках не было перстней, а волосы были заплетены в одну косу и перевязаны кожаным шнурком. Он был гораздо меньше и стройнее Шарларио, но от него исходила аура огромной силы.

Архимаг приветствовал их любезно и задал несколько вопросов об эльфах на севере. Заметив арфу, которую нес Корнайт, он попросил исполнить песню и, казалось, был искренне рад исполнению молодого эльфа. Более того, он внимательно выслушал просьбу Корнаита вернуть арфу ее владельцу и поручил своему слуге-велику проследить, чтобы это было сделано в тот же день.

Однако, несмотря на все эти любезности, Шарларио чувствовал себя настороженно. Ответы, которые он давал хозяину, были более осторожными, чем это было принято, и он инстинктивно чувствовал, что прислушивается к скрытым слоям смысла в словах архимага. Он подумал, что, наверное, делал бы это и без предупреждения Эйлистри. Было в темном эльфе что-то такое, что внушало осторожность.

"У тебя очень хороший кинжал", - заметил Ка'Нарлист, кивнув в сторону длинного ножа, засунутого в сапог Шарларио. "Не думаю, что я видел такой же".

Вспомнив местный обычай, лунный эльф вынул нож из сапога и протянул его, рукоятью вперед, волшебнику. "Он твой, если ты окажешь мне честь и примешь столь малый знак".

"С удовольствием", - сказал темный эльф. Он сдвинул в сторону складки своей туники, открыв оружейный пояс, на котором висели украшенный драгоценными камнями кинжал и два маленьких шелковых мешочка. Он вынул кинжал из ножен, чтобы освободить место для подарка Шарларио, а затем предложил свой гостю в качестве обмена.

Оружие было великолепным: лезвие с ярким атласным блеском и большой рубин в богато украшенной гравировкой рукояти.

Шарларио поклонился и принял прекрасный кинжал, недоумевая, почему архимаг так восхищался менее ценным оружием. Кинжал на поясе лунного эльфа был хорошо виден, и он был почти так же прекрасен, как тот, что только что подарил ему Ка'Нарлист. Это был бы более близкий обмен. Ему стало интересно, что означает это неравенство.

"В наших землях обмен оружием - знак доверия, - сказал маг со слабой улыбкой. "В некоторых обстоятельствах это также залог службы или помощи."

Этого Шарларио не ожидал, но в этом был определенный смысл. "Какую услугу ты от меня требуешь?"

Багровые глаза Ка'Нарлиста загорелись весельем. "Это не было моим намерением, уверяю тебя. Напротив. Вы проделали долгий путь, несомненно, с какой-то целью, чтобы ускорить свои шаги. Говорите свободно, и я помогу вам, если смогу. По крайней мере, я смогу ответить на некоторые из ваших вопросов. Подозреваю, что у вас их много", - добавил он проницательно.

Лунный эльф задумчиво кивнул. Как дипломат, он знал толк в новостях из дальних стран. То, что он только что сообщил Ка'Нарлисту, вполне могло многократно превзойти стоимость кинжала с рубиновой рукоятью. Его также прельщало предложение получить в обмен информацию, и ему не терпелось услышать, какие объяснения может дать маг некоторым обычаям Аторрнаша.

"Я слышал, что многие жители этих земель поклоняются Ваэруну. Об этом боге я знаю немного, и хотел бы узнать все, чему ты можешь научить".

"Ваэрон!" Уголок губ Ка'Нарлиста приподнялся в выражении презрения. "Мелкий божок, выскочка. Его последователи - в основном воры, налетчики, мошенники всех мастей. Сам я не имею ничего общего с этим богом".

"Это обнадеживает", - пробормотал Шарларио.

"Для тех, кто стремится постичь источник силы, прикоснуться к силе самой жизни, есть только Гонадор, Единственно Древний", - продолжал Ка'Нарлист. Он бросил на вемика язвительный взгляд, словно обмениваясь невысказанным секретом. "Возможно, у тебя и твоего сына еще будет возможность понаблюдать за служением Богу стихий".

Шарларио это нисколько не обнадежило, хотя он ничего не знал о Гонадоре. "Еще одна вещь меня озадачивает", - сказал он. "Я не могу не заметить разделения между темными эльфами и светлыми. В других местах я видел классовые различия: королевские, благородные и простые, но здесь речь идет о рождении и воспитании".

"А разделение Аторрнаша - нет?" - возразил волшебник. "На самом деле, это простой вопрос. Природа подчиняется определенным неизменным правилам. В силу когтей и клыков лев всегда одержит победу над козлом. Со временем удары моря сотрут камень. А когда темные эльфы смешиваются со светлыми расами, потомство неизменно берет пример с темного родителя. Все происходит примерно одинаково - что больше, то и победит. Наша численность постоянно растет, как за счет рождения, так и за счет завоеваний. Темные эльфы - доминирующая раса, так распорядились боги", - заключил Ка'Нарлист, не обращая внимания ни на что. "Этим я не хочу вас обидеть".

Извинение было настолько очевидно спекулятивным, что Шарларио отказался от комментариев. "Природа действительно полна чудес", - продолжил он. "Огромное разнообразие обитателей Аторрнаша заставляет наблюдателя удивляться прозорливости природы".

Багровые глаза Ка'Нарлиста сверкнули весельем. "Деликатно сказано. Как ты и предполагал, природа не имеет достаточно отношения к большинству тех нелепых созданий, что заполонили улицы", - сказал маг с легким оттенком язвительности.

"И что же?"

"В этом городе много волшебников, которые экспериментируют с могущественной магией и в процессе создают извращенные существа всех мастей. В таких вещах есть искусство и наука, но большинство волшебников занимаются этим, как будто они слуги, бросающие кусочки трав и мяса в кастрюлю с тушеным мясом. В результате получается ужасающая солянка, свидетелем которой вы были".

"И ты тоже занимаешься подобными вещами?" потребовал Корнайт.

"Я делаю такие вещи, мой дорогой юный эльф, но не "также". Лучше. Гораздо лучше. Я делаю их так, как они должны быть сделаны. Мои исследования тщательны, мои результаты замечательны".

Ка'Нарлист выдержал минутное молчание, чтобы придать вес этому заявлению. "Вы можете счесть меня гордецом, - продолжал он неискренним голосом, - но я упоминаю о своей работе только потому, что, по слухам, вы не только дипломаты, но и купцы. Я подумал, что вы могли бы заинтересоваться приобретением необычных рабов. В моих конюшнях есть несколько интригующих пород".

Шарларио поймал взгляд сына и молчаливым предупреждением приказал заметно разгневанному юноше придержать язык. По правде говоря, он был потрясен происходящим не меньше, чем Корнайт, но понимал, что разговоры об этом принесут мало пользы и могут причинить значительный вред. Многовековые странствия научили его наблюдать, долго размышлять и говорить только после долгих раздумий. Но даже когда Шарларио напоминал себе о необходимости воздержаться от суждений о культуре, которую он мало понимал, он начал понимать, что пророчество Темной Девы вполне может сбыться.

"Несмотря на классовые различия, несомненно, все жители Аторрнаша сплотятся против общей угрозы", - прокомментировал Шарларио. По его мнению, давно пора было перевести разговор на более безопасные темы.

Маг поднял одну снежную бровь. "Например?"

"Драконы, например. Угрожают ли Аторрнашу их войны?"

"Не совсем. В городе активно используется магия, и большинство драконов находят это неудобным и обходят Аторрнаш стороной. Время от времени они мешают торговым путям, но за исключением саванн и лесов на севере, драконы в худшем случае доставляют незначительные неудобства. За исключением, пожалуй, вот этого, - поправил маг, слегка поморщившись и кивнув в сторону тусклой красной точки в небе.

Шарларио посмотрел вверх, и сердце его упало. "Хозяин гор", - пробормотал он с ужасом в голосе.

"Ты имеешь в виду Махатнартиана, я так понимаю. Да, он немного досаждаст. Я потерял много скота из-за его аппетита - магические средства защиты моих пастухов совершенно недостаточны для борьбы с огромным вирмом. Я построю более надежные защитные сооружения, когда моя работа позволит мне найти время. Но, конечно, Махатнартиан не представляет угрозы для твоей родины, какой бы далекой она ни была".

"Дракон летит на север, и я знаю, куда он направляется", - мрачно сказал лунный эльф. "Мы должны уходить немедленно".

"Ах." Ка'Нарлист кивнул в знак понимания. "Ты имел с ним дело, я так понимаю?"

"Он был завоеван и изгнан кланом аваризель. Я сражался с ними, так как был обязан им честью".

"Аваризель?"

"Крылатые эльфы", - нехотя ответил Шарларио, жалея, что по какой-то причине не заговорил о них.

Но Ка'Нарлист, казалось, воспринял замечание спокойно - несомненно, его утомляли экзотические существа, появившиеся на свет благодаря его собственной работе. "А теперь дракон возвращается, чтобы свести счеты с жизнью. Конечно, ты должен идти. Но если ты сможешь задержаться на час, мой велик позаботится о том, чтобы ты взял с собой отряд воинов. Мстительного дракона не так-то просто победить".

На мгновение Шарларио поддался искушению. Однако он не мог отмахнуться от непринужденной манеры архимага говорить об отношении темных эльфов к завоеваниям и господству. Инстинкт подсказывал ему, что, приняв предложение Ка'Нарлиста, он почти наверняка решит судьбу лесных эльфов.

"Я благодарю тебя, но я не могу ждать. Не только моя семья находится под угрозой, но и я связан клятвой...", - начал лунный эльф.

Ка'Нарлист прервал его поднятой рукой. "Я все понимаю. Делай, что должен, со всей возможной скоростью". Волшебник повернулся к всегда внимательным слугам, задерживавшимся по периметру сада, и велел им без промедления проводить лунных эльфов к северным воротам. "А еще лучше, - обратился он к Шарларио, - я сам отправлю вас в путь. Вы прошли недалеко от белых скал, в нескольких днях пути на север? Хорошо. Я отправлю вас туда".

Волшебник протянул одну руку. Он сжал ее в кулак, затем сделал быстрое движение в одну сторону. Произошла короткая вспышка света, и лунные эльфы исчезли.

"Хмф", - пробурчал велик, явно не впечатленный таким решением проблемы их гостей. "Они одеты не для тропы".

"Теперь они одеты. Все их первоначальные вещи с ними, как и большинство вещей, которые они приобрели в городе. Кроме этой арфы", - сказал Ка'Нарлист, скривив губы и бросив на инструмент насмешливый взгляд. "При первой же возможности избавься от этого звенящего ужаса".

"Как пожелаешь, господин. Но эльфы - ты просто позволил им уйти", - сказал велик с вопросом в кошачьих глазах. "Ты думал принести их в жертву своему богу".

Ка'Нарлист пожал плечами. "Принеси мне другую пару белых эльфов с невольничьего рынка - Гонадор не будет возражать против замены. У меня есть другое применение для северян".

Он ждал, что велик спросит, но раб просто смотрел на него - или мимо него. Ка'Нарлист усмехнулся.

"Ты упрям, Мбугуа. Я вижу, что ты хочешь знать, но я могу содрать твою шкуру с твоих костей, прежде чем ты спросишь. Ну что ж, хорошо. Как ты знаешь, темные эльфы - не единственный народ, владеющий сильной Высшей магией. В последнее время наши налетчики, возможно, слишком усердствуют, и конфликт между расами

эльфов нарастает. Со временем начнется война, и справедливым расам будет за что отомстить. Сейчас исход этой войны неясен. И все же, если наш гость говорит правду..."

Тут Ка'Нарлист сделал паузу и вопросительно поднял бровь. Вемик знал, чего от него ждут. Он был шаманом среди своего народа и до сих пор хорошо умел читать сердца и души окружающих его людей.

Раб нехотя кивнул в знак согласия. "Он говорит правду".

"В таком случае, я бы очень хотел приобрести некоторых из этих крылатых эльфов. Шарларио Лунноцветущий - торговец. Возможно, его можно убедить предоставить мне нескольких".

Вемику не нужно было спрашивать, зачем его хозяину такие экзотические существа: Подземелья и территория замка кишели результатами магических манипуляций Ка'Нарлиста. И он достаточно хорошо знал своего хозяина, чтобы догадаться, что именно тот имел в виду.

"Ты сделаешь крылатых темных эльфов", - заявил Мбугуа.

"Ночных летунов", - подтвердил волшебник, его малиновые глаза затуманились видением будущей славы. "Какая удивительная армия у них получится! Невидимые на фоне ночного неба, вооруженные темно-эльфийским оружием и магией!"

Вемик покачал головой, не только чтобы выразить свои сомнения, но и чтобы выкинуть из головы ужасающий образ. "Но рыжая шкурка - благородный эльф. Он не приведет своих крылатых братьев к тебе в рабство".

Ка'Нарлист лишь улыбнулся в ответ. "Редкий купец не соблазнится достаточным количеством золота и драгоценных камней. Но допустим, что ты прав насчет нашего рыжеволосого друга. Разве ты забыл, как попал в эту обитель? Забыл ли ты набег, который поработил твой клан и полностью уничтожил твою саванну? Разве шрамы от моих цепей исчезли с твоих запястий и лап? Разве вонь от горящего меха твоего мертвого товарища изгнана из твоих снов?"

Вемик не ответил на колкости темного эльфа. Он знал, что лучше, хотя его горло болело от усилий сдерживать рев страдания и ярости.

"Ты послал рейдеров за краснокожими эльфами", - пробормотал Мбугуа, как только смог заставить себя говорить.

"Ничего такого грубого. Я послал с ним драгоценный камень. Иначе зачем мне менять оружие принца на крестьянскую безделушку?" - рассуждал темный эльф. "Если рассказы Шарларио Лунноцветущего правдивы, то Махатнарториан попытается вернуть себе свое горное королевство и отомстить этим аваризель, этим крылатым эльфам. Я хотел бы понаблюдать за этими существами в бою, узнать их силу и обычаи. Если крылатые эльфы окажутся перспективными, то я последую за Шарларио в их тайные места. Когда мне понадобятся эти аваризель для моей собственной войны, я пошлю рейдеров, чтобы собрать их".

"Эта война - она скоро начнется?"

Как он ни старался, вемик не мог скрыть в своем голосе нотки надежды. В таком конфликте был шанс на поражение для его хозяина и свободу для себя и своих сородичей.

Улыбка темного эльфа насмехалась над этими мечтами. "Не на многие тысячи лет, мой верный слуга", - мягко сказал он. "Но не беспокойся из-за меня - я все еще

буду жив и в силе, и мой народ одержит победу в битве. И ты, мой дорогой Вемик, все еще будешь рядом, чтобы стать свидетелем этой победы в той или иной форме. Это я тебе обещаю!"

* * * * *

Когда над восточными холмами забрезжил рассвет, Дуротиль присел на разрушенном плато, которое когда-то было священным танцующим холмом. Эльфийский маг был неподвижен, если не считать зеленых глаз, изучавших южное небо. Вот уже много лет он часами просиживал на этой горе, наблюдая за происходящим и укрепляя свои планы и решимость.

Ему потребовалось много времени, чтобы понять, что делает Шарларио Лунноцветущий. Лунный эльф постоянно путешествовал, отыскивая эльфийские общины и заручаясь их помощью в предстоящей битве. Насколько мог судить Дуротиль, великий красный дракон, взорвавший эту вершину, был побежден и отправлен в изгнание крылатыми эльфами при содействии Шарларио. Драконы, судя по всему, придерживались определенных правил боя и поведения. Красные драконы были коварными существами, которые поступали так лишь с большой неохотой - и обычно мстили позже. Время изгнания почти истекло.

Утро рассвело ярко и ясно, но ветер был резким и обещал приближение зимы. Дуротиль встал и начал двигаться, размахивая руками, чтобы согреться. Он подошел к краю плато и посмотрел через предгорья на южное небо. Приближающегося красного дракона пока не было видно.

С крутого обрыва внизу подул ветерок, донося до бдительного эльфа странный запах. В недоумении Дуротиль сморщил нос и попытался определить его. В нем чувствовался сильный запах мускуса, со сладковатой ноткой, напоминающей о лимонных деревьях, которые когда-то цвели в королевских садах Тинтажера.

Внезапно Дуротиль обнаружил, что смотрит прямо в огромные желтые глаза. От шока он застыл на месте, даже когда его хорошо тренированный ум обратил внимание на детали: эти глаза были каждый размером с его собственную голову, с вертикальными зрачками и ярким злобным интеллектом, и они были расположены на ужасающем лице рептилии, покрытом пластинчатой чешуей цвета старой крови.

Пока ошеломленный эльф смотрел на него, что-то похожее на улыбку приподняло уголки пасти существа. От влажных и сверкающих клыков поднимался пар.

"Тебе еще многое предстоит узнать о драконах, малыш", - проурчало огромное существо, подкрепляя свои слова клубами серного дыма. "У нас есть крылья, да, но у нас есть и ноги! Люди всегда ожидают, что их предупредит треск подлеска и лязг чешуи, а на самом деле ни одна горная кошка не ходит в большей тишине".

Дуротиль покачал головой в ошеломленном отрицании. Эта встреча должна была пройти совсем не так. Вся его магия, все его тщательные приготовления были заперты в какой-то недоступной части его разума параличом драконьего страха. Эльфийский маг, конечно, знал, что лучше не смотреть в глаза дракону, и никогда бы не сделал этого, если бы существо не застало его врасплох. Теперь он был беспомощен, как мышь в ловушке, ожидающая удара хищника.

Крылья дракона раскрылись со звуком, похожим на раскат грома, а затем Махатнартиан ритмично затрепетал, поднимаясь в воздух. Он медленно вращался вокруг себя, удерживая гипнотическим взглядом глаза Дуротила и заставляя эльфа поворачиваться вместе с ним, пока он кружил вокруг него и опускался на центр плато. Дракон поднял свою рогатую голову и принялся к воздуху.

"Здесь есть интересная магия, эльф. Твоя?"

Дуротиль кивнул, несмотря на все свои попытки сопротивляться силе этого существа.

Дракон уселся, подогнув передние лапы под грудь и обернув хвост вокруг покрытого чешуей тела. Что-то в этой позе навело эльфа на мысль о скучающей домашней кошке.

"Я хотел бы посмотреть, какую магию ты приготовил против меня", - продолжал Махатнартиан таким же тоном, каким король может потребовать представления от шута со слабой репутацией. "Постарайся, маленький эльф. Только не удивляйся и не надейся. Лучшие волшебники юга не смогут причинить мне никакого вреда. Моя сопротивляемость магии слишком сильна", - самодовольно сказал он.

"Тогда как же Шарларио Лунноцветущий смог подчинить тебя?"

Слова вырвались прежде, чем Дуротиль успел подумать о последствиях. Когда он проклинал свой одержимый страхом язык, глаза дракона сузились до щелей.

"Тебе повезло, эльфлинг, что я не в настроении отвлекаться", - зловеще прорычал он. "Во что бы то ни стало, отвлеки меня. Я надеюсь, что твоя магическая атака пощекочет меня - я не привык к прохладному воздуху этих северных земель, и искренний смех может приятно согреть".

Дуротиль почувствовал, что власть дракона над его разумом постепенно ослабевает. Как только он смог двигаться по собственной воле, он оторвал взгляд от этих наполненных злобой глаз. Затем он потянулся в сумку, покрытую мхом, и осторожно достал маленький кубик. Он сделал глубокий вдох и начал песнопение, которое готовил годами.

Дракон слушал, покачивая массивной головой в насмешливом контрапункте к ритму эльфийского песнопения. Однако когда магические силы собрались воедино, рогатая бровь дракона наморщилась в недоумении и оцепенении. Эльф сосредоточил свои усилия не на драконе, а на каком-то предмете - и на чем-то еще, что Махатнартиан не мог определить.

Когда песнопение Дуротила ускорилося и достигло кульминации, он занес одну руку назад и метнул в дракона какой-то предмет. Маленький, вязкий зеленый шарик брызнул на бронированный бок существа.

Махатнартиан посмотрел на это месиво, недоверчиво приподняв одну рогатую бровь. "Это лучшее, что ты можешь сделать? Ты разочаровал меня, эльфлинг. По крайней мере, ты мог бы..."

Дракон резко прервался, когда внезапный холод, острый, как зубы соперника, пронзил защитную броню его чешуи. Он посмотрел вниз и заметил, что зеленое пятно начало распространяться. Дракон протянул кончик хвоста и попытался содрать странное вещество. Его хвост был крепко зафиксирован в нем - как он ни старался, он не мог вырвать свой хвост из упругой субстанции.

Ревя от ярости, Махатнарториан встал на дыбы и разорвал передними лапами быстро распространяющуюся слизь. Даже его массивные когти не могли остановить поток. В ярости дракон забил крыльями, инстинктивно пытаясь взлететь и укрыться в своем логове. Порывы ветра отбросили эльфа назад, подкатившись к краю плоскогорья.

Но попытка оказалась слишком запоздалой. Задние четверти дракона уже крепко прилипли к горе. Через несколько мгновений Махатнарториан был полностью заключен в огромный куб, занявший почти все плато.

Дуротиль вскочил на ноги, его грудь вздымалась, а дыхание вырывалось рваными глотками. Он осторожно обошел вокруг все еще борющегося дракона, стараясь не встречаться с ним взглядом. Наконец дракон успокоился с видимой покорностью, и его массивная пасть слегка шевельнулась, как бы говоря. На мгновение воцарилась тишина, когда по кубу к внешнему краю прошла рябь.

"Как ты это сделал? Какой магией ты владеешь?"

Голос дракона был странно изменен прохождением через куб - приглушен и искажен, пока его шаткие каденции не стали больше похожи на бормотание пьяного карлика, чем на великий, грохочущий басовый инструмент, который был почти так же страшен, как драконий страх. Но для Дуротила эти слова звучали слаще колыбельной песни сирены.

"Я не повелеваю такой силой - я просто прошу. Поскольку эльфийская магия не поможет столь могущественному врагу, я обратился к силе древнего бога, чтобы он выступил против великого Махатнарториана". Ответ был экстравагантным, но Дуротиль был настроен на щедрость, к тому же он знал о легендарном тщеславии красных драконов.

"Бог. Хм." Дракон, казалось, был несколько успокоен этой информацией. "Очень хорошо. Теперь, когда я покорен - хотя я хочу, чтобы ты знал, что это вряд ли традиционный способ покорения - какие услуги требует от меня твой бог?"

"Информации", - начал эльф. "До меня дошли слухи о серебряных драконах на севере".

"Считай, что они подтвердились".

"Твоя роль не так проста. Мне нужно знать, где логово этих существ. И мне нужно яйцо. Когда я получу и высижу жизнеспособное яйцо, ты будешь свободен".

Плечи дракона резко поднялись и опустились, посылая дрожь по кубу. Мгновение спустя его насмешливое фырканье прорвалось сквозь желатиновый барьер.

Следующая серия пульсаций появилась быстро, предвещая силу грядущих слов. "В таком случае, эльфлинг-дурак, я буду вечно сидеть в этом нелепом кубе. У тебя нет никакой надежды на успех. Ты когда-нибудь видел, чтобы задумчивая драконица защищала свои ясли? Нет, конечно, не видел, потому что ты еще жив, чтобы стоять передо мной с этой раздражающей ухмылкой на лице".

В словах дракона было больше правды, чем хотелось признать Дуротилу. Извлечение живого яйца было самой слабой частью его плана. "У тебя есть другое предложение?"

"Я достану это яйцо для тебя", - предложил дракон. "Отпусти меня сейчас, и я выслежу и убью серебряного дракона. Это я сделаю в любом случае, ибо хочу

присоединить охотничьи угодья серебряных к своей собственной территории. Можешь считать яйцо выполнением условий подчинения. Это нестандартно, но что в этой встрече нестандартного?"

Дуротиль обдумал это. "Какие у меня есть гарантии, что ты доставишь жизнеспособное яйцо? Или даже драконье яйцо - насколько я разбираюсь в таких вопросах, я могу оказаться с мантикорским котенком. И что помешает тебе ополчиться на меня и мой народ, когда яйцо будет доставлено?"

Смех, раздавшийся из куба, был с оттенком искреннего уважения. "Ты учишься, эльфлинг. Тогда давай заключим сделку, оставив твою часть не выполненной, пока ты не скрепишься со своим серебряным птенцом. Затем ты найдешь какую-нибудь хитрость, чтобы привести Шарларио Лунноцветущего на эту вершину. Сделай это, и я буду считать сделку удачно заключенной. Остальные лесные эльфы смогут жить в мире".

"Я не могу предать тебе одного из своих Людей!" - запротестовал эльф.

"А ты не можешь? И все же ты требуешь, чтобы я отдал одного из своих в твои руки. Насколько я знаю - или забочусь об этом, - ты можешь захотеть разделить маленького серебряного отродья, чтобы использовать его в своих заклинаниях или принести в жертву этому твоему богу. Гонадор, не так ли?" - проникательно сказал дракон. "Теперь, когда я задумался над этим вопросом, ты как раз из тех, кто мог бы привлечь внимание Старшего Бога - амбициозный, умнее большинства себе подобных, возможно, немного плут. Желаящий пробовать новое, расширять границы. Сильный жизненной силой, которую почитает и жаждет Гонадор.

"Ты ведь знаешь об этом маленьком требовании, не так ли?" - продолжал дракон. Уголком зажмуренного глаза он заметил озадаченное лицо Дуротила. Сквозь вязкую слизь, которая была даром древнего злого бога, пробился смехок.

"Ты не можешь! Клянусь Когтями Тиамат, ты еще больший глупец, чем кажешься! Неужели ты думал, что такой, как Гонадор, одарит тебя такими дарами и ничего не потребует взамен? О, он потребует, и на это ты можешь поставить все, что пожелаешь. Он потребует пожертвовать жизненной силой - своей или чужой. Так почему бы не убедить Гонадора считать Шарларио Лунноцветущего требуемой жертвой? Так ты сможешь оплатить два долга одной монетой. Мы согласны?"

Дуротиль стоял молча, ошеломленный и пристыженный. Он знал только, что Гонадор - древняя сила, которая искала его и предлагала помощь в его стремлении помочь своему народу и править им. Он должен был видеть злую природу Гонадора; он должен был знать, какого рода служения потребует от него бог. Он должен был, но не сделал этого, настолько он был ослеплен своим желанием власти. Но это желание само по себе не было злом. Конечно, нет.

"Теперь я освобожу тебя, - услышал Дуротиль свои слова, - и все будет так, как ты сказал, за исключением одного дополнительного условия. Я приведу к тебе Шарларио Лунноцветущего, когда обучу дракона нести меня на спине. Или, если я потерплю неудачу в этом начинании, я вернусь через двадцать лет со дня вылупления". И в этот день Гонадор принесет свою эльфийскую жертву".

"Договорились." Голос дракона прозвучал удовлетворенно.

С тяжелым сердцем эльф прочел молитву, которая должна была отменить божественное заклинание и освободить дракона из хватки Гонадора. И тут же

дракон взмыл в небо, и его крылья с грохотом понесли его к логову обреченного серебряного дракона.

Глаза Дуротила потускнели, когда он взглянул в небо, ибо они смотрели не на торжествующего и убегającego Махатнарториана, а на его собственную потерянную честь.

* * * * *

Когда Шарларио и его сын вернулись в свой лесной дом, они обнаружили, что поселение гремит хвалой герою Дуротилу. Эльфийский маг, казалось, опутал красного дракона могучим заклинанием и снова изгнал его. Многие эльфы были подняты по тревоге ревом пойманного дракона. Некоторые стали свидетелями этой сцены, ибо утро было ясным, и плато хорошо просматривалось из леса.

Шарларио с облегчением узнал об избавлении своего народа, но был озадачен. Разве Ка'Нарлист, маг могущественного Аторрнаша, не говорил, что этого дракона не одолеть эльфийской магией? Лунный эльф уважал способности Дуротила, но он не считал магию золотого эльфа более сильной, чем та, которой владеют в южных землях.

Возможно, заключил Шарларио, Дуротил просто использовал свою силу с большей сдержанностью и ответственностью. В конце концов, признак истинно великого - не просто обладание силой, а знание того, как и когда ее использовать.

Лунный эльф не особенно удивился, когда Дуротил, избегая похвалы своего народа, стал все больше времени проводить в одиночестве. Шарларио знал об этом не понаслышке. Он сам никогда не был прежним после встречи с Махатнарторианом. Каждую ночь из трехсот лет, прошедших с того дня, дракон преследовал его в снах. Не проходило ночи, чтобы Шарларио не посещали видения, в которых он снова видел прекрасную служанку-авариэль, пленившую его сердце, попавшую в драконий огонь, предназначенный ему, падающую на землю в клубке разрушенных крыльев. Охваченный боевой яростью, превосходящей все, что он когда-либо знал или видел, Шарларио заставил двух авариэль пронести его над драконом и опустить на спину твари. Пока чудовище летело в лигах над горами вниз, Шарларио взобрался на голову дракона и прикрепился к одному рогу. Подвесившись к рогу, он с размаху ударил дракона по морде и прижал свой меч и собственное лицо к блестящей поверхности драконьего глаза. Ярость его была так велика, что даже драконья ярость не могла пронзить его.

Воспоминание об этом злобном глазе пугало Шарларио. Как и обещание дракона отомстить, когда закончится срок его изгнания. Все это преследовало его в покое и омрачало то счастье, которое он обрел с того дня. Он женился на женщине из Фейри и крепко любил ее. Их совместная жизнь была наполнена маленькими тихими радостями и общим смехом. Но не проходило и ночи, чтобы Шарларио в унынии не бродил снова среди тел погибших авариэль, оплакивая потерю стольких дивных людей. Но не проходило и ночи, чтобы он не видел лица своих любимых жены и детей, наложенные на эти обугленные и разбитые тела. Да, Шарларио понимал потребность Дуротила в уединении и исцелении.

Поэтому в течение нескольких лун он держался от мага на почтительном расстоянии. Однако через некоторое время он решил, что может лучше помочь, предложив золотому эльфу возможность поговорить с тем, кто может его понять.

Он отправился в башню мага и был немного удивлен, обнаружив, что Дуротиль был дружелюбен и приветлив. Золотой эльф угостил его вином из собственных рук и задал множество вопросов о недавних путешествиях Шарларио. Особенно ему было интересно узнать о драконьих войнах и о том, как они повлияли на эльфийский народ.

"Ты дипломат - думал ли ты когда-нибудь о том, чего может достичь союз между эльфами и добрыми драконами?" - спросил его Дуротиль.

Шарларио моргнул, ошеломленный таким предложением. "Слишком опасно. Не все драконы злы, это верно, но зачем любому дракону иметь что-то общее с людьми? Какую выгоду мы можем предложить существам такой силы и могущества?"

"Эльфийская магия одновременно сильна и тонка", - ответил маг. "Хотя она не похожа на атаку дракона, она может дополнить и усилить естественное оружие существа. Работая вместе, маг и дракон могут стать грозной командой. Я давно мечтал создать армию драконьих всадников".

"Но подумайте о возможных обвинениях в адрес эльфов, если мы вмешаемся в драконьи войны!"

"Это есть", - признал Дуротиль. "Но если достаточное количество эльфов и хороших драконов будут связаны одной целью, возможно, мы сможем работать вместе ради взаимного выживания. Число драконов уменьшается - они не могут позволить себе долго воевать друг с другом в таких масштабах, иначе они полностью уничтожат себя".

В голове Шарларио возник ужасный образ: темный эльф Ка'Нарлист на спине огромного черного вирма. "Но если благородные эльфы объединятся с драконами, злые волшебники быстро последуют за ними. Где бы мы тогда были?"

Дуротиль вздрогнул, словно лунный эльф ударил его. Долгое время он сидел молча, изучая лицо своего гостя. "Знаешь ли ты о волшебнике среди Людей, который обратился ко злу?" - спросил он тихим голосом.

"О, да", - мрачно заверил его Шарларио. Он рассказал о золотом эльфе из Аторрнаша и его встрече с темным эльфом-магом Ка'Нарлистом. Дуротиль слушал с ужасом и восхищением.

"А этот кинжал, который он тебе дал, - ты носишь его с собой сейчас?"

"Нет. По какой-то причине я не люблю, когда он находится рядом со мной, и храню его в сундуке в своем доме. Почему?"

Золотой эльф не ответил, но просидел много мгновений, видимо, погрузившись в свои мысли. Через некоторое время он встал и пригласил гостя следовать за ним.

Домом Дуротила была башня в стволе живого дерева. От лесных эльфов он научился магии, позволяющей заставлять деревья расти определенным образом, и секретам того, как жить в гармонии с потребностями своей живой обители. По меркам деревни это был большой дом: несколько комнат, расположенных друг над другом внутри массивного дерева, и другие, спрятанные среди ветвей - хотя эти комнаты больше походили на пространственные порталы, чем на то, что

использовали лесные эльфы. Дуротиль подвел своего гостя к одной из этих магически построенных башен.

Шарларио последовал за ним в огромную комнату, которая казалась точной копией плато на вершине горы - за одним исключением. В огромном гнезде, защищенном от солнца и ветра скалистым уступом, лежало огромное яйцо с крапинками, покрытое кожистой скорлупой.

Шарларио осторожно подошел ближе. Он поднял недоверчивые глаза на лицо золотого эльфа. "Это яйцо дракона!"

"Серебряного дракона", - согласился Дуротил. "Оно уже близко к вылуплению. Я буду первым существом, на которое посмотрит птенец. Он будет считать меня своим родителем - по крайней мере, на короткое время. После этого я буду растить дракона, чтобы он познал свой род и его пути, а также научу его эльфийским искусствам: магии, музыке и танцам, знанию звезд и военному искусству. В конце концов, я научу его носить меня на своей спине и работать со мной в одной команде".

Золотой эльф подошел к скорлупе и ласково погладил ее. "Ты видишь перед собой первого драконьего всадника Фаэруна. Будут и другие. Для этого мне нужна твоя помощь".

Шарларио с трудом воспринимал сказанное. "Как?"

"У меня есть наследники, но, похоже, мы мало что можем сказать друг другу. Но ты умеешь обращаться с молодыми эльфами, и у тебя самого несколько беспокойных сыновей и дочерей. Помоги мне обучить этого дракона, а затем обучи молодых. Вместе мы обретем знания - я как наездник, а ты как учитель тех, кто последует за мной. Много лет я работал над этим", - искренне сказал Дуротил. "Это лучший способ, какой только может придумать мой разум, чтобы раз и навсегда победить злых драконов".

На мгновение в сознании Шарларио промелькнул образ убитого аваризель. Он медленно кивнул, а затем встал рядом с магом. Словно в знак обещания, он положил свою руку на яйцо дракона.

* * * * *

Прошли годы, и дракон Дуротила оказался всем, что маг ожидал, и даже больше. В порыве неоригинальности - несомненно, вызванной волнением, вызванным рождением дракона, - Дуротиль назвал ее Сереброкрылая, и она стала ему так дорога, что порой Шарларио подозревал, что маг любит свою серебряную дочь больше, чем собственного золотого отпрыска. Конечно, он, казалось, лучше понимал ее пути. Они общались, как эльфы.

Из очаровательного птенца она быстро превратилась во вдумчивое, умное существо, которое усваивало все, чему ее учили эльфийские партнеры, с удовольствием, превосходящим даже врожденную эльфийскую любовь к учебе, красоте и войне. Сереброкрылая и Дуротиль научились работать вместе, создавая заклинания и атаки, которым ни эльф, ни дракон в одиночку не могли противостоять. А с годами все трое узнали еще одну вещь, которую эльфы и драконы обретают благодаря такой связи: дружбу.

Почти двадцать лет дракон тренировался летать в пределах магического измерения Дуротила. Она рассматривала окружающий мир через глобусы, которые они с наставником-человеком создали вместе, и пыталась скрыть свое постоянно растущее беспокойство. Наконец настал день, когда Дуротиль объявил, что она готова к выходу во внешний мир.

По просьбе золотого эльфа Шарларио отправился на вершину горы. Дуротиль приготовил заклинание, которое могло перенести дракона и всадника из ее волшебного дома в дублирующий мир за ее пределами, но сначала ему нужна была информация о ветрах, так как этого он не мог узнать с помощью глобусов. Шарларио должен был отправиться вперед и передать необходимые сведения.

Лунный эльф покинул лесную деревню еще ночью, ибо Дуротиль решил, что Сереброкрылой лучше отправиться в полет ранним утром, пока воздух относительно спокоен. Шарларио поднялся на вершину горы, уверенно ступая в темноте, как кошка. Шагая, он старался не думать о битве, которая началась здесь три века назад.

Не успел Шарларио достичь вершины, как в воздухе раздался знакомый рев. Кошмар стал реальностью: Махатнарториан вырвался из рассветных облаков и налетел на него в порыве крыльев цвета крови.

Бежать было некогда - Шарларио уже чувствовал жар дыхания огромного вирма. Поскольку ничего другого он сделать не мог, Шарларио выхватил меч и стал ждать, чтобы заслужить смерть воина.

Но дракон не удовлетворился быстрым ударом - он вышел из пикирования и швырнул в эльфа большой предмет. Шарларио упал и откатился в сторону, когда осколки стекла и разноцветная магия взорвались на горе. К эльфу подкатился круглый диск - кусок тонкого зеленого мрамора, достаточно маленький, чтобы поместиться на ладони. Глаза Шарларио расширились, когда он узнал основание одного из глобусов, созданных Дуротилом и Сереброкрылой.

Издевательский смех красного дракона разнесся над горами, и Шарларио понял, что его предали.

Шарларио не был готов к сильной боли, которую причинило ему это предательство. Хотя бывший принц не скрывал, что золотые эльфы врожденно превосходят всех остальных, за те годы, что они с Шарларио работали вместе, они стали партнерами и даже друзьями - так думал Шарларио.

Лунный эльф встал и прошел в центр площадки. Он развернул глобус, который дал ему Дуротиль, чтобы он мог передать нужную информацию. Он положил его там, чтобы вероломный Золотой эльф мог видеть и наслаждаться своим триумфом. Затем он снова выхватил меч и стал ждать дракона и смерти.

Махатнарториан начал кружить. Шарларио достаточно узнал о драконах, чтобы понять, что его ждет. Красный собирал свою силу, разжигая внутреннее пламя, готовясь к взрыву ужасающей силы.

Лунный эльф наблюдал за происходящим, смирившись со своим концом. Он жил долго, и уже близилось время, когда зов Арвандора призовет его домой. Не таким он хотел предстать перед своими богами, но выбор был не за ним.

Внезапно Шарларио вздрогнул, затем прищурился на серебристую полосу, почти невидимую на фоне облаков. Еще через мгновение сомнений быть не могло:

это Сереброкрылая пикировала на нападавшего, летя как стрела к гораздо более крупному красному.

Губы лунного эльфа шевелились в мучительном отрицании, когда чудесное создание, которое он тренировал и любил, плюхнулось на спину красного дракона. Прежде чем она успела ударить по кожистым крыльям красного дракона, вирм перевернулся в полете и схватил молодую самку в свои когтистые объятия. Два дракона закружились вместе, каждый из них пытался схватить молодую самку.

Это была неравная битва, и она быстро закончилась. Сереброкрылая откинула голову назад, ее изящная шея была почти перебита зубами красного вирма. Ее сверкающие крылья слабо хлопали, когда ее тело начало падать из когтей красного дракона.

Но падение Сереброкрылой резко остановилось, и ее тело словно подпрыгнуло, как будто подвешенное на гибком шнуре к когтям Махатнартиана. Вопль ярости потряс камень под ногами Шарларио: красный дракон тщетно пытался избавиться от своей жертвы.

Шарларио с изумлением наблюдал, как полет огромного дракона становится все более вялым. Наконец багровые крылья перестали шевелиться, и наслажденные существа плюхнулись вниз, к горам.

К его горам.

Лунный эльф повернулся и побежал, наполовину бегом, наполовину скользя по склону. Когда он достиг первого из деревьев, он ухватился за него и повис на земле. От удара гора содрогнулась и едва не вырвала эльфа из его объятий.

Когда все стихло и затихло, Шарларио снова поднялся на вершину, чтобы попрощаться со своим другом-драконом. К его изумлению, на вершине горы лежали три существа, разбитые вдребезги, соединенные странной, вязкой зеленой субстанцией.

Махатнартиан ударился о гору первым, и его тело было раздавлено под весом Сереброкрылой. Дуротиль все еще сидел на ее спине. Он слегка пошевелился, и его быстро угасающий взгляд упал на лицо Шарларио.

"Не надо, - хриплым голосом предупредил он, когда лунный эльф сделал движение, чтобы помочь ему. "Узы Гонадора не для таких, как ты. Подожди - они скоро исчезнут".

Это было правдой - липкая субстанция быстро исчезала. Как только маг освободился от уз, Шарларио подошел к нему, чтобы посмотреть, что можно сделать. Он вскрыл разорванную и пропитанную кровью тунику золотого эльфа и понял, что все, что он может сделать, бесполезно. Каждая косточка в груди эльфа была раздроблена, и если его сдвинуть с места, то это только ускорит его конец.

Багровая пена начала собираться в уголках губ Дуротила. "Обучи остальных", - пробормотал он. "Поклянись!"

"Клянусь", - сказал лунный эльф, его сердце было тяжело от чувства вины за свои подозрения. "Мой друг, прости меня. Я думал..."

"Я знаю". Улыбка Дуротила была слабой и насмешливой. "Не беспокойся. Все в порядке, друг мой. Видишь ли, Гонадор принес свою жертву".

* * * * *

Прошло еще много лет, прежде чем Шарларио понял весь смысл последних слов Дуротила. Он никогда не говорил другим эльфам о причастности мага к злomu богу Гонадору или о своих собственных подозрениях относительно того, как близок был Дуротиль к тому, чтобы довести дело до совсем иного конца.

Но не нужно было омрачать блеск своего героя или приглушать энтузиазм молодых эльфов, увидевших, что даже обученный эльфами дракон-новичок способен одолеть великого и злого вирма. В конце концов, полагал Шарларио, важно не только то, насколько благородный выбор сделал человек, но и то, какие искушения он преодолел, чтобы прийти к этому решению.

По этой мерке принц Дуротиль действительно был героем.

8. Из Абисса

Серая жижа, покрывавшая Абисс, вдруг вздулась большим пузырем, который лопнул и выбросил в промозглый воздух сернистый пар и шарики дурно пахнущей грязи. Существо, которое когда-то было богиней Арошни, инстинктивно увернулось от брызг, не придав извержению ни малейшего значения. Она уже привыкла к подобным вещам, ведь Бездна долгое время была ее домом.

Как и большинство танар'ри, она взяла себе новое имя. Теперь она была Ллос, Демоническая Королева Абисса. Точнее, она завоевала значительную часть Абисса и считалась одной из самых могущественных танар'ри в этом сером мире. Целые легионы страшных существ трепетали перед ней и спешили исполнить ее приказ.

Власть Ллос охватывала не только обитателей Абисса, но и некоторых богов, которые пришли сюда по своей воле или в изгнании. Ее борьба с Гонадор была долгой и горькой.

Элементаль Зла не был одним из богов, которых она наняла, пытаясь сместить Кореллона; он пришел на Олимп без приглашения, привлеченный амбициями Арошни и ее непомерной гордыней, получив вход благодаря кипящему в ее сердце злу. Ее падение с Арвандора обрадовало Гонадора, ибо он возжелал неугомонную энергию Арошни и хотел вобрать ее в себя.

Древний бог последовал за ней с Олимпа в Абисс, пытался завоевать, а затем покорить - и оба раза потерпел неудачу. В гневе Гонадор убил многих из своих самых могущественных поклонников, а других лишил разума. Целые виды существ перестали существовать, другие превратились в слизеподобных существ без мысли и воли. Поступая так, Гонадор уничтожил и большую часть своей собственной силы.

В этом он обвинил Ллос. Теперь он был ее врагом и соперником во всем. Но даже такой, как он, древний бог, должен был признать большую силу Ллос. И он был не единственным божеством, которое так поступало - даже жалкая Киарансали воздавала почести Демонической Королеве.

Ллос бросила взгляд, полный отвращения, в сторону края Абисса, где властвовала богиня нежити. Киарансали была темной эльфийкой, как и она сама,

хотя называла себя "дроу". Ее последователи были жалкими тенями тех существ, которыми они когда-то были, - злых эльфов из древнего мира, которых Киарансали убила и превратила в бездумных приспешников. Когда Киарансали не находилась в далеких мирах, досаждая своим детям дроу, она довольствовалась правлением в своем холодном уголке Абисса. Она уступила Ллос, потому что у нее не было выбора в этом вопросе. В этом месте правила бывшая богиня темно-эльфийской судьбы.

Так она, бывшая Арошни, стала владеть всем, чего, как ей казалось, она когда-то хотела: могуществом, превосходящим всякое воображение, собственным королевством, богами, преклонившими перед ней колени, могущественными существами, трепещущими по ее прихоти.

Ллос подавила зевок.

Все было так предсказуемо, Абисс. Она покоряла, она царствовала, и ей было так скучно, что она пару раз поддавалась искушению завязать разговор с одним из неживых приспешников Киарансали. У нее была власть, но она не удовлетворяла ее жажду.

"Я проклинаю тебя, Кореллон, тебя и тебя", - пробормотала Ллос, как она часто делала за многие века, прошедшие с момента ее изгнания.

Смуглая красавица танар'ри опустилась на трон, который ее приспешники вырезали из огромного высохшего гриба. Подперев подбородок руками, она снова задумалась о своей судьбе.

Никакая сила, обретенная Ллос в Абиссе, не могла компенсировать ее утраченный статус. Теперь она была даже не богиней, а танар'ри. Ее облик был более привлекательным, а сила - больше, чем у большинства существ, населявших это место, но она уже не была той, кем была раньше. Никакая сила в этой серой, кишасей грибами плоскости не могла стереть неоплаченный долг Кореллона.

Внезапно Ллос выпрямилась, ее багровые глаза пылали вдохновением. Конечно! Теперь, когда власть принадлежит ей, она вернет себе статус бога. Путь к этой цели был проложен самим Гонадором; Древний искал новых поклонников, чтобы восстановить свою силу. Почему она не может сделать то же самое?

Будучи танар'ри, Ллос никогда не сможет вернуться на Олимп. Даже будучи богиней, она никогда не сможет накопить силу или найти возможность войти в Арвандор в качестве завоевателя. Но она нанесет удар по Селдарину, где только сможет.

Она уничтожит их смертных детей.

* * * * *

Прошли столетия после смерти великого мага Дуротила и ухода в Арвандор мастера-драконоборца Шарларио Лунноцветущего. Их потомки больше не говорили о Фейри, разве что как о месте из легенд. Их домом стал Фаэрун, и они создали удивительную культуру, которая была обязана всем мирам, из которых бежали их предки.

Некоторые из лесных жителей жили так же, как и прежде, на протяжении несметных веков, но многие эльфы отвлеклись от лесных путей и построили себе города, которые по великолепию соперничали даже со сказочным Аторрнашем.

Спрятанные среди деревьев и прижатые к горам, они строили чудесные жилища из хрусталя и лунного камня, улицы, вымощенные драгоценными камнями, и общины ремесленников, ученых, музыкантов, магов и воинов. Эти эльфы создавали дивные по красоте произведения, волшебное оружие и ослепительное мастерство в боевых искусствах.

В этих центрах обучения процветало искусство Высшей Магии. Были созданы Круги - небольшие группы могущественных Высших Магов, которые вместе могли творить заклинания, недоступные воображению любого эльфа-одиночки. Каждый Круг располагался в башне, которая быстро становилась центром любого эльфийского сообщества. Одной из наиболее полезных функций башен была способность быстро передавать сообщения от одного эльфийского анклава к другому, предотвращая изоляцию общин. Несмотря на растущие проблемы с Илтирири на юге, казалось, что народ Фаэруна достигнет удивительного единства.

Но само богатство и могущество привлекли к эльфам множество новых опасностей. Темноэльфийские налетчики с юга пробирались на север, нападая на торговые пути и фермерские деревни. Некоторые из этих налетчиков обосновались на крайнем севере, прячась в пещерах днем и выходя на охоту под покровом темноты.

Нападения драконов продолжались, хотя благодаря Высшей магии и драконьим всадникам эльфы надеялись вытеснить драконов как доминирующую расу Фаэруна. Но больше всего эльфы боялись не могущественной магии юга и не драконов: их самым опасным врагом стали орки.

В течение многих лет орки нападали, как волки-изгои, которые время от времени крали козу с отдаленного пастбища. Орки нападали на эльфов всякий раз, когда те попадались им на глаза. Большинство эльфийских общин, даже крошечные фермерские поселения, были более чем обеспечены оружием и магией, а также навыками в том и другом, чтобы отразить эти случайные нападения.

Но орки были не иначе как плодовитыми. Время от времени их численность возрастала настолько, что их кланы выходили из своих горных логовищ и образовывали орду, которая, как саранча, проносилась над землей, пожирая все на своем пути.

Осенью Года Поющих Сирен орки выступили в поход в таком количестве, какого эльфы никогда не видели. Они захватили равнины северных земель и углубились в леса. Город Оксидиан - великий центр эльфийской музыки и танца - был захвачен, и орки подошли к самым воротам древнего города Шарлариона.

В то время в замке Дуротила властвовал архимаг Кетрилия. Этот маг-воин был также известен как Амарилис, высокоэльфийское слово, означающее "Пламенный цветок" - отчасти за свою рыжеволосую красоту, а отчасти за пылающий гнев, который она выплескивала в бою.

Как и многие эльфы, Кетрилия за свою долгую жизнь изучила множество искусств, но сосредоточила свои навыки на одном великом деле. Десятилетиями она ковала и зачаровывала великий меч. Всего две ночи назад, во время обряда, собравшего звездный свет и магию на горном плато, известном как Прыжок Драконьих Всадников, она завершила свою задачу. Мистики годами предсказывали, что этот меч, *Дараша* - "судьба" - сыграет важную роль в истории Народа.

Что может быть лучше этой задачи, чем защита их города?

В своей башне Кетрилия слышала отчаянный ропот своего народа и его бешеную подготовку к войне. Их умение владеть оружием было их последней защитой, ибо Башня Магов стояла пустая и безмолвная. Круг соединился со своими далекими братом и сестрой магами из Башни Оксидиана, чтобы помочь и поддержать их в защите этого города. Но орки и их неизвестные союзники необъяснимым образом прорвались сквозь магические заслоны, и Башня Оксидиана была разрушена. В результате магической вспышки погибли и Высшие Маги Шарлариона. Таким образом, эльфам оставалось полагаться на свое оружие и боевую магию, а также на тех, чьи навыки в этих делах были доказаны и известны. Кетрилия Амариллис была главной среди них - песни и легенды о ее подвигах следовали за ней, как тени.

За свою многовековую жизнь лунная эльфийка-воин помогала отступать ордам орков, сражалась с бандами темно-эльфийских налетчиков, помогала своему народу выследить и уничтожить зеленого дракона, который не давал покоя путешественникам в их лесном городе. Она даже противостояла темному колдовству - тому, что могло воскресить мертвых в бездумных, почти неостановимых воинов. Кетрилия потеряла свою сестру и едва не лишилась жизни под неутомимыми мечами зомби. Ответом на все это зло стала сила чар, которые она наложила на Дарашу. Пришло время испытать силу оружия.

Но уже много лет Кетрилия не участвовала в сражениях. В последнее время она думала о том, что, возможно, пришло время остепениться, собрать клан, пока зов Арвандора не стал слишком сильным, чтобы она могла его игнорировать.

Губы Кетрилии изогнулись в улыбке, когда она подумала об Анараллате, легкомысленном клирике Лабеласа Энорета, с которым ее связывали узы более крепкие, чем дружба или страсть, хотя, безусловно, между ними было и это. Настало время их свадьбы. Она была уже не молода, даже если эльфы считают молодость юностью, хотя все еще была такой же стройной и огненноволосой, как в девичестве. Настало время и прошло время, когда они официально оформили свою любовь.

Готовясь к битве, Кетрилия не задумывалась о том, что в этот день их любовные узы могут быть разорваны, а клан, который она надеялась основать, может погибнуть, так и не родившись.

Эльфийка быстро облачилась в мягкие кожаные доспехи, поверх которых надела длинный жилет из крошечных бронзовых и серебряных пластин - чудесные доспехи, почти такие же гибкие, как кожа, и отдающие дань уважения бронзовым и серебряным драконам, служившим стражами города. Но драконьи всадники, вторая по силе защита Шарлариона, находились далеко на юге, где пара спарившихся черных драконов опустошала сельскую местность, чтобы создать новую территорию для своего взрослеющего выводка.

Высшие маги были мертвы, драконьи всадники погибли. Этот бой принадлежал Кетрилии, и она обнаружила, что жаждет его. Она вложила меч в новые ножны и засунула ножи в ножны, вделанные в сапоги и пристегнутые к предплечьям. Поддавшись импульсу, она взяла древний кинжал - чудесное украшенное драгоценными камнями оружие, которое она недавно обнаружила завернутым, зачехленным и хранящимся в сундуке в дальнем углу Крепости Дуротиль. Легенда

гласила, что когда-то он принадлежал одному из основателей их города. Теперь она будет носить его, защищая город и наследие, оставленное Шарларио Лунноцветущим. Подготовившись, она заправила свои огненные косы под крылатый шлем и вышла во двор.

В городе царила странная тишина, хотя почти каждый эльф, живший в нем, был готов к битве и стоял на своих местах. Они стояли в дисциплинированном строю. Сначала огромный щит-стена эльфов образовал барьер за периметром города - у Шарлариона не было каменных или деревянных стен, ибо он сливался с лесом. За первой защитой стояли лучники. Земля перед ними оцетинилась готовыми стрелами, а их колчаны были так же велики и полны, как корзина фермера во время сбора урожая. Сразу же за лучниками шли эльфы, вооруженные мечами и копьями. Эта группа быстро расправится с орками, которым удастся прорваться. Следующее кольцо защитников составляли владеющие магией - не высшие маги, но тем не менее грозные. Клирики стояли наготове, чтобы ухаживать за ранеными, и даже дети двигались с тихой эффективностью: приносили ведра с водой, измельчали травы для припарки, скатывали бинты.

Кетрилия кивнула, оглядывая готовых к бою эльфов. Она заняла свое место среди бойцов и вместе с ними прислушалась к грохоту, зловещему крещендо приближения орды орков.

Когда первые орки появились в поле зрения, по эльфам прокатился ропот страха. Орки смело маршировали по торговому пути в точном и упорядоченном порядке. Рядом с ними шли другие эскадроны, которые держались настолько плотным строем, насколько позволяла густая листва.

Для орков такое поведение было необычным. Кетрилии, не понаслышке знавшей о тактике орды, было очевидно, что их движением руководит некий высший разум. А поскольку орки уважали грубую силу гораздо больше, чем ум, то, скорее всего, их неизвестные командиры обладали и тем, и другим.

Впервые уверенность Кетрилии в исходе битвы начала колебаться.

Орки внезапно остановились. В их рядах началось какое-то движение, но никто из эльфов не мог определить его причину. Внезапно среди деревьев раздался резкий стук. С воем и шипением огромная огненная стрела взлетела над головами орков и по дуге опустилась в сторону города.

"Баллиста", - пробормотала Кетрилия в недоумении. Орки едва начинали управляться с простыми длинными луками, которые они скопировали у своих эльфийских врагов. Где они научились такому оружию?

К счастью, эльфийские волшебники предусмотрели огненные стрелы - хотя и значительно меньшего размера. Бледноволосая женщина направила свой хрустальный посох на встречное пламя и прокричала одно слово. Из посоха вырвался белый огонь и устремился навстречу красному. Пламя баллисты мгновенно застыло; оружие на мгновение зависло в воздухе, сияя, как огромный магический факел из янтаря и рубина. Оно упало и безвредно разбилось о мощный двор эльфийского жилища.

За ним последовали другие огненные стрелы, с тем же результатом. Когда нападавшим стало ясно, что эта тактика ничего им не дает, над ордой орков

пронесся ужасный, грохочущий приказ. Десятки звероподобных существ с криком бросились в атаку.

Щитовая стена эльфов опустилась, и лучники послали шквал стрел во встречные ряды. Смертельно точными были их стрелы, и орки были срублены, как зерно перед косой.

Волна за волной набегали орки, но их сбивали эльфийские лучники. Вскоре нападавшие уже карабкались по толстому ковру из убитых, но и сами падали. Число мертвых орков было так велико, что вскоре эльфы, стоявшие стеной щита, были вынуждены отступить к городу.

Кетрилия нахмурилась, наблюдая за продолжающейся резней. Несмотря на количество орков, лежавших на лесной подстилке, многие оставались, чтобы продолжить атаку. Ей пришло в голову, что эльфы вполне могут потерпеть поражение из-за собственного успеха.

Груды трупов теснили их, оттесняя эльфийских защитников к самому городу. Пройдет немного времени, и внешние здания окажутся в пределах досягаемости орков. Захватив внешние здания, захватчики смогли бы легко захватить город, ведь большинство зданий соединялись между собой замысловатыми дорожками, которые почти невидимой паутиной вились среди деревьев.

Более того, мрачная стена препятствовала эффективности лучников. Эльфы больше не могли видеть цели, но стреляли вслепую поверх куч убитых орков в надежде, что падающие стрелы попадут в цель. Звон стрел о невидимые деревянные и кожаные щиты говорил о том, что эта тактика не принесла успеха.

Внезапно Кетрилия поняла стратегию орды. Орки намеренно использовали тела своих братьев как мост к победе. Вскоре они нахлынут на вершину кучи в таком количестве, что эльфийские лучники просто не смогут их уничтожить.

Эльфам пришлось бы просто одолеть их.

Кетрилия высоко подняла меч. "Ко мне!" - крикнула она. "За меня, все, кто примет бой в рядах орков!"

На мгновение наступила ошеломленная тишина, когда бойцы смотрели на воительницу, очевидно, покончившую с собой. Затем Анараллат пробился сквозь клириков и встал рядом с ней.

Она недоверчиво посмотрела на своего возлюбленного - он не был трусом, но и не был обучен такому бою. Анараллат улыбнулся и пожал плечами.

"Возможно, я тоскую по Арвандору", - сказал он с напускной легкостью. Затем его лицо стало смертельно серьезным, и он возвысил голос, который разнесся над рядами эльфийских воинов. "Если мы не будем сражаться, все мы, то Арвандор станет единственным домом, оставшимся нашему народу!"

Слова Анараллата воодушевили бойцов, и они как один встали на сторону серебряного эльфа-воина. Если у безоружного священнослужителя хватило смелости броситься на орду орков, то они могли сделать не меньше. И, как подозревала Кетрилия, именно это и было целью Анараллата.

Эльфийский священник самодовольно ухмыльнулся, принимая короткий меч от одного из бойцов. "Ну что, Пламя-Цветок, ты поведешь эту атаку или я?"

"Мы пойдем вместе", - сказала она с глубокой благодарностью. Затем, не удержавшись, она добавила, поддразнивая его: "Но постарайся не отставать".

Смех Анараллата затерялся в звонком боевом кличе Кетриллии. Воительница лунных эльфов вскарабкалась по стене из павших орков и бросилась на следующую волну нападающих.

Это событие испугало орков и остановило их стремительный натиск. Но это было лишь на мгновение - клыки существ оскалились в свирепой ухмылке, и они с новой силой набросились на эльфийских воинов. Оркам нравилось убивать эльфов разными способами, но мало что доставляло им такое удовольствие, как рукопашный бой.

Проворные эльфы увертывались и кружились в беспорядочном бою, нанося по несколько ударов на каждый удар, который удавалось нанести гораздо более медлительным оркам. Кетрилия, казалось, была повсюду, ее огромный меч сверкал, отводя в сторону боевые топоры врагов. И куда она, туда и Анараллат. Он не был таким искусным бойцом, как она, но душевное и духовное единение влюбленных позволяло им работать вместе так же слаженно, как если бы они были обученными в Башне магами, слившимися в едином заклинании.

Но по мере того, как битва продолжалась, Кетрилия начала сомневаться, была ли эта стратегия мудрой. Эльфийские воины оказались зажаты между мертвыми орками и множеством нападавших. К счастью, огромная численность орков, казалось, работала против них. Им так хотелось сразиться со своими эльфийскими врагами, что они перелезали через стоящих перед ними орков, чтобы добраться до своих противников. Чаще всего их топоры и мечи вонзались в плоть орков - либо случайно, либо от нетерпения.

Наконец, битва закончилась. Большинство эльфийских защитников пало, и от сотен орков, наступавших на Шарларион, осталось лишь несколько десятков. Эти выжившие с шумом бежали в лес.

"Да встретят вас зубы литари", - пробормотала Кетрилия, убирая меч в ножны.

И тут она увидела командира орков. Тьма, которую она приняла за лесную тень, вырвалась из густой листвы и поднялась на высоту, вдвое превышающую рост эльфа. Рогатая голова существа имела лицо, напомнившее Кетриллии о рабском, обезумевшем от битвы кабане. Его массивное тело было похоже на тело орка, но из безволосого туловища вырвалась дополнительная пара мускулистых рук. С плеч свисали крылья, похожие на крылья гигантской летучей мыши. За исключением пары горящих багровых глаз, существо было тусклого и безжизненного цвета высушенного дерева.

Рев, более страшный, чем рев дракона, вырвался из существа Абисса, и оно подняло две пары когтистых рук, готовясь к магической атаке. "Ты еще не победил Хишкарра!" - прорычало существо.

Этого Кетрилия никак не ожидала. Пока воительница стояла в ошеломленной нерешительности, Анараллат крикнул брату и сестре-клирикам, чтобы они присоединились к нему. Он бросился вперед, размахивая своим священным символом Лабелас Энорет и нараспев произнося самое мощное заклинание изгнания, известное жрецам Шарлариона.

Один за другим жрецы подхватывали заклинание. Под их совместным натиском лес позади танар'ри словно растворился в клубящемся водовороте серого тумана.

Массивная фигура существа начала колебаться, а затем превратилась в полупрозрачную дымку, которую неумолимо затягивало в клубящийся туман.

Танар'ри Хишкарр закричал от ярости, когда его втянуло обратно во врата. С внезапным рывком, почти слишком быстрым даже для эльфийских глаз, он бросился вперед и схватил священника, который победил его. Затем так же быстро исчезли и изверг, и Анараллат.

Без раздумий и колебаний Кетрилия начала действовать. Она, как олень, побежала к исчезающим вратам и с головой нырнула в Абисс.

Воительница оказалась одна в мире клубящегося серого тумана. В затхлом воздухе раздавались далекие крики и стоны, но не было никаких признаков жизни, кроме гигантских грибов, сидящих на корточках в иле.

Внезапно туман расступился, явив танар'ри Хишкарра. Двумя руками Хишкарр держал сопротивляющегося Анараллата за плечи, как охотник держит убитого оленя. Существо подняло одну из свободных рук и указало на Кетрилию.

"Убей ее, а потом займись мной", - прорычало оно непонятно кому. Знание врага не имело значения, ведь эльфийка уже мчалась к танар'ри. Но плотный серый туман сомкнулся вокруг демона и пленного эльфа, словно плащ.

Над головой Кетрилии раздался истошный вопль. Воительница пригнулась, когда из тумана с треском крыльев вырвалось существо размером с орла.

Она бросилась в сторону и вгляделась в туман. Шесть оскаленных крылатых существ пронеслись над ней, кружа над ней, как вороны, оценивающие пищу, предложенную на недавнем поле боя. Кетрилия выхватила меч и метнула его в сторону, когда еще один из импов бросился на нее. Но существо оказалось достаточно проворным, чтобы уклониться, прежде чем она успела коснуться его. Они продолжали в том же духе, преследуя ее со всех сторон. Вскоре эльфийке стало ясно, что она не сможет одолеть этих существ, пока они летят.

Кетрилия намеренно замедлила свой меч, пропуская парирования и принимая несколько ударов от зубов и когтей тварей. Как только ей показалось, что она смогла убедить их в своей победе, она рухнула и упала лицом вперед на кипящую землю, меч лежал рядом с ее скрюченными пальцами.

Импы приземлились и начали осторожно кружить вокруг нее. Один из них прыгнул вперед и когтями сгреб ее руку. Кетрилия заставила себя оставаться абсолютно неподвижной. Злобно хихикая, импы приблизились к ней, чтобы полакомиться.

Кетрилия выхватила Дарашу и сильно и низко взмахнула им, используя импульс, чтобы перевести себя в сидячее положение. Кружась, могучий меч разрубил двух изумленных тварей. Остальные импы захрипели и начали разбегаться. Но эльфийка продолжала вращаться, поднимаясь на ноги. Когда она сделала три круга, поднимая меч по спирали, пять импов лежали мертвыми.

Она прыгнула на единственного импа, которому удалось взлететь, и едва успела схватить его за лодыжку. Тварь оказалась сильнее, чем она ожидала, и резко потянула ее вперед. Они упали вместе, оба приземлились лицом в ил. Но имп мгновенно поднялся на ноги, ковыляя с поразительной скоростью и увлекая за собой эльфийку.

Воительница попыталась поднять руку с мечом, но тяжелый ил, через который ее тащил имп, прижал ее к боку. Она зацепилась сапогами за стебель гриба, надеясь замедлить стремительный полет импа. Хрупкое растение тут же поддалось, выпустив в воздух струю жгучих, дурно пахнущих спор. Глаза Кетрилии жгло так же больно, как если бы ей в лицо ударила струя сунса.

Ослепленная, с болью в каждой мышце, лунная эльфийка отказывалась отпускать его. Был шанс, что она сможет подчинить этого импа и заставить его привести ее к своему хозяину. По крайней мере, она могла уничтожить приспешников танар'ри и навлечь его гнев на себя. Она не знала, как еще можно найти танар'ри и свою любовь в этом огромном сером месте.

Внезапно ее рука дернулась вверх с силой, которая больно выдернула ее из плеча. Имп, отчаявшись стряхнуть ее, снова взлетел.

Кетрилия все еще не могла видеть, но знала, куда бить. Она вскочила на ноги, наполовину оттаскиваемая отчаянно хлопающим импом, и взмахнула Дарашей по размашистой дуге. Раздался короткий жуткий крик, а затем хлынул поток обжигающего ихра.

Эльфийская воительница отбросила часть импа, которую все еще сжимала в руках, и, пошатываясь, выбралась из дымящейся лужи. Она убрала меч в ножны, вместо того чтобы погрузить его в землю - она не верила, что бурлящий ил под ее ногами не вырвет его у нее, - и принялась лечить свои раны.

Сначала она зажала плечо хорошей рукой и заставила кость вернуться на свое место. Боль была сильной, и плечо будет болеть еще много дней, но ей нужно было использовать эту руку для предстоящей битвы. Сделав это, она нащупала в сумке целебное зелье, которое носил с собой каждый эльфийский воин Шарлариона. Она зубами вытащила пробку и налила небольшое количество в одну руку, а затем помассировала веки своих горящих глаз.

Ей на помощь пришел ужасный, оцепеняющий холод Абисса, который, как ни странно, облегчил боль и ускорил возвращение зрения. А может быть, она просто заметила холод теперь, когда боль отступила. Как бы там ни было, но промозглый, неясно холодный воздух внезапно стал ветреным, и от холодного ветра несло зловонием, превосходящим все, что Кетрилия могла себе представить.

Сквозь дымку, застилавшую глаза, воительница увидела, что перед ней стоит прекрасный чернокожий эльф, выше и страшнее любого смертного и дрожащий от едва подавляемой ярости. Несмотря на холод, эльфоподобное существо было одето лишь в черные платки и настоящий драконий клад серебряных украшений.

По обе стороны от богини аккуратным строем стояла эскадрилья эльфов с пустыми глазами, некоторые из которых были сильно подгнившими. Хотя все они когда-то имели черную кожу, лица большинства существ стали сухими и тускло-серыми. Зеленая плоть, даже кости, проступали там, где отслоилась мертвая кожа.

Горло Кетрилии сжалось от ужаса и страха, когда она рассматривала этих неестественных существ. Все эти неживые эльфы были хорошо вооружены, и хотя они сражались без страсти, они сражались со всем умением, которое знали при жизни. Кетрилии уже приходилось сталкиваться с живыми темными эльфами, и она знала, насколько грозными могут быть эти умения.

Лунная эльфийка повернулась к высокому темному эльфу и быстро заговорила. "Великая богиня, я не ссорюсь ни с тобой, ни с твоими воинами. Я немедленно покину твои владения, если таково твое желание, только сначала скажи мне, где я могу найти танар'ри Хишкарра".

"Хишкарр?" - пронзительным, сердитым голосом повторило эльфоподобное существо. "Он приспешник Ллос. Какое у тебя к нему дело?"

"Месть", - мрачно сказала Кетрилия и с удивлением увидела, как алые глаза богини загорелись безумным ликованием.

Так же быстро свет погас. "Смертная", - усмехнулся темный эльф. "Какая польза от тебя великой богине Киарансали? Многие жаждут мести, но мало у кого есть средства и желание ее осуществить!"

"Тогда позволь мне проявить себя", - спокойно сказала эльфийка, в ее голове быстро созрел план. "Вызови против меня трех или пять своих воинов нежити. Если я одержу победу над такими, как они, возможно, я смогу быть полезной для тебя в твоей мести Ллос".

Это была догадка, но, судя по всему, удачная. Богиня в восторге захлопала в ладоши, затем указательным пальцем помахала нескольким своим темно-эльфийским рабам. "Убейте ее, убейте ее, убейте ее!" - прокричала она им.

Пятеро зомби подняли оружие и двинулись на Кетрилию. Лунная эльфийка выхватила зачарованный меч и бросилась на ближайшую нежить. Существо парировало удар с отрывистым, но точным парированием. Кетрилия высоко вскинула зачарованные клинки, затем повернулась в сторону и нанесла сильный удар ногой по коленям существа. Ссохшаяся кость хрустнула, и нежить упала. Эльфийка с размаху опустила Дарашу. В тот момент, когда зачарованный меч коснулся нежити темного эльфа, существо растворилось в пыли.

Богиня Киарансали вскрикнула - от ярости или от возбуждения, Кетрилия не могла сказать. Да и времени на раздумья у нее не было. Воительница лунных эльфов отразила высокий удар меча другого зомби, затем крутанулась назад, чтобы парировать выпад нежити, подкравшейся к ней сзади. Она опустилась на землю, приседая, и ловким движением ноги сбила обоих. Она ударила ножом сначала одного, затем и второе существо, прежде чем они успели подняться.

Оставшаяся пара зомби бросилась на Кетрилию, пока она лежала. Она откатилась в сторону, затем перекатилась назад, занося плоскую часть меча, чтобы ударить ближайшую нежить. Тот тоже мгновенно рассыпался. Лунная эльфийка вскочила на ноги и столкнулась с оставшимся темно-эльфийским рабом. Через несколько мгновений и он упокоился - если только можно считать вечным покоем кучку пахучей пыли.

Тяжело дыша, Кетрилия противостояла темно-эльфийской богине. Она знала, что даже в самом лучшем состоянии - отдохнувшая и невредимая - она никогда не сможет одолеть пятерых темно-эльфийских бойцов. Но Дараша была зачарована на уничтожение нежити простым прикосновением. Она не имела такой власти над обитателями Абисса. Кетрилия решила, что богине не обязательно знать обо всем этом.

Богиня мести и нежити заплотировала. "О, молодец, смертная! Даже танар'ри не могут с такой легкостью одолеть лучших из моих слуг!"

Кетрилия подняла меч ко лбу в знак уважения. "Тогда прикажи мне и скажи, как я могу служить как твоей мести, так и своей собственной".

Молниеносно сменив настроение, богиня встала в царственную позу. "Сначала поклянись мне в верности", - потребовала она. "Следуй за мной в жизни и за ее пределами, и ты всегда будешь первой среди моих слуг".

Лунная эльфийка колебалась - ведь на кону стояла жизнь Анараллата. Хотя ее первым побуждением было согласиться на все, чего требовала явно безумная и, несомненно, злая богиня, Кетрилия поняла, что не может этого сделать.

"Я присягаю Кореллону Ларетиану, мастеру как магии, так и боевых искусств", - твердо сказала она. "Я буду служить тебе как можно лучше только в этом деле, но я не могу поклясться в верности никакому другому богу".

Удивительно, но вспышка ярости в глазах богини не переросла в полномасштабный гнев. "Кореллон Ларетиан", - лукаво повторила она. "О, как это будет больно! Хорошо, смертная, я скажу тебе, где можно найти Хишкарра. В качестве платы тебе нужно сделать вот что: с каждым убитым танар'ри провозглашай, что делаешь это во имя своего бога!"

* * * * *

Ллос вцепилась в подлокотники своего грибного трона и смотрела вниз, в бассейн, который она сделала из черной слизи. Она с яростью и недоверием наблюдала, как смертная эльфийка прорубает себе путь сквозь орду могучих танар'ри. С каждым павшим существом эльфийка провозглашала победу Кореллона Ларетиана. И каждая победа была кинжальным ударом по гордости Ллос.

Сама не замечая того, что делает, прекрасная танар'ри соскользнула со своего трона и опустилась на колени у края бассейна, с недоверием наблюдая, как огненноволосая эльфийка орудовала одним мечом против четырех мечей, которыми владел могучий Хишкарр - танар'ри, которым даже сама Ллос не командовала без определенной дипломатии. Ее ногти глубоко вонзились в грязь, когда она смотрела, как падает могущественное существо, а победительница-эльфийка - в объятия смертного, чья золотая красота слишком напоминала самого Кореллона.

Первым побуждением Ллос было искать и убивать смертных, осмелившихся войти в ее царство. Желание уничтожить этого рыцаря Кореллона было подобно жару в ее душе - впервые за много-много лет она ощутила настоящее тепло в этом мире полусвета и вечного отчаяния. Но в хитрой Арошни оставалось достаточно сил, чтобы удержать руку танар'ри - по крайней мере до тех пор, пока она не определит, как лучше послужить своим целям.

Ллос задумчиво наблюдал, как эльфийские любовники направились в ту сторону, откуда пришла женщина. Со временем они найдут ворота обратно в свой смертный дом. Если она не помешает им, они, возможно, избегут Абисса. Но, рассудила Ллос, им не нужно бежать от нее.

Сердце танар'ри учащенно забилось, когда она обдумала все возможности. Она последует за грозным защитником Кореллона Ларетиана и за мужчиной-клириком, чья чистота сердца была оскорбительным пятном света на ландшафте Абисса. Если

эти эльфы были представителями оставленного ими Народа, то что может быть лучше для начала ее мести Кореллону и его драгоценным детям?

Губы Ллос изогнулись в улыбке. А где были эльфы, там были и потенциальные поклонники. Она не надеялась развратить таких эльфов, как эти, которых она видела сегодня, но разве даже у злой и безумной Киарансали не было своих последователей? Ллос последует за эльфийскими влюбленными в тот мир, который они называют своим домом, и посмотрит, сможет ли она застолбить там себе место.

Богиня снова обратилась к чаше с предсказаниями. В ней она вызвала образ рыжеволосой воительницы и спасенного ею золотого мужчины. Ллос наблюдала за тем, как пара с триумфом вышла в опустошенный лес, пробираясь через резню, оставшуюся после танар'ри Хишкарра. Ллос была заинтригована - она и не подозревала, что в распоряжении ее демона-приспешника есть такие интересные игрушки, как разъяренные орды орков. Разрушения, которые они обрушили на эльфов, доставляли ей огромное удовольствие. Ллос вспомнила Малара и желание Великого Охотника собрать у себя поклоняющихся ему орков. Ей стало интересно, как он поживает и не пора ли навестить его еще раз.

Рассматривая мир, Ллос почувствовала прикосновение знакомого присутствия. Она смутно узнала в нем одного эльфийского бога, от которого она не была полностью отлучена своей новой природой танар'ри - ее сына Вазрона. Любопытствуя, она приказала шару поискать территорию молодого бога.

Из вытоптанного эльфийского леса картина сменилась городом, окружавшим длинный и узкий залив. Здесь тоже шла война, но война в ее начале, а не в ее мрачном завершении. Богиня с напряженным интересом наблюдала, как полчища темнокожих эльфов готовятся к битве. В воздухе витал восхитительный привкус зла, сплетение темной магии, сосредоточенной на одном эльфе-мужчине.

Ллос с интересом разглядывала предводителя готовой к бою армии, темного эльфа по имени Ка'Нарлист. Хотя он выглядел молодо и жизнелюбиво, Ллос чувствовала, что это древнее существо, поддерживаемое силой своей магии намного дольше обычных лет эльфа. Источник этой невероятной силы завораживал Ллос: Волшебник носил хитроумно сплетенный жилет из кольчуги и темных жемчужин - каждая из которых содержала сущность и магию убитого морского эльфа. Восхитительный эльф!

Богиня проникла в его мысли и обнаружила, что его разум не забаррикадирован против таких, как она. То, что она там прочла, было достаточно мрачным: Ка'Нарлист был чрезвычайно жаден и достаточно могущественен, чтобы считать себя способным потакать своим желаниям без колебаний и ограничений. Сейчас он хотел власти - магической власти, власти, которая приходит с завоеванием и покорением прекрасных рас эльфов, - но его конечная цель требовала почти власти бога. Он был достаточно тщеславен, чтобы верить, что это в его силах.

Ллос он скорее нравился.

Она улыбалась, глядя на древнего, находчивого волшебника. Она одобряла его амбиции и с интересом наблюдала за тем, что он предлагал: мощная армия, готовая и жаждущая сокрушить прекрасных эльфов, магия, не дотягивающая до божественной, последователи, которые вполне могли стать ее. То, что она отвлечет

его от нынешней преданности Гонадору, еще больше усиливало его привлекательность.

При мысли об Элементале Зла темную богиню пронзила вспышка гнева, но на этот раз ее гнев был направлен на саму себя, а не на какое-то другое существо. Пока она занималась тем, что вырезала из Абисса обширные владения, ее покоренные подданные нашли себе более интересные занятия в других местах.

Не больше. Ллос видела перед собой возможности, которые нравились ей куда больше, чем мучить существ Абисса. Темный эльф Ка'Нарлист был существом, которым она могла по-настоящему наслаждаться. Возможно, пришло время взять себе нового супруга. Она не сомневалась, что он примет ее с радостью - они были похожи друг на друга, как две темные жемчужины. Она могла бы даже родить ему детей, а почему бы и нет? Она была бы не первым богом, которого соблазнил смертный, и вряд ли станет последним. А дети, которых они могли бы породить - ах, какие возможности породить такое восхитительное зло в расе эльфов! Такие эльфы растоптали бы детей Кореллона, завоевали бы мир и породили поклонников Ллос, последователей, которых она могла бы с гордостью назвать своими!

Темные и возвышенные амбиции Ка'Нарлиста разожгли новое пламя в ее собственных. Ллос снова станет богиней. Та, кто когда-то пряла нить судьбы темных эльфов, почувствовала, что ее руки вновь прикованы к ткацкому станку судьбы.

Сцена в ее шаре снова изменилась, вернувшись к лесу и паре эльфийских влюбленных. С циничной улыбкой Ллос наблюдала, как выжившие в эльфийском поселении прославляли воительницу и ее возлюбленного как героев.

Мало что нравилось Ллос больше, чем мрачная ирония. Более приятная, чем ненависть, более тонкая, чем месть, она была перед ней, и в изобилии! Что подумали бы эти эльфы, гадала она, узнай они, какими глазами следил их возлюбленная Кетрилия за своим лесным домом? Если бы они узнали, какое зло высвободили среди них храбрость и преданность огненноволосой воительницы?

Даже когда эта мысль сформировалась, Ллос почувствовала знакомый импульс зла, исходящий от бассейна с предсказаниями. Она потянулась к нему в поисках источника. Древний кинжал на поясе Кетрилии пульсировал тонкой, злобной энергией.

Через мгновение богиня поняла источник этого зла: кинжал был послан на север самим Ка'Нарлистом несколько веков назад. Он с редким терпением ждал, пока кто-нибудь не нашел спрятанный кинжал, и носил его в знак уважения к благородному эльфу, которому он когда-то принадлежал. А Ка'Нарлист, чувствуя энергию, готовил своих воинов к завоевательным походам. Ирония на иронии!

Ллос откинула голову назад и рассмеялась с мрачным восторгом. Ах, как хорошо она выбрала себе нового супруга! В кои-то веки она не упрекнула Сеханин Лунную Радугу или Анггарадха за их место рядом с Кореллоном Ларетианом. Она, Ллос, нашла себе более подходящую пару!

9. Раскол

Прошли века - века, в течение которых дети Ллос с возрастающей силой и свирепостью нападали на детей Кореллона. Такова была сила их вражды, что светлые расы эльфов, золотые, серебряные и зеленые, отложили свои постоянные соперничества, чтобы вместе искать избавления от своих темных эльфийских врагов.

Они собрались в самом сердце Фаэруна сотнями, Высшие Маги эльфийского народа. Все светлые расы эльфов - за исключением морского народа, чья магия давно уже сошла на нет, - послали лучших и самых могущественных своих магов к Месту Сбора.

На широкой равнине - месте, давно отведенном для этих целей, - эльфийские маги собрались, чтобы подготовиться к величайшему заклинанию, которое когда-либо знал каждый из них. На землях, окружающих это место, выросли фермерские деревни и торговое сообщество с единственной целью - подготовиться к этому событию и поддержать его. Эльфы Места Сбора - так его называли с детства древнейшие эльфы, все еще ходившие в смертной форме, - сделали этот день делом своей жизни. Хотя здесь были сотни магов, каждый из них нашел тщательно подготовленный прием, который оказал бы честь аватару Селдарина.

Столетиями эльфы, сделавшие Место Сбора своим домом, трудились над возведением Башни, превосходящей все, что видел их мир прежде. Выстроенная из белого гранита, в котором отражались неуловимые цвета неба, она была выше самого почтенного дуба. Большая изогнутая лестница поднималась по всей внутренней стене Башни, и на каждой ступени было высечено каменное сиденье и имя мага, который его занимал. Вместе эти маги произносили одно заклинание.

Никогда еще столько Высших Магов не собиралось в одном месте. Вместе они были способны разрушить мир или создать его.

Из ткани магии, из самого Плетения эльфы планировали создать новую чудесную родину, место, которое принадлежало только им.

Не все эльфы Фаэруна аплодировали этому видению. Напряженность между Илителири и светлыми эльфами севера росла с каждым сезоном. Решение исключить темно-эльфийских магов из этого великого заклинания-гобелена только усилило вражду между расами. Однако золотые эльфы, в частности, были непреклонны. Они создадут островное королевство. Это место, которое оракулы называли Эвермитом, должно было стать местом, куда не мог последовать ни один темный эльф, убежищем для детей Кореллона Ларетиана. Темно-эльфийские последователи богини Эйлистри находили в этом особенно острую иронию, но их голоса заглушал настойчивый хор золотых эльфов, стремящихся вернуться к славе Фейри.

Протестовали и те, кто изучал древние предания, ибо им не давали покоя рассказы, которые их предки передавали из века в век. Историю о потерянном Тинтажере, разрушенном заклинанием такой силы, что его след мог поглотить могучий остров, рассказывали как предостережение в каждой деревне. Но большинство эльфов считали это не более чем легендой. И даже если бы это было

правдой, какое отношение это имело к ним? Они были полностью уверены в своей магии и в видениях старейшин, которые считали островную родину истинным предназначением Эльфов.

Наконец настал день, когда заклинание было произнесено. В тихие предрассветные часы волхвы молча пришли в башню и заняли назначенные места, ожидая прибытия эльфа, который будет направлять и формировать заклинание.

Давным-давно жребий был брошен под молитвенным руководством подобного собрания эльфийских жрецов. Они выбрали эльфа в качестве центра - мага, который соберет нити магии со всех частей круга и направит их к единой цели.

Как ни странно, выбранный для этой задачи человек в то время был вовсе не магом, а просто девчонкой, дикой эльфийской девой, известной лишь под именем Звездолистая. Она приняла свою судьбу достаточно охотно, и хотя ей было грустно покидать лес, она была прилежной ученицей и хорошо переносила обучение у магов. Среди собравшихся не было ни одного эльфа, который не признал бы, пусть и с неохотой, что Звездолистая - лучший и самый могущественный Центр, который они когда-либо знали.

Лесная эльфийка заняла свое место в центре пола башни и начала долгую, медленную медитацию, которая позволила ей дотянуться до того места в Плетении, которое принадлежало каждому из магов Башни. Закрыв глаза, она медленно поворачивалась, собирая каждую нить магии и позволяя ей течь через нее в единое место силы. В своем сознании она видела мерцающее плетение так же ясно, как если бы оно было выгравировано в ночном небе. Когда все эльфы полностью настроились, Звездолистая начала великое песнопение.

Подобно волнам могучего океана, каденция песнопения поднималась и опускалась, когда эльфы собирали силу Плетения и формировали ее по своей воле. Так они пели весь день и всю долгую ночь. Когда наступил День Рождения, заклинание достигло своего апогея. Сама Башня содрогнулась, когда сила магии, почерпнутая из самого Плетения, потекла через собравшихся магов. Увлеченные заклинанием, маги не сразу заметили, что поток силы обретает собственную динамику.

Звездолистая почувствовала это первой. Эльфы не просто использовали Плетение, они были его частью - и она почувствовала, как души Высших Магов начали опасно вырываться из ткани жизни.

В этот момент заклинание было завершено. Но поток магической силы все продолжался и продолжался, и эльфы не могли освободиться от него.

Башня сотрясалась, словно ее подбрасывали, как игрушку, два титанических бога, а рев и вопли высвободившегося заклинания сливались с какофонией за пределами Башни. Обострившимися чувствами Звездолистая ощущала агонию земли, которую сотрясали толчки за толчками. Она видела, как раскололась единая земля Фаэруна, как огромные ее части уносились прочь, разрываясь снова и снова, оставляя после себя россыпи островов в некогда чистом океане. Она видела разрушение великих городов, обрушение горных хребтов в море, приливы и отливы, которые сметали напуганных Людей и существ на сотне новорожденных берегов. Все это она видела, ибо в этот момент Звездолистая была полностью едина с Плетением.

И все же она стояла одна. Смертные формы магов были поглощены магией, и их жизненная сущность оказалась в ней, подливая масла в огонь катаклизма, который они вызвали.

Но Звездолистая все еще могла видеть слабые светящиеся линии магической паутины, которую они создали. Она сложила руки перед собой, призывая силу, которой когда-то обладали Высшие Маги Фаэруна. Она взывала к ним, умоляла, просила и требовала, используя все Искусство, которому посвятила свою жизнь. Она цеплялась за них, пока они неумолимо исчезали.

Но когда последний отблеск их коллективного света угас в ее сознании, когда тьма скрыла даже яркий узор Плетения, последней мыслью Звездолистой была мысль о древнем лесе, о родине, которую она оставила, выполняя свой долг создать другую.

* * * * *

Когда Звездолистая проснулась, она лежала на холодном полу темной и тихой Башни. Она приподнялась, тщательно пытаясь пробиться сквозь дымку боли и полного изнеможения, охватившего ее. Первая мысль, которая пришла ей в голову, была о том, что Сбор провалился.

Когда тупой рев стих в голове, она уловила звук, который не могло услышать ни одно ухо - тихое гудение рядом с ней.

Звездолистая отмахнулась от кружащихся перед глазами огоньков и сосредоточилась на предмете.

В неглубокой чаше, которая выглядела так, словно была вырезана из одного сине-зеленого драгоценного камня, было посажено маленькое деревце - крошечный зрелый дуб, совершенный в миниатюре и сверкающий маленькими зелеными и золотыми листочками. Заинтересовавшись, Звездолистая прикоснулась пальцем к серебристой коре и почувствовала почти непреодолимый прилив любви и узнавания. Она инстинктивно знала, что в этом дереве обитают души Высших Магов, и они довольны.

"Но как это может быть?" - пробормотала она. "Довольство, когда мы потерпели неудачу?"

"Не так", - сказал мягкий голос позади нее. "По крайней мере, не совсем".

Звездолистая повернулась, и ее глаза расширились от ужаса и благоговения. Перед ней стояли два золотоволосых эльфа, слишком красивые, чтобы быть смертными существами. Мужчина был облачен в доспехи, и в дивном мече, висевшем у него на боку, огни кружились, как головокружительные звезды. Его женщина, великолепно одетая и сверкающая драгоценными камнями цвета звездного света, шагнула вперед и подняла ошеломленного лесного эльфа на ноги.

Звездолистая без сомнения знала, что перед ней самый могущественный из эльфийских богов, и погрузилась в глубокое благоговение.

"Встань и послушай, что мы пришли сказать. Ты была избрана для этой задачи под нашим руководством", - сказала ей богиня Ангарадх. "Однажды в стране, посвященной моему поклонению, жрец и маги произнесли заклинание, которое едва не уничтожило их всех. Есть вещи, которые боги не могут предотвратить, ибо

сделать это означало бы лишить их смертных детей права выбора. Но в этот раз мы сделали все, что могли. С твоей помощью".

Эльф посмотрела на крошечное деревце. "Что это?"

"Древо душ", - трезво ответил ей Кореллон Ларетиан. "Храни его, ибо оно сыграет важную роль в том, чтобы у Людей был дом в этом мире. Храни его в безопасности на Эвермите, в укромном месте".

В глазах Звездолистой зажглась надежда. "Эвермит? Он существует? Где он?"

Кореллон прикоснулся пальцем ко лбу эльфийки. Мгновенно она увидела в своем сознании вращающийся мир, в котором узнала разорванные и разбросанные остатки того, что когда-то было Фаэруном, единой землей. В море, словно изумруд, сиял небольшой остров, отделенный от суши по обе стороны огромными водными просторами. И даже когда она наблюдала за ним, разорванное Плетение начало восстанавливаться - тусклое на большей части мира, правда, яркое и светлое на острове.

Потом Звездолистая оказалась на самом острове. От его красоты у нее на глаза навернулись слезы, ибо здесь было все, чего только может пожелать эльф: глубокие и древние леса, богатые поляны, смеющиеся реки, девственные белые берега, компания лесных существ и волшебных существ, а также радостная, живая магия, наполнявшая воздух подобно солнечному свету.

Звездолистая коснулась Древа Душ, желая разделить это видение с эльфами, которые погибли, чтобы воплотить его в жизнь.

"В конце концов, мы преуспели", - радостно прошептала она.

"В этом я не уверен", - сурово сказал Ангарадх. "Когда ты выйдешь из этой башни, ты быстро поймешь, что я имею в виду. Ты хоть понимаешь, сколько Людей лежит мертвыми? Как сильно изменился мир?"

"Это правда, что Эвермит - отчасти результат магии, которую вы и яже с вами вырвали из Плетения Жизни. Но только это не помогло бы - слишком много силы заклинания было оттянуто разрушением, которое привело к этому. За неимением лучшего объяснения можно сказать, что Эвермит - это частица Арвандора, мост между мирами - совместная работа смертных эльфов и их богов. Не берите слишком много заслуг на себя, но и не стоит брать на себя всю вину", - добавила богиня более мягким тоном. "То, что было сделано, было предначертано. Твоя задача - проследить за тем, чтобы Люди нашли дорогу на родину, завоеванную с таким трудом".

Звездолистая кивнула. "Я своими руками посажу Древо Душ на Эвермите", - поклялась она.

"Не так", - предостерег ее Кореллон. "Охраняй и защищай его, да. Но у Древа Душ есть и другое предназначение. Может наступить время, когда эльфы захотят вернуться на материк, а может, у них не будет иного выбора, кроме как вернуться. В этом дереве заключена сила Высшей магии, сила, которая даже сейчас исчезает с лица земли. Со временем только на Эвермите будет твориться такая магия. Души, заключенные в этом дереве, и те эльфы, которые еще не родились и предпочтут войти в него, а не вернуться в Арвандор, дадут Людям второй шанс на Фаэруне. Когда это дерево будет посажено, его уже никогда не сдвинуть с места. Сила, заключенная в нем, позволит эльфам творить Высшую Магию в тени дерева, которое с каждым годом будет увеличиваться в размерах и силе.

"Помни, что я тебе сказал, и передай мои слова тому, кто возьмет опеку над деревом из твоих рук", - сурово сказал ей Кореллон. "К Древу Душ нельзя относиться легкомысленно и сажать его по прихоти".

"Я буду помнить", - пообещала эльфийка. А пока она молча молилась о том, чтобы необходимость посадить Древо душ вообще никогда не возникла. Ее сердце и душа пели от видения Эвермита и уверенности в том, что ничто по ту сторону Арвандора не сможет занять его место в сердцах Эльфов.

10. Возвращение Домой

Прошли века

Несмотря на разрушения, произошедшие во время Раскола, эльфийский народ постепенно восстанавливался. Со временем они снова стали процветать на многочисленных и разнообразных землях того, что когда-то было Фаэруном. Старое название осталось, но оно стало обозначать лишь одно пространство земли.

Сотни эльфийских общин были потеряны в хаосе и разрушениях Раскола; другие изменились навсегда. Однако лесная община Шарлариона была одной из немногих, уцелевших почти полностью. Эти удачливые эльфы увеличили свою численность и распространились по окрестным лесам, холмам и низинам, со временем создав королевство, которое стало известно как Аривандаар.

Это была эпоха могущественной магии, и по всему Аривандаару башни Высших Магов усеивали землю, словно лютики на летнем лугу. Многие великие произведения магии были созданы этими могущественными Кругами: оружие войны, статуи богов, которые пели, приветствуя рассвет, или танцевали в свете звезд, драгоценные камни, хранившие могущественные заклинания. Возможно, самыми могущественными из всех этих творений были магические врата, соединявшие материковые общины с Эвермитом.

Хотя большинство эльфов были довольны своими домами, Эвермит всегда был у них на уме. Островная родина составляла огромную часть их эльфийской идентичности, а также личной судьбы каждого эльфа. "Да увидишь ты Эвермит", - часто произносимое благословение, ибо оно желало получателю долгой земной жизни, которая закончится в то время и в том месте, которое выберет сам эльф. Действительно, многие эльфы совершали паломничество на эльфийский остров, прежде чем ответить на призыв в Арвандор.

Несмотря на важность Эвермита в сердцах и умах Людей, Совет Старейшин постановил, что время для фактического заселения острова еще не пришло. Были и другие заботы, которые полностью занимали эльфов на материке.

В это время Золотые эльфы обладали большей частью власти в Аривандааре, хотя места в Совете Старейшин занимали достойные представители всех справедливых рас эльфов. Эти золотые правители гордились достижениями своего королевства и стремились расширить свою территорию, чтобы чудеса Аривандаара

могли быть увеличены и разделены. Однако то, что начиналось как великое видение, постепенно вылилось в волны жестоких и ожесточенных войн.

На протяжении веков Войны Короны опустошали землю от самых северных лесов до испепеленных солнцем южных земель. Разрушения были настолько масштабными и повсеместными, что дальнейшая слава Аривандаара - да что там, само его существование - стала казаться не слишком убедительной.

Беды эльфов усугублялись тем, что на юге к власти пришла новая могущественная богиня, темная богиня, которая, казалось, намеревалась полностью уничтожить светлые расы эльфов. По ее приказу Илителири в большом количестве начали продвигаться на север, пробираясь по туннелям и расщелинам, которые создал Раскол в глубинах под поверхностным миром.

Когда Илителири продвинулись в сердце холмов и гор, они встретили сопротивление многих дварфийских кланов, которые на протяжении несметных веков трудились над созданием порядка из хаоса своего подземного мира. Долгими и ожесточенными были сражения между этими расами, и многие дварфы были убиты. Некоторые из крепких людей бежали на север и искали новый дом в холмах Аривандаара. Эльфы приняли их, хотя и с осторожностью. Аривандаар был сильно ослаблен, и даже дварфийские союзники были предпочтительнее той участи, которой боялись многие Старейшины - полного уничтожения древнего королевства.

Пришло время Эвермиту стать королевством, куда эльфы могли бы сбежать в случае необходимости, убежищем, которое они могли бы с готовностью защищать. И вот Совет выбрал несколько благородных кланов, чтобы начать заселение эльфийской родины.

Как все и ожидали, первым был выбран Дом Дуротиль. Жребий пал также на два других могущественных клана золотых эльфов, Эванара и Аленуат. Из домов лунных эльфов были выбраны Амариллис, Лунноцветущие и Ле'Квелле. Задача каждого дома, удостоенного такой чести, заключалась в том, чтобы выбрать тех, кто отправится в Эвермит, и тех, кто останется. Эти дворяне не были единственными эльфами, выбранными таким образом: Каждая семья брала с собой слуг из числа простолюдинов, воинов, взятых по большей части из менее могущественных кланов, обязанных верностью великим знатым семьям, и эльфов, владеющих различными необходимыми ремеслами. Сапожники, кузнецы, ювелиры и ястребиные мастера были так же важны для островного королевства, как и дворяне, которые управляли и защищали их.

После долгих дебатов было решено, что Эвермитом будет управлять собственный Совет старейшин. Каждый из благородных кланов будет иметь два места. Главой совета должна была стать Кишара Амариллис, Верховный маг, считавшаяся достойным потомком знаменитого героя Серебряных эльфов. Хотя многие семьи золотых эльфов были разочарованы тем, что эта честь выпала не их дому, большинство согласилось, что Кишара - это самая подходящая кандидатура на роль Верховного советника, и именно она, скорее всего, будет принята как золотыми, так и серебряными эльфами.

В назначенный день большая группа поселенцев - около двухсот эльфов - отправилась на запад. Они шли налегке, взяв с собой самое необходимое для путешествия, а также несколько уникальных предметов, доставшихся им по

наследству, таких как книги по истории, магическое оружие и прекрасные музыкальные инструменты. Ресурсы Эвермита обеспечат их всем необходимым, и эльфы были уверены, что вскоре они построят город, который сможет соперничать с любым городом Аривандаара. Действительно, остров не был полностью лишен эльфийского присутствия. Дикие эльфы жили на Эвермите со дня его создания, много веков назад. По словам жрецов Селдарина, так было предписано богами. Лесные эльфы будут жить в гармонии с землей, а также настроят Плетение на уникальную эльфийскую мелодию. Острову требовалось присутствие золотых и серебряных эльфов, чтобы усовершенствовать и структурировать эту магию.

От одного новолуния до другого избранные эльфы путешествовали на запад. Наконец они услышали рокот моря и двинулись на юг вдоль высокого, усеянного камнями побережья, пока перед ними не выросла одна огромная гора.

В этом месте, на равнине, приютившейся между двумя лесами, находилась прекрасная глубоководная гавань. Морские эльфы часто высаживались здесь на берег, причаливая свои корабли к подводным причалам с помощью мерфолков и морских эльфов, живших на побережье.

Аривандаарские эльфы с большим интересом наблюдали за морским портом. В отличие от городов Аривандаара, это место мало чем отличалось от окружающей его дикой местности. Действительно, для странника, забредшего сюда, здесь вообще не на что было смотреть. Но среди эльфов были и те, кто приезжал на весеннюю ярмарку и знал, как быстро в тени горы может возникнуть оживленный рынок. На горе располагалось древнее дварфийское королевство, а в холмах и лесах за горой жили халфлинги. Даже несколько человеческих торговцев из примитивных племен на дальнем севере спускались на рынок в гавани, когда с моря сходили самые сильные ледяные потоки. Но сейчас был разгар лета, и даже корабли, которые должны были доставить их в Эвермит, были спрятаны в морских пещерах на юге.

* * * * *

Эльфам не пришлось долго ждать, пока первое судно нарушит бесконечную синеву моря и неба. Ролим Дуротиль с благоговением наблюдал, как эльфийский корабль плывет в гавань. Это было изящное судно из светлого дерева, с носом в форме головы огромного лебедя. Двойные паруса вздымались, как крылья, над изгибом поручней; казалось, весь корабль готов взлететь.

Сердце Ролима учащенно забилося от волнения. Это было приключение, возможность, которой он ждал всю свою жизнь. Он был третьим сыном патриарха Дуротила, и поэтому не мог унаследовать положение и власть в Аривандааре. Все, чем он обладал, он заработал мечом и умом. Как воин, переживший ужасные Войны Короны, он не был лишен богатства и чести. И теперь тот, кто сражался за расширение королевства Аривандаар, собирался проложить свой собственный путь в дебрях Эвермита.

С тех пор как было объявлено о выборе Верховного советника, Ролим был в тихой ярости от того, что эта честь выпала серебряному эльфу. Этот титул должен был принадлежать ему по праву рождения и в силу его талантов и достижений. Дуротиль должен править в Эвермите. По мнению Ролима, все было так просто.

Он бросил взгляд в сторону Кишара Амариллис, которая стояла, положив руки на узкие бедра, и смотрела на приближающийся корабль. Она была немолода - возможно, ей шел пятый или шестой век жизни, - но достаточно привлекательна: стройная и высокая, с прямым взглядом серых глаз и огненными локонами, характерными для ее клана. Ее волосы были коротко подстрижены, и они сгруппировались вокруг ее точеной головы в тугой шапочке ярких локонов.

Оценивая Верховного советника, Ролим начал обдумывать возможный побочный путь к власти. В своих путешествиях он наслаждался обществом впечатляющего количества прекрасных дев, и гордился своим мастерством в искусстве распутства. Эта перезрелая красавица попала бы в его руки тем быстрее, чем больше времени она провела на лозе. Ее будет достаточно легко завоевать, а затем повлиять на нее...

Словно привлеченная его размышлениями, Кишара повернулась и посмотрела прямо в его напряженный и незащищенный взгляд. Ролим подозревал, что его мысли слишком ясно написаны на его лице. Что ж, ничего страшного, подумал он, отмахнувшись от мгновенного смущения. Хотя он и не собирался начинать свою кампанию за благосклонность Кишары таким грубым образом, возможно, было бы неплохо дать ей повод для размышлений во время морского путешествия.

Но Кишара не краснела и не хмурилась, как деревенские служанки, которых Ролим очаровал без счету. Наоборот, она выглядела слегка повеселевшей.

Забавно!

В этот момент Ролим Дуротиль объявил войну - личную и скрытую, но от этого не менее серьезную. Ни один эльф из клана Амариллис не будет безнаказанно властвовать над ним. Он думал позволить Кишаре сохранить свое почетное место, но теперь об этом не могло быть и речи. Он будет править, используя любые средства, какие только попадутся под руку.

Неуверенная рука на его рукаве прервала его мрачные мысли. Ролим повернулся и уставился на свою суженую - невзрачное, мышинного цвета существо из какой-то меньшей ветви клана Лунноцветущих. Она была, по слухам, высшим магом, а поскольку у Ролима было мало собственных магических способностей, которые он мог бы передать своим детям, отец посоветовал ему взять жену, чьи способности дополняли бы его собственные. И хотя она не принадлежала к народу золотых эльфов, Ролим согласился, потому что в том, что предложил отец, была определенная мудрость. Если Дуротилы из Эвермита хотят добиться могущества и влияния, им нужно будет передать магию по наследству. И все же, если бы Ролим увидел девушку до того, как подписал бумаги о помолвке, он, возможно, не стал бы так быстро тянуться за пером.

"Милорд Ролим, - начала она извиняющимся тоном.

"В чем дело, миледи..." Он внезапно прервался, потому что имя его будущей жены проворно сорвалось с языка, настолько он был поглощен своими амбициями.

Эльфийка покраснела, но не стала комментировать этот недостаток. "Наш эскорт готов переправить нас на корабль, - сказала она, жестом указывая на маленькую лодку и двух морских эльфов, ожидавших их у весел.

Будущая жена Ролима улыбнулась странному на вид эльфу, который помог им подняться на борт. "Наша благодарность, брат. Ты и твои сородичи добры, что

проводили народ Аривандаара в наш новый дом. Если когда-нибудь настанет время, когда тебе понадобятся услуги эльфа, живущего на земле, обращай к нашей семье. Это Ролим Дуротиль, который станет моим мужем-лордом. А я, - сказала она, бросив взгляд на золотого эльфа, - маг Ава Лунноцветущая".

Улыбка дрогнула в уголках губ Ролима. Возможно, жена, навязанная ему кланом и советом, была не такой уж мышью, какой казалась. Конечно, она очаровала слуг Морских эльфов. Да и сама она была не лишена привлекательности, с ее огромными серьезными серыми глазами и обильными волосами, которые были не совсем серебряными, а скорее мягкого серого оттенка, как шерсть котенка. Не казалась она и совсем бесцветной, с легким румянцем раздражения на щеках.

Возможно, размышлял Ролим Дуротиль, глядя на свою будущую жену, это морское путешествие окажется более интересным, чем он предполагал.

* * * * *

Путешествие в Эвермит было долгим, но первые несколько дней прошли без происшествий. На самом деле, эльфам Аривандаара почти ничего не нужно было делать. На корабле работало множество морских эльфов, которые по очереди выполняли обязанности на борту и следили за опасностью в море. Только капитан корабля был сухопутным эльфом, простолюдином Лунным эльфом, чье имя Ролим так и не удосужился узнать.

По большей части будущий патриарх клана Дуротилев Эвермита проводил свое время в тонких связях с другими семьями золотых эльфов. Эти дворяне посвящали бесконечные часы составлению планов города, который им предстояло построить. Поскольку клан Ролима был самым выдающимся среди них, остальные, казалось, охотно соглашались с его руководством и выполняли его предложения.

Чем Ава Лунноцветущая занималась днем, Ролим не знал и не особенно заботился об этом. Ночью она отдыхала под палубой в компании женщин-путешественниц. На борту корабля было мало уединения, и Дуротиль знал, что их время как мужа и жены начнется только тогда, когда они достигнут эльфийской родины. Но чего он не ожидал, так это нетерпения, которое он начинал испытывать всякий раз, когда мельком видел миниатюрные формы своей будущей жены. Не ожидал он и того, что бледное, серьезное лицо Авы вторгнется в его покой и сладостно проникнет в его мечты о честолубии и славе.

Однажды поздно вечером Ролима вывел из дремления необычный перебой в убаюкивающем ритме движения корабля. Он сел прямо, заметив, что, хотя корабль беспокойно покачивался, не было слышно ни шума дождя, ни ветра.

Любопытствуя, он подхватил свой плащ и пояс с мечом и поднялся по лестнице на палубу. Несколько напряженных и бдительных палубных матросов стояли у поручней, их лица были суровы, а перепончатые руки сжимали готовое оружие. Несколько аривандарских эльфов с тяжелыми от сна глазами сгрудились вместе. Ролиму пришло в голову, что они представляют всех Высших Магов на борту корабля. Среди них была и Ава, бледные волосы которой были распущены и развевались вокруг нее, как небольшое грозное облако.

Ролим поспешил к магам. Он взял свою будущую жену за руку и отвел ее в сторону от остальных. "Что происходит?" - потребовал он.

"На корабль напали", - пробормотала она, не обращая на него внимания. Ее встревоженный взгляд задержался на мрачных лицах заклинателей. "Мы готовы сформировать Круг, если понадобится. Ты должен позволить мне вернуться к остальным - я Центр".

"Ты?"

Неверие в его голосе вызвало пламя на щеках Авы. Она подняла подбородок, встретившись с его глазами. "Да, я. Это не первая моя битва, хотя я уверена, что это тебя тоже удивляет". Ее гнев мгновенно угас, и ее внимание вернулось к скоплению магов. "Увы, маги могут атаковать, только если враг прорвет нашу оборону и ударит по самому кораблю. Хотелось бы мне, чтобы мы могли хоть чем-то помочь морскому народу, который сражается за нас!"

"Им хорошо платят за их усилия", - заметил Ролим. "И мне кажется, что ты мало что можешь сделать, чтобы повлиять на битву, которую не видишь. Прибереги свою магию для помощи тем, кому она предназначена, леди-маг, и не трать время и мысли на этих двуногих рыб".

Глаза Авы загорелись гневом. Ее рука метнулась вперед и ударила Ролима прямо в лицо с силой, от которой его голова болезненно дернулась в одну сторону. Прежде чем он успел подумать об этом, инстинкты воина взяли верх, и Ролим нанес ответный удар.

Он не успел приблизиться. Крошечная женщина поймала его запястье обеими руками и произнесла одно короткое слово. В следующее мгновение Ролим, опытный воин золотых эльфов, лежал на спине на твердом дереве палубы, а колено его будущей жены было сильно прижато к его горлу.

"Следующие слова, которые ты скажешь против любого из Людей, будут последними", - сообщила ему Ава мягким, ровным тоном. "Все, кто находится на этом корабле, были выбраны по жребию, под взглядом богов, и у каждого из нас есть цель и судьба. Но ты не принесешь на эту новую землю беспорядки и разрушения Войны Короны, клянусь всеми богами! Если ты попытаешься, я буду сражаться с тобой на каждом шагу, мой лорд".

И тут она исчезла. Ролим вскочил на ноги и обшарил палубу настороженными глазами. Никто, казалось, не заметил его унижения от рук пока еще невостребованной жены. Все были заняты тем, что перетаскивали на борт раненых морских эльфов, выплывших на залитую лунным светом поверхность.

У дальнего поручня Ава стояла на коленях возле умирающей женщины-воина, ее бледные руки тщетно пытались зажать зияющие складки смертельной раны морской женщины. Слезы текли по щекам мага, но голос ее был сильным и успокаивающим, когда она пела древние молитвы, направлявшие душу воительницы в Арвандор, средоточие всех эльфов, как и положено Эвермиту.

Когда Ролим наблюдал за бескорыстными, искренними трудами серебряного эльфа, он почувствовал внезапную раздирающую боль, как будто что-то вырвалось из его сердца. Тепло и свет хлынули внутрь, принося покой, о котором он и не подозревал.

Не раздумывая, Ролим полез в сумку за целебным зельем, которое носил с собой каждый воин Аривандаара, его последнее и личное спасение на случай неудачной битвы. Он подошел к Аве и протянул ей бесценный пузырек.

"Для нашего народа", - тихо сказал он.

На мгновение ее взгляд прижался к его, но за это короткое время Ролим увидел в ее серых глазах мерило того, кем он мог бы стать. Это был образ, сильно отличающийся от того, который создали его амбиции, но, тем не менее, он был доволен.

И в тот момент, невзирая на то, что пройдет еще много дней, прежде чем он ступит на ее берега, Ролим Дуротиль действительно вернулся домой, в Эвермит.

* * * * *

Богиня Ллос была в затруднительном положении. Веками она охотилась на эльфов Абейр-Торила и находила это занятие по душе.

Ллос редко вспоминала, что когда-то она называла бога Ваэрона своим сыном. Теперь он был всего лишь соперником. Что касается Эйлистри, то Ллос никогда не тратила время на размышления об этой девушке, так или иначе. Темная дева жила так же, как и в далеком Арвандоре: Она ушла в лес, где, по общему мнению, растрачивала свои скудные запасы божественной магии на помощь заблудившимся путникам и эльфийским охотникам.

Ллос предпочитала растущие города южного Фаэруна, где суматоха и интриги плодились как вши. Ей все больше нравились темные и извилистые туннели, которые, казалось, были созданы специально для того, чтобы хранить сокровища, устраивать засады и заниматься другими восхитительными тайными делами. После унылой однообразности Абисса, кипящий конфликт между Илителири и светлокожими детьми Кореллона был бодрящим тоником. Войны Короны были источником темной радости. Ллос не была так счастлива на протяжении тысячелетий.

Однако она была неоднозначно настроена в отношении вопроса о Расколе. Смертное тело Ка'Нарлиста было унесено ужасным потоком, а чудесный город Аторрнаш превратился в легенду. Ллос не оплакивала потерю своего супруга, ибо давно уже устала от него. Мужчины, по ее мнению, не стоят того, чтобы о них беспокоиться. Она не жалела о потере личности Ка'Нарлиста, хотя и сожалела об утрате чудесного облачения магии морских эльфов. Существовала вероятность, что Ка'Нарлисту удалось запечатлеть собственную сущность в одной из своих темных жемчужин. Ллос не нравилась мысль о том, что окончательная судьба злобного, амбициозного существа не совсем определена.

Другие последствия Раскола также вызывали у богини смешанные чувства. С одной стороны, оно уничтожило многих ее поклонников. Но на каждого эльфа, упавшего в море или раздавленного падающим камнем, приходилось не менее трех последователей Ваэрона. Среди богов темных эльфов господствовала Ллос.

Ллос хорошо знала, что победа одерживается на любом поле боя. За последние несколько столетий она накопила большой опыт в эльфийском военном искусстве и практике.

Это новое увлечение было настолько интригующим, что она совсем забросила свое древнее ремесло - ткать зачарованные гобелены. Живые существа были более интересными нитями для ее ткацкого станка, а постоянно меняющаяся паутина, которую они плели, бесконечно привлекала темную богиню больше, чем упорядоченные судьбы, которые она когда-то создавала для своих темных эльфов. Время, проведенное в Абиссе, привило ей вкус к хаосу.

Однако ее не радовал вопрос об эльфийской родине. Ллос можно было не пускать в Арвандор, но в этом мире не было места, где она могла бы остаться, не попав в руки своих темных последователей.

И все же, как ни старалась Ллос, она не могла придумать, как нанести удар по острову. Ей самой было закрыт путь в Эвермит так же надежно, как и в Арвандор; те же магические барьеры, что защищали Священный лес Олимпа от злых богов, охраняли и эльфийский остров.

Это возмутило Ллос, ибо это было еще одно оскорбление, которое она получила от рук Кореллона Ларетиана. Темная богиня поклялась, что со временем она найдет способ уничтожить Эвермит. Эта цель стала сосредоточием, вместилищем всей ее древней вражды к эльфийскому богу.

Однако были и другие дела, поглотившие непосредственное внимание Ллос. Темные эльфы были загнаны под землю. Нужно было завоевывать новые территории, изучать новую магию. Потомки Ка'Нарлиста и Ллос теперь назывались дроу, и это был такой злой и страшный народ, какого только желала Ллос. Со временем они стали достаточно могущественными, чтобы выйти из своего темного мира и вернуть себе весь Абейр-Торил. Со временем дроу приведут к полному уничтожению детей Кореллона на материке. А когда это будет сделано, когда эльфы Эвермита останутся в полном одиночестве, ее последователям не составит труда вторгнуться на остров и захватить его, каким бы заколдованным он ни был. Да, Ллос еще многое предстояло совершить в ущельях и пещерах великого Подземья.

Тем временем Ллос нуждалась в агенте, который работал бы от ее имени на поверхности земли. Налетчики Илителири, проникавшие на крайний север, часто приносили с собой рассказы о варварских племенах людей - пугливых воинах, поклоняющихся тотемным зверям, и часто о Повелителе зверей, который ими командовал. Казалось, что Малар, ее старый знакомый, начал радоваться удачному повороту судьбы.

Возможно, размышляла Ллос, настало время навестить Великого Охотника и вновь зажечь в его сердце огонь мести. Пусть он тратит силы и старания на то, чтобы досаждать "эльфийской родине", пока она занята чем-то другим.

А почему бы и нет? При условии, что она направит его в нужное русло, Малар был достаточно изобретателен, чтобы справиться с поставленной задачей. Ллос почти не опасалась, что Повелитель зверей выполнит задание и украдет у нее момент мести, ведь хотя он и вырос в хитрости и силе с момента нападения на Кореллона, Малару определенно не хватало мощи, чтобы в одиночку противостоять силам Селдарина.

Но даже в этом случае несколько веков мучений от рук Повелителя зверей облегчили бы завоевание Эвермита.

3-й день Чеса, 1368 ЛД

Данило Танну, любимому племяннику моего возлюбленного Хелбена, Лаэраль Серебрянная Рука Арунсун шлет пламенный привет.

Дан, любовь моя! Благодарю тебя за письмо и за чудесную глупую балладу, которую ты сочинил для меня. Ты никогда не узнаешь, с какой радостью я приветствовала каждую глупую строчку, ибо мой визит в Эвермит не был наполнен весельем.

Не поймите меня неправильно - я считаю, что мне повезло, что я оказалась в числе тех немногих людей, которым разрешено находиться на Эвермите. Ты, конечно, знаешь о моей давней дружбе с королевой Эвермита. Я не единственная из Семи Сестер, кто имел дело с Королевой Амларуил. Сын моей сестры Дав был воспитан здесь, в безопасности от тех, кто хотел навредить ему, чтобы покуситься на Дав. Его воспитали в духе эльфийского народа, и теперь он живет в мире и чести как рейнджер в диких землях близ Долины Теней. Ты не знаешь, что мой собственный ребенок тоже нашел пристанище на эльфийском острове.

Хотела бы я видеть твое лицо, когда ты читаешь эту последнюю строчку. Ты не знал, что у меня есть ребенок, я полагаю. Мало кто знает. Я думала, так будет лучше. Чего я не ожидала - и не должна была ожидать - так это того, что моя дикая и прекрасная Мора найдет способ вбросить себя во всеобщее признание. То, что она сделала это неосознанно, делает ситуацию еще более сложной.

Но я поджигаю хвост перед зубами. Я начну снова, на этот раз с самого начала.

Корона Рогов, и я в своей гордыне решила, что моей силы воли и магии достаточно, чтобы противостоять злу, которое я почувствовала в ней. Я надела Корону, и она приняла меня как свою собственную. Прошли годы, страшные годы, в течение которых я потеряла Лаэраль и стала Дикой Женщиной, Ведьмой Севера. Я мало что помню о тех годах, что во многом является благословением. Но есть вещи, потерянные для меня, за воспоминания о которых я отдала бы века своей жизни. Одна из них - Мора.

Я не помню, как она появилась на свет. Я не могу сказать, кто был ее отцом, и не помню месяцев, когда я вынашивала ее. О ее рождении я могу рассказать немного больше. Все, что я помню, - это страшная буря за пределами моей пещеры, успокаивающий голос рядом и яростные крики младенца, лица которого я не могу вспомнить. Моя сестра Дав нашла меня во время родов и помогла мне, а затем отнесла младенца в Эвермит для защиты и воспитания. В своем ужасном безумии я не могла заботиться о ней, и никто на Фаэруне не осмелился сделать это. Никто не знал, какое влияние могла оказать Корона Рогов на эту бедную малышку. Таково было наследство, которое я передала своему ребенку.

Но Мора процветала в Эвермите. Любое пятно, которое она могла получить от злого артефакта, было очищено целительной магией этой прекрасной земли. Она выросла свирепой и дикой, как любой лесной эльф, но при этом всегда и во всем была

сама собой. Среди эльфов она выделяется, как алая роза среди подснежников - яркая и поразительная в своей красоте. Она не унаследовала серебристые волосы, свойственные мне и моим сестрам; она такая же смуглая, как и я, и даже более экзотична на вид. Неизвестно, кем мог быть отец Моря. Ее бледно-бронзовая кожа и пышные изгибы говорят о южной крови, острые скулы и миндалевидные глаза намекают на эльфийское происхождение - хотя это она могла получить и от меня. В ней, признаюсь, есть немного моего тщеславия и любви к драматизму. Мора часто бывает вычурной в своих поступках и одежде. Если не считать ее любви к фехтованию - она знатный боец, - у нее мало общего с эльфами. На самом деле, в этот раз я отправилась в Эвермит с мыслью вернуть ее домой, когда она наконец-то станет взрослой женщиной.

К своему ужасу, я обнаружила, что моя неугомонная и нетерпеливая Мора больше не желает уезжать. Она полюбила эльфа - эльфа, чье имя и звание предписывают, что ничего, кроме горя, их союз принести не может. Ты знаешь этого эльфа с недавних пор по твоим письмам: Ламруил, Принц Эвермита.

Мне не нужно говорить тебе, как недовольна королева Амларуил этими новостями. Ты прекрасно знаешь, что она потеряла свою самую любимую дочь, Амнестрию, из-за любви человека. Долгие годы королева отказывалась признать существование полу-эльфийской дочери Амнестрии. Даже сейчас, хотя в частном порядке она хорошо отзывается об Эрилин, она не признает и не может признать вашу жену своей родственницей и не может допустить ее на эльфийский остров. Эльфы Эвермита, особенно золотые эльфы, воспримут присутствие Эрилин как страшную угрозу всему, что им дорого - тем более, что она королевской крови. Ни на секунду не думайте, что моя личная дружба с королевой, или мой статус эльфа-друга, или даже тот факт, что я принадлежу к Избранным Мистры, делает мою дочь приемлемой парой для принца Эвермита. Мора родит ему полу-эльфийских детей, и это будет считаться трагедией.

В своем письме ты просил меня дать тебе некоторое представление о том, почему эльфы сторонятся людей смешанной крови. Это сложный вопрос, но ответ на него многое говорит о характере и умах эльфов Эвермита.

Ты любишь полу-эльфийку, а значит, тебе знакомо горе, свойственное этим существам, живущим между двумя мирами. Я тоже, ибо моя мать была полу-эльфийкой. Она так отчаянно нуждалась в собственном месте, что с радостью отдала себя в качестве аватара Мистре, чтобы ее дети могли стать, как и она сама, чем-то одновременно большим и меньшим, чем человек.

Меня принимают на Эвермите, но лишь потому, что мое эльфийское наследие не очевидно - возможно, оно затерялось под мантией Избранника Мистры. Из любви ко мне Амларуил приняла на воспитание ребенка Дав и меня, но только с пониманием того, что их эльфийская кровь будет предметом глубочайшей тайны.

Позвольте мне рассказать тебе историю о том, как мы с Амларуил впервые встретились. Это было во сне - эльфийском состоянии бодрствования, более спокойном, чем сон. В детстве я часто впадала в дремление. Для меня это был не столько сон, сколько приключение. Даже тогда серебряный огонь Мистры ярко горел во мне, и я могла делать то, что не под силу ни одному магу-человеку. В покое я часто погружалась в само Плетение и чувствовала существ, составляющих его основу и

узор. Большинство из них, конечно, были эльфами - человеческие маги используют Плетение, но эльфы являются его частью, которую ни один человек не может полностью понять.

В одном из таких путешествий я встретила Амларуил. Теперь понимаю, что связь Амларуил с Селдарином так же крепка, как моя с Мистрой. Она была удивлена, встретив ребенка в покое, поражена тем, что столь юная особа обладает такой силой. Мы часто встречались после того первого раза и стали ближе, чем сестры, еще до того, как взглянули друг на друга.

Я помню свою первую поездку в Эвермит. Амларуил прислала мне эльфрун - кольцо, с помощью которого я могла путешествовать в Эвермит одной лишь силой мысли. Я никогда не забуду выражение полного недоумения на ее лице, когда она впервые увидела меня.

Ты знаешь, что она увидела - девушку ростом выше большинства мужчин, но небольшого телосложения, с серебристо-зелеными глазами и обилием серебристых волос. Возможно, я отличаюсь от большинства женщин, но я вполне узнаваема как человеческая женщина. В первый и последний раз я видела, как будущая королева всех эльфов полностью потеряла самообладание.

"Ты - Н"Тель-Квесс!" - промурлыкала она, очаровательно называя меня "Не эльфом".

"Я - Лаэраль", - ответила я. В моем сознании это было всем и вполне достаточно. Я такая, какая есть, и не могу быть другой".

Она кивнула, словно слышала и смутно понимала мои невысказанные рассуждения. "Но ты путешествуешь по Плетению. Ты говоришь по-эльфийски!"

"Моя мать была полу-эльфийкой", - сказала я ей в качестве объяснения последнего поступка.

Ее лицо тут же превратилось в вежливую маску. "О, мне так жаль", - сказала она с большим чувством.

Я разразилась смехом, не в силах сдержаться. Ее тон был именно таким, какой использует любой воспитанный человек, когда рассказывает о какой-нибудь личной трагедии или семейном позоре. Так Амларуил относилась к полу-эльфам. Полагаю, она и сейчас так относится, и в этом она типична для эльфов Эвермита.

Что же мне делать с моей Морой? Она такая же упрямая и своенравная, как и я, а это не сулит ничего хорошего ни ей, ни, тем более, Эвермиту. Что произойдет, если Ламруил будет призван занять трон? Никто из эльфов, особенно из клана Золотых эльфов, не примет Мору в качестве королевы. По правде говоря, они вряд ли приняли бы Ламруила с Морой или без нее. Как и его любовь, он "слишком человечен".

Дан, друг мой, я очень боюсь за народ Эвермита. Их великолепная изоляция - вещь тонкая и хрупкая. Как и ты, я боюсь, что она не сможет долго просуществовать. Перемены неумолимы, неизбежны. Со временем волны разрушат самую прочную скалу. Эльфы, несмотря на всю свою мудрость и долгую историю, не до конца понимают это. Возможно, союз между Ламруилом и Морой заставит их увидеть то, что находится вокруг них.

А возможно, он лишь ускорит то, чего многие эльфы боятся больше всего - конец Эвермита, сумерки эльфов.

О, Дан, хотела бы я знать. И раз уж я загадываю желания, я хотела бы сохранить мою малышку Мору, хотела бы вырастить ее сама вдали от этого, казалось бы, неприкосновенного, но хрупкого острова. Я хотела бы увезти ее раньше, до того, как ее дикая красота привлекла внимание Ламруила. И я хотела бы, чтобы ты был здесь, рассказывал мне истории, пел глупые песни и смешил меня, как ты всегда делаешь.

Боюсь, что мое письмо мало что дало для ответа на твои вопросы. Но, возможно, мой рассказ пролил свет на характер Эвермита. Эльфы создали Эвермит, потому что хотели остаться теми, кто они есть. Но их история - это постоянная борьба между теми, кто цепляется за древние традиции, и теми, чьи смелые инновации сформировали Эвермит. Даже монархия когда-то была радикальной идеей. До сих пор есть те, кто считает ее таковой, и кто втайне жаждет возвращения древнего совета. Так продолжается борьба между постоянством и переменами.

Ты увидишь эту нить, проходящую через всю эльфийскую историю. Нигде она не проявляется так явно, как на Эвермите. И нигде она не проявляется так вопиюще, как в лице полу-эльфа. Начинай с этого, чтобы понять природу этой земли.

Я скоро вернусь в Глубоководье - боюсь, без Моря. А пока поцелуй за меня своего дядю Хелбена. Это будет раздражать его, а значит, и забавлять тебя. Это, я надеюсь, поможет привести тебя в надлежащее состояние духа, чтобы я была в лучшем расположении духа. Кстати говоря, будь готов сделать все возможное и невозможное. После моего пребывания здесь я чувствую острую потребность в зажигательном исполнении "Сьюн и Сатира". В самом деле, я могла бы подражать описанным в ней пирушкам, и не до конца притупить остроту моего нынешнего отчаяния. Скажи, как ты думаешь, можно ли уговорить Хелбена принять участие? Нет, я тоже так не думаю.

С наилучшими пожеланиями, Лаэраль

Прелюдия: Падение Сумерек

13-й день Муртула, 1369 ЛД

Принц Ламруил вошел в огромный зал, где заседала его мать, прекрасно зная о множестве пар неодобрительных глаз, которые следили за ним.

Он недолго пробыл в Эвермите - по настоянию королевы Амларуил он отправился на материк в приключение, к которому не питал особого желания. Время отсутствия оказалось более насыщенным событиями, а задание, которое ему дали, - более сложным, чем он предполагал. Однако надежда его матери на то, что отсутствие Ламруила приглушит страсть, которую он разделял с Морой, оказалась несбыточной. По крайней мере, королева могла быть довольна тем, что не дала слухам об этом распространиться. Боги могли бы засвидетельствовать, что Ламруил уже сделал достаточно для того, чтобы вызвать скандал при дворе.

С момента своего прибытия он успел еще больше запятнать свою репутацию. По своей прихоти он решил заняться изучением магии. Будучи студентом в Башнях, он

сумел разозлить несколько влиятельных семей золотых эльфов. Но никто из этих дворян не понимал, что он делал это намеренно. В своих путешествиях Ламруил заметил, что некоторые золотые эльфы на материке придерживаются традиционных, экстремистских взглядов. Он счел разумным приложить некоторые усилия, чтобы вычислить на Эвермите тех, кто может быть в союзе с этими экстремистами. Те, кого выходка принца лунных эльфов оскорбила больше всего, скорее всего, были подозреваемыми и заслуживали более пристального и тонкого внимания.

Королева Амларуил знала о тактике Ламруила, и она ее не одобряла. Впрочем, она вообще мало что одобряла из того, что Ламруил делал или говорил в эти дни. Он знал с мрачной уверенностью, что она не обрадуется новостям, которые он должен ей сообщить, и что она запретит ему делать то, что он уже решил, что должно быть сделано.

Принц прошел к помосту и опустился на одно колено перед тронем своей матери.

"Ты редко бываешь на советах, сын мой", - сказала она голосом, в котором не было и намека на любопытство, которое, как знал Ламруил, она должна была испытывать. "Неужели ты отказался от изучения магии, чтобы научиться чему-то в управлении?"

"Не совсем", - ответил он с сожалением. "По правде говоря, я должен поговорить с вами по личному вопросу. Дело весьма деликатное".

Он увидел, как почти незаметно дрогнули ее веки - для удивительно управляемой Амларуил это было равносильно паническому крику. Она явно подумала, как он и предполагал, что это связано с его запретной связью с Морой.

Королева вежливо, но бодро удалилась из зала совета. Когда они остались одни, она обратила мрачное лицо к своему неверному сыну.

"Пожалуйста, не говорите мне, что еще один полу-эльфийский бастард собирается запятнать род Лунноцветущих", - холодно сказала она.

"Это было бы настоящей трагедией", - ответил он с такой же теплотой. "Пусть боги засвидетельствуют стойкость, с которой мы переносим позор, навлекаемый на нас ублюдками-полукровками - такими, как дочь моей сестры Эрилин".

Амларуил вздохнула. Они с Ламруилом много раз спорили по этому поводу. Но так и не пришли к решению. И никогда не придут.

"Дочь Амнестрии хорошо послужила народу", - признала королева. "Но это не дает тебе права увеличивать число полу-эльфов!"

"Тогда довольствуйся тем, что я этого не сделал", - мрачно сказал Ламруил. "Новости, которые я принес тебе, гораздо серьезнее".

Выражение лица королевы намекнуло на то, что она сомневается в этом.

В ответ Ламруил протянул ей письмо. "Это от мужа Эрилин, которого я называю не только племянником, но и другом. Он человек, но хорошо владеет языком".

Амларуил прочла изящный эльфийский шрифт. Она резко подняла глаза. "Кимил Нимесин ускользнул от своих арфистских тюремщиков! Как это возможно?"

Ламруил помрачнел. "У Кимила Нимесина есть могущественные союзники, причем неожиданные. Мудрецы говорят, что Ллос и Малар когда-то заключили союз

против Людей, хотя они ненавидят друг друга почти так же сильно, как детей Кореллона. Похоже, что они могут сделать это снова".

Лицо королевы побледнело до цвета нового снега. "Его нужно было судить на Эвермите. Этого бы никогда не случилось!"

"В этом мы согласны".

"Где он сейчас?"

"Арфисты не знают".

"У него все еще есть эльфийские союзники? Ты искал их под каждой кроватью в Эвермите".

"Несколько, но ни одного на Эвермите - по крайней мере, ни одного, которого я мог бы точно определить", - сказал Ламруил. "На материке - определенно. Есть и другие тревожные союзы. В прошлом Кимил вел дела с Джентаримом. Он заключил сделку с чародеями Тая. С какой целью, мы можем только догадываться".

"Да", - тихо сказала королева. Ее глаза наполнились печалью и утратой, которые не уменьшились с течением десятилетий. "Я слишком хорошо знаю цену амбициям Кимила Нимесина".

Молодой принц вдруг почувствовал себя неловко в присутствии такого огромного горя. Но он положил руки ей на плечи и встретил ее взгляд. "Я найду предателя, клянусь. Так или иначе, я верну его в Эвермит, чтобы он предстал перед судом".

При этих словах Амларуил охватил холод, словно предвестие грядущей душевной боли. "Как ты найдешь его, если арфисты не могут?"

Принц мрачно улыбнулся. "Я знаю Кимила Нимесина. Я знаю, что ему нужно, и куда он должен отправиться, чтобы найти это. Такие амбиции, как у него, нуждаются в поддержке огромного богатства. Мы с ним забрали из эльфийских руин состояние, которое может соперничать с кладом красного дракона. Кимил спрятал его и попытается вернуть. Я отправлюсь туда и встречу с ним".

"Он может ожидать, что ты это сделаешь".

"Конечно, будет", - согласился Ламруил. "И он устроит мне ловушку. Он не будет ожидать, что я предвижу эту ловушку и попаду в нее по своей воле".

Амларуил уставилась на сына. "Зачем ты это делаешь?"

"Кимил Нимесин не уважает ни одного Серебряного эльфа, а меня и вовсе презирает", - откровенно сказал принц. "Он ожидает, что я брошусь в его ловушки, защищая королеву и страну. Но чего он не ожидает, так это неуклюжего принца, который предлагает себя в качестве союзника".

Из уст королевы вырвался изумленный возглас. "Ты не можешь!"

Ламруил поморщился. "Неужели ты так мало уважаешь меня? Я бы не пошёл на союз с предателем, который убил моего отца и мою сестру".

"Я никогда не думала, что ты так поступишь. И все же я не могу допустить этой уловки. Если ты сделаешь это, ты никогда не будешь править Эвермитом после меня!"

"Я и не надеялся", - ответил Ламруил. "Илайрана - наследница престола, и ее любит народ. Поскольку я не обременен их уважением, я могу свободно идти на такой риск от их имени. Позволь мне узнать о плане Кимила и разрушить его изнутри. Я должен", - серьезно сказал он, когда королева начала протестовать.

"Неужели ты думаешь, что один эльф, каким бы могущественным он ни был, осмелится действовать в одиночку? Если он попытается завершить начатое им дело, будь уверен, это произойдет при поддержке могущественных союзников. А такие союзы часто приводят в движение сложные события - события, которые вполне могут продолжиться с Кимилом Нимесином или без него. Нет, я думаю, мы должны знать больше".

Глаза королевы искали его лицо, как будто она могла найти там аргументы, чтобы опровергнуть его слова. Наконец она вздохнула, потерпев поражение.

"В твоих словах есть правда, даже мудрость. И все же я хотела бы, чтобы нашелся другой, кто мог бы взяться за это дело!"

"Ты боишься, что я не подхожу?"

"Нет", - сказала она мягко, печально. "Только ты один на всем Эвермите подходишь для этого. Никто другой не обладает такими знаниями о нашем враге. Это ужасное бремя, я думаю".

"Но оно необходимо", - сказал он.

Амларуил долго молчала. "Да", - сказала она наконец. "Да, это так".

"Значит, я могу идти?" - удивленно спросил он.

К его удивлению, искренняя, хотя и несколько кривая улыбка искривила губы матери. "Ты бы остался, если бы я тебе запретила?"

"Нет", - признался он.

Королева коротко рассмеялась, а затем ее лицо стало тоскливым. "Ты очень похож на свою сестру, Амнестрию. Я не доверяла ей в том, что будет лучше для нее и ее народа. Позволь мне учиться на своих ошибках".

Подтекст ее слов глубоко тронул Ламруила. "Ты хочешь сказать, что доверишь мне в этом?"

Амларуил выглядела удивленной. "Конечно, доверяю. Разве ты не знал этого? Я всегда доверяла тебе. Несмотря на твои шалости, в тебе много от твоего отца".

Принц опустил на одно колено и взял обе ее руки в свои. "Тогда доверься мне до конца, я прошу тебя. Доверься мне, когда твои советники говорят тебе, что ты не должна, когда твои собственные чувства настаивают на том, что ты не должна!"

"Приведи ко мне Кимила Нимесина", - тихо сказала королева.

Ламруил молча кивнул. Кажущееся отсутствие смысла говорило о том, что его мать поняла, что он намерен сделать. Риск был огромен, и Амларуил, несомненно, была права, говоря, что даже если он добьется успеха, его никогда не примут как короля Эвермита. По его мнению, это была достаточно малая цена.

"Тогда, с вашего позволения, я начну".

Королева кивнула, затем протянула руки и закрыла лицо своего младшего ребенка ладонями. Она наклонилась вперед и поцеловала его в лоб. "Ты действительно сын Заора", - мягко сказала она. "Какой король из тебя получился бы!"

"С Морой в качестве моей королевы?" - поддразнил он.

Амларуил помрачнела. "Полагаю, ты не смог бы устоять перед этим; но даже в этом случае тебе следовало бы приложить усилия. Тогда иди и прощайся".

Молодой принц встал и глубоко поклонился. Он повернулся и зашагал прочь из дворца. Он взял своего лунного коня у конюха, державшего уздечку, и быстро

поскакал в сторону Руита. В лесах к югу от этого города-крепости он найдет свою любовь.

Ни одно другое место на Эвермите не подходило Море так хорошо. Мора была воспитанницей лесных эльфов Орлиных холмов, но теперь, когда она стала взрослой женщиной, она жила одна на лесистом полуострове к северу от Лейтильспара, в маленькой каморке в сердце живого дерева. Скалистый берег, занавес из заснеженных гор, обрамлявших лес, повторяли дикость ее собственной природы. Близость Руита, города-крепости, где располагалось сердце эльфийской армии, давала ей спарринг-партнеров, когда она желала поединка - а это случалось часто. Даже в обществе чемпионов она редко терпела поражение.

Она подняла голову, когда Ламруил вошел в ее дом. "Чему ты научился? Ты уже можешь остановить этот глупый фарс среди горожан?"

Во время своего пребывания в Лейтильспаре Ламруил влез в доверие к некоторым золотым эльфам и дал им понять, что ему не терпится занять трон. Он намекнул, что с нетерпением ждет отставки своей матери, и намекнул, что, возможно, хотел бы добиться этой цели другими средствами. Мора знала эти вещи и выступала против них в таких выражениях, что неодобрение Амларуил казалось бледным делом.

"Я узнал несколько вещей", - сказал он неопределенно. "В данный момент они не имеют большого значения. Я должен немедленно покинуть Эвермит".

Он показал ей письмо и рассказал, что собирается делать. Он приготовился к ярости девушки. Мора не разочаровала его.

"Почему ты должен брать на себя труд и риск, чтобы вернуть этого Кимила Нимесина на Эвермит? Убей его прямо и покончи с этим. Клянусь всеми богами, он убил твоего отца! Право мести принадлежит тебе".

На мгновение Ламруил испытал искреннее искушение поступить так, как она просила. "Но я не единственный, кто понес потери. Этот вопрос должен решать Народ. Я могу лучше всего послужить им, передав предателя на их суд. Я также должен не торопиться и сделать все возможное, чтобы раскрыть другие угрозы трону".

Взгляд эльфийской служанки потускнел, оттесненный зарождающимся беспокойством. "Ты начинаешь говорить как король", - сказала она, ее тон колебался между шуткой и беспокойством.

Ламруил расплылся в огромной ухмылке. "На этом острове есть несколько тысяч эльфов, которые с радостью поспорили бы с тобой", - беззлобно сказал он.

"Тем не менее, это возможно".

Ламруил пожал плечами, озадаченный ее нехарактерной серьезностью. "Я принц. Теоретически, да, это возможно. Но Илайрану очень любят, и она наверняка займет трон. Даже если она откажется, вполне вероятно, что эльф из другого знатного дома будет выбран вместо неопытного юноши".

"Возможно, он станет регентом вместо тебя", - упорствовала Мора. "Результат был бы отсрочен, но он был бы тем же самым!"

Принц взял ее руки в свои. "В чем, собственно, дело?"

Ее глаза были яростными, когда встретились с его глазами; несмотря на это, в их изумрудных глубинах блестели слезы. "Королю нужна королева. Правильная королева".

На мгновение Ламруил растерялся. Он знал, что за словами Мора скрывается правда: даже если дворяне примут его как своего короля, они, конечно же, будут настаивать на том, чтобы он взял с собой на царствование одну из них. Они не допустят на трон Эвермита такую дикарку, как Мора, даже если она будет полностью эльфийкой. Он понимал, что и в лунно-каменном дворце Лейтильспара ей не придется долго довольствоваться тем, что есть.

Принцу очень хотелось стереть серебристые дорожки со щек Мора, но он знал, что она не поблагодарит его за признание ее слез.

"Подожди здесь", - внезапно сказал он. Отвернувшись от нее, он выскочил из-за дерева и помчался в лес. Через несколько мгновений он нашел то, что искал, - дикий лавр. Несколько цветков еще держались на растении, наполняя воздух пьянящим ароматом. Он срезал ножом несколько древесных лоз и поспешно собрал их в кольцо. Результат получился далеко не симметричным, но сойдет.

Он вернулся к девушке и возложил на ее голову корону из листьев и цветов. "Ты - королева моего сердца", - тихо сказал он. "Пока ты жива, я не приму другую".

"А зачем тебе это? Ты уже забрал всех остальных", - ответила она.

Ламруил поднял одну бровь. "Прилично ли вспоминать о моих юношеских подвигах в день нашей свадьбы? Думаю, нет - мы давно уже не обсуждаем подобные вопросы".

Она скрестила руки и посмотрела на него. "Я не выйду за тебя замуж".

Ламруил усмехнулся. Подложив палец под ее подбородок, он поднял ее упрямое лицо к своему. "Слишком поздно", - легкомысленно сказал он. "Ты только что это сделала".

"Но..."

Эльф заглушил ее протесты поцелуем. Мора напряглась, но не отстранилась. Через мгновение ее руки обвились вокруг его шеи, и она вернула ему поцелуй с настойчивостью, граничащей с отчаянием.

Наконец принц высвободился из ее объятий. "Время прошло. Я должен идти".

Мора кивнула. Она пошла с ним к опушке леса. Она смотрела, как он спускается по крутой тропинке к гавани, и продолжала смотреть, пока корабль Ламруила не стал лишь золотой точкой на далеком горизонте. Она смотрела на него с затуманенными печалью глазами, рожденными не только потерей, но и пониманием.

Впервые она осознала истинность своей любви. Ламруилу суждено было стать королем, и он рос в этой роли, хотя немногие из эльфов Эвермита могли это понять. Настанет день, когда он будет готов. И в этот день она потеряет его для Эвермита.

"Да здравствует королева Амларуил", - прошептала она с горячностью, не имевшей ничего общего с ее искренним уважением к монарху Эвермита.

* * * * *

Прошло более двух лет, прежде чем Ламруил вернулся на остров. Для эльфов это не было большим сроком, но каждый день, каждый миг тяготил Мору. Она должна была выполнить свою задачу. Она и Ламруил были едины в своей цели, и она выполняла свою часть с решимостью, которая приводила в недоумение ее эльфийских наставников. Она бросилась в тренировку с мечом с рвением, которое могло соперничать с рвением самого преданного клинка. Она делала это не только потому, что в душе была бойцом и любила танец битвы, но и потому, что, в отличие от эльфов, полностью ожидала грядущей войны.

И поэтому она готовилась к ней, наблюдала за ней, жила ради нее. И все же, когда она пришла, она оказалась неподготовленной.

Они все были не готовы, горделивые эльфы Эвермита. Угроза пришла оттуда, откуда они меньше всего ожидали, от врага, который, как все полагали, был слишком далек, чтобы о нем беспокоиться. Они пришли из преисподней - из немыслимого. Дроу.

Нападение произошло на самом северном берегу острова. Всю долгую осеннюю ночь в туннелях под древними руинами Крепости Кроулнобар раздавались звон оружия и слабые, инстинктивные крики, которые даже самые храбрые воины не могли сдержать, когда клинок вонзался в землю. Но вот звуки стихли, превратившись в мрачную тишину - верное доказательство того, что первая битва почти закончилась.

И почти проиграна.

Подкрепление прибыло из Крепости Светового Копья Руита и из одиноких крепостей Орлиных Холмов. Мора пришла с ними, чтобы встать рядом с эльфами, которые вырастили и обучили ее.

Защитники пытались отвоевать древний замок у темно-эльфийских захватчиков, которые, словно кипящая смертоносная лава, изливались из каменных глубин. Приближение рассвета изменило ход битвы: дроу начали отступать в ожидании света, а эльфам удалось прорвать древнюю крепостную стену. С новым ожесточением эльфы принялись сражаться с темными эльфами, удерживавшими замок. Много темных тел лежало среди павших в Эвермите. С наступлением рассвета выжившие дроу ушли в туннели, откуда пришли.

Слишком быстро гордые эльфы посчитали свою победу. Следуя приказу Шонассира Дуротила, они бросились в погоню. Почти все эльфы покинули свои позиции на скалах и холмах за пределами замка и вошли в заброшенную крепость, полные решимости преследовать и уничтожить захватчиков.

Но не успели они войти за стены, как двери захлопнулись за ними и запечатали их настолько прочно, что казалось, что ворота и стены слились в единое каменное полотно.

Над замком опустилось облако тьмы, окутав эльфийских бойцов непроницаемым туманом и ледящей душу аурой чистого зла.

В эту тьму вернулись дроу, безмолвные и невидимые, вооруженные страшным оружием и запутанной магией. То тут, то там вспыхивали красные лучи, словно злобные ветры. Те эльфы, которые принимали их за теплочувствительные глаза дроу, в погоне за ними обнаруживали, что преследуют иллюзию. Наградой им неизменно становился невидимый кинжал в позвоночник и слабый взрыв

издевательского смеха - музыка столь же прекрасная и ужасная, как колокольчики фейри при Неблагоденствии Дворе.

Эльфы продолжали сражаться среди тьмы и отчаяния. Они сражались храбро и хорошо, но все равно умирали.

Нескольким воинам удалось найти дорогу в туннели. Они преследовали дреуг в направлении острова Тилрит, по туннелям, которые сотни лет труда и магии темных эльфов вновь открылись.

Во тьме они и погибли, ибо в туннелях за пределами хранилища скрывались два единственных существа, которых боялись, пожалуй, даже больше, чем дреуг. Одна из них, прекрасная темная эльфийка, вскрикивала от восторга, когда погибал один из детей Кореллона Ларетиана.

Наконец-то Ллос пришла в Эвермит. Хотя магия не позволяла ей ступить на сам остров, туннели под ним были ей подвластны.

Никаких подобных ограничений не было наложено на существо рядом с ней - ужасную тварь, напоминавшую лишь гигантского трехногого таракана. Чудовище рванулось к замку. Его оскаленная морда пронеслась вдоль стен туннеля, а железная пасть деловито разинула рот, пробивая камень, чтобы освободить место для своей массы. Размером почти с дракона, покрытое непробиваемой броней, чудовище было слишком знакомо многим эльфам Эвермита.

Существо Малара, Итъяк-Ортил, последовало за Ллос из ее дома в Абиссе. Наконец-то Повелитель зверей и Королева пауков нашли способ объединить свои силы для удара по Эвермиту. Ужасному эльфопожирателю нужны были врата из Абиссы, и Ллос смогла их предоставить.

Пожиратель эльфов взмыл вверх, вырываясь из каменного пола хранилища. Десятки щупалец прощупывали воздух, пробуя на вкус близлежащую добычу. Тварь была неумолима, пожирая живых и мертвых эльфов, пока в замке не стало тихо и пусто. Со скоростью скачущей лошади существо вонзилось в древнюю стену. Камень разлетелся вдребезги, и облако пыли и обломков вырвалось из черноты, окутавшей замок и грозившей поглотить весь Эвермит.

Выжил один воин - единственный, чья кровь не была достаточно эльфийской, чтобы призвать эльфа-еда. Оставшись одна, Мора в отчаянии наблюдала, как эльф-ед отходит от замка, направляясь на юг с такой скоростью, с которой не мог сравниться даже полет ворона. Мора слишком хорошо угадала его цель и намерения.

Чудовище направлялось к могиле Кореллона, ближайшему эльфийскому стойбищу - не случайно одному из мест силы Эвермита. Многие из самых могущественных клириков собрались здесь, чтобы учиться и молиться, творить священную магию, чтобы помочь Людям здесь и сейчас, и созерцать чудеса, которые ждут их в царствах Арвандора. Там, среди храмов роши Кореллона, эльф-ед снова будет питаться.

Это было достаточно ужасно, но еще одна мысль придавала еще большую остроту, необходимую для того, чтобы оторвать Мору от ее изнеможения и отчаяния: Принцесса Илайрана, жрица богини Анггарадх, поселилась в Роше.

С губ Меры сорвался пронзительный крик, который для человеческого слуха был бы неотличим от орлиного крика. Мора, выросшая среди Орлиных холмов, знала об этих гигантских птицах и много раз слышала, как эльфы призывают их. Но

она никогда не вызывала их и никогда не ездила на них верхом. Она не была уверена, что у нее получится и это. Однако это был не первый случай, когда неопытный воин отправлялся в бой на таком звере.

Ждать пришлось недолго. Огромная птица опустилась с неба с пугающей тишиной, приземлившись на груды обломков, которые эльф-ед оставил после себя, когда взрезался в крепость. Орел был огромен, как боевой конь, и прекрасен. Косые лучи восходящего солнца окрасили его перья в золотой цвет. Он был грозен и страшен, крючковатый клюв был больше головы Моря, а когти размером с кинжал, который она носила с собой.

Птица пытливо вскинула голову. "Кто ты? Чего хочешь?" - потребовала она пронзительным голосом.

Мора гордо подняла подбородок. "Я - Мора из Эвермита, жена принца Ламруила и дочь короля Заора. Возьми меня в бой, как твой предок когда-то взял короля. Нужда Эвермита сейчас больше, чем тогда - больше, чем когда-либо".

"Ты не эльф", - заметил орел.

"Нет. Но тогда и ты тоже. Разве из-за этого ты менее яростно сражаешься за свой дом?"

Ее ответ, казалось, обрадовал птицу. Орел расправил крылья, и золотые перья почти покрыли залитый кровью двор.

"Поднимайся, поднимайся", - нетерпеливо призывал он ее. "Садись на спину, держись крепче. Мы покажем, как яростно мы, не-эльфы, сражаемся за наш дом - Эвермит!"

КНИГА ТРЕТЬЯ: Постоянство и Перемены

"Некоторые легенды гласят, что Эвермит - это частичка Арвандора, спустившаяся в мир смертных. Некоторые считают его мостом между мирами, местом, где стирается грань между смертным и божественным. Для кого-то это просто приз, который нужно выиграть. Но всем ясно одно: со дня своего создания Эвермит стал древней родиной людей Фазруна. Это нелегко понять или объяснить, но когда истина была начисто лишена парадокса?"

-Выдержка из письма Элаши Эванары, Жрицы Лабеласа, Хранительницы Библиотеки Королевы.

11. Неприкосновенность

Повелитель зверей Малар не считал, что дикие земли находятся за пределами его владений. Глубокие леса Эвермита должны были принадлежать ему, и все живые

существа на острове должны были стать его законной добычей. Если к этой добыче причислялись и эльфы, тем лучше.

Но звероподобный бог был не допущен к эльфийскому пристанищу. Сеть мощной магии накрыла остров и не позволила богам антисельдарина совершить прямое нападение на детей Кореллона Ларетиана. И на этот раз не было коварной эльфийской богини, которая открыла бы ему путь изнутри.

Нет, размышлял Малар, ему не добраться до острова. Но, возможно, есть другие, кто может. Когда-то, давным-давно, коалиция почти одержала победу над эльфийским пантеоном в их собственном священном лесу. Почему бы ему не собрать такую же группу богов и не направить объединенные усилия их смертных последователей? Раз и навсегда он сокрушил бы смертных эльфов, само существование которых напоминало ему о его унижительном поражении от рук Кореллона.

Море, рассуждал Малар, было его первым препятствием на пути к успеху, и препятствием грозным. По большей части его последователями были орки, люди, прославившие охоту, и существа, принадлежащие к нескольким другим хищным расам. Эти охотники жили на материках, у них не было ни кораблей, ни навыков, необходимых для пересечения огромного водного пространства. Возможно, со временем он найдет союзников из числа богов и смертных, которые смогут восполнить этот недостаток. Но ему казалось очевидным, что первым логичным шагом в создании такого союза будет привлечение сил и существ глубин.

И тогда Повелитель зверей отыскал отдаленный скалистый остров, расположенный далеко на севере Эвермита, и принял свой звериный облик. Он послал призыв, а затем расположился на высоком и неровном утесе и стал ждать.

Морской ветер, проносившийся над островом, усилился до штормовой силы, а небо потемнело до цвета индиго. Волны вздымались и бились о скалы внизу, поднимаясь все выше и выше, пока черный мех Повелителя зверей не залило солеными брызгами. Как только Малар подумал, что разъяренные воды могут поглотить остров, а вместе с ним и его аватара, из моря поднялась огромная волна и превратилась в прекрасную, дикоглазую женщину.

Богиня Амберли возвышалась над островом, дрожа на гребне этой огромной, опасно волнистой волны. "Чего ты хочешь от меня, житель суши?" - потребовала она звенящим голосом.

Малар с опаской посмотрел на морскую богиню. Ее силы и ее водные владения были далеко за пределами его опыта и понимания. И все же, возможно, ему удастся найти общий язык или хотя бы какую-то приманку, которая привлечет ее внимание и поможет ей соответствовать его целям. Это было бы не без риска. По всем признакам, богиня волн была опасно капризна.

"Я пришел с миром, Амберли, и я принес предупреждение. Эльфы путешествуют по вашим океанам, чтобы заселить остров Эвермит", - начал он.

Из глаз Амберли сверкнула молния, и корявые кусты прибрежной сливы слева от Малара вспыхнули огнем. "Ты смеешь вызывать меня, а потом говорить, будто я не знаю, что происходит в моих владениях?" - гневно воскликнула она. "Какая разница, путешествуют ли эльфы по морям, если они исправно платят мне дань?"

"Но они не просто путешествуют по твоим морям. Они думают править океаном, а Эвермит - их база", - упорствовал Малар. "Это я знаю от богини эльфов".

Богиня воды слегка отступила, как бы удивляясь, и в ее глазах зажегся гнев иного рода. "Никто не правит океанами, кроме Амберли!"

"Морские эльфы оказывают тебе почтение, это правда, но они почитают только своих собственных богов. Даже морские эльфы поклоняются не тебе, а Глубинному Сашеласу".

"Таков порядок вещей", - угрюмо сказала богиня. "Много существ населяет мои океаны, и все они поклоняются своим собственным богам. Но все те, кто живет в океанах или плавает по волнам, платят мне дань и возносят молитвы, чтобы заслужить мою снисходительность и уберечься от моего гнева!"

"Так просят ли тебя эльфы, живущие ныне на Эвермите, или они слишком довольны защитой своих собственных богов?" - лукаво спросил Малар. "Аэрдри Фэйниа наложила на остров такие чары, что ни один злой ветер или непогода никогда не смогут разрушить его. Эльфы Селдарина верят, что Эвермиту неподвластны другие боги. И все же, несомненно, Амберли, одна из великих богов ярости, может что-то сделать, чтобы помешать этим самонадеянным эльфам!"

Малар наблюдал за тем, как этот удар, как и предсказывала Ллос, угодил в цель. Он бы предпочел привести Амберли в порядок грубой силой и раздражающими когтями, но, как заметила темная богиня, во многих охотах наступает момент, когда добычу нужно загнать в место, выбранное охотником.

"Я могу сделать многое", - похвасталась гордая богиня. "Если в морях, окружающих Эвермит, будет достаточно хаоса, эльфы познают и начнут почитать мою силу!"

Повелитель зверей слушал, как Амберли начала рассказывать о своих планах относительно Кораллового королевства - огромной и разрозненной группы врагов, которые будут беспокоить эльфов, когда бы они ни отправились в плавание. Некоторые из этих существ могли даже проникнуть на сам остров, ибо защита эльфийских богов не исключала и не могла исключать всех последователей других богов. Для такой мести, какую задумал Малар, смертные существа могли сделать то, что не под силу богам.

И слушая, как морская богиня хвастается и строит козни, Малар удивлялся хитрости Ллос, которая так ловко спланировала, как направить силу Амберли против их эльфийского врага. Он старался не задерживаться на результатах последней кампании темной богини или на зарождающемся подозрении, что им самим, возможно, манипулировали так же ловко, как и Амберли, и тогда, и сейчас.

Такие мрачные мысли лучше всего помогали ему, когда они превращались в гнев - прекрасный и убийственный гнев, который Малар мог полностью направить против детей Кореллона.

* * * * *

В последующие годы в теплых водах, окружающих Эвермит, стали собираться большие сообщества странных и злых существ.

Самыми страшными из них были скраги. Этих десятифутовых морских троллей было практически невозможно победить, поскольку они с поразительной быстротой залечивали раны, полученные в бою. Они могли легко налететь на эльфийский корабль, регенерируя так же быстро, как эльфы успевали их уничтожать. Поджигая их, можно было лишь уничтожить корабль, оставив эльфийскую команду на милость тех отбросов, которые еще оставались в море. Немногие эльфы выжили после плавания по кишасим троллями водам. Путешествие между материком и Эвермитом стало крайне опасным, и больше кораблей погибло, чем добралось до гавани.

В дополнение к морским троллям появились сахуагины, мрачные и отвратительные рыболюди, которые были движимы глубокой враждой к морским эльфам. Много битв разыгралось под волнами между этими древними врагами. За несколько десятилетий мирные морские эльфы, жившие рядом с Эвермитом, управлявшие эльфийскими кораблями и высматривавшие опасности, скрывавшиеся под волнами, были почти уничтожены.

Это было темное время для эльфов Эвермита. Отрезанные от могущественного королевства Аривандаар лишь посланиями из Башни, лишенные грозного защитного барьера, который когда-то обеспечивали морские эльфы, они к своему ужасу обнаружили, что их священная родина не является, как они надеялись, неуязвимой для нападения.

* * * * *

Почти четыреста лет прошло с тех пор, как первые корабли из Аривандаара проплыли мимо гористого островного форпоста Сумбар и вошли в глубокую, укрытую бухту на южном берегу Эвермита. Здесь, в устье реки Ардулит, они основали Лейтильспар, "Лесной дом".

Из драгоценных камней и хрусталя, из живого камня и могучих древних деревьев Высшие Маги Аривандаара создали в лесах Эвермита город, который мог бы соперничать с любым из королевств Фазруна. Здания Лейтильспара выросли из самой земли, увеличиваясь в размерах с годами, чтобы вместить растущие кланы, жившие в нем, а также поселенцев, пришедших позже. Даже в зачаточном состоянии Лейтильспар был городом несравненной красоты. Спиралевидные башни взмывали в небо, словно грациозные танцовщицы, и даже обычные дороги были сделаны из драгоценных камней, извлеченных из скрытых глубин.

Хотя полная гармония среди эльфийской знати оставалась труднодостижимой целью, Кишара Амариллис хорошо послужила тому, чтобы сблизить враждующие фракции. И когда пришло время ей ответить на призыв Арвандора, Ролим Дуротиль принял обязанности Верховного советника со смирением и решимостью, которые удивили бы тех, кто знал его как гордого золотоэльфийского воина Аривандаара.

Ролим и его жена, маг серебряных эльфов Ава Лунноцветущая, подавали пример гармонии между кланами и расами эльфов. Их семья была необычайно большой, и их дети увеличили как кланы Дуротиль, так и Лунноцветущих. Те дети, которые брали пример со своего золотого эльфа-патриарха, причислялись к Дуротилам; те

же, кто отдавал предпочтение своей матери, увеличивали численность и мощь клана Лунноцветущих.

Это было мудрое решение и прекрасный пример - эльфы Лейтильспара быстро согласились с ним. Однако лишь немногие из них последовали по стопам Верховного советника. Союзы между различными расами эльфов становились все более редкими, и хотя отношения между золотыми, серебряными и дикими эльфами оставались дружескими, различные народы начали отдаляться друг от друга.

Со временем некоторые из наиболее отважных эльфов покинули Лейтильспар и разошлись по всему острову. Некоторые из этих путешественников смешались с дикими эльфами, жившими в глубине леса, и тем самым полностью отделились жизни в гармонии со священным островом. Но большинство оседало на широких плодородных равнинах на северо-западе, чтобы выращивать урожай или тренировать свой флот и проворных боевых коней.

На крайнем севере острова находились суровые, поросшие лесом холмы и горы. Добыть средства к существованию на этих диких северных землях было нелегко, но эта задача вполне подходила для растущего клана Кроулнобаров.

Это была небольшая дворянская семья, прибывшая в Эвермит в качестве почетной стражи на службу к своему сеньору, клану Лунноцветущих. Во главе семьи стояла Аллання Кроулнобар, воительница, которая, несмотря на свой маленький рост, пережила битвы Войны Короны и отбила волны чудовищ, орков и темных эльфов, угрожавших Аривандаару. Она слишком хорошо знала ужасы битвы и необходимость постоянной бдительности.

Растущее самодовольство эльфов Лейтильспара, их полная уверенность в том, что Эвермит - неприкосновенная гавань, вызывали у Аллании глубокое беспокойство. Поэтому она выбрала землю, которая испытала бы ее на прочность и потребовала бы от нее сохранять остроту ума и острие меча. Среди трудностей жизни в их диких владениях Аллання воспитала своих детей воинами.

Главным среди них был Дарторидан, ее старший сын. Он был необычайно высок для эльфа и более мощно сложен, чем большинство его сородичей. Когда он был еще мальчиком и только начинал расти в полный рост, Аллання предвидела, что ни один меч из арсенала Кроулнобаров не подойдет ему по силе. Она послала весть лучшему мечнику Лейтильспара, и тот создал меч такого размера и веса, какой редко встречается у эльфов. Она назвала его Морская-река, по причинам, которые не были ей до конца известны.

По мере взросления Дарторидан становился все более беспокойным. Он проводил дни в бесконечных тренировках, готовясь вместе со своей матерью-воительницей, братьями и сестрами к битве, которая так и не состоялась. И хотя он не жаловался, он испытывал острое чувство разочарования из-за того, что жизнь в Крепости Кроулнобар была сосредоточена на чем-то одном. Да, он и его сородичи становились прекрасными воинами, даже по эльфийским меркам. Но даже несмотря на это, молодой эльф жаждал гораздо большего. Он не мог избавиться от растущего предчувствия, что одного умения владеть мечом недостаточно.

Однажды, когда часы тренировок закончились, Дарторидан снял ножны с Морской-реки и отправился на берег. Он провел там много часов, не обращая внимания на тупую боль в изможденных боями мышцах, когда испытывал свою силу

и ловкость, карабкаясь по отвесным скалам. Но чаще он просто сидел и смотрел на море, заново переживая истории, привезенные путешественниками из дивных городов на юге.

В этот вечер его настроение было особенно задумчивым, потому что мать объявила, что скоро наступит время, когда он должен будет отправиться в Лейтильспар и найти себе жену. Эта новость ничуть не обрадовала молодого эльфа, но перспектива воплощения мечты в реальность его несколько пугала.

Ведь владения клана Кроулнобаров были изолированы, а их крепость представляла собой простую каменную башню, возвышавшуюся над скалистыми утесами. Дарторидан почти ничего не знал об обычаях и культуре великого города. Заботясь о надежной обороне, Аллання Кроулнобар не уделяла внимания ничему другому и не учила своих детей ничему, кроме военного искусства. Дарторидан не был готов к жизни в Лейтильспаре; он не был уверен в своей способности ухаживать и завоевывать подходящую невесту.

Если Аллання захочет, размышлял он со смешанным разочарованием и язвительным юмором, то он просто войдет в эльфийский город, вызовет на поединок подходящую по виду боевую девицу, победит ее и увезет на север.

Дарторидан вздохнул. Как ни смешон был этот образ, но, по правде говоря, это было все, на что он был способен.

Когда он станет главой клана, все будет иначе, поклялся молодой воин. Если бы он руководствовался только собственной волей, его избранницей стала бы дама высокого положения и изысканного изящества. Она научила бы их детей тому, что не смог сделать он. Кроме того, всех подростков Кроулнобара отправляли бы на воспитание в знатные семьи на юге, где они могли бы обучаться искусствам и магическим наукам, процветавшим в Лейтильспаре. Они будут учиться владеть магией, которая была их наследием, и результаты превзойдут те немногие экспериментальные заклинания, которые Дарторидану удавалось создавать в свободное время.

Несмотря на сны, которые приятно вихрились в его мыслях, Дарторидан оставался бдительным к своему окружению. Он заметил небольшое пятно темноты на встречной волне. Он прищурился против света заходящего солнца, пытаясь разглядеть его природу. Пока он наблюдал, набегающие волны швыряли неподвижный предмет туда-сюда, словно играя с ним, прежде чем выбросить на берег.

Вздохнув, Дарторидан поднялся и начал спускаться с утеса к кромке воды. Он почти не сомневался в том, что найдет. Время от времени на северный берег прибывало растерзанное тело морского эльфа - мрачное свидетельство войн, бушевавших под волнами. Не в первый раз он отдавал смертное тело морского брата очищающему пламени и пел молитвы, отправляющие душу в Арвандор. В такие моменты он обнаружил, что не жалеет о своих часах тренировок с мечом и копьем.

Как он и предполагал, очередная жертва Кораллового царства лежала на мелководе, покачиваемая волнами. Дарторидан вынырнул и поднял мертвую эльфийку на руки, с честью неся ее к месту последнего упокоения. Укладывая камни и собирая корягу для погребения, он старался не задумываться о ярких ранах

морской эльфийки, давно затянувшихся белой кровью и омытых морем, и о том, как молода была маленькая воительница, когда умерла.

"Если битва не закончена до того, как дети должны сражаться, значит, она уже проиграна", - прошептал Дарторидан, цитируя свою мать-воительницу. И пока он работал, глядя, как пламя вскакивает, приветствуя заходящее солнце, он молился, чтобы судьбу этого юного воина не разделили его младшие братья и сестры или дети, которых он сам надеялся породить. Но если в морях не наступит спокойствие, как долго они смогут избегать подобной участи?

Когда огонь наконец догорел, Дарторидан отвернулся и стал прогуливаться вдоль берега, надеясь, что успокаивающий ритм волн утихомирит его беспокойное сердце. Отступающий прилив оставил берег усыпанным морским мусором: разбитые раковины, куски и обломки потерянных в море кораблей, длинные резиновые нити ламинарии. То тут, то там в море сновали мелкие существа или деловито устраивались на ночь в приливных лужах, усеявших берег.

Когда Дарторидан обходил один из таких бассейнов, он заметил странной формы кусок мшистой коряги, торчащий из воды. По форме он напоминал огромный, отвратительный нос, вплоть до раздувающихся ноздрей. Он присмотрелся, вглядываясь в клубок водорослей, плававших на поверхности бассейна.

В его голове прозвучал беззвучный сигнал тревоги, и его рука метнулась к рукояти Морской-реки. Но прежде чем он успел выхватить меч, приливной бассейн взорвался солеными брызгами и ревом, подобным реву разъяренного морского льва.

Из воды выпрыгнул скраг. Дарторидан с ужасом смотрел, как это существо поднимается во весь рост. Ростом почти в десять футов, морской тролль был облачен в толстую серо-зеленую пеструю шкуру, а также в странную кольчугу из раковин. Странные доспехи зловеще лязгнули, когда скраг поднял свои массивные руки для атаки.

Дарторидан инстинктивно отпрыгнул назад. Хотя он и был высок, его рука и меч, вместе взятые, никогда не могли сравниться с рукой скрага. Костяшки пальцев этого существа почти волочились по земле, и хотя оно не держало никакого оружия, его когти были грозными. Если бы скраг схватил его, он бы разорвал его на куски, как, без сомнения, разорвал морскую эльфийку.

Эльф поднял Морскую-реку в оборонительную позицию и стал ждать первой атаки. Бросившись вперед, скраг нанес эльфу мощный удар открытой рукой. Дарторидан увернулся от удара и крутанулся в сторону от тролля. Он поднял меч высоко над головой и обрушил его на вытянутую руку тролля. Эльфийский клинок глубоко и сильно укусил, и отрубленное предплечье упало, дергаясь, на песок.

Дарторидан смахнул с лица брызги ихора и снова поднял Морскую-реку. Как раз вовремя - скраг в ярости набросился на него, его массивные челюсти щелкали от боли и ярости. Его оставшаяся рука потянулась к горлу эльфа. Дарторидану удалось отбить руку твари, а затем он нырнул между ногами скрага и перекатился на ноги.

Собрав все свои силы, молодой эльф схватил меч, как держал бы топор, и выкрикнул бессвязный боевой клич, замахнувшись на заднюю ногу существа.

Морская-река сильно ударил; скраг завалился и упал. Теперь настала очередь Дарторидана - его меч вспыхнул в угасающем свете, поднимаясь и опускаясь снова и снова. Разрубив врага на куски, он пинал или отбрасывал кровавые осколки, насколько позволяли силы. Тролль мог исцелить себя сам, но задача была бы более долгой и трудной, если бы ему пришлось собирать свои разрозненные части.

Внезапное нажатие на ногу отвлекло эльфа от его грязной работы. Он посмотрел вниз как раз в тот момент, когда отрубленная рука скрага обхватила его лодыжку. Когда когти пробили сапог и глубоко вонзились в плоть, Дарторидан выкрикнул еще один боевой клич, пытаясь сосредоточить боль и страх на чем-то, что можно использовать. Он всадил клинок Морская-река между собой и оторванной рукой. Вонзив острие глубоко в мокрый песок, он надавил изо всех сил. Его меч врезался в ладонь скрага, но рука упрямо не хотела отпускаться. Хуже того, один из когтей начал пробираться к сухожилию на задней части ноги эльфа.

Отчаявшись, Дарторидан бросился лицом вперед на песок. Свободной ногой он ударил по мечу, чтобы тот не упал вместе с ним. Меч оставался в вертикальном положении и наконец вырвал пальцы скрага из сапога.

Тут же оторванная рука отскочила в сторону, перебирая пальцами, как какой-то жуткий краб. Рука слепо искала конечность, от которой была отрублена.

Тяжело дыша, эльф поднялся на ноги и выдернул меч из песка. Не обращая внимания на жгучую боль в ноге, он подавил желание отомстить за свои раны, догнав руку обидчика и раздавив ее под ногами. Но было совершенно ясно, что этот поступок ничего ему не даст. Даже сейчас несколько кусков шрама успели перегруппироваться, и серо-зеленая плоть быстро разрасталась, заполняя недостающие части. Хуже того, из некоторых более широко разбросанных частей начали формироваться новые существа. Такого развития событий Дарторидан не предвидел. Скоро перед ним будет целая армия скрагов.

Он бросил быстрый взгляд на далекие башни Крепости Кроулнобар, хорошо видимые с берега. В стенах, готовясь к вечерней трапезе и тихому часу-другому перед сном, находилась вся его родня. Его младшие братья и сестры, конечно, не были беспомощны, но к подобной битве они были готовы не больше, чем он. И хотя Дарторидан не был знатоком скрагов, он подозревал, что тролли любого вида не успокоятся от смерти одного эльфа.

Дарторидан повернулся и помчался к помосту Морского эльфа. Он подхватил еще светящийся кусок коряги и помчался обратно к растущей армии скрагов. Эльф остановился за пределами досягаемости первозданного существа и снял с пояса меча небольшую сумку. Пришло время проверить и его неокрепшую магию, и его храбрость.

Эльф высыпал содержимое мешочка себе в руку. Из него выкатились выброшенные раковины нескольких морских улиток. Дарторидан заполнил полость раковины летучим маслом, а затем запечатал отверстие тонким слоем восковой амбры. Тонкий льняной фитиль торчал из раковины, ожидая прикосновения огня. В детстве Дарторидан играл с этими маленькими огненными ракетами, но ни разу не проверил действие магии, наложенной на масло. Насколько он знал, он подожжет себя задолго до того, как сумеет бросить один из снарядов в скрагов.

Так тому и быть, мрачно решил он. Если это случится, он нападет на скрагов и подожжет их собственными руками. Если он не даст тварям опустошить земли Кроулнобара, это будет заслуженная смерть. Он подбросил фитиль первой раковины в пламя коряги.

Рев света, тепла и силы отбросил Дарторидана назад. Он приземлился на спину, достаточно сильно, чтобы по его конечностям пронесся ошеломляющий всплеск боли, который почти, но не совсем, скрыл жгучую боль в руках.

Тем не менее, он был доволен, так как взрывное оружие сделало свою работу достаточно хорошо. Молодой эльф с мрачным удовлетворением наблюдал, как пылающие части троллей катаются по песку в предсмертных муках. Он поднялся на ноги и пошел по горящему берегу в мрачной решимости уничтожить все остатки своего врага. Снова и снова эльф поджигал и бросал пылающие снаряды, пока от вторгшегося скрага не остались лишь пятна жира и копоты на песке.

Позже вечером Аллания Кроулнобар странно молчала, перевязывая мозоли на руках сына и наливая целебный отвар в бокал с пряным вином, чтобы он выпил. Дарторидан, привыкший к материнским наставлениям, исполняемым с неумолимой яростью, которой могла бы позавидовать гарпия, нашел настроение матери обескураживающим.

Когда он был уверен, что скоро лопнет от напряжения, ожидая начала словесной атаки матери, эльфийская матриарх наконец высказалась.

"Они придут снова, эти морские тролли. Вся наша сила оружия ничего нам не даст".

Ее тихий, задумчивый тон удивил Дарторидана. "Огонь уничтожит их", - напомнил он ей.

"Но если они придут в большом количестве? Если только мы не рискнем сжечь крепость и уничтожить лес и болота, мы не сможем развести достаточно огня, чтобы сдержать большое нападение".

Эльфийская воительница расправила плечи и встретила встревоженный взгляд сына. "Отправляйся в Лейтильспар с рассветом и оставайся там достаточно долго, чтобы узнать все то, что тебе так хочется знать, то, что ты так старательно пытаешься изобразить, что это для тебя мало значит. А когда будешь искать жену, подумай о мудрости привести на север того, кто сможет научить молодых Кроулнобаров магии", - сказала она. "Пришло время познать новые пути".

Аллания слабо улыбнулась, увидев изумленное выражение на лице сына. "Закрой свой рот, сын мой. Хороший воин видит многое - и знает, когда приходит время разделить поле битвы".

* * * * *

В последующие годы нападения на эльфов со стороны скрагов и их союзников сахуагинов все учащались и становились все более жестокими. Но среди жителей Эвермита появились лидеры, в том числе Дарторидан Кроулнобар и его жена Анарзи Лунноцветущая, дочь Верховного советника Ролима Дуротила.

Хотя Анарзи была не Высшим магом, а жрицей Глубинного Сашеласа, она обладала значительными познаниями в магии. Она также хорошо знала морские

пути и существ, обитающих под волнами. Жрица и воин объединили свои способности, чтобы вырастить и обучить армию эльфов для защиты берегов с помощью мечей и магии.

Но со временем Анарзи почувствовала, что этого недостаточно. Если эльфы хотят одержать победу над Коралловым королевством, они должны перенести битву в моря. Это бремя выпало на ее долю, ибо не было на всем Эвермите эльфа, который мог бы нести его так же стойко.

Всю свою жизнь Анарзи чувствовала особую близость к морю. Она чувствовала его ритмы так же точно, как большинство эльфов реагируют на циклы лунного света. Даже ее внешность была созвучна морю, ведь ее волосы были редкого темно-синего оттенка, а глаза - изменчивого сине-зеленого. В детстве ее любимой игровой площадкой были белые пески Сиилут, а друзьями - морские птицы, детеныши сельки и дети морских эльфов, жившие у ее берегов.

Но теперь большинство этих детей погибли. Даже наставник Анарзи, древний жрец морских эльфов из Глубинного Сашеласа, был убит в бесконечных битвах с морскими троллями. Сельки тоже исчезли, устремившись к далеким северным островам, где они могли бы в безопасности вырастить свое потомство. Так случилось, что Анарзи, хотя и родилась в большом и ярком клане, и хотя чудеса Лейтильспара окружали ее, в юном возрасте она осталась совсем одна.

Приход в Лейтильспар молодого воина Дарторидана Кроулнобара все изменил. Он и Анарзи полюбили друг друга почти с первого взгляда. Она с радостью отправилась с ним на северное побережье, и вместе они сражались с существами, которые разрушили ее мир и угрожали его миру. С рождением Шончая, их первенца, два мира стали для Анарзи единым целым. Она сделает все необходимое, чтобы обеспечить будущее своего ребенка.

Анарзи не сводила глаз с башен Крепости Кроулнобар, когда ее корабль покидал безопасные доки. Было горько и тяжело оставлять Шончая, хотя он уже был отлучен от груди и только начинал ходить. Если бы выбор был только за ней, она бы провела каждое мгновение его слишком короткого детства, радуясь своему малышу, напевая ему песни, которые он любил, и рассказывая сказки, которые зажигали мечты в его глазах. Ведь всего через несколько десятилетий он уже не будет ребенком!

Эльфийка вздохнула, утешаясь тем, что Дарторидан остался командовать армией побережья. Анарзи настояла на том, чтобы он остался. Если первый удар провалится, клан - и особенно их сын - должны быть защищены от возмездия Кораллового королевства.

Даже если бы ее миссия провалилась, она не была бы последней. Корабль, на котором стояла Анарзи, был первым из многих. Специально спроектированный для противостояния атакам скрагов, вооруженный мощной эльфийской магией и более чем сотней бойцов, он нанесет решающий удар по морским троллям и начнет процесс возвращения волн. Анарзи провела рукой по тонкой полупрозрачной трубке, протянувшейся по перилам корабля. Скраги могли заметить, что этот корабль отличается от других, но они никогда не догадаются, что их ждет. Да и откуда им было знать? Никогда еще эльфийский корабль не поджигал себя намеренно.

Корабль был еще в пределах видимости от берега, когда в него ударил первый из скрагов. От толчка корабль остановился, а затем начал крениться и раскачиваться, когда мощные невидимые руки вцепились в его днище.

Анарзи слишком хорошо знала, что делают эти существа. Скраги брали на abordаж, когда это было необходимо, но они предпочитали разрушать корабль, пробивая дыры в его корпусе, тем самым заставляя эльфов спускаться в воду. Но снаружи этот корабль был совершенно гладким и очень твердым - он был выращен из хрусталя и не давал скрагам ни одной возможности ухватиться за него. Существа также не могли пробить его зубами или когтями. Им пришлось бы сражаться, причем на эльфийских условиях.

Маленькая мрачная улыбка натянула губы Анарзис, и она кивнула сначала маленькому кругу Высших Магов, а затем лучникам, которые стояли в ожидании у пылающих топков. "Это ненадолго", - пробормотала она. "Начинайте скандировать заклинание. Зажигайте стрелы... сейчас же!"

Пока она говорила, несколько пар чешуйчатых рук вцепились в поручни. Лучники погрузили стрелы в огонь и прицелились. Анарзи подняла одну руку, ее взгляд был устремлен на копошащихся скрагов. Время было крайне важно: если лучники выстрелят слишком рано, существа просто упадут обратно в воду, где пламя угаснет, а израненная стрелами плоть существ восстановится.

Морские тролли двигались быстро и часто вместе, как огромные рыбы. За два удара сердца все скраги поднялись на борт. Это была большая охотничья партия - более десятка троллей в полный рост.

Анарзи опустила руку и крикнула: "Сейчас!".

Огненные стрелы понеслись в сторону скрагов, отбрасывая их к борту корабля. Некоторые из существ начали карабкаться по поручням, инстинктивно направляясь к безопасным волнам.

Но в этот момент заклинание магов было высвобождено. С грохотом, сравнимым с ударом сотни кубков о стену, хрустальные флаконы, вмонтированные в поручни, взорвались и выпустили бурлящую внутри жидкость. Вдоль поручней корабля поднялась стена пламени, преградив бегство скрагов и поджигая многих из тех, кто избежал огненных стрел лучников.

Визжа и брыкаясь, горящие тролли инстинктивно бросились прочь от эльдрического пламени позади них. Навстречу им бросились эльфийские воины, вооруженные защитными заклинаниями от жара и пламени. Они сражались с мрачной яростью, твердо решив, что ни один скраг не прорвется сквозь их строй. Медленно, неумолимо они теснили умирающих троллей обратно в пламя.

Анарзи казалось, что огонь и битва бушуют часами, но она знала, что на самом деле так быть не могло. Тролли сгорали быстро. Позади эльфов-воинов Круг продолжал напевать магию, которая поддерживала и бойцов, и пламя - и не давала огню прорваться за стену эльфийских воинов. Скоро, как Анарзи и надеяться не смела, битва подошла к концу.

И тут подоспели сахуагины. Первый из них взошел на корабль не по своей воле и не по своей силе. Визжа и брыкаясь, сахуагин кувыркнулся через стену пламени - несомненно, его подхватили товарищи и бросили в магический огонь. Словно живой снаряд, сахуагин устремился к эльфийским защитникам.

Испуганный эльф успел вовремя поднять меч и ударил тварь, когда она падала. Но вес рыбчеловека повалил и эльфа.

Сахуагин, может быть, сначала и не хотел, но теперь он знал, что делать. Когти и зубы скребли и рвали лицо и шею прижатого эльфа. К тому времени, как эльфы оттащили тварь от своего брата, орда сахуагинов совершила свое первое убийство.

За ними последовали другие сахуагины, которых невидимые существа забрасывали на корабль и обрушивали на палубу, словно отвратительный град. Некоторые из них выжили после падения, и битва началась заново.

Анарзи повернулся к магам. "Огненная стена замедляет их, но не может не пустить их! Что еще вы можете сделать?"

Беловолосый мужчина, служивший Центром, ненадолго задумался. "Мы можем нагреть воду вокруг самого корабля до обжигающего состояния. Тех существ, которых это не убьет, это отгонит".

Она нахмурилась. "А корабль?"

"Он будет в опасности", - признал маг. "От жары хрустальный корпус станет более хрупким и ломким. Но даже если сахуагины поймут эту слабость, они не смогут выдержать жару достаточно долго, чтобы воспользоваться ею".

"Сделай это", - резко сказал Анарзи, ибо времени на пустые речи было мало. Сахуагин прорвался сквозь бой. Его черные перепончатые лапы шлепали по палубе, когда он мчался к Кругу магов.

Жрица выхватила гарпун из стойки для оружия и прижала его к бедру. В последний момент существо отклонилось в сторону и вонзило когти - но не в вооруженную эльфийку, а в одного из скандирующих магов.

Анарзи прыгнула на сахуагина и со всей силы ударила его. Гарпун вонзился в тело. Она тут же бросила оружие, остолев от криков умирающего существа, которым вторил адский хор ошпаренных сахуагинов в кипящем море.

На мгновение все это грозило поглотить ее - запах горячей плоти тролля, пятно эльфийской крови и мерзкого ихора на хрустальной палубе, всепроникающее облако зла, окружавшее морских существ. Жрица закрыла глаза и глубоко, с содроганием вдохнула.

В этот краткий миг все было потеряно.

Умиравший сахуагин схватил ближайшее оружие - еще тлеющую отрубленную руку тролля, лежавшую на палубе неподалеку. Собрав все оставшиеся силы, сахуагин метнул руку в беловолосого мага, который служил центром круга заклинателей. Сахуагин попал точно в цель, и рука-скраг вцепилась в горло эльфа в убийственной хватке. Дымящиеся черные когти искали жизненные сосуды и погружались все глубже.

Когда Центр умер, магия Круга просто растворилась. Огненная стена, ограждавшая корабль, вспыхнула, а затем исчезла. Пар, поднимавшийся от нагретого магией моря, улетучился, став еще одним ворсистым облаком в летнем небе. В наступившей тишине эльфийские маги озирались по сторонам, ошеломленные и дезориентированные, пытаясь выйти из-под действия нарушенного заклинания.

В этот момент по кораблю раздался тупой, звенящий стук, а затем еще один. Выжившие сахуагины вернулись, чтобы возобновить бой. Море было слишком

огромным, слишком оживленным, чтобы нагретая вода могла долго оставаться барьером.

Капитан эльфийских бойцов подбежал к Анарзи. "У сахуагинов есть металлическое оружие", - срочно сказала она. "Возможно, они пробьют ослабленный корпус. Если нас сбросят в воду, мы ничего не сможем сделать, чтобы противостоять им".

"Не в нашем состоянии", - согласилась жрица.

В нескольких кратких словах она рассказала капитану об отчаянном плане, который формировался в ее голове. Воин без колебаний кивнул в знак согласия и поспешил подготовить своих бойцов к тому, что может их постигнуть. Этот корабль и эльфы, плывущие на нем, были обречены, но если богам будет угодно, они еще смогут послужить народу Эвермита.

Анарзи упала на колени и начала самую искреннюю молитву в своей жизни. Она воззвала к Глубинной Сашелас, но не об избавлении, а о преображении.

Пока она молилась, воздух вокруг нее, казалось, изменился, стал неестественно тонким и сухим. Ее слух тоже обрел новые измерения. Она могла слышать ужасные удары и треск, свидетельствующие о разрушающемся корпусе корабля, а также вопли и гогочущий смех торжествующих сахуагинов. Но к этой воздушной какофонии примешивались другие, более тонкие и отдаленные звуки - звуки из-под волн.

Когда вода хлынула на палубу и намочила одеяние стоящей на коленях жрицы, Анарзи поняла, что не боится ни глубин, ни существ в них. Она вскочила на ноги и сорвала с себя облегающие одежды эльфа, живущего на суше. Схватив гарпун новой перепончатой рукой, жрица - теперь уже морская эльфийка - прыгнула с гибнущего корабля в волны.

Вокруг нее новоиспеченные морские эльфы обрушились на сахуагинов с оружием и магией. Это чудо ободрило жрицу и подстегнуло ее в бою, ведь рожденные от природы морские эльфы не владели магией! Вот что было необходимо для победы над Коралловым королевством. Почему же она не увидела этого раньше? Морской народ, владеющий магией, - какой силой они были бы для защиты Эвермита!

Лишь много позже, когда сахуагины были побеждены и изгнаны, когда улеглось возбуждение битвы и угасла эйфория победы, пришло осознание того, что она принесла себя в жертву.

Анарзи не жалела о содеянном, и никто из других эльфов не упрекал ее. Все были обязаны защищать Эвермит, и они смирились с тем, что так распорядилась судьба.

Но что она потеряла!

В тот вечер жрица Морских эльфов выскользнула из волн, чтобы бесшумно пройти по скалистым берегам под Крепостью Кроулнобар.

Как она и ожидала, ее Дарторидан был там, глядя на море остекленевшими от горя глазами. Она остановилась в нескольких шагах от него и тихо позвала его по имени.

Он обернулся и повернулся к ней лицом, положив руку на рукоять своего могучего меча. Долгое мгновение он просто смотрел на нее. На его лице появилось недоумение, затем изумление, затем ужас.

Анарзи понимала все эти эмоции. Она не удивилась, что любимый не узнал ее в первый момент, ведь она сильно изменилась. Ее тело, всегда стройное, стало обтекаемым и тонким, а некогда белая кожа теперь была испещрена голубыми и зелеными завихрениями. Шею пересекали несколько линий жабр, а пальцы рук и ног были длиннее и соединены тонкой паутинкой. Даже ее роскошные волосы цвета сапфира были не такими, как раньше, и она носила сине-зеленые пряди, заплетенные в одну косу. Только ее глаза цвета морской волны оставались неизменными.

"Возвышение Иуматиашае началось", - негромко сказала она, ибо таков был их обычай - говорить о военных делах и управлении, прежде чем перейти к личным заботам. "Великий город морских эльфов встанет между Коралловым королевством и Эвермитом, ибо Высшая магия вернулась к эльфам морей Эвермита. Мы заново заселим моря и обеспечим баланс между силами зла. Берега Эвермита будут в безопасности; моря снова станут безопасными. Передай это Людям", - заключила она шепотом.

Дарторидан кивнул. Он не мог говорить из-за обжигающей боли в груди. Но он раскрыл руки, и Анарзи обняла его.

"Я принимаю свой долг и свою судьбу", - сказала морская эльфийка голосом, полным слез. "Но, клянусь всеми богами, как мне будет тебя не хватать!"

"Но, конечно, ты сможешь проводить много времени на берегу", - справился он.

Анарзи отпрянула от него и покачала головой. "Я не выношу солнца, а ночью злые существа наиболее активны, и мой долг наиболее срочен. Я сделаю все, что смогу и что должна. Этот сумеречный час будет нашим временем, пусть и коротким".

Дарторидан осторожно поднял ее перепончатую руку и поцеловал покрытые крапинками пальцы. "Так всегда бывает со временем. Единственная разница между нами и всеми остальными влюбленными, которые дышат, в том, что мы знаем то, что другие стараются не замечать. Радость всегда измеряется мгновениями. Для нас этого должно быть достаточно".

* * * * *

Так и случилось. Каждый вечер, когда закат золотил волны, Анарзи приходила поговорить со своей любовью и поиграть с ребенком. Когда, наконец, ей пришлось отдать Шончай его воспитательнице, она задерживалась в воде под домом и пела ребенку колыбельные песни.

В последующие годы влюбленные все реже и реже проводили время вместе. Дарторидана часто вызывали на советы на юге, а Анарзи бороздила моря, защищая свою родину. Но она возвращалась на дикое северное побережье так часто, как только могла, и передала своему сыну единственный дар, который должна была передать: песни, которым ее научили мерфолки, морские сирены и большие киты, истории о чести и тайнах со ста берегов.

Так этот мальчик вырос и стал одним из величайших эльфийских менестрелей, которых когда-либо знали, и не только за то, что хранил в своих руках сказки и песни душераздирающей красоты. Даже его имя, Шончай, стало обозначать рассказчика редкого мастерства. Но никогда не было другого, кто сравнялся бы с ним в особом волшебстве, ибо благородный дух Анарзи струился во всех его сказках, как воздух и как вода.

12. Звезднокрылый Альянс

Гавань Лейтильспара серебрилась обещанием рассвета, когда Ролим Дуротиль и Ава Лунноцветущая покинули дом, который они делили много лет. Они оставили позади себя большое собрание своих сородичей - золотых и серебряных эльфов, а также множество эльфов всех кланов и рас, пришедших почтить память Верховного советника Эвермита и его супруги, леди Верховного мага.

Ролиму было трудно не размышлять о том, что он оставляет позади. Они с Авой были благословлены необычайно большой семьей. Они вырастили семнадцать здоровых детей, которые, в свою очередь, подарили им внуков до третьего и четвертого поколения. Эти потомки увеличили кланы Дуротила и Лунноцветущих. Некоторые из их рода стали заключать союзы с другими древними домами, а также с новичками - эльфами, прибывшими в Эвермит по морю или через магические врата, связывающие остров с местами, скрытыми в эльфийских королевствах. Им с Авой повезло с семьей и друг с другом. Они потеряли родственников, это правда. Их дочь Анарзи была практически потеряна для моря, хотя она все еще служила Эвермиту в качестве морского эльфа, а несколько их внуков погибли в морских сражениях, которые хоть и стали реже, но все еще были мрачной реальностью жизни на эльфийском острове. Но Ролиму было легче переносить эти потери, ведь рядом с ним всегда была такая сила.

Ролим с нежностью смотрел на свою жену, с которой прожил более семи веков. Ее серые глаза были безмятежны, а странная тусклая, как у котенка, седина ее волос была наконец-то украшена эльфийским серебром.

Но ни в ее лице, ни в ее фигуре не было ничего, что могло бы свидетельствовать о прошедших годах. Ава выглядела почти такой же юной, как в день их свадьбы, а в его глазах она была гораздо красивее.

Вместе пожилая пара поднялась по легкому склону горы, с которой открывался вид на реку и город за ней. Долгое время они стояли там, глядя на место, которое было их домом.

В этот последний день ее жизни в Эвермите сердце Авы переполняла острая смесь радости и печали. Она любила эту землю и Людей на ней, но она была готова уйти. Все ее прощания были сказаны на празднике, который длился три дня. Никто не пришел на гору, чтобы проводить их. Это время было только для них. Она улыбнулась Ролиму и с удивлением заметила, что на его лбу пролегли борозды. Он выглядел глубоко озабоченным - странно, учитывая мир, который их ждал.

Эва положила свою руку на его. "Ты с честью служил Эвермиту, мой господин, - напомнила она ему. "А Тамсон Амариллис будет прекрасным Верховным советником. Ты хорошо его обучил".

Золотой эльф вздохнул. "Я не боюсь за Тамсона. Меня беспокоит наш собственный выводок и их горячие молодые друзья".

Ролим уже не в первый раз говорил ей об этом. Среди потомков золотых эльфов были и такие, кто не был застрахован от растущей гордыни самопровозглашенных Ар-Тел'Квессир - "высоких эльфов". Это не могло не беспокоить Ролима. Золотоэльфийские настроения относительно врожденного превосходства своего рода росли до такой степени, что молодые эльфы грозили стать зеркалом опасных взглядов правящей элиты Аривандаара. Среди самых молодых двух или трех поколений было много эльфов, которые были горько недовольны решением вернуть Совет старейшин под контроль лунного эльфа. Тамсону Амариллису, при всех его талантах, предстоял нелегкий путь.

"Это бремя больше не твое", - напомнила ему Ава. "Ты уступил свое место Тамсону".

"Я знаю. Но даже если впереди Арвандор, покинуть Эвермит не так-то просто", - с горечью сказал он.

"Тем не менее, время пришло".

Время пришло, и Ролим хорошо это знал. Он и Ава, связанные друг с другом тем глубоким душевным взаимопониманием, которое было редкостью даже среди эльфов, оба уже много лет чувствовали зов Арвандора. Так неотложны были их обязанности, так сильно было их чувство ответственности перед Народом, что они слишком долго откладывали свой отъезд. Но голос Арвандора, сладкий и убедительный, манил их в каждый час бодрствования и напевал по ночам. Потребность в этом последнем возвращении домой стала слишком сильной, и ни один из них не мог сопротивляться.

Эльфы закрыли глаза и погрузились в медитацию. По мере того как он это делал, осознание Ролима стало обостряться. Со все возрастающей остротой он начал видеть, слышать и чувствовать так, что это намного превосходило его смертные чувства. Когда барьеры исчезли, он с удивлением отметил, что связь, которую он поддерживал с Авой, распространялась, охватывая весь Эвермит. Он шел дальше, путешествуя, чтобы коснуться общин Людей на далеких берегах.

Это было общение, превосходящее все, что Ролим когда-либо знал или представлял, и он был потрясен и смирен. В своем повышенном сознании он прекрасно понимал мысли и эмоции Авы. Она была более привычна к таким чудесам, чем он, поскольку всю жизнь в качестве Высшего мага провела в общении своих магических Кругов. И все же она занимала свое место в большом эльфийском сообществе со смешанной радостью и смирением.

Ролим наконец-то понял, что такое призыв в Арвандор: призыв в самое сердце магии, в само Плетение Жизни. Когда столетия их земной жизни стали давить на них, эльфы не могли пренебречь этим призывом, как эльфийский младенец не мог отбросить желание ходить и формировать речь. Так или иначе, на призыв к более глубокому сообществу нужно было ответить. Ролима не удивляло, что все чаще и чаще Высшие Маги встречались лишь среди престарелых старцев, которые веками

откладывали призыв Арвандора, чтобы служить Людям в мире смертных, находя необходимое общение в Кругах. В наши дни молодые практики Высшей Магии - такие, как его правнук Вури, - становились большой редкостью.

Вури. На мгновение мысли Ролима снова погрузились в мир смертных, влекомые заботой о блестящем и амбициозном молодом маге.

Будь спокоен. Сын сына твоего сына принесет Людям великие чудеса и такую власть, какую мало кто из живущих в этом мире смертных мог себе представить.

Как ни странно, Ролим не особенно испугался голоса, звучавшего в его сознании, спокойного, как каденции моря. Ведь сейчас он выходил за пределы своего брэнного мира и вступал в общение со Старшими - теми эльфами, что прошли до него. Теперь Ролим чувствовал их больше, но не как какофонию противоречивых голосов. Это было похоже на то, как если бы он вошел в огромную комнату и его встретили приветственными улыбками хорошо знакомые друзья. В этом возвращении домой был мир - единство, заполнившее какой-то безымянный уголок его души, то место, которое породило все тоски, которые он когда-либо знал.

Ролим смутно почувствовал, как Ава взяла его руку в свою. Но ощущения тепла или давления почти не было, потому что их тела превратились в полупрозрачные светящиеся тени. И все же он знал, что крошечная рука Авы надежно лежит в его руке, ибо они оба были едины со своим Народом.

Утреннее солнце пробилось сквозь полог листвы над головой, посылая светящиеся лучи сквозь деревья. Последние мотивы серебра и золота закружились в коротком, головокружительном вихре, словно танцуя, чтобы приветствовать свет.

* * * * *

Особняк Дуротилов был одним из самых красивых и причудливых во всем Лейтильспар. Издалека он напоминал стаю лебедей, внезапно взмывших в грациозный полет. Достаточно было взглянуть на прыгающие башни, чтобы понять, что здесь обитало множество могущественных магов, ведь чтобы поднять из земли любое здание, требовалась огромная сила.

Новейшее дополнение к особняку было одним из самых высоких и самых фантастических. Две спиралевидные хрустальные башни обвивались друг вокруг друга так, что можно было предположить, но не точно изобразить, пару переплетенных эльфийских танцовщиц. От башни отходили изящно изогнутые контрфорсы, некоторые из которых упирались в священный остров, а другие тянули руки к звездному свету. Внутреннее убранство башни было менее причудливым. Она была разделена на множество небольших комнат, каждую из которых создатель посвятил определенной цели.

В одной из таких комнат молодой воин золотых эльфов Бриндарри Ньерде беспокойно ходил по полу, пытаясь найти способ образумить молодого волшебника, который спокойно сидел перед ним - парил в воздухе, скрестив ноги и положив руки на колени. Однако Бриндарри было трудно сердиться на своего друга, ведь Вури Дуротиль был воплощением всего того, чем Бриндарри дорожил.

Во-первых, волшебник был квинтэссенцией золотой эльфийской красоты: бледная таунитовая кожа, иссиня-черные волосы и большие миндалевидные глаза

цвета летнего луга. Его руки были длиннопалыми и изящными, а резкие, тонко вылепленные черты и треугольное лицо напоминали о древних зачарованных скульптурах богов, которые их предки привезли из Аривандаара. Вури Дуротиль был высок, как его прославленный дед Ролим, и так же легок, как тот знаменитый воин. Но у него был другой талант. Он пришел к магии в раннем возрасте и уже доказал, что обладает исключительным потенциалом. Уже сейчас он выступал в роли центра небольшого круга, а его сверстники оказывали ему почтение, несоизмеримое с его возрастом и достижениями. Большинство эльфов полагали, что Вури Дуротиль со временем станет самым могущественным Высшим магом на всем Эвермите, и относились к нему именно так. Однако, по мнению Бриндарри, молодой маг довольствовался слишком малым.

"Это возмутительно", - прорычал Бриндарри, когда его терпению пришел конец. "Клянусь священной кровью Кореллона! Серые эльфы правят в Эвермите, а ты просто плывешь по течению событий, беспечный, как облака на летнем ветерке".

Маг поднял одну бровь, и Бриндарри покраснел, вспомнив, что прабабушка его друга, Верховный маг Ава Лунноцветущая, была представительницей этой злосчастной расы.

"Серый эльф" было более чем мягко говоря насмешливым термином для Людей, которых обычно называли Лунными или Серебряными эльфами. Легкий оттенок эльфийского языка превращал оскорбление в слово, означающее "отбросы", то, что было обычным и низким, отходы, остающиеся после создания предметов из драгоценных металлов - что подразумевало "золотых" эльфов. Из уст другого эльфа "серый" было смертельным оскорблением.

Но Вури, казалось, был склонен пропустить это мимо ушей. Он грациозно раздвинул конечности и опустился на пол. "И что ты хочешь, чтобы я сделал, мой нетерпеливый друг? Поразить нового Верховного советника огненным шаром или, может быть, уложить его одним ударом призрачного меча?"

"Это было бы лучше, чем вообще ничего не делать", - пробормотал Бриндарри. "У тебя определенно есть сила, чтобы принять меры!"

"Нет, не имею. По крайней мере, пока нет".

Эти загадочные слова были так близки к тому, чтобы Вури озвучил их общие амбиции. Глаза Бриндарри блестели от возбуждения, когда он смотрел на своего друга.

"Пора бы тебе подумать о том, чтобы получить положенное!" - ликовал он. "Ты слишком долго играл роль мальчика-посыльного!"

Уголки губ Вури приподнялись в язвительной улыбке. "Мальчик-посыльный. Никогда не слышал, чтобы это было сказано именно так", - мягко сказал он. "Полагаю, я должен отметить, что передача сообщений от одной башни Высших Магов к другой - важная часть работы Кругов. Правда, это моя основная задача, но, учитывая мою молодость, Старейшины считают, что лучше, чтобы я хорошо выучил одно дело, прежде чем двигаться дальше".

Бриндарри в отчаянии вскинул руки. "Как ты собираешься править в Эвермите, если ты только и делаешь, что болтаешь с магами Аривандаара?"

"Ах, но в информации есть сила".

"Сила, которую разделяют все остальные эльфы твоего Круга", - ответил воин.

"Пусть так", - сказал Вури с небольшой, скрытной улыбкой. "Но настанет время, когда это перестанет быть правдой. Пойдем, я хочу, чтобы ты кое-что увидел".

Маг повел их по круто закручивающейся лестнице на самый верх башни. В центре небольшого куполообразного помещения стояла алебастровая колонна, из которой поднимался скипетроподобный предмет. Он был длиной примерно с руку эльфа и сделан из какого-то атласного металла, который не был ни золотым, ни серебряным, но какого-то едва уловимого оттенка, которому даже точная эльфийская эстетика не знала названия. Под поверхность, казавшейся совершенно гладкой, скрывалась замысловатая резьба. Это было изумительное произведение искусства и магии, которое по праву венчал большой золотой драгоценный камень.

"Накопитель", - сказал Вури, поглаживая гладкий металл рукой любовника. "С его помощью я могу накапливать энергию от каждого произнесенного мною заклинания. Со временем я накоплю столько силы, что смогу действовать в одиночку и творить Высшую Магию как Круг Единого".

Бриндарри издал победный клич. "И тогда тебе больше не нужно будет отчитываться перед болванами, которые правят и ограничивают использование магии! Твоя сила будет огромной. Сместить претендента на Амариллис будет проще простого", - радостно заключил он.

"Не так просто, как ты думаешь", - предостерег его Вури. "Традиции, друг мой, - сильная вещь. Тамсон Амариллис вооружен не только своими собственными заслугами, которые весьма значительны, но и всеми заслугами своих выдающихся предков. Даже если бы каждый недовольный золотой эльф на этом острове объединился под моим знаменем, у нас было бы мало надежды на успешный переворот - по крайней мере, не традиционными методами ведения войны. Нет, настало время найти не только новые силы, но и новые пути. И, возможно, - размышлял он, - новых союзников".

Ньерде фыркнул. "И где же ты найдешь этих союзников?"

"Делая то, что у меня получается лучше всего", - сухо ответил Вури, - "будучи самым лучшим "мальчиком-посыльным", которого когда-либо знал Эвермит".

* * * * *

Эльфийский корабль шел на смерть. Капитан Мариона Лиственная Куца знала это даже тогда, когда отдавала приказ об ответной атаке.

Она ощущала его смерть как физическую боль. За все десятилетия путешествий среди звезд она не встречала равного ему корабля. По внешнему виду он напоминал титаническую бабочку с двумя парусами, переливающимися всеми оттенками зеленого, известными на ее богатой зелени родине. Паруса были так огромны, что корпус корабля - прочная конструкция с килем длиной более ста футов - почти терялся среди них. Мариона унаследовала этот изящный военный корабль от своего дяди, который сам взращивал и лелеял его, и она продолжала традицию Лиственной Куцы - исследовать, торговать и путешествовать ради самой радости путешествия. Она знала этот корабль так же хорошо, как любой конный воин знает своего пегаса, и чувствовала его предсмертные муки так же остро, как если бы это был любимый жеребец.

Капитан стоически наблюдала, как ее команда приводила баллисты в боевое положение и заряжала катапульту виноградной дробью. Ее корабль был хорошо вооружен: две баллисты, стрелявшие огромными металлическими болтами с точностью эльфийского лука, и катапульта, способная с разрушительной силой выпустить большой заряд ракет. Но даже этого будет недостаточно, и она знала это. Корабль погибнет, это точно, и эльфийская команда тоже. Но, по крайней мере, они заберут с собой нескольких К'нидар.

Мариона выругалась себе под нос, наблюдая за приближением К'нидар. Их стая летела к кораблю в точном однолинейном строю. К'нидар - гордые, похожие на летучих мышей существа с размахом крыльев в пятнадцать футов и длинными колючими хвостами, как у виверн, - были черны, как дикое пространство, в котором они охотились, но на их кристаллических крыльях сверкали все цвета светового и теплового спектра. К'нидар были пожирателями тепла и путешествовали по огромным пространствам между звездами. Они говорили, дыша сложными узорами тепла и энергии, которые были обнаружены и поняты другими представителями их вида. Катастрофа обычно случалась всякий раз, когда они пытались "говорить" со звездными кораблями. Действительно, они часто притягивались к таким кораблям, привлеченные теплом, светом и активностью.

Однако эти К'нидар были не просто любопытны. Это была охотничья группа, и они отчаянно нуждались в пище. Мариона поняла это по необычно тесному строю летающих чудовищ. Они летели почти нос к носу, так что каждый К'нидар мог питаться теплом, излучаемым существом перед ним.

Их первая атака на корабль была неожиданной - с расстояния они выпустили такой горячий поток дыхания, что воспламенили защитный пузырь, окружавший корабль и поддерживавший живительную оболочку воздуха и тепла. Рулевой, не состоящий на службе, волшебник значительной силы, использовал свою магию, чтобы погасить пламя. Ему это удалось, но не раньше, чем запасы воздуха опасно нагрелись и истощились.

На корабле по-прежнему было жарко. Волосы Марионы прилипли к коже головы длинными серебристыми прядями, а боль в покрытых волдырями руках и лице усиливалась от того, что она прекрасно понимала, что происходит на корабле. Хрустальный корпус корабля треснул от внезапной вспышки жара, а крылья стали хрупкими и ломкими. Ее корабль еще существовал, но с трудом. Еще одного удара он не переживет. А К'нидар приближались, стремясь поджечь корабль и напитать его энергией пламени.

Мариона подождала, пока ведущий К'нидар окажется в пределах досягаемости, и затем выкрикнула приказ стрелять. Первая баллиста загрохотала, посылая огромный болт в сторону существа. Оружие попало К'нидару точно в верхнюю часть груди, отбросив его назад в ряды своих последователей. Несколько К'нидар в дальнем конце строя успели вовремя отскочить, но несколько мгновений большинство существ бились и металось в клубке крыльев и колючих хвостов.

В этот момент эльфийские бойцы выстрелили из катапульты. В клубок К'нидар полетели мелкие металлические шарики с шипами, отрезки цепей, гвозди и обрезки металла. Крики раненых и умирающих чудовищ разнеслись по атмосфере корабля, словно хор из Абисса. Некоторые из менее раненых К'нидар бросились в

стремительный, отчаянный полет к ближайшей звезде. Несколько существ, растерзанных и безмолвных, начали уноситься в черноту дикого космоса. Одно из них плыло прямо к кораблю.

"Сильно на корму!" крикнула Мариона в трубку, ведущую с палубы в навигационную рубку. Рулевой - волшебник, чья магия в сочетании с силой магического, похожего на трон штурвала давала кораблю власть - принял ее приказ. Мариона с глубоким беспокойством отметила, что голос его звучал тонко и устало. Пассилоррис слишком долго находился у штурвала. Его силы и магия были почти исчерпаны.

Корабль начал неторопливо поворачивать по дуге вправо, пока рулевой заставлял больное судно совершать маневр уклонения. Недостаточно быстро. К'нидар плюхнулся на обшивку корабля, его черные крылья широко раскинулись над кораблем, тело слегка подпрыгнуло от удара о защитный щит. Воздушная оболочка уменьшилась настолько, что существо висело низко, плавно покачиваясь между парными крыльями корабля.

К ужасу Марионы, глаза существа открылись, сфокусировались, а затем сузились от злобы, глядя прямо на нее. Грудь К'нидара медленно расширялась, готовясь израсходовать последнее дыхание в убийственном взрыве.

"Огонь!" - крикнула она, указывая вверх на К'нидара.

Команда баллисты навалилась всем весом на массивное орудие, поворачивая его и наклоняя вверх, чтобы нацелить на новую угрозу. Болт рванулся вверх и вонзился в сердце существа.

Мерцающее свечение распространилось от мертвого К'нидара наружу и охватило защитный пузырь. Поверхность пузыря стала набухать и вспучиваться, как вода, только что доведенная до кипения. Через отверстие вниз ворвался поток горячего воздуха, ошпарив команду баллисты прежде, чем магический щит успел закрыться и устранить брешь.

Мариона с мрачным облегчением отметила, что болт баллисты прошел сквозь существо, позволив большей части горячего воздуха из его легких выйти в дикое пространство. Если бы это было не так, полная сила взрыва могла бы убить гораздо больше эльфов. Однако в любом случае им было лучше, чем если бы существо "закричало". На таком близком расстоянии сила такого теплового оружия превратила бы корабль в пепел.

Но угроза не исчезла вместе с этим единственным К'нидаром. Существа, которые разбежались и скрылись, перегруппировывались. Мариона видела далекие вспышки отраженного звездного света на их крыльях, когда они устремились в последний штурм.

Последняя атака. В этом не могло быть никаких сомнений.

"Капитан, мы принимаем сообщение!"

Голос штурмана, пронзительный от волнения и возрожденной надежды, эхом отозвался в разговорной трубке.

Сердце Марионы учащенно забилося. Насколько им было известно, в этой части дикого космоса не было ни одного корабля-заклинателя, а на ближайшей планете не было цивилизации, способной путешествовать по звездам. Было бы замечательно, если бы оказалось, что это не так!

"Уже иду", - сказала она и побежала к узким ступенькам, ведущим в трюм.

Ее взгляд сначала упал на рулевого, серебряного эльфа средних лет. Он был почти серым от усталости, и его судорожно сжатые руки вцепились в подлокотники штурвала, словно пытаясь выжать из него еще несколько капель силы. Мариона коротко положила руку ему на плечо и повернулась к штурману.

Ши'ларра склонилась над кристаллом, ее черные глаза напряженно смотрели на татуированное лицо. Она взглянула на капитана. "Кристалл пульсировал, как будто принимая сообщение. Это сильная магия - определенно эльфийская, но неуловимо отличающаяся от всего, что нам известно. Согласно последнему отчету Имперского флота, в этом районе нет эльфийских кораблей".

Мариона сразу же поняла смысл слов штурмана. Время от времени эльфийская цивилизация на каком-нибудь аванпостном мире находила свой собственный путь к звездному полету. Первые контакты между этими новыми кораблями и устоявшимся эльфийским флотом, правившим диким пространством, обычно вызывали у новичков сильное потрясение. Существовали строгие протоколы относительно того, как следует вести себя при таких встречах. Протокол, однако, был роскошью, которую отчаявшийся экипаж не мог себе позволить.

Эльфийка положила ладонь на кристалл, позволяя мощному материалу впитать ее личную магию. И он, несомненно, был мощным - шар был создан из кристаллизованных останков К'нидара, взорвавшегося на звезде. Такие артефакты были редки и могущественны, и она считала, что ей повезло, что она нашла его среди обломков, плывущих по обычному торговому пути. Теперь кристалл давал шанс предотвратить полное уничтожение корабля и экипажа. Возможно, позже она задумается об иронии судьбы.

Капитан Мариона Лиственная Куца, "Зеленый монарх", боевой корабль эльфийского императорского флота", - четко произнесла она. "Мы подверглись нападению и получили тяжелые повреждения. Мы находимся недалеко от луны Абейр-Торила. Штурман сообщит вам наши точные звездные координаты. Вы можете помочь?"

Наступило молчание. "Вы летите? Вы рядом с Селун?" - спросил мелодичный, нечленораздельный мужской голос.

"Да, мы все еще на звездолете", - ответила Мариона, озадаченная недоверчивой ноткой в голосе эльфа. "Назовите себя и свой корабль".

"Я - Вури Дуротиль, Высший маг Эвермита", - сказал невидимый эльф. "И я вовсе не на корабле, а на земле. Точнее, на Сумбраре, острове-аванпосте, расположенном сразу за заливом Эвермит в Лейтильспаре".

Мариона и Ши'ларра обменялись недоверчивыми взглядами. Связь между кораблями была невероятно сложной и требовала магических технологий чрезвычайно высокого уровня. Они не знали, что эльфы Абейр-Торила владеют такой магией.

"Есть ли у вас в этом районе корабли, использующие заклинания?" - повторила она.

"У нас нет таких кораблей", - ответил Вури. "Но я могу направить ваш корабль в укромную бухту неподалеку от острова".

Еще один взрыв дыхания К'нидара ударил в уменьшающийся щит, и еще одна трещина содрогнулась в корпусе. Мариона вздрогнула. "Наш корабль разваливается на части. У нас нет времени на посадку. Даже если бы мы это сделали, нас бы преследовали существа, которым нужен корабль".

"Боюсь, я не смогу помочь вам в такой битве. Вы можете оставить корабль своим врагам? У вас есть спасательные шлюпки?"

Ши'ларра кивнула, ее лицо было мрачным. "Или так, или никак, капитан".

Мариона с беспокойством посмотрела на немощного мага у штурвала. Его голова резко дернулась вверх, как будто он пытался силой воли заставить себя проснуться. "Пассилоррис не сможет нас спустить. Жиланна мертва, Ллувелленар чувствует себя не лучше. У нас нет другого рулевого".

"Что такое рулевой, пожалуйста?" - спросил невидимый эльф.

Капитан зашипела в отчаянии. Ее корабль летел к забвению, а этот маг, живущий на суше, хотел, чтобы ему объяснили технологию глушения заклинаний? "Волшебник", - выдавила она из себя. "Его заклинания питают штурвал - магическое кресло, которое управляет кораблем".

"А. Тогда, возможно, я смогу вам помочь. Отведите команду в спасательную шлюпку и установите устройство связи на этот... штурвал".

"Вы не можете запитать штурвал на расстоянии - даже такой маленький штурвал на спасательной шлюпке! Этого никогда не делали", - сказала Мариона.

"Но это не значит, что не стоит пробовать. Я чувствую магическую нить между моим устройством связи и вашим. Я спущу вас в безопасности", - уверенно сказал эльф.

Поскольку лучших идей у нее не было, Мариона повернулась к бдительному штурману. "Отдай приказ, пусть все поднимаются на борт. Я последую с Пассилоррисом".

Ши'ларра схватила глобус и бросилась вверх по ступенькам. Капитан дал ей несколько минут, чтобы собрать выживших и переправить их на борт спасательной шлюпки - небольшого открытого судна, похожего на каноэ огромных размеров. Но оно было легким и быстрым; правда, при условии, что за штурвалом сидел маг достаточной силы.

Через несколько мгновений фирменный сигнал Ши'ларры - высокий, пронзительный крик охотничьего ястреба - сообщил капитану, что все готово. Сделав глубокий вдох, она оттащила почти потерявшего сознание мага от штурвала и перекинула его через плечо.

Мгновенно воздух в помещении штурвала нагрелся почти до печной температуры, поскольку магическая связь, пусть и слабая, между магом и штурвалом была разорвана. Через несколько мгновений воздушная оболочка тоже рассеялась. Пошатываясь, Мариона поднялась по лестнице со своей ношей и подошла к перилам, где ждала лодка.

Ей потребовалась вся сила воли, чтобы не отвести взгляд от спасательной шлюпки, а не от пылающих парусов своего корабля или стаи К'нидар, которые кружили вокруг горящего судна, издавая торжествующие вопли и гогот, черпая пропитание из погребального костра.

По крайней мере, жалкие твари отвлеклись, мрачно подумала Мариона, снимая Пассилорриса со своего плеча и передавая его в руки выживших.

На борту спасательной шлюпки было всего десять эльфов - все, кто остался после последней атаки. Но когда Мариона заняла свое место, она заметила благоговение на лицах каждого из них, когда они смотрели на штурвал и хрустальный шар, стоявший в центре магического кресла. Кристалл светился интенсивной внутренней силой. Оказалось, что маг, связанный с землей, мог делать то, что заявлял: Воздух, окружавший спасательную шлюпку, был прохладным и свежим, что означало, что к штурвалу действительно поступает энергия.

"Похоже, мы все-таки выживем", - пробормотала Мариона.

"В этом, леди капитан, вы можете не сомневаться". Голос их спасителя звучал по-другому, более энергично - возможно, усиленный силой, которая текла через кристалл. "С вашего позволения, я больше не буду говорить с вами, пока мы не встретимся лично, за исключением крайней необходимости. Концентрация, необходимая для поддержания нити магии, очень велика".

"Конечно", - ответила Мариона. "Дай мне знать, если мы можем чем-то помочь".

Наступила короткая пауза. "Вообще-то, есть одна вещь", - с тоской сказал невидимый эльф. "Поговори со мной о звездах и Расскажи мне, что видят твои глаза на пути к Эвермиту".

Мариона разрезала веревки, связывающие шлюпку с кораблем, а затем кивнула Камерону Звёздная Песнь, барду, купившему проход на борт. Когда маленькое судно выплыло во тьму дикого пространства, она уселась поудобнее и слушала, как эльф играет на своей лире, которую он категорически отказывался оставлять, и декламирует ритмичными музыкальными каденциями спонтанную оду чудесам звездного полета.

Когда капитан слушала, ей пришло в голову, что жизнь, которую она считала само собой разумеющейся, для такого эльфа, как Вури Дуротиль, была бы легендой. А тот факт, что она сама направляется в столь примитивный мир, удручал до крайности.

Мариона мрачно оценила ситуацию. Ее корабль был потерян. В лучшем случае пройдет много-много лет, прежде чем она сможет вырастить другой. Вполне возможно, что выживший экипаж проведет остаток своей естественной жизни на Абейр-Ториле.

Эльфийка вздохнула и повернула голову, чтобы посмотреть на горящий корабль. Ее глаза расширились от удивления: "Зеленый монарх" был не более чем мерцанием красного света. Она повернулась к Ши'ларре, которая сузившимися глазами следила за быстро уменьшающимся светом.

"Как быстро, по-твоему, мы движемся?" - спросила она.

Ши'ларра пожала плечами. "Трудно сказать, без моих приборов и карт. Но я могу сказать точно: мы движемся по меньшей мере вдвое быстрее, чем "Монарх" на полной мощности. Посмотрите вниз", - внезапно сказала она, схватив капитана за руку и указывая на быстро приближающийся мир. "Там Абейр-Торил, и я уже вижу остров. Клянусь звездами, никогда еще я не видела такого зеленого места! И с такой высоты!"

"Скоро вы приземлитесь", - объявил Вури Дуротиль тонким от усталости голосом. "Мы подготовим лодки, чтобы доставить вас сюда. Целители готовят заклинания и травы и будут ухаживать за вашими ранеными".

"Травы и целители", - пробормотала Мариона, закатывая глаза в сторону Ши'ларры. "Если бы нам пришлось стать сухопутными, мы бы нарисовали для этого адский мир!"

Фейская улыбка озарила татуированное лицо Ши'ларры. "Не усмехайся, пока не увидишь этот мир", - мягко сказала она. "Он может оказаться таким, что у тебя не будет желания его покидать".

"О да. Это случится", - едко сказала капитан. "А что касается тебя - твоя родная планета почти уникальна тем, что на ней нет океанов. Ты привыкла к бесконечным лесам, омываемым сетью огромных рек. Ты хочешь сказать, что могла бы быть счастлива на этом крошечном острове?"

Лесная эльфийка пожала плечами, и ее взгляд устремился на быстро приближающееся пятно зеленого леса и сапфирового моря. "Все, что я могу тебе сказать, это следующее: У меня странное чувство, что я возвращаюсь домой", - пробормотала она.

Прежде чем Мариона успела ответить на это странное заявление, лодка резко дернулась, когда неопытный маг, управлявший ею, попытался замедлить падение судна. Вслед за этим последовал второй толчок, и судно медленно покатилося. Капитан схватила хрустальный шар и крепко прижала его к штурвалу, крикнув остальным, чтобы они помогли ей удержать магическое устройство на месте.

Маленькое суденышко снова и снова содрогалось и тряслось, пока Вури Дуротиль неумело замедлял его падение в море. И все же лодка ударилась о воду с такой силой, что деревянный корпус разлетелся вдребезги, а эльфийская команда оказалась в воде.

Мариона погрузилась на глубину, ее руки метались, когда она инстинктивно пыталась найти и спасти рулевого. Вода, бурлившая вокруг нее, была темной от крови, и по яростному пульсированию в висках она поняла, что получила ранение в голову, возможно, серьезное. Однако все, о чем она могла думать, это о необходимости найти шлем. Если она не сможет его найти, то никогда больше не сможет путешествовать по звездам.

Вдруг она почувствовала, как маленькие, сильные руки сомкнулись на ее запястьях, и ее бешеные глаза впились в лицо самого странного эльфа, которого она когда-либо видела. Синеволосая зеленокожая женщина ободряюще улыбнулась ей и начала поднимать ее на поверхность. Мариона взглянула на руки своей спасительницы. Они были испещрены синими и зелеными полосами, а между неестественно длинными пальцами была тонкая паутина. Как ни измучена она была годами путешествий и встречами с фантастическими существами из дюжины миров, Мариона никогда не видела существа, которое показалось бы ей таким причудливым, как это существо из мира Морских эльфов.

Последней ее мыслью перед тем, как тьма поглотила ее, было то, что она выбрала чертовски удачный мир, чтобы оказаться на нем.

* * * * *

Следующее, что узнала Капитан Мариона Лиственная Куща, был мягкий, тягучий звук эльфийских голосов, возносящихся в песне. В музыке чувствовалась целительная сила, которая, казалось, вытягивала боль из ее головы и ноющую вялость из конечностей.

С опаской Мариона открыла глаза. Ей было тепло и сухо, она была одета в шелковый халат и лежала на кровати, которая, если судить по тому, что было рядом с ней, парила над полом в едва заметном волнообразном движении.

"Капитан Лиственная Куща".

Мариона знала этот голос. С болью она повернула голову и посмотрела в улыбающееся лицо молодого золотого эльфа. Ей было не настолько плохо, чтобы не обратить внимания на то, что он, вероятно, был самым красивым эльфом, которого она когда-либо видела. Тем не менее, у нее на уме были более важные дела.

"Шлем...", - начала она.

"Не беспокойся", - сказал Вури Дуротиль. "Морские эльфы уже нашли большинство частей. Со временем мы восстановим его".

"Этого нельзя сделать. У вас нет технологии", - сказала она голосом, притупленным отчаянием.

"Мне кажется, что ты уже говорила нечто подобное", - ответил эльф с легким юмором. "И все же ты здесь".

Мариона пожала плечами в подобии недоумения. "Согласна, твоя магия впечатляет. Возможно, мы сможем кое-чему научиться друг у друга".

"На это я и надеюсь". Вури сделав паузу, взглянул на эльфов, которые стояли у ее кровати. Они незаметно растворились в воздухе. Когда они с Марионой остались одни, он сказал: "Ты хочешь покинуть этот мир. Ты говорила об этом неоднократно в те дни, когда лежала в целительном покое".

"Дни?" - недоверчиво спросила она.

"Даже так. Большинство членов вашего экипажа уже на ногах. К сожалению, я должен сообщить вам, что один эльф погиб во время высадки".

"Пассилоррис", - сказала она сразу, без малейшего сомнения. "Я не была уверена, что он выживет, несмотря на легкость приземления". Она бросила свирепый взгляд на мага, словно осмеливаясь обвинить рулевого в слабости. "Он был героем. Без его усилий все бы погибли!"

"Он прошел путь героя, - заверил ее Вури, - и занял почетное место в истории Эвермита. Я глубоко сожалею о потере. Я бы многое хотел узнать от него о магии звездных путешествий".

Мариона фыркнула. Они с Пассилоррисом не так давно были любовниками, поэтому она полагала, что ей не нужно сочувствовать Вури Дуротилу в связи с потерей потенциального учителя.

Она сглотнула неожиданный комок в горле и окинула комнату пытливым взглядом. Это была большая, идеально круглая комната со стенами, которые, казалось, были сделаны из одного камня. Большие арочные окна выходили на сверкающее море.

"Где я, черт возьми, нахожусь?" - спросила она.

"Это остров, известный как Сумбар. Этот дом - мой, а эльфы, которые лечили тебя песней-заклинанием, входят в мой Круг. Однако магия, связавшаяся с твоим кораблем, была полностью моей собственной". Он сделал паузу. "Возможно, будет лучше, если этот факт не покинет Сумбар, по крайней мере, на время".

"Почему?"

Вури достал скипетр из складок своей мантии и показал его ей. "Вот уже много лет я храню магическую силу в этом устройстве. Я израсходовал большую часть ее силы, чтобы доставить тебя в Эвермит".

"И что?"

Эльф колебался, его зеленые глаза изучали ее лицо, словно оценивая ее. "Мои коллеги по магии не знают об этом устройстве. Они понятия не имеют, что я могу творить столь мощную магию в одиночку. Я бы не хотел, чтобы они узнали об этом раньше, чем я смогу восстановить Накопитель до прежнего уровня".

Усмешка Марионы была начисто лишена юмора. "Не дай боги, чтобы старейшины отобрали у тебя игрушку. Кстати, сколько тебе лет? Девяносто? Сто?"

"Я видел более двухсот весен", - с достоинством сказал эльф. "И уверяю тебя, твое молчание так же полезно для тебя, как и для меня".

Капитан осторожно кивнула. Она не была дурой и знала, что любой эльф, владеющий такой магией, какой владел этот, - это сила, с которой нужно считаться. Если у Вури Дуротила есть к ней предложение, она, по крайней мере, выслушает его.

"Каждый эльф на этом острове видел, как ваш корабль упал с неба. У них будут вопросы. Расскажи им все, что хочешь, но не упоминай о моей роли в этом деле. По крайней мере, пока".

Глаза звездного странника подозрительно сузились. "Что ты собираешься делать? Ты же не планируешь нападение на главный остров? Потому что если да, то можешь считать, что меня уже нет. Я никогда не сражалась с эльфами, и не собираюсь".

"И не будешь".

Слабый шорох у открытой двери привлек внимание Вури. Он поспешно спрятал Накопитель с глаз долой и с плохо скрываемым нетерпением посмотрел на молодую женщину, прижавшуюся к дверной перемычке. "В чем дело, Эстер?"

"Есть сообщение из Аривандаара, лорд Дуротиль", - сказала она. "Ты нужен в Круге".

Вури нахмурился. "Игринн может действовать как Центр вместо меня. Принеси мне весточку, если сообщение срочное".

Эльфийка поклонилась и поспешила из комнаты.

"Аривандаар", - сказала Мариона с вопросом в голосе.

"Великое и древнее королевство, находящееся в нескольких днях пути по морю от этого острова", - пояснил он. "Многие из наших предков пришли из этих земель".

"Расскажи мне", - попросила она. Ее веки начали тяжелеть, и в данный момент она была рада успокаивающему, мелодичному звучанию голоса молодого эльфа. Она расслабленно откинулась на подушки, пока Вури рассказывал истории о чудесах и войнах, о стране, прекрасной и опасной, как ни одна из тех, что она видела или представляла. Пока он говорил, она снова погрузилась в сон, погрузилась в редкое

для ее беспокойного духа состояние довольства и была уверена, что сны, которые ее ждут, будут приятными.

Внезапный, ужасный взрыв вырвал Мариону из ее комфортного состояния. Она сидела прямо, ошеломленная силой, которая совершенно не уступала разрушению корпуса "Зеленого монарха". Как ни странно, никаких следов разрушения не было. Роскошная обстановка комнаты была нетронута, пение птиц за окнами не прекращалось. Не было ни звуков битвы, ни запаха дыма или смерти. Только на лице Вури Дуротила было написано разрушение; лицо молодого мага было бледным, как пергамент, и искажено безымянной мукой.

"Что это было, девять чертей?" потребовала Мариона.

Прежде чем Вури успел ответить, в комнату вбежал эльфийский воин, его льняные волосы беспорядочно развевались, а черные глаза были дикими. "Вури, Круг разрушен! Все эльфы, бросившие Высших Магов, исчезли! Полностью исчезли. Я бы не поверил, если бы не был в заклинательной комнате и не видел это своими глазами!"

"Ты слышал послание от Аривандаара?" сухим шепотом спросил Вури.

"Слышал", - мрачно ответил воин. "Это был призыв о помощи из башни в Шарларионе - они хотели, чтобы мы немедленно послали воинов и магов через Врата. Затем последовал взрыв, который едва не свел меня с ума, а потом - ничего. Буквально ничего. Я был единственным эльфом, оставшимся в зале. Что это значит?"

Вури резко отвернулся от ошеломленного и бормочущего эльфа и подошел к окну. Долгое время он молчал, глядя на воду в сторону Эвермита глазами, в которых уже который раз не было видно красоты его родины. Красота, которая сейчас была тем более пикантной, что события этого дня придали эльфийскому острову еще большее значение.

"Бриндарри, день, которого ты так долго ждал, возможно, уже близок. Эвермит определит свой собственный путь так, как никогда прежде, и кто скажет, что этот путь не будет пролегать по дороге, которую вы сами себе наметили? И ваша задача, капитан Лиственная Куща, становится еще проще. Все, кто видел, как ваш корабль упал с неба, мертвы, кроме вашей команды, нас троих в этой комнате и морского народа, который знает только то, что ваш корабль был уничтожен мощным взрывом. Будет достаточно легко придумать объяснение, которое удовлетворит их. Таким образом, мы можем работать здесь, на Сумбраре, в уединении, не опасаясь, что наша задача будет обнаружена или наши действия будут пресечены. Все изменилось в этот день", - мягко заключил он.

"Эти слова я давно мечтал услышать", - сказал Бриндарри, озадаченно нахмурил брови. "Почему же я не могу постичь их смысл?"

Вури повернулся лицом к своему старому другу и новому союзнику. "Тогда я буду говорить прямо. Бриндарри, наше время близко. Ваша судьба, капитан Лиственная Куща, неразрывно связана с моей собственной. Нет другого, к кому бы вы могли обратиться. Видишь ли, Войны Короны взяли свое, после стольких веков военных действий. Древнее королевство Аривандаар пало. Эвермит, к добру или к худу, теперь стоит один".

13. Приливы Ярости

Ледяной ветер хлестал остров, покрывая черную шерсть Повелителя зверей сосульками, пахнущими солью. Малар сгорбил массивные плечи в тщетной попытке укрыться от холода и с нехарактерным для него терпением слушал, как богиня Амберли причитала и выкрикивала свое разочарование. Морская богиня снова и снова била кулаками по волнам, от каждого удара вздымая над скалистым берегом брызги воды.

Приспешники Амберли, страшные существа Кораллового царства, которые должны были подчинить себе морских эльфов, были если не побеждены, то, по крайней мере, сдержаны. Магия вернулась к морским эльфам Эвермита. И это благодаря вмешательству эльфийского бога! Долго и горько Амберли завидовала Глубинному Сашеласу, и ужасна была ее ярость против этого мнимого оскорбления.

"В море есть и другие существа, которыми ты можешь повелевать, не так ли?" - спросил Малар, когда, наконец, его грохочущий голос послышался над ревом и грохотом волн.

Амберли остановилась на середине волны. Она затихла, погрузившись в гребень волны, на которой каталась, пока обдумывала это предположение. Ее лицо немного смягчилось, когда она обдумала все возможности. "Их много", - согласилась она. "В глубинах есть ужасные существа, которые, несомненно, придут по моему приказу. Я пошлю их немедленно!"

"И бури", - добавил Малар, отламывая кинжалоподобную сосульку, которая свисала с его мохнатого подбородка и служила доказательством ледяной силы ярости богини. "Ты не сможешь захватить сам остров, но наверняка сможешь нарушить морское сообщение. Многие эльфы, спасаясь от бед на материке, поплывут в Эвермит". Его красные глаза светились интенсивным, злым светом. "Я не вижу причин, почему они должны достичь острова".

"Я тоже", - с восторгом согласилась морская богиня. Она резко рванулась вперед и обхватила звероподобного бога руками, обдав его холодной морской водой. Затем она исчезла, оставив после себя море, спокойное, как бассейн лесной нимфы.

Малар издал скрипучий, ворчливый смешок. Прохладные объятия морской богини были лишь незначительным неудобством, мелкой неприятностью. По его мнению, все шло хорошо.

Многовековое опустошение Войн Короны принесло Великому Охотнику глубокое удовлетворение. Он не был полностью разочарован поражением темных эльфов - дроу, как их теперь называли. Несмотря на свою связь с богиней Ллос, Малар не любил эльфов, ни светлых, ни темных. Он охотно наслаждался войной дроу против верных детей Кореллона, но смерть темных налетчиков радовала его не меньше, чем резня мирных лесных эльфов. На самом деле, он считал восхитительным поворотом событий то, что эльфы были поставлены друг против друга таким образом. Такие внутренние распри не только служили его цели, но и были весьма занимательны для наблюдения.

Эльфам на Фаэруне был нанесен ряд сокрушительных ударов. Его последователи - в большинстве своем орки и гоблины - продолжали преследовать разбросанные по лесам поселения. Пришло время вновь обратить свою вражду на эльфийский остров. Он предоставил Амберли делать то, что она может, и то, что она может для него. Кроме того, там были люди, называвшие себя Волками Волн, которые показали себя многообещающими налетчиками. Они были бы прекрасным дополнением к гневу морской богини. И хотя эти люди не были строгими последователями Малара, бог был уверен, что сможет найти способ привлечь их к охоте на эльфов. Пока что этих действий было достаточно.

Однако Малар, Великий Охотник, прекрасно понимал, что он не сможет вечно довольствоваться тем, что уступит другим вызов охоты или удовольствие от убийства.

* * * * *

Анарзи Морская эльфийка, некогда дочь и матрона знатных семей лунных эльфов Эвермита, со всей возможной скоростью плыла на юг, к городу Лейтильспар.

Прошли годы с того необычного кораблекрушения у восточного побережья Сумбрара. Не было ни одного дня, чтобы Анарзи не размышляла о странных событиях того дня. Не то чтобы кораблекрушения были редким явлением - отнюдь нет. Бури, бушевавшие за пределами защитных границ Эвермита, отправили в пучину множество эльфийских судов. Морские эльфы великого города Иуматиашае были заняты спасением тех эльфов, которых могли спасти, и передачей мрачных вестей о судьбе тех, кому они не смогли помочь. Но в том давнем кораблекрушении было что-то очень странное. Невероятная сила, с которой маленькое судно было разорвано на части, наводила на мысль, что действует какая-то новая и могущественная сила.

Анарзи потребовалось много времени, чтобы найти ответ на свои вопросы. Но когда она, наконец, нашла ответ, она была в растерянности, не зная, что делать.

Плывя на юг, Анарзи отмахнулась от плавающих водорослей рукой с длинными пальцами и изящными перепонками. Вид собственных рук Морской эльфийки больше не казался ей странным. Теперь она была морским эльфом как по мыслям и порывам, так и по внешнему виду. Тем не менее, чувство верности своим сородичам, живущим на суше, оставалось сильным. Верно это или нет, но Вури Дуротиль был ее родственником, сыном ее родного брата. Выступать против него противоречило всему, чем она когда-то дорожила.

И все же, как она могла не сделать этого?

Решение морской эльфийки осложнялось тем, что она понятия не имела, как Вури собирается использовать свою вновь обретенную силу. Эльфийская магия была почти бесконечна в своем разнообразии, и нередко эльфы использовали магию, чтобы придать полет обычным предметам. Но магия, способная наделить целый корабль способностью летать, окружить его воздухом, чтобы он мог путешествовать под волнами или среди звезд, - это была большая сила, чем та, которой должен был обладать один эльф.

И больше всего Анарзи беспокоила секретность, с которой золотой эльфийский волшебник выполнял свою работу. Это было противояественно для любого эльфа - особенно для высшего мага - держать себя отдельно от своих братьев и сестер, как это делал Вури. А для магов могущественной Башни было опасно держать большую часть своей работы в тайне от всего общества. Насколько Анарзи знала, Вури Дуротиль мог замышлять захват самого Эвермита. Но она могла узнать так много и сделать очень мало из своего дома в море.

После долгих раздумий она решила положить этот вопрос к ногам Дарторидана. Он знал, что нужно делать. Хотя он больше не был ее мужем, Анарзи все еще искала его, когда могла, и обнаружила, что его мудрость более чем успевает за прошедшими годами.

За десятилетия, прошедшие после самовольного изгнания Анарзи, Дарторидан стал таким же искусным дипломатом, как и воином. Под его руководством семья Кроулнобаров обрела власть и честь. Теперь они заслужили места в Совете старейшин; более того, имя Дарторидана звучало среди прочих имен, когда эльфы Лейтильспара рассуждали о том, кто может сменить Тамсона Амарилиса на посту Верховного советника. Соответственно, Дарторидан все больше и больше времени проводил в Лейтильспаре, занимаясь вопросами управления.

Он был там и сейчас - так отрывисто сообщила ей дочь Анарзи - второй и последний ребенок, которого она родила Дарторидану. Морская эльфийка не стала задерживаться в Крепости Кроулнобар. Она сразу же повернула на юг, и не только из-за срочности послания, которое несла.

Воспоминание о той встрече вновь пронзило сердце Анарзи болью острее жала манта. Через два года после своего превращения в морского эльфа она родила дочь. Но дети, рожденные от родителей из двух разных эльфийских рас, не наследуют обе: в дочери Дарторидана и Анарзи не было смещения луны и моря. Морская эльфийка родила идеальную девицу из лунных эльфов и отдала младенца в руки кормилицы, живущей на суше, чтобы та любила и воспитывала ее.

Отказ от еще одного ребенка едва не разбил сердце Анарзи. По ее настоянию брак с Дарториданом был расторгнут, ибо она не могла перенести еще одну такую потерю.

Что касается Дарторидана, то, хотя Анарзи видела его все реже и реже, ее любовь к нему не изменилась от смены формы. Она не потускнела от времени или от горя, которое она несла из-за потери своих детей. Он был ее любовником лишь изредка - и то недолго - но он всегда будет ее любовью. Она доверяла Дарторидану в том, что он хорошо использует ее знания о Вури Дуротиле, поскольку она доверяла ему во всем.

За время пути Анарзи от Крепости Кроулнобар до южного города, солнце не раз вставало и садилось. Но она продвигалась вперед, почти не останавливаясь на отдых или еду. Когда наконец усталая морская эльфийка миновала остров-форпост Сумбар и вышла на поверхность, она увидела гавань, залитую огнями. Хотя было уже далеко за полночь, доки и улицы Лейтильспара сияли праздничными фонарями, шарами магического огня и мерцающими, переливающимися точками света, свидетельствующими о присутствии крошечных фейских существ - скорее всего, змей, а возможно, и фейского дракона или двух.

Ни один из этих огней не был ярче тех, что украшали корабль, пришвартованный неподалеку от причала. Постоянно меняющийся узор разноцветных огней играл на фоне колышущихся парусов, а хрустальный корпус сверкал в отраженном свете, как драконий клад.

Задумчивая улыбка искривила губы морской эльфийки, когда она смотрела на это дивное зрелище. Ей пришло в голову, что, должно быть, близится середина лета - время, когда эльфы веселятся и празднуют всевозможные союзы. В середине лета обычно играли свадьбы. Вполне вероятно, что этот корабль был украшен для перевозки новобрачной пары в дом, который они будут делить. Так было, когда Дарторидан впервые забрал ее из Лейтильспара в свою обитель на диких северных берегах, которые они оба любили.

Улыбка Анарзи померкла, когда в ее сознании промелькнуло другое, менее радостное воспоминание. Что-то тревожно знакомое было в этом корабле. Морская эльфийка заплыла в гавань и обогнула корабль, чтобы прочитать имя, выгравированное на хрустальном носу. Ее сердце болезненно забилося, когда взгляд упал на жирные руны.

Корабль назывался "Морская-река".

Анарзи нырнула под воду и быстро поплыла к городским причалам. Конечно, это было совпадение, что корабль носит то же имя, что и меч Дарторидана! И все же она не могла отрицать, что корабль был очень похож на то первое судно, которое они вместе создали для борьбы с морскими троллями, на корабль, на котором Анарзи плавала в свой последний день в качестве лунного эльфа. Корабль, который едва не стал ее могилой, был возрожден и украшен для свадьбы.

Возможно, Шончай взял себе невесту. Он уже почти совершеннолетний, размышляла Анарзи, поднимаясь по лестнице, ведущей из моря в доки. Пока она размышляла, до ее слуха донеслись звуки слабой и далекой музыки. Она была не настолько слабой, чтобы она не смогла сразу различить редкой красоты пение. Это было вполне логично. Ее сын уже был известным бардом, и на его свадьбу должны были прийти лучшие музыканты во всем Эвермите, чтобы отдать дань уважения.

Но если это так, почему ей ничего не сказали? Ее дочь, живущая на земле, сторонилась ее, но Шончай был действительно дитем ее сердца! Он не женился бы, не сообщив каким-то образом матери.

Со своего трапа Анарзи оглядела шумный причал в поисках незнакомого лица. Она не хотела услышать о свадьбе сына от того, кто знал ее как лунного эльфа, которым она когда-то была. На плечи Анарзи легло много нош, но жалость была слишком тяжелым грузом для гордой эльфийки.

Ее ищущий взгляд упал на юношу-золотого эльфа. Он казался вполне подходящим вариантом. Его простая одежда выдавала в нем простолюдина. Он был босиком и раздет до пояса, демонстрируя худощавую силу того, кто зарабатывает на жизнь тяжелым трудом. Его чисто выбритая голова и большие золотые обручи в одном остроконечном ухе придавали ему плутоватый, почти пиратский вид, но ни это жеманство, ни большой кубок в его руке не могли скрыть того факта, что он очень молод - едва достиг совершеннолетия. Этот эльф еще не родился, когда она была Анарзи Лунноцветущей, дочерью Верховного советника Ролима Дуротила и женой Дарторидана Кроулнобара. Да и в любом случае он не часто бывал в ее кругу.

Возможно, парень и слышал историю о ее превращении, но у него не было причин устанавливать какую-либо связь между героической жрицей, воспетой в песнях и сказаниях, и изможденной, стареющей морской эльфийкой, стоящей перед ним.

Анарзи взошла на палубу и тихонько окликнула юношу. Его глаза загорелись, когда он взглянул на нее, и он нетвердой походкой направился к ней. К удивлению Анарзи, докер тут же заключил ее в пылкие объятия.

"Добро пожаловать, милая служанка", - сказал он с большим энтузиазмом и очень нечеткой дикцией. "Пришла с моря, чтобы отпраздновать со мной середину лета, не так ли? Море и праздник... морской праздник", - сымпровизировал он, ухмыляясь от гордости за шутку, которая, очевидно, показалась ему весьма умной - и провозгласила, что он действительно очень пьян.

Анарзи сморщила нос от тяжелого запаха винофей, которым пахло дыхание парня. "Если ты принимаешь меня за служанку, то ты выпил гораздо больше, чем вмещает этот единственный кубок", - сухо сказала она, пытаясь вывернуться.

Молодой эльф слегка откинулся назад и попытался сфокусировать свой взгляд на ее лице. "Не молода", - согласился он. "Но такая красивая. И голубые волосы", - изумился он, ослабив хватку, чтобы провести пальцем по влажным, вьющимся локонам Анарзи.

Морская эльфийка вывернулась, а затем ловко увернулась от попытки парня вернуть ее. Одной рукой она поймала его запястье, а другой выхватила из сумки нитку розового жемчуга и повесила перед его глазами.

"Хватит этих глупостей! Они ваши, в обмен на некоторую информацию. Прекрасный подарок на середину лета для прекрасной служанки", - предложила она, надеясь прогнать с лица молодого эльфа ошарашенное выражение. "И, конечно же, тебе понадобится такая безделушка! Ночь еще не наступила".

При этой мысли он заметно посветлел. "Спрашивай о чем угодно, и я отвечу, как смогу".

"Чья это свадебная процессия?" - спросила она, повысив голос, чтобы ее было слышно над приближающимися музыкантами.

"Северного лорда. Клан Кроулнобар. Я пью за его здоровье!" Сказав это, молодой эльф поднял свой кубок и сделал глоток. На мгновение он выглядел озадаченным, затем скорчил гримасу, когда понял, что кубок пуст.

"Значит, это Шончай", - печально пробормотала она.

"Нет, не бард", - поправил ее парень. "Советник. Дарторидан. Разве ты не слышала о нем? Он прославленный воин. Он прогнал скрагов обратно в море и дал сахуагинам повод бояться людей Эвермита! Некоторые говорят, что он станет следующим Верховным советником, - важно продолжал он, явно довольный тем, что сообщает такую информацию.

Но Анарзи уже не слышала его. Ей показалось, что сердце сжали тиски. Ее пальцы в сочувственной агонии сжались вокруг ожерелья, которое она держала в руках. Тонкая нить порвалась, рассыпая жемчуг, как опадающие лепестки.

"Эй, сейчас же!" - запротестовал парень, видя, что его награда ускользает. Он нырнул в док и стал собирать рассыпавшиеся жемчужины.

Анарзи взвизгнула и побежала к дальнему краю причала. Радостная толпа была почти у самого причала. Она не хотела смотреть на лицо эльфийки, которая заняла ее место в сердце Дарторидана.

Морская эльфийка нырнула в воду гавани и глубоко погрузилась. Она неистово плыла, как будто могла обогнать полное осознание того, что она потеряла.

Когда она была уверена, что ее сердце разорвется от боли и усталости, она остановилась и прижалась к густому кусту морской травы, пока не смогла снова сделать вдох. Как только она смогла это сделать, она издала щелкающий, свистящий звук, который должен был позвать любого дельфина, который мог находиться поблизости.

Вскоре к ней подплыла гладкая серая фигура. Дельфины были друзьями морских эльфов, и этот был ей знаком. Он игриво кружил вокруг морской эльфийки, мягко ударяясь о нее, что напоминало поведение кошек, которых она держала для дружбы и комфорта. Однако на этот раз постоянная лукавая ухмылка этого существа не вызвала у Анарзи ответной улыбки.

Дельфин, казалось, почувствовал ее настроение, потому что быстро мотнул головой, а затем наклонил ее в одну сторону в странном любопытном жесте.

Увези меня подальше от этого места, - попросила она на его языке.

В ответ дельфин слегка перевернулся, чтобы подставить ей свой верхний плавник. Анарзи ухватила за него и прижалась, пока дельфин уплывал в открытое море.

Ошеломленная и опечаленная морская эльфийка не задумывалась ни о течении времени, ни о расстоянии, которое они преодолели. Но ей показалось, что прошло совсем немного времени, прежде чем дельфин остановился. Существо подняло голову к далекому небу и затрепетало от удивления и тревоги.

Анарзи проследила за его взглядом. Сквозь глубокую завесу воды была хорошо видна полная луна. Но пока она смотрела, над головой пронеслась огромная круглая фигура, затмившая свет так быстро, что казалось, будто какое-то огромное существо просто проглотило луну. Затем, так же внезапно, свет вернулся, мерцая в мутной воде так, что Анарзи вспомнился образ дрожащего ребенка.

Явление пронеслось мимо с поразительной скоростью, но не настолько быстро, чтобы Анарзи не успела разглядеть четыре массивные, вздыбленные ноги и размашистый хвост, который с такой скоростью двигал это существо.

Драконья черепаха? спросила она дельфина. Существо быстро и нервно кивнуло. После минутного колебания он щелчками и писком показал, что ему нужно подняться на поверхность, чтобы подышать.

Хотя у Анарзи не было такой необходимости, она пошла с дельфином. Существо не просило ее об этом, но она чувствовала, что у него нет желания приближаться к тому месту, где прошла драконья черепаха. Дельфины боялись их, и не без оснований. Такие существа встречались редко, но все, кто жил в море, знали об их силе. Драконовые черепахи обладали острым, хотя и несколько непостижимым интеллектом. Было неприятно размышлять о том, что может быть на уме у этой черепахи, что могло привести ее так близко к берегам Эвермита. И действительно, драконья черепаха плыла прямо к эльфийскому острову.

Когда они приблизились к поверхности, Анарзи заметила необычную турбулентность на поверхности воды - слишком сильную, чтобы объяснить ее плаванием драконьей черепахи. Она поднялась в воздух, и ее встретил прохладный ветер с севера и набегающие беспокойные волны. Однако небо было чистым и безоблачным, а звезды сияли почти так же ярко, как праздничные огни Лейтильспара. Что бы ни потревожило море, это не был природный шторм.

Большая волна подхватила Анарзи и подбросила ее вверх. Перед тем как ее шлепнуло обратно в море, она успела заметить далекий, ярко освещенный корабль, скользящий по спокойным водам на север.

У Анарзи перехватило дыхание, когда она узнала корабль Дарторидана. Но ее боль тут же сменилась чувством облегчения. Воды вокруг Эвермита были защищены от бурь самой Аэрдри Фэйниа. Ее возлюбленный был в безопасности в руках могущественной эльфийской богини. Его свадебный корабль не мог быть унесен этим штормом, если только он намеренно не вышел в беспокойное море.

Или если его не заставили.

Вдруг морская эльфийка догадалась, какую беду задумала черепаха-дракон. Она нырнула в глубину и неистово позвала дельфина к себе.

Я должна увидеть этот корабль. Мы должны прыгнуть выше волн! Убеждала она его.

Дельфина было нелегко убедить. В течение многих мгновений они спорили, издавая энергичные щелчки и стрекотание, которые превратили воду вокруг них в головокружительный водоворот вибрирующих звуков. Наконец дельфин уступил и позволил Анарзи ухватиться за его спинной плавник. Оба морских жителя со всей силы поплыли вверх, а затем бросились в последний источник.

Когда Анарзи прижалась к прыгающему дельфину, она увидела, что корабль ее возлюбленного внезапно покачнулся в сторону востока. Все было так, как она и боялась: Драконья черепаха насильно уводила Дарторидана в море.

Не раздумывая, Анарзи оставила дельфина и помчалась к обреченному кораблю.

* * * * *

Ночь уже почти прошла, когда ялик Вури Дуротила причалил к докам Сумбрара. На главном острове праздник середины лета был еще в полном разгаре. Все жители Эвермита, не только эльфы всех рас, но и другие фейские существа, сделавшие остров своим домом, отмечали самый длинный день лета музыкой и танцами, пиршествами и весельем. Хотя Вури был не прочь повеселиться, ему не терпелось вернуться на свой остров, в свою башню и к своей всепоглощающей работе.

Достижения Вури превзошли самые ранние прогнозы относительно его потенциала. В частности, его мастерство в магической коммуникации было просто поразительным. Много раз он предвидел приближающуюся опасность и предупреждал о ней, и настолько эффективно он справлялся с этой задачей, что весь остров-форпост Сумбрар оказался под его властью. Там был размещен большой гарнизон воинов, а несколько боевых кораблей находились в боевой готовности. Но, пожалуй, самой мощной защитой Сумбрара была магия, которой владел его Круг.

Башня Вури Дуротила стала одной из самых больших в эльфийском королевстве. Многие молодые маги боролись за честь обучаться у Верховного мага Сумбрара.

И все же на Эвермите было немало эльфов, опасавшихся растущего могущества Вури Дуротила и выступавших против опасностей изоляции башни Высших магов и сомнительной мудрости передачи значительной боевой силы в руки одного эльфа. Главным среди этих несогласных был голос Дарторидана Кроулнобара.

Вури скрипнул зубами при мысли о своем сопернике. На последнем заседании совета, состоявшемся не более двух недель назад, Дарторидан долго и красноречиво говорил об опасном расколе между различными расами эльфов. У него даже хватило наглости указать на то, что в Башню Сумбрара принимали только золотых эльфов, и что только золотые эльфы сражались в карауле форпоста.

Это было правдой. В глазах Вури такая практика была лишь вопросом предпочтения и удобства, но слова Дарторидана придали ей вид зловещего заговора. Семена подозрений были посеяны во многих плодородных умах лунных эльфов. Этого Вури допустить не мог. Маг не мог позволить, чтобы к его работе было приковано внимание, и он ни в коем случае не собирался становиться подотчетным Серому эльффу.

Но и это было не самым худшим из того, что сделал Дарторидан. Кроулнобарский выскочка набирал силу в Совете, и о нем даже говорили как о возможном члене Высшего совета. Вури Дуротиль полностью рассчитывал, что эта честь будет принадлежать ему. Соответственно он выбрал и свадебный подарок для Дарторидана.

Несколько ободренный этой мыслью, маг сошел со своего ялика и поспешил в самую верхнюю комнату своей башни. Там он хранил Накопитель, а также многие, многие другие магические предметы, которые он собрал или создал. Даже сейчас, в самый темный час ночи, в комнате было светло от совместного света сотни мягко светящихся сфер.

Когда Вури вошел в комнату, он заметил, что был не один. Перед одним из таких шаров сидела Мариона Лиственная Куща, ее взгляд был прикован к шару, а бледное лицо исказилось в выражении сильной тоски.

Вури остановился, пораженный присутствием капитана в этом его внутреннем святилище. Следующей его мыслью было беспокойство о том, что могла увидеть эльфийка. Каждый магический шар был окном, и некоторые из видов, которые они открывали, предназначались только для его глаз.

Но, как и следовало ожидать, капитан заглянула в шар, открывавший вид на звезды за пределами Селун.

Маг прочистил горло. "Если бы ты хотела посмотреть на звезды, Капитан Лиственная Куща, тебе достаточно было бы выйти за пределы башни. Это моя личная комната. Тебе незачем здесь находиться".

Мариона подняла взгляд. Язвительная улыбка приподняла один уголок ее рта, когда она заметила замешательство своего хозяина. "Без причины?" - сухо повторила она. "Сегодня летняя ночь, Вури. Возможно, я пришла сюда в надежде отпраздновать с тобой".

Прошло мгновение, прежде чем маг понял, что это за замечание. Он не мог представить себе близость какого-либо рода с этой болтливой эльфийкой, но ему

была хорошо знакома ее склонность говорить вещи, призванные выбить его из колеи. Однажды это сработало. В эти дни он просто отвечал ей тем же.

"Я удивлен, что ты заметила смену времен года, а тем более наступление солнцестояния", - мягко сказал Вури. "Возможно, ты стала более чувствительной к этому миру, чем хочешь признать".

Мариона скривила губы в усмешке. "Вряд ли! Чем скорее я стряхну песок этого жалкого места с моих сапог, тем счастливее я буду!" Она резко встала и подошла к магу, положив кулаки на бедра. "И кстати говоря, когда я могу уйти?"

"Уйти?"

"Не прикидывайся дураком!" - огрызнулась она. "Первый корабль почти полностью вырос. Оригинальный штурвал был восстановлен и испытан под волнами. Воздушная оболочка выдержала; корабль полностью маневренный. Я могу покинуть это место, и я хочу сделать это немедленно".

Вури вздохнул. "Мы уже много раз говорили об этом, капитан Лиственная Куща. Да, есть один корабль, готовый к звездному полету. Но скажите мне, кто будет экипажем этого корабля? Кто, кроме вас, жаждет совершить это долгое путешествие? Ши'ларра?"

Мариона взглянула на мага, но не смогла опровергнуть его слова. Она не видела своего бывшего штурмана уже много лет. Ши'ларра объявила, что совершенно довольна своим новым домом, и давно исчезла в глухих лесах Эвермита.

Лесная эльфийка не была единственным членом команды Зеленого Монарха, ушедшим в мир иной. Один за другим эльфы соскальзывали на берег, вооруженные рекомендательными бумагами от самого лорда Дуротила.

Капитан шипела от досады. Эти глупцы, наверное, провели ночь, танцуя под звездами, не вспоминая о тех днях, когда они путешествовали среди них!

Ну, и в Абисс вместе с ними. Конечно, был и другой путь с этой скалы.

"А как же ваши волшебники?" - спросила она нехотя.

За годы, прошедшие с момента ее приземления, Вури узнал некоторые секреты звездных путешествий, в основном путем экспериментов, и обучил им нескольких молодых магов своего Круга. Любой из золотых эльфийских магов мог доставить ее туда, куда она хотела. Мариона видела на своем веку и лучших рулевых, но, конечно, встречала и худших. А воины Сумбрара были элитной группой, хорошо обученной и весьма искусной в управлении кораблями и морями. Несомненно, некоторые из них хотели бы путешествовать по звездам. На службе эльфийского императорского флота их ждали слава, приключения и даже сокровища.

"Мой народ знает свои роли, и они довольны ими", - сказал Вури. "И в самом деле, зачем кому-то из эльфов покидать Эвермит, кроме как ради самого Арвандора?"

Маг говорил просто, спокойно, словно излагая общепринятую истину. Так оно и было, неохотно признала Мариона. В этот момент капитан наконец-то поняла всю тщетность своей давней мечты.

Она произнесла клятву и ударила рукой по ближайшему глобусу. Бесценный магический кристалл разлетелся по маленькой комнате и разбился о стену.

В глазах Верховного мага вспыхнул гнев. Мариона подняла подбородок и пристально посмотрела на него, почти осмеливаясь нанести удар. В этот момент

гнева, потери и полного разочарования она была бы рада нанести убийственный удар.

Но лицо Вури смягчилось, он подошел к ней и нежно положил руку ей на плечо. "Ты не потеряла звезды. Если бы только ты открыла свое сердце, ты бы снова ощутила их чудо".

Эльфийка отпрянула от него и бросилась в кресло. Никогда еще она не чувствовала себя настолько побежденной. "Столько лет на этой забытой богами скале, и ради чего? Я никогда не уйду - я буду в ловушке на Сумбраре до самой смерти!"

"Этот мир широк, Капитан Лиственная Куща. Я познакомился с вами и вашей натурой и слышал от вашего бывшего экипажа о репутации вашего авантюрного клана. Вы не любите долго задерживаться на одном месте. Но моря Абейр-Торила, разбросанные земли и древние культуры - разве это не достойно изучения? Если ты так хочешь, я позабочусь о том, чтобы у тебя был корабль и команда".

В оцепеневшем сознании Марионы забрезжил интерес. Это было не дикое пространство, но даже так...

"Не думаю, что у вас есть приличные карты и звездные карты", - пробормотала она.

Вури подавил улыбку. "Об этом вы можете судить сами. Моя библиотека в вашем распоряжении. Звездные карты у нас есть, но вполне возможно, что вы сможете значительно улучшить их. Безусловно, у тебя есть проницательность, равной которой нет ни у кого на Эвермите. Твоя работа будет направлять эльфийские корабли еще многие века". Он сделал паузу, как будто его охватило внезапное сомнение. "Это если ты сможешь управлять кораблем на воде. Мне кажется, легче плыть через бесконечную пустоту, чем разбираться с приливами и ветрами".

Глаза капитана загорелись. "Я ходила по палубе морских судов, когда вы были еще в пеленках, и более того..."

Она внезапно прервалась, потому что маг разразился звонким смехом. Поняв, что ее дразнят, и, что еще важнее, что он намеренно напомнил ей о времени и работе, которые она любила, Мариона нехотя улыбнулась.

"Раз уж ты об этом заговорил, я бы и сама не отказалась поплавать по этим водам!"

С этими словами она подхватила один из многочисленных глобусов с морским пейзажем и игриво подбросила его магу. Вури поймал его, взглянул вниз. Его глаза расширились, и он вернул взгляд к изображению внутри.

"Что ж, действительно. Похоже, мой подарок Дарторидану Кроулнобару пришелся как нельзя кстати", - пробормотал он.

Любопытствуя, Мариона поднялась и заглянула через плечо Вури в шар. Внутри магической сферы она увидела изображение корабля, выточенного из хрусталя, как эльфийский человек-войн. Паруса, светящиеся разноцветным светом, висели без дела, беспомощно хлопая на набирающем силу ветру, несмотря на усилия эльфийских матросов, которые трудились над канатами. Еще одна группа эльфов собралась на корме, обстреливая огромное существо, которое подталкивало и выталкивало лодку в странную, неестественную полосу волнения. Существо, судя по

всему, титаническая черепаха, было довольно странным. Но еще более странной - по крайней мере, для глаз Марионы - была невидимая граница, резко отделявшая спокойное море от шторма.

"Черепаха-дракон хочет уничтожить корабль", - рассудил Вури. В его голосе не было особого недовольства.

"Не так", - сказала капитан. "Только посмотрите на ее размеры! Она может разбить хрустальный корпус несколькими ударами хвоста. И я готова поставить свой любимый кинжал на то, что у этого дракона есть и другое оружие, которым стоит воспользоваться".

"Его дыхание", - признал Вури. "Если бы дракон-черепаха захотела, она могла бы послать на корабль обжигающее облако пара, которое наверняка убило бы большую часть экипажа".

"И, вероятно, также повредит корабль", - возразила Мариона. "Это не входит в его намерения".

"Тогда что?" - потребовал маг, которому не нравилось направление ее рассуждений.

Капитан постучала пальцем по глобусу. "Три корабля", - сказала она, указывая на три пятнышка тепла и цвета в далеких морях. "Я полагаю, что эти люди хотят заполучить ваш корабль. Драконья черепаха в союзе с ними - или, что более вероятно, они оба отвечают тому, кто послал этого погодного волшебника".

"Это не работа волшебника", - размышлял Вури, пристально изучая бурю, бушевавшую внутри земного шара. Корабли, которые различили зоркие глаза Марионы, уже полностью приближались. Они были длинными и низкими, каждый из них нес один большой квадратный парус. Вури уже видел такие корабли. Они принадлежали пиратам с севера, примитивным людям, у которых не было магии, необходимой для создания такого шторма.

Такой шторм можно было объяснить только одним: это дело рук самой Амберли. По какой-то причине капризная богиня сделала цель рейдеров своей собственной.

Ее силой из крепких маленьких кораблей выжималась каждая крупинка скорости. Паруса были туго изогнуты и наполнены ветром настолько, насколько это было возможно, чтобы не порваться под его напором. Даже мачты, казалось, были согнуты почти до предела.

"Рейдеры, ручаюсь. Они хотят захватить эльфийский корабль невредимым", - сказала Мариона, отвечая на вопрос Вури прежде, чем он успел сформулировать его. "На эльфийском корабле им будет легче проскользнуть через оборону Эвермита, напасть на другие корабли или даже совершить набег на прибрежные города".

"Этого мы не можем допустить", - сказал Вури. Он поднял взгляд к глазам Марионы Лиственная Куща и увидел в них мрачную решимость, отраженную, словно в зеркале.

"Ты обещал мне корабль. Я могу переплыть эти воды", - сказала она, кивнув в сторону глобуса с изображением диких морей.

"Несомненно", - ответил Вури. "Но мы никогда не сможем вовремя добраться до эльфийского корабля, чтобы привести помощь. По крайней мере, не по морю. Идем." Он повернулся и быстрым шагом вышел из башенной комнаты.

Эльфийка озадаченно нахмурила брови. Затем смысл слов Вури дошел до нее, и яростная улыбка зажгла ее глаза. Она опустилась на ступеньку рядом с магом. "Ты сказал "мы". Ты вступаешь в бой?"

"Этой ночью первый звездолет Эвермита отправится в свой первый полет", - сказал маг. "Кто лучше встанет у руля?"

Капитан кивнула. "Хорошо. У тебя больше власти, чем у любого рулевого, с которым я плавала. Но помни, я - капитан, и эта битва - моя. Думаешь, ты помнишь, как выполнять приказы?"

"Это не самый сильный мой навык", - сухо ответил он. "Но да, эта битва твоя - и моя, чтобы победить".

Мариона бросила резкий взгляд в сторону мага. Ей было все равно, кому достанется заслуга в этой победе. Ей было достаточно перспективы снова ступить на палубу воздушного корабля. Но в голосе Вури звучали странные нотки, которые ей не нравились и вызывали недоверие. Намечалось нечто большее, чем предстоящая битва с драконьей черепахой, тройкой человеческих пиратских кораблей и разгневанной морской богиней - как будто этого было недостаточно!

Чтобы успокоить нервы, Мариона вспомнила одну из своих любимых сентенций: "Если бы это было легко, не стоило бы этого делать", - пробормотала она. А раз так, то, как подозревала эльфийский капитан, ее ночная работа будет действительно стоящей.

* * * * *

Когда Анарзи отчаянно плыла к кораблю своего возлюбленного, на нее упала большая, отливающая луной тень. За ней быстро последовала другая. Морская эльфийка приостановилась в своем стремительном беге, чтобы взглянуть вверх, когда мимо нее пронесся третий корабль.

Человеческие корабли. Морская эльфийка уже видела такие корабли и хорошо знала, что за люди на них плавают.

"Пираты", - пробормотала она, посылая пузырьки в беспокойное море.

Роль драконьей черепахи в этом была очевидна. Поскольку ни один человеческий корабль не мог беспрепятственно пройти через магические барьеры, окружающие Эвермит, пираты заключили сделку с морским чудовищем. Анарзи гадала, что люди предложили драконьей черепахе в обмен на доставку эльфийского корабля. Скорее всего, сокровища, поскольку обещание пожрать эльфов было пустым, если бы это было единственной целью драконьей черепахи, то она наверняка смогла бы выполнить ее и без помощи человеческих пиратов.

Анарзи закрутилась в воде и поплыла вверх быстрыми, мощными взмахами. Ее голова вынырнула на поверхность, и она покачивалась в бурных водах, оценивая ситуацию.

Эльфийские воины на борту "Морской-реки" отчаянно сражались со своим гигантским врагом. Магия не была приемлемым решением, не на таком близком расстоянии. Любые заклинания, достаточно мощные, чтобы поразить существо, почти наверняка разрушат и корабль. Их стрелы, даже огромные болты из баллисты,

лишь отскакивали от брони драконьей черепахи. Все уязвимые места, которыми обладало существо, были скрыты под волнами.

Словно вторя мыслям Анарзи, Дарторидан перемахнул через поручни корабля и плюхнулся вниз, к чудовищной черепахе. В его руке была длинная металлическая трубка, из которой торчал колющий наконечник копья. Второе копьё было пристегнуто к его спине.

Анарзи перевела дыхание: атака Дарторидана была смелым и отчаянным шагом. Панцирь черепахи представлял собой массу гребней и шипов, и Дарторидан мог бы с тем же успехом прыгнуть головой вперед в массу скованного и готового оружия.

Но Дарторидан поднялся на ноги и сразу же начал прокладывать себе путь вдоль шипастого центрального гребня панциря, направляясь к голове существа.

Морской эльф издал небольшой крик облегчения. Плечо Дарторидана сильно кровоточило, но, по крайней мере, он выжил после прыжка. Она стала плыть за драконьей черепахой, ни на секунду не отрывая взгляда от любимого храброго воина.

В этот момент драконья черепаха снова столкнулась с кораблем. Удар лишил Дарторидана опоры; эльф споткнулся и больно покатился по бугристой спине существа. Он врезался в один из выступов, выстроившихся по краю панциря. Не пытаясь подняться, он начал обходить макабрический остров, используя гребни как опоры для рук, к отверстию, из которого торчала массивная передняя нога.

Анарзи мрачно кивнул. Гарпун, который нес Дарторидан, мог стрелять со значительной силой. Если бы он смог попасть точно через складки жесткой кожи лапы драконьей черепахи, то смог бы пронзить ее сердце.

Даже раненый, Дарторидан двигался быстро. В считанные мгновения он достиг цели. Зацепившись ногами за костяной гребень, он опустил себя и свой гарпун в воду. Чуткий слух морской эльфийки уловил резкий щелчок спускаемого гарпуна, донесшийся до нее по воде.

Страшный рев расколол ночь. Драконья черепаха взревела, как разъяренный жеребец, а затем закружилась, раскачивая массивной головой то в одну, то в другую сторону в поисках источника нападения. Ее желтые глаза упали на эльфа, прижавшегося к краю панциря. Глаза рептилии сузились от злобы, и голова черепахи откинулась назад, щелкнув челюстями. Но Дарторидан уже перекатился обратно на панцирь и карабкался к центру, где находился в недосягаемости.

Драконья черепаха сменила тактику и перешла в кувырок. Раз, два, бледная броня ее брюха сверкнула в лунном свете, пытаясь избавиться от назойливого эльфа. В результате ее вращения образовались два всплеска воды, которые подхватили эльфийское судно и понесли его все ближе к бурному морю и быстро приближающимся пиратам.

Анарзи застонала и поплыла еще быстрее, хотя понимала, что мало что может сделать. Стоило Дарторидану броситься в воду, и морское существо могло прикончить его одним щелчком.

Но когда черепаха выпрямилась, эльфийский воин уперся в центральный гребень панциря, упрямый, как ракушка. Однако долго он так не продержался: яркая

кровь смешалась с водой, стекавшей по склону панциря существа. Ни один воин не мог вечно игнорировать такие раны.

Внезапно море вокруг Анарзи затихло. Неестественный ветер утих, и набегающие волны с белыми шапками погрузились в море, посылая мелкую беспокойную рябь. Анарзи услышала гортанные возгласы удивления, когда пираты подрезали паруса, чтобы приспособиться к уменьшающемуся ветру. Анарзи заметила, что такой ветер им больше не нужен, ведь скоро они настигнут корабль Дарторидана.

На мгновение морскую эльфийку охватило отчаяние. Когда она окинула взглядом затихающее море, на нее снизошло вдохновение - так ясно, словно голос Глубинного Сашеласа шептал ей на ухо.

Без указателя, который давали беспокойные волны, люди никак не могли определить, где находятся опасные щиты!

Морская эльфийская жрица начала нараспев читать заклинание, молясь об иллюзии, которая превратит безмятежные воды вокруг Эвермита в зеркало - зеркало, в котором отразятся все еще зыбкие волны шторма Амберли.

Анарзи завершила заклинание и нырнула в глубину - за мгновение до того, как один из пиратских кораблей натолкнулся на магический барьер.

Вспышка света превратила умирающую ночь в полдень, а корабль - в факел. Морской эльф нырнул вниз, чтобы спастись от внезапного жара и избежать машущих конечностей пиратов, переживших первый взрыв и прыгнувших - или бросившихся - в воду.

Бум и треск огня, рев разъяренной драконьей черепахи, крики раненых людей - все это наполнило чувства Анарзи, словно хор победной музыки. Слишком поздно она уловила вибрации, которые свидетельствовали о новом присутствии в водах неподалеку. Инстинктивно она повернулась в сторону - и тут же мимо нее пронеслась гладкая серая форма.

На мгновение Анарзи подумала, что дельфин вернулся, чтобы присоединиться к битве. Но грубая шкура, больно ударившаяся о ее руку, могла принадлежать только одному существу. Акулы, привлеченные суматохой битвы и запахом пролитой крови, пришли поесть.

Анарзи достала с пояса нож и нырнула еще глубже. Она отрезала кусок ламинарии и быстро перевязала руку, поцарапанную во время схватки с акулой. Крови было немного, да ее и не должно было быть, но даже несколько капель в воде вокруг нее могли означать ее смерть. В данный момент акулы были доведены до иступления представшим перед ними изобилием. Они будут заняты пиратами еще долгое время. Но лишь немногие акулы могли насытиться настолько, чтобы не охотиться на свою любимую пищу - раненого морского эльфа.

Она зажала нож между зубами и поплыла к огромным фигурам, вырисовывающимся на фоне пылающего неба. Драконья черепаха снова обратила свое внимание на эльфийский корабль и неумолимо подталкивала его в сторону открытого моря и двух кораблей, ожидавших призыва. Тонкая струйка крови стекала в воду из-под ноги существа, уменьшаясь по мере приближения Анарзи. Выстрел Дарторидана сделал не больше, чем пропорол шкуру черепахи. Ей предстояло добиться большего.

Морская эльфийка бросилась к огромному хвосту. Она ухватила за кончик, затем прижалась к хвосту и обхватила его ногами так крепко, как только могла. Одной рукой она вытащила нож из зуба и глубоко вонзила его в хвост. Она со всей силы потянула его вниз, пробив брешь в шкуре.

Драконья черепаха снова заревела - ужасный звук разнесся по воде и даже заставил затихнуть мрачную пирушку акул. Анарзи держался, пока хвост яростно бил по воде взад и вперед. Когда этот способ не помог, черепаха подняла хвост над водой и одним быстрым, сильным движением взмахнула им вверх. Морская эльфийка отпустила свою хватку, позволяя импульсу подбросить ее вверх на шипастый панцирь черепахи.

Ей не так повезло, как Дарторидану. Волны агонии прокатились по ней, когда она врезалась лицом в костяной гребень. Но она поднялась на ноги, оторвалась от короткого шипа, который терся о ее бедренную кость, и встала на руки и колени. Из всех сил игнорируя жгучую, онемевшую боль, она заставила себя посмотреть на рану. Там была кровь, слишком много крови. В кишасщем акулами море такая рана была бы смертельной, в этом она не сомневалась. Но, возможно, она сможет выжить достаточно долго, чтобы выполнить поставленную перед ней задачу.

Все еще стоя на коленях, морская эльфийка подошла к лежащему Дарторидану. Он был ранен сильнее, чем ей показалось, и почти потерял сознание. Она била, кричала, умоляла, пока, наконец, его глаза не сфокусировались на ней.

"Анарзи", - прошептал он. "О, моя бедная, потерянная любовь. Я так много должен сказать..."

"Нет времени", - мрачно сказала она ему. Оторванной рукой она жестом указала в сторону эльфийского корабля. Он прошел барьер, и на его хрустальные палубы высыпали пираты. "Люди не должны получить этот корабль! Вы знаете, какое применение ему найдется".

Женский крик, пронзительный от боли и ужаса, раздался над звуками битвы. Дарторидан горько выругался, когда двое людей вытащили из трюма сопротивляющуюся эльфийскую женщину. Яркое платье эльфийки, циркуль из летних цветов, косо висевший в ее спутанных волосах, не оставили у Анарзи сомнений в ее личности.

Дарторидан с трудом поднялся на ноги, но не сразу бросился на помощь своей новой жене. Он схватил гарпун и вонзил второе копьё в металлическую трубку. Анарзи знала, что у него на уме, так же четко, как если бы он произносил свои мысли вслух. Его первой задачей было сохранить корабль в руках эльфов. Пока жива драконья черепаха, корабль был потерян.

Морской эльф посмотрел вниз, в бурлящее море, где по-прежнему жадно кормились акулы. Ни один эльф, живущий на суше, не был достаточно проворным в воде, чтобы избежать их. Если Дарторидан снова попытается остановить драконью черепаху, он наверняка погибнет, и все его усилия окажутся напрасными.

Анарзи схватила гарпун своей единственной хорошей рукой. "Иди", - потребовала она, кивнув в сторону веревочной лестницы, которую пираты протянули вниз по хрустальному корпусу корабля.

"Ты ранена", - запротестовал он, заметив, наконец, кровь, окрасившую ее пеструю кожу.

"Я умираю", - просто ответила она. "Иди, и дай мне умереть хорошо. Ты должен спасти корабль и людей на нем".

Прежде чем Дарторидан успел ответить, морской эльф вскарабкался по панцирю черепахи и нырнул в воду. Лунный эльф сделал длинный, дрожащий вдох и поднялся на панцирь сразу за головой черепахи. Хотя задача существа была выполнена - эльфийский корабль был загнан за пределы магических щитов, - оно оставалось неподалеку, кружа вокруг корабля, словно поджидающая акула.

Дарторидан подождал, пока существо не вернулось обратно к тому месту, где висел абордажный трап пиратов. Он прыгнул, зацепившись за нижние перекладки. Боль, когда он врезался в кристаллический корпус, была почти непреодолимой, как и тупая пульсация в разорванном плече. Но он поднялся и перекатился через перила на корабль.

Вокруг него бушевала битва, кровавая и яростная. Эльфы сражались за свои жизни. Но товарищи Дарторидана не были армией - всего лишь несколько друзей и родственников, сопровождавших новобрачных в путешествии на север.

Корабль внезапно накренился, когда его подхватила волна. Дарторидан схватился за поручень, чтобы устоять, и вдруг обнаружил, что стоит лицом к лицу с драконьей черепахой. Глаза существа бешено вращались, а его гигантская пасть была широко разинута, удерживаемая гарпуном, вбитым в крышу пасти. Оно не могло сомкнуть челюсти, не загнав оружие вверх и в мозг.

Даже заметив это, Дарторидан увидел тонкие, перепончатые руки, вцепившиеся в основание копья. Анарзи не успела сделать убойный выстрел, но решительная морская эльфийка свалит свою добычу, даже если для этого придется заплывать ей в пасть! На мгновение у него появилась надежда - Анарзи надежно закрепила копье, и, возможно, она сочтет свою задачу выполненной и уплывет в воду. Но даже когда эта мысль возникла, из пасти дракона вырвалось облако пара, ставшее багровым в лучах восходящего солнца. Драконья черепаха издала нечленораздельный рев и высоко вскинула голову. Хромые руки Анарзи соскользнули с копья и исчезли в багровом тумане.

Дарторидан провел рукой по слезящимся глазам и повернулся лицом к битве. Один из пиратских кораблей выгрузил свой человеческий груз на палубу "Морской-реки", а другой приближался к нему. Скоро эльфы будут побеждены.

Из облаков в сторону приближающегося корабля устремилась серебристая полоса. Дарторидан застыл на месте: болт баллисты ударил в единственную мачту корабля и расколол ее. Луч упал, разбив одну сторону деревянного корабля и накрыв пиратов полотняным саваном.

Эльф посмотрел вверх, в направлении атаки. Невероятно, но их спасителем оказался воздушный корабль, сверкающее эльфийское судно, которое опустилось на пиратов, словно мстительная бабочка.

* * * * *

Мариона Лиственная Куща издала вопль, когда болт из баллисты попал в цель. Годы, проведенные на Сумбраре, отступили, и в крови капитана вновь запела радость полета и сражения.

"Хорошо стреляешь", - прокомментировал слишком знакомый голос позади нее.

Капитан обернулась и увидела Вури Дуротила, который со спокойной отрешенностью наблюдал за битвой и держал в руках посох, увенчанный сияющим золотым драгоценным камнем.

"Кто на штурвале?" - огрызнулась она.

"Чандрелл вполне способен", - ответил маг. "Никто не смог бы привести этот корабль к бою быстрее, чем я, но в данный момент мои навыки лучше использовать в другом месте".

"Я справлюсь с боем!"

"Ты можешь справиться и с этим?" - сказал он, указывая посохом на разъяренную драконью черепаху. "Когда сталкиваешься с двумя врагами, не лучше ли натравить одного на другого?"

"Но..."

"Хватит!" прогремел Вури. "Я буду делать то, что должен. Смотрите за битвой, как хотите, но не мешайте мне".

Мариона отступила на шаг, пораженная яростью и силой, прозвучавшей в голосе золотого эльфа. В этот раз у нее не было желания спорить.

Маг направил посох на морское существо и начал читать заклинание. По мере того как он говорил, свет в драгоценном камне начал усиливаться. К удивлению Марионы, золотой эльф произнес мощное заклинание вызова и связывания, используя магию как оправу для успокаивающих слов дружбы и обещания - слов, обращенных к драконьей черепахе!

Небесный корабль был уже ближе, и Мариона смогла разглядеть копье, воткнутое в пасть гигантской черепахи. Это существо не представляло непосредственной угрозы для эльфов, но и в качестве союзника оно было не слишком полезно. Что же задумал Вури?

У нее не было времени размышлять над этим вопросом. Хотя подбитый ею пиратский корабль был сильно поврежден и быстро набирал воду, несколькими пиратам удалось пробить себе путь сквозь полотно. Последнее, неповрежденное судно разворачивалось, чтобы прийти им на помощь. Скоро эльфийские истребители будут перегружены.

Мариона наклонилась к говорящей трубке. "Рулевой, посадите нас на воду, как можно ближе к эльфийскому кораблю!"

Она повернулась, готовая выкрикивать приказы экипажу. Они уже занимались своими делами - поднимали нижние крылья парусов, готовили abordажные пики и канаты, собирали оружие. Мимолетный миг сожаления коснулся Марионы - какие приключения она могла бы разделить с такими эльфами в диких просторах! Но эту мысль было трудно удержать, ее преследовала перспектива предстоящей битвы.

Вода уже поднималась навстречу им. Капитан широко расставила ноги и приняла на удивление небольшой толчок, когда корабль коснулся воды. Она подошла к поручню. Схватив свернутый канат, она коротко крутанула его, а затем пустила в ход. Крюк с тремя зубцами на конце зацепился за борт подбитого корабля. Полетели другие канаты, и большая часть команды золотых эльфов бросилась к канатам, тяжело откинувшись назад и подтягиваясь рука за руку, чтобы свести эльфийские корабли вместе.

Мариона не стала дожидаться, пока два хрустальных корпуса соприкоснутся. Как только она осмелилась, она перепрыгнула через водяную пропасть и бросилась в бой.

* * * * *

Багровые и золотые цвета разлились в море, когда солнце скрылось за горизонтом. Ночь ушла, а вместе с ней и последние силы. Дарторидан больше не мог сражаться. Он был совершенно измотан, истощен не только ранами и изнеможением, но и сокрушительным чувством вины и горя. Анарзи оставалась неизменной, а он думал только о том, как увеличить свой клан и свою личную власть. По этим причинам он взял себе новую жену - даму из знатного рода и многих достижений. Ее красота и мастерство игры на арфе и стихах сделали ее украшением его замка и двора. Она поможет увеличить род Кроулнобаров, ведь она была молода - моложе даже его собственного сына - и родит клану много детей. Уже сейчас ее живот слегка округлился под поношенным одеянием.

Глаза Дарторидана искали ее. Эльфийка стояла, прислонившись спиной к мачте, ее глаза бешено смотрели на бушевавшую вокруг битву, а руки были прижаты ко рту, чтобы сдержать крики ужаса. Она не воин.

Как будто издалека, Дарторидан услышал звон падающего меча, затем тупой, отдающийся эхом стук. Вдруг он понял, что меч выпал из его руки, а сам он упал на колени.

Эльф услышал голос жены, выкрикивающей его имя. Он успел поднять голову, когда изогнутый меч вонзился ему в шею. На большее он не был способен.

Вскрик металла о металл раздался над грохотом битвы. Выносливая сереброволосая эльфийка бросилась в бой как раз вовремя, чтобы поймать клинок пирата своим. Она высоко подбросила сцепленные мечи. Прежде чем пират успел оправиться от парирования, она налетела на него, впечатав свой лоб в его лицо, а затем сильно ударила коленом. Она отпрыгнула назад. Мужчина упал, выкрикивая придушенную клятву.

Эльфийская воительница высоко подняла меч и с размаху обрушила его на шею пирата. Даже когда она подняла окровавленный меч обратно, она пнула приближающегося бородатого пирата. Мужчина споткнулся, его руки завертелись в поисках равновесия. Не успел он встать на ноги и перевести оружие в боевое положение, как эльфийка закружилась, точно по кругу. Дарторидан не видел удара ее меча, но видел, как человек упал, перерезав себе горло.

Свирепая эльфийка бросилась бежать в поисках новой схватки. Но таковой не нашлось. Спасатели - все золотые эльфы, одетые в форму стражи Сумбрара, - уже выбрасывали последних людей в море.

Бой закончился, и наконец Дарторидан позволил себе поддаться соблазнительной тьме. Когда она нахлынула на него, он почувствовал, как маленькие прохладные руки гладят его лицо.

"Анарзи", - пробормотал он.

Руки резко замерли. "Анарзи мертва, мой господин", - сказала его новая жена. "Убита драконьей черепахой. Это было ужасно видеть!"

Дарторидан все помнил. Горе придет позже. Даже тьма должна была подождать, ибо предстояла еще одна битва. "Помогите мне встать", - прохрипел он. "Мы должны собрать бойцов и прикончить тварь!"

"Спокойно, лорд Кроулнобар", - сказал знакомый голос. "Существо, как вы его называете, живо и здорово, и теперь оно союзник Людей". Словно в доказательство, Вури Дуротил протянул две сломанные части гарпуна, который Анарзи насадил такой ценой.

Дарторидан с недоверием уставился на спокойное, золотистое лицо правящего мага Сумбрара. "Чудовище убило Анарзи Лунноцветущую, твою родню!"

"Это большая потеря, и я присоединюсь ко многим, кто будет оплакивать ее кончину. Но мы нуждаемся в таких союзниках, как эта драконья черепаха, и не можем позволить горю взять верх над разумом. Прошу меня извинить, но мне еще предстоит укрепить наш союз".

Маг подошел к перилам. "Остается один вопрос, великий Зонтар", - воскликнул он. "Что предложила морская богиня в обмен на твою помощь? Может статься, что Люди могут сделать для тебя не хуже, а даже лучше".

"Амберли обещала богатые владения, чтобы править ими, как я пожелаю", - сказала драконья черепаха глубоким, звучным голосом. С каждым словом из воды поднимался пар. "Все проходящие мимо корабли будут платить дань, а когда я выберу охоту, мне будет чем заняться!"

"У тебя будет это и даже больше", - пообещал маг. "Моря вокруг Эвермита будут под твоим контролем, и каждое судно, на днище которого не вырезаны эльфийские руны, станет твоей законной добычей. Все сокровища, которые вы отберете у потенциальных захватчиков, будут вашими. Этот домен будет твоим, и ты передашь его своим наследникам. Ты будешь иметь славу, если пожелаешь, или тайну, если это тебе больше по душе. Согласны?"

"Ты безумен", - горячо сказал Дарторидан. "Ты пригласишь лису лечь среди кур? Тварь последует своей природе, и эльфийские корабли станут ее жертвой!"

"Зонтар не тронет эльфийский корабль", - уверенно сказал маг.

"Откуда ты можешь это знать?"

В ответ Вури протянул руку и сорвал с пояса Дарторидана древний, украшенный драгоценными камнями кинжал. Он пробормотал несколько магических слов, а затем бросил клинок в море.

Дарторидан прищурился и посмотрел на воду. Там гребла драконья черепаха. Нож был глубоко вонзен в панцирь черепахи - только светящаяся рукоять, драгоценные камни которой пульсировали магией, все еще была видна.

"Теперь я смогу наблюдать за этим существом", - сказал Вури. "И будьте уверены, даже если я буду отводить глаза, клинок опустится и найдет путь к сердцу Зонтара, если он поддастся искушению охотиться на эльфов".

"Прекрасное украшение", - признала черепаха, поворачивая голову, чтобы полюбоваться драгоценными камнями. "Но что будет с моими наследниками?"

"Они смогут вынуть его из твоего панциря после твоей смерти. Он засекречен и перейдет к выбранному тобой преемнику".

"Хорошо. Договорились", - сказала черепаха и погрузилась в океан.

Глаза Дарторидана пылали, когда он надвигался на Верховного мага. "Ты подарил мне этот кинжал в качестве свадебного подарка, чтобы ты мог наблюдать за мной!"

"И ты должен быть рад этому", - ответил золотой эльф. "Если бы я этого не сделал, ты был бы мертв, а этот корабль был бы в руках людей".

Это была чистая правда, но воин подозрительно посмотрел на Вури. "Не могу поверить, что ты сделал такой подарок, потому что желал мне добра".

"Я пришел тебе на помощь, не так ли?" - нетерпеливо сказал маг.

Дарторидан кивнул. "Что же ты хочешь от меня?"

"Во-первых, твое молчание. Никто не должен знать ни о Звезднокрылом флоте, ни о новом защитнике Эвермита", - сказал Вури, кивнув на спокойное море. "Во-вторых, ваша поддержка. Я хочу стать следующим Верховным советником".

Дарторидан рассмеялся, коротко и без юмора. "Ты командуешь летающими кораблями, обладаешь магией, достаточной для того, чтобы связать одно из самых могущественных морских существ..."

"Вообще-то, двух", - вмешался маг. "Кракен уже патрулирует воды к северу от Сумбрара".

Лунный эльф вскинул руки. "Зачем тебе моя поддержка? Ты можешь просто взять то, что пожелаешь!"

Вури Дуротил покачал головой. "Ты все еще не понимаешь. У меня нет желания завоевывать, но есть желание служить. Силы, которыми я обладаю, я использую на благо Эвермита".

"Согласно твоему свету", - язвительно сказал Дарторидан.

"Согласно моему праву". Обычно спокойный голос мага возвысился с внезапной страстью. "Клан Дуротиллов - самый древний и почитаемый из всех на этом острове. Наши предки правили Аривандааром, а до этого - самой Фейрией. Время Совета почти прошло. У Эвермита должен быть один правитель, достойный правитель из достойной и проверенной династии. А кто может быть лучше меня и моих?"

"Ты хочешь стать королем", - пораженно произнес Дарторидан.

Вури не стал возражать. "Я хорошо правил Сумбраром. Эвермит - моя заслуга. Но есть еще кое-что", - сказал он, прервав попытку Лунного эльфа возразить. "С помощью своей магии я могу смотреть среди звезд, под водой и в Круги, которые собираются в каждом уголке этого мира. Иногда, смутно, я улавливаю проблеск того, что будет. И это я говорю вам со всей уверенностью: У Эвермита будет король".

"И ты также предвидел, что этим королем станешь ты?"

Маг пожал плечами. "Возможно, я слишком многое предполагаю, стремясь занять трон Эвермита. Но более вероятно, что этим я лишь ускорю свою собственную судьбу. Я говорю тебе это, потому что ты - сильный голос в Совете. Твое слово далеко пойдет. Поклянись мне в верности сейчас, и взамен ты будешь владеть своими северными землями от имени короны. Ты получишь власть и почет, превышающие то, что большинство кланов серебряных эльфов могли бы надеяться достичь".

Прежде чем Дарторидан успел ответить, он почувствовал легкое давление на свое плечо. Он посмотрел вниз, на лицо своей жены. Она кивнула, ее прекрасные

черты были полны решимости. "Если присяга Дуротилу принесет честь и положение нашему дому, милорд, сделайте это немедленно".

Лунный эльф был слишком утомлен, чтобы спорить. Он не мог оспорить ни видение Вури, ни желание его жены занять влиятельное место при дворе. Разве он сам не желал того же? Разве не этого он желал всю свою жизнь?

"Согласен", - отрывисто сказал он. "Но остерегайся меня, если не будешь править хорошо".

Улыбка Вури была самодовольной. "На это мало шансов. Эвермит становится тем, кем он был предназначен быть. Рассвет, который вы видите перед собой, это рассвет новой и - простите за выражение - золотой эры".

14. Летящие Драконы

Лесные деревья сотрясались, когда Малар, Повелитель зверей, вопил в ночное небо о своей ярости. Рыча и проклиная, он метался по лесу и заставлял горы Фаэруна дрожать от отголосков своего гнева.

Этот глухой внутренний лес был теперь его пристанищем. Не для него были далекие острова и гневные морские волны. Он покончил с Амберли, а она - с ним.

Уже дважды морская богиня не оправдала ожиданий Малара. Не то чтобы Амберли не хватало власти, просто она была слишком капризна. Богиня не обладала такой целеустремленностью, как Малар. Она с таким же удовольствием терзала моряков у солнечных берегов Чалта, как и толкала человеческих пиратов в набег на Эвермит. Если одно начинание терпело неудачу, богиня просто пожимала белоснежным плечом и переключала свое внимание на другое. Моря Абир-Торила были широки, и один-единственный эльфийский остров не мог надолго задержать внимание Амберли.

Но Малар сомневался, сможет ли он когда-нибудь думать о чем-то другом. Прошедшие века мало что сделали, чтобы охладить его ненависть к эльфам или притупить желание увидеть, как Кореллон Ларетиан одержит верх. Однако становилось все более очевидным, что вторжение в Эвермит - дело непростое.

Наконец, устав от своих разглагольствований, Повелитель зверей опустил на землю. Прислонив свою черношерстную голову к стволу древнего дуба, он сел и уставился злобными красными глазами в черноту безлунной ночи. Ночь была такой же темной, как и все, что он видел. Тонкий слой облаков скрывал звезды. Это радовало Малара, ибо свет звезд был для проклятых эльфов источником радости и волшебства. В его нынешнем настроении он не нуждался в напоминании о неуловимых врагах.

Слабый, радужный проблеск света в восточном небе привлек внимание задумчивого бога. Он прищурился, пытаясь вспомнить, что в этом свете показалось ему таким знакомым. Внезапно годы пролетели, и Малар вспомнил далекое время, время ужасных разрушений от рук самых могучих охотников, известных этому миру.

Бог вскочил на ноги и помчался через лес. Он добежал до ближайшей горы и не останавливался, пока не оставил под собой линию деревьев. Наконец он встал на вершине горы. Перед ним расстиралось ночное небо - голая пустота тьмы, лишенная всякого света, кроме одного.

К этому времени высоко в небе возшла новая звезда, огромная и яркая настолько, что просвечивала сквозь туман. Она висела над горами, мерцая, как один багровый глаз. Малар вскинул руки и торжественно закричал. Все было так, как он и думал. Король-убийца вернулся.

Возможно, некоторые боги понимали ритм звезд и отмечали появление яркой красной звезды. Малар не был таким богом. Но он помнил одну вещь - одну очень важную вещь. По неизвестным причинам, когда Король-Убийца ярко сиял над Фаэруном, драконы собирались и улетали.

Наконец-то Малар знал, как лучше всего отомстить Эвермиту.

Бог начал танцевать в тусклом красном свете Короля-Убийцы. Нити божественной магии улетали на поиски последователей Повелителя зверей и проникали в сны тех, кто его слушал. Всем своим жрецам и шаманам Малар послал одно и то же сообщение:

Собирайте верующих. Пришло время Великой охоты.

* * * * *

Орда орков пронеслась через лес, не делая никаких попыток скрыть свое присутствие или заглушить звук своего приближения. Да и смысла в этом не было. Путь драконьего полета прошел над этой землей, оставив широкую полосу обугленного и безжизненного леса.

"Не знаю, зачем мы сюда приехали", - пробормотал молодой седобородый орк, шедший в конце процессии. Это был его первый рейд, и пока что он не оправдал его ожиданий. Великая охота, в самом деле! Им еще не удалось убить ни одного эльфа. Даже четвероногой дичи было мало.

Его спутник пожал плечами и переложил свое неочищенное копье на другое плечо. "Вапгард сказал - приезжайте, мы приехали".

"Здесь ничего не найти", - ворчал серый. "Зачем драконам вообще жечь лес?"

"Хмф! Ты не помнишь голодную зиму? Суровый снег. Слишком много волков пришло на юг. Оркам трудно найти дичь".

Серый орк хрюкнул. Конечно, он помнил. Он еще не был достаточно взрослым, чтобы считаться бойцом, но он был достаточно взрослым, чтобы охотиться. В его ушах еще звенели воспоминания об ударах матери, когда он день за днем возвращался в пещеру с пустым мешком.

"Что мы делали тогда?" - настойчиво спрашивал его собеседник.

"Ах!" Орк оскалил клыки в ухмылке, уловив смысл. "Одни орки жгут лес. Другие орки, многие-многие, ждут у реки".

"Я слышал, брат Вапгарда плавает на лодках по реке. В лодках много орков - больше, чем много. Они ждут. Мы идем позади". Орк остановил свой марш и воткнул копье в толстый слой пепла. Он поднял свои когтистые руки. "Они, мы", - сказал он,

жестикулируя сначала одной рукой, потом другой. Яростно ухмыляясь, он скрестил ладони.

"Разобьем их", - радостно согласился серый.

Воодушевленный таким образом, молодой орк без жалоб маршировал весь оставшийся день. К позднему вечеру орда оставила позади разрушенный лес. Древние обугленные деревья уступили место кустарнику, а затем лугу.

Впереди толпы раздался возбужденный вой, который прокатился по всей орде. Орки начали вырываться вперед. Серый ждал, пока волна движения докатится до него и даст ему пространство для бегства и убийства.

"Давно пора", - пробурчал он, когда наконец смог поднять копье. Он выбежал на луг, заметив, что трава не только высохла и стала ломкой от драконьего огня, но и запеклась от крови. Он остановился, чтобы не споткнуться о то, что, похоже, было окороком древесного буйвола. Вероятно, это было блюдо, выпавшее из пасти какого-то дракона.

К этому времени орда рассеялась, и орку стало лучше видно поле боя. Это было не то, на что он надеялся.

Поле было усеяно трупами - некоторые из них были лесными существами, которых драконы не съели, но большинство - эльфами. Некоторые были разорваны массивными когтями и клыками, некоторые взорваны драконьим огнем, другие расплавлены до костей кислотным дыханием черного дракона. За этой бойней было интересно наблюдать, но она не приносила ни удовольствия, ни насыщения. Молодой орк хотел убивать. Ему нужно было убивать.

Оскалив клыки, он стал метаться взад-вперед по полю, подражая старшим оркам, которые пинали и расталкивали эльфийские тела. Время от времени один из них находил еще дышащего эльфа. Каждая находка сопровождалась торжествующим воем и звоном дубин и копий.

Но молодой орк по своему статусу оказался слишком близко к задней части орды, и он опоздал, чтобы взять хоть один из трофеев, добытых в тот день. Когда, наконец, затихло поле боя, ему пришло в голову, что это вовсе не охота, не совсем охота. Они больше походили на воронов и волков, убивающих за драконами.

Серый пожал плечами. Вороны и волки - не такие уж плохие существа. И если он не смог убить эльфов сегодня, то завтра было почти так же хорошо. До реки оставалось полдня пути на юг. Вдоль берега реки располагалось большое эльфийское поселение. Хотя оно было укреплено стенами и магией, пасть оно могло достаточно легко. А как иначе? Лесные эльфы, лучники и бойцы, которые были передовыми защитниками города, все погибли. Более того, драконий огонь обычно следует по течению реки, и наверняка драконий огонь повалил часть стен, возможно, даже опрокинул эти нечестивые башни. А еще там было много-много орков, которые были в бешенстве от своей первой резни.

Завтра - эльфийский город. Завтра его ждет радость охоты и гордость за множество трофеев.

* * * * *

Чандрелл Дуротиль, могущественная дочь верховного советника Эвермита, вела свой Круг в очередном заклинании вызова. Даже сквозь глубокую концентрацию заклинания она слышала за окнами башни безошибочные звуки драконьего полета - стук огромных крыльев, крики и рев огромных существ, которые они издавали, кружась и проносясь.

Она также ощущала мощный треск магии, которая витала в воздухе. Во всем Абейр-Ториле ни одно существо, даже эльфы, не обладало такой магической природой, как драконы. Только возрождение драконьих всадников, объединение драконов и эльфов в невероятном магическом союзе, давало эльфам надежду на выживание против наступающих орд орков.

Эльфы Фаэруна были не единственным народом, страдавшим от бегства разъяренных драконов. Войны между расами драконов были долгими и дорогостоящими. Теперь злобные драконы юга - в основном красные драконы, с несколькими меньшими, но не менее смертоносными черными - собрались в почти беспрецедентном количестве для миграции на север. По пути они намеренно уничтожали владения миролюбивых вирмов. Бронзовые драконы обнаружили, что их озера превратились в клубы пара и потрескавшиеся, безжизненные русла. Огненные струи плавил скалы, запечатывая входы в пещеры серебряных и золотых драконов и загоня многих существ в ловушку.

Чандрелл была в числе первых эльфов, прошедших через новые ворота, которые в последние годы соединили Эвермит с материком. Ее муж, новоприбывший и дальний родственник, носивший имя Дуротил, помог установить врата между Эвермитом и городом, где он родился.

Теперь город лежал практически в руинах. Когда-то это было прекрасное место, защищенное стенами и мощной магией, расположенное на берегу широкой, полной форели реки. Драконий огонь уничтожил фермы и леса за городом и проделал огромные бреши в стенах. Целый квартал лежал в дымящихся руинах. Только митал, мощный магический щит, уберег город от полного разрушения.

Но башня все еще стояла. Высшие маги присоединились к десяткам других магов, присланных из Эвермита, чтобы помочь укрепить башню. Они произносили мощные заклинания, вызывая и связывая добрых драконов. В древние времена драконьи всадники тренировали своих питомцев с самого рождения, связывая их глубокими и мистическими узами. Сейчас на это не было времени.

Крики восторга, доносившиеся из города внизу, оповестили волхвов об успехе. Чандрелл умело перекрыла поток силы и освободила магов от их коллективного заклинания.

"Пришли еще семеро", - сказала она голосом, в котором все еще дрожала сила. "Теперь драконов хватит на всех нас".

Вместе с другими магами Чандрелл поспешила из башни, чтобы поприветствовать новоприбывших. Один из драконов, золотая самка, шагнул вперед и склонил свою массивную голову в знак уважения к Верховному магу.

"Мы слышали, что ты собираешься сделать", - объявила драконица голосом, от которого содрогнулась Башня. "Это безумие".

"Это необходимо", - настаивала Чандрелл. "Твой народ не может сражаться со злыми драконами в одиночку, да и мы тоже. Нам нужна ваша сила полета, чтобы

догнать и окружить тех, кто летит на север. Вам нужна наша Высшая магия, чтобы остановить их".

"А когда они будут убиты? Что тогда?"

"Тогда ваш род снова сможет жить в мире, а мы, эльфы, сможем отстроить наши города".

Дракон покачал золотой головой. "Так много силы, так мало мудрости", - пробормотала она.

"Ты не поможешь нам?" наредила Чандрелл.

"У нас нет выбора. Твоя магия заставила нас прийти - она заставляет большинство из нас служить".

Это было не то одобрение, которое хотелось бы получить Чандрелл, но оно должно было сработать. Маг быстро объяснила вновь прибывшим драконам их роль в плане. Наспех сделанные седла были принесены и пристегнуты к существам. Сегодня был тренировочный полет. Он мог быть только один.

Волнение смешалось с трепетом, когда Чандрелл забралась на своего дракона. Драконьи всадники использовали магию на протяжении веков, но никогда прежде Круг не пытался объединиться верхом на драконах!

Крылья существа раскрылись с громким, гулким треском. Не успела Чандрелл перевести дух, как дракон взмыл в воздух.

Будучи Верховным магом Эвермита, за годы работы в Башнях Аривандаара Чандрелл повидала немало чудес. Но ни одно из них не сравнится с полетом дракона по силе восторга. Они взмыли ввысь, словно падающая звезда в обратном направлении. Через несколько мгновений город стал туманным, как забытый сон, а река - просто лентой. Эльфийка откинула голову назад и рассмеялась навстречу набегающему ветру.

Когда под ними появились облака, похожие на курганы снега и тумана, дракон выровнялся и начал кружить. Другие драконы прорвались сквозь облака и один за другим встали в строй. Настало время начинать заклинание.

Чандрелл погрузилась глубоко в себя, ища магию, которая текла через нее, и с ее помощью потянулась к разумах других магов. Одного за другим она втягивала их в Плетение. Эльф собрал нити и сплел их в единое заклинание разрушения - самое мощное заклинание с тех пор, как в легендарные времена была разрушена Единая земля.

С рассветом следующего дня Высшие Маги и их драконы собрались для последних приготовлений. Настроение у них было мрачное, несмотря на то, что испытание заклинания прошло успешно. Возможно, потому, что все прошло так хорошо. Масштабы разрушений, которые им предстояло вскоре развязать, было нелегко осознать.

Тем не менее, более сотни пар драконов и всадников поднялись в воздух в то утро. Они поднялись высоко в небо, пока не оказались над рассветными облаками, а затем с магически усиленной стремительностью полетели на север.

Проследить путь драконьего полета было несложно. Иногда в поисках добычи для подпитки своего полета, иногда просто из любви к разрушению, злые драконы сжигали землю и убивали всех существ, которых находили. Эти драконы были

черно-красными, и на обугленной и пропитанной кровью земле они оставляли мрачное отражение самих себя.

Перед восходом солнца всадники настигли свою добычу. Орда злобных драконов пронеслась низко над землей, затеявая свою оргию разрушения. На такой высоте ветры были капризны, воздух был густым от смеси утреннего тумана и дыма от горящих лесов. Злые драконы не могли лететь так же быстро, как те, кто их преследовал.

По сигналу Чандрелл всадники рассредоточились и начали образовывать широкий круг над ордой драконов внизу. Они летели аккуратным строем, словно огромная стая сверкающих золотом и серебром гусей.

Эльфийские маги начали песнопение, призывая магию и вращая ее в головокружительном круге. Вместе они образовали вихревой конус из воздуха и магии, бурю, превосходящую все, что знал мир, и послали ее вниз, к драконам.

Не было ни предупреждения, ни времени, чтобы мигрирующие драконы успели отпрянуть от атаки. В одно мгновение воздух наполнился звуками, которые они создали сами: гул и треск горящего леса, далекие крики страха и боли лесных существ внизу, их собственный торжествующий рев. Все они были приглушены, внезапно и полностью, нисходящим конусом магии.

Вихревые ветры подхватили драконов и беспомощно закружили их. Многие из них погибли в первом внезапном порыве взрывного звука и силы. Их огромные тела служили дубинками, когда ветер хлестал их по еще живым товарищам.

На этом разрушения не закончились. Горящие деревья вырывались с корнем и засасывались в вихрь. Через несколько мгновений вихревое облако приобрело жуткий красновато-серый оттенок - смесь дыма и кровавой бойни.

Золотые и серебряные драконы наверху инстинктивно отпрянули от силы, оказавшейся среди них, опасаясь, несмотря на успех предыдущего дня, что их самих может затянуть в бурлящую, убивающую магию.

Но так же внезапно, как и появился, вихрь угас. Ужасная черно-багровая буря обрушилась на разрушенную деревню, когда убитые драконы - возможно, целых две сотни - были выпущены из страшного вихря.

И так же внезапно Чандрелл пала. Магия, которую она создала, исчезла. Впервые в жизни заклинание исчезло слишком быстро, чтобы она успела осторожно отвести его. Она смутно заметила, что ее руки все еще держат поводья дракона, что лес внизу все еще проносится мимо в головокружительной мгле драконьего полета. Ее смертное тело было в безопасности, но, тем не менее, она падала.

Инстинктивно маг поняла, что произошло. Смерть стольких драконов, стольких магических существ сильно разорвала ткань Плетения. Ее собственная магическая сущность, которая была неразрывно связана с произнесением этого заклинания, была вырвана из мира смертных вместе с драконами, которых убила ее магия. Она была мертва. Ее тело просто еще не успело осознать эту реальность.

Словно со стороны, Чандрелл увидела, как ее форма становится полупрозрачной и исчезает в клубах золотистого света. Ее дракон казался ошеломленным и растерянным от внезапного разрыва магической связи, которую они разделяли. Существо дико вильнуло в сторону - прямо на путь почтенного серебряного дракона.

Грохот от удара разнесся над разрушенной землей. Эльфийский всадник серебряного дракона был отброшен; конечности мага затекли, и он беспомощно и неосознанно покатился вниз, к надвигающейся земле. Пара драконов беспомощно схватилась, пытаясь высвободиться из путаницы крыльев и эльфийских одежд;

Слишком поздно они расстались. Как раз в тот момент, когда дракону Чандрелл удалось расправить крылья, массивный, зазубренный ствол сосны вонзился в ее тело, словно копье. Уязвленный дракон недолго сопротивлялся, а затем обвис, сверкая потускневшим золотом на фоне обугленного ландшафта. Серебряный дракон перешел в парение, но лететь ему было некуда. Неподалеку высоко и жарко полыхало пламя, раздуваемое шквалистым ветром. Короткий и отчаянный полет дракона закончился густым клубом черного дыма и засасывающим ветром, который унес его в трещащий ад.

* * * * *

Вури Дуротиль, Верховный советник Эвермита, молча выслушал мрачные вести, принесенные из башни Сумбара.

Полет драконов прокладывал свой путь на север через Фаэрун, опустошая землю. Многие эльфийские поселения пали, став жертвой либо драконов, либо хищных орков и гоблинов, которые следовали за ними по пятам.

"А что с драконьими всадниками?" - спросил он. "Моя дочь Чандрелл прислала весть о своем плане. Мы послали множество Высших Магов, чтобы поддержать ее".

Его слова встретила долгая тишина.

Старый друг мага, Бриндарри Ньерде, поднялся почти так же высоко в избранном им деле, как и Вури. Воин Золотой эльф теперь командовал не только Сумбаром, но и всеми бойцами Эвермита.

Маг вздохнул и откинулся в кресле. Он слишком хорошо знал этот огонек в глазах своего друга Бриндарри - почти маниакальное стремление к битве. Очевидно, у эльфийского воина был план. "Что ты рекомендуешь?"

"Мы не можем игнорировать страдания Людей. Между островом и материком есть несколько магических ворот. Я предлагаю создать еще. Много больше."

"Их нелегко создать, и их нельзя использовать легкомысленно. Стоимость магического путешествия высока".

"А стоимость, которую платят материковые эльфы, не высока?" - возразил Бриндарри. "Мы должны посылать воинов для борьбы с орками и Круги Высших Магов для борьбы с драконами".

"А как же Эвермит? Если мы поступим так, как ты предлагаешь, его оборона будет опасно ослаблена".

Бриндарри фыркнул. "Думаю, нет. Под вашим руководством остров был защищен от всех возможных нападений. Когда в последний раз кто-нибудь видел скрагов или сахуагинов? Когда в последний раз вражеский корабль приближался к острову? Между Хранителями и флотом Звездокрылов ни один враг не сможет приблизиться".

"Скажи, что я согласен с тобой", - предложил Вури. "Даже если так, совет почти наверняка не согласится".

"Тогда распустите совет. Их время прошло".

Маг обдумал это. Эльфийская традиция издавна считала лучшим органом управления совет старейшин, орган, который давал бы советы через коллективную мудрость, а не принуждал к их выполнению через власть. Хотя Люди почти всегда следовали указаниям совета, они придавали большое значение индивидуальному мышлению и свободе личного выбора. Эльфы Эвермита будут яростно сопротивляться любым попыткам урезать эти давние права.

С другой стороны, известие о бедах на материке заставило бы многих эльфов броситься к оружию. Некоторые из них прожили в Эвермите совсем недолго, и у многих из этих новичков были ближайшие родственники, живущие в районах, пострадавших от драконьего огня. Другие эльфы твердо придерживались принципа единства Народа и сражались за чужака так же яростно, как и за своих сородичей. И независимо от личных обстоятельств, все эльфы Эвермита разделяли чувство судьбы и своего места в ней. Эвермит представлял собой надежду и убежище для всех эльфов. Во времена такой тьмы надежда должна быть принесена эльфам, которые были слишком осаждены, чтобы искать ее. Даже если бы Совет решил иначе, эльфы, если бы их немного подбодрили, почти наверняка в огромном количестве пришли бы на помощь своим далеким сородичам.

И когда Эвермит был почти опустошен от воинов и магии, когда благородные кланы, занимавшие места в совете, были заняты в других местах, Вури Дуротиль провозгласил бы себя королем. И кто бы возразил ему, когда битвы закончились? Даже самый сварливый серый эльф в совете не мог поспорить с успехом.

"Начинайте собирать свои силы", - сказал Вури. "Мы призовем Круги и сразу же начнем создание врат".

В разрушенном эльфийском городе Бриндарри Ньерде стоял наготове со своими воинами. В первые мгновения полета дракона Чандрелл Дуротиль заметила наступающих орков и передала ему весточку через один из говорящих самоцветов своего отца. Бриндарри был готов, даже жаждал начала битвы.

Всю свою жизнь он прожил на Эвермите, и поэтому ему никогда не доводилось сражаться с традиционным врагом народа. В его воображении этот день стал бы для него и его друзей повторением легендарной битвы Кореллона Ларетиана и Груумша Одноглазого. Его эльфы победят так же уверенно, как и Кореллон, и они присоединятся к легендам и славе эльфийского бога битвы.

Внезапно чувства золотого эльфа странно покалывало. Что-то изменилось, что-то важное. Ощущение было такое, словно дождь и туман летнего ливня исчезли в мгновение ока, оставив небо совершенно сухим и чистым. Для фейских чувств эльфа воздух вдруг стал казаться тонким. Пустым.

"Митал", - вздохнул эльф, поняв, что произошло. Магический щит, защищавший город от полного разрушения, больше не существовал.

На мгновение воина охватила паника. Он был уверен в своих силах и силах своих эльфийских бойцов, но понимал, что цена неудачи будет огромной. Если защитники падут, ворота в Эвермит останутся открытыми. Бриндарри и представить себе не мог, что на остров могут ступить орки.

Воин взял в руки говорящий драгоценный камень, связывавший его с Чандрелл Дуротиль. Камень был холоден и молчалив, магия исчезла. Чандрелл была мертва.

Драконьи всадники не вернутся, чтобы использовать в битве свою комбинацию драконьей и эльфийской магии.

Бриндарри владел еще одним магическим камнем, еще более могущественным. Он достал из-под туники золотой кулон и направил всю свою волю на большой гладкий камень, вставленный в него. Через мгновение перед ним возникло угловатое лицо Вури Дуротила.

Времени на слова, на объяснения было мало. Город уже оглашался лязгом оружия вдоль проломанных стен и тупым стуком бомбард, когда орки пытались отбить ворота на берегу реки.

"В чем дело, друг мой?" потребовал Вури. "Я слышу битву. Тебе нужна помощь? Больше воинов, магия? Что я могу сделать?"

В этот момент огромные деревянные ворота раскололись, и орки хлынули через городскую стену, как вода через прорванную плотину. Бриндарри выхватил меч и произнес последние слова своему самому дорогому другу.

"Есть только одно, что ты можешь сделать. Закрой Врата в Эвермит".

* * * * *

Прошло два дня, прежде чем семь драконов и их эльфийские напарники, прихрамывая, вернулись в город. Выжившие нашли реку, загрязненную телами тысяч убитых, улицы, красные от засохшей крови, красивые здания, превращенные в руины. Даже Башня, одна из самых гордых традиций Высшей Магии древнего Аривандаара, была повалена и разрушена.

В ту ночь эльфы разбили лагерь в разрушенном городе. Даже драконы расположились на ночлег в пустых дворах и на разрушенных рыночных площадях, пытаясь залечить раны и собраться с мыслями. Фейские существа, выжившие в битве с драконьими всадниками, были ошеломлены и оглушены последствиями заклинания.

Никто из оставшихся магов не мог решить, что делать дальше. Магические врата были закрыты - они не могли вернуться в Эвермит таким способом. Маловероятно, что в ближайшее время будут созданы новые врата. Островное королевство лишилось как волшебников, так и воинов. У немногих оставшихся на Эвермите Высших Магов была другая, более неотложная работа, а воинов было слишком мало, чтобы защитить новые врата от возможного вторжения. Ясно было одно: личная сила каждого оставшегося в живых мага была уже не та, что прежде. Уничтожение злых драконов, возможно, и спасло множество эльфийских жизней, но ущерб, нанесенный ткани Плетения, был непомерен.

В последующие годы оставшиеся в живых маги Эвермита разлетелись, как осенние листья. Некоторые остались у реки, чтобы восстановить город, или ушли в лес в поисках других эльфийских поселений. Другие были очарованы и околдованы, почувствовав вкус драконьего полета, и остались, чтобы создать связь со своими драконьими питомцами.

Вскоре после того, как багровая звезда, известная как Король-Убийца, бесследно исчезла с небосклона, в небесах появилось новое чудо. Россыпь маленьких

светящихся огоньков стала следовать за луной по ночному небу, как гусята за своей матерью.

Поэты называли это явление слезами Селуны. Никто не знал наверняка, что это такое и что они означают. Некоторые эльфы умилились, вспомнив легенды, утверждавшие, что Люди родились от смешения крови Кореллона и слез луны. Уменьшающееся число Людей, уничтожение стольких их древних культур - все это, утверждали они, должно было закончиться.

Другие утверждали, что слезы Селун были знаком благосклонности богов, знаком одобрения огромных высот, которых достигли эльфы в своем мастерстве магии.

На самом же деле появление этих небесных тел означало конец эпохи.

Медленно, неумолимо Высшая магия исчезала с лица земли. Несколько изолированных анклавов такой магии все еще оставались: Лес Дартиир, Зимний лес, Запутанный лес, Эвермит. Среди эльфийских провидцев были те, кто предсказывал, что вскоре подобная магия сможет твориться только в Эвермите. По мере того как это мрачное предсказание становилось все ближе и ближе к исполнению, островная гавань приобрела для эльфов совершенно новое значение.

Вури Дуротиль ошибался во многих вещах. Он так и не взошел на трон Эвермита, хотя он и его потомки контролировали совет в течение многих лет. Ресурсы Эвермита были не безграничны, как показала попытка спасения.

Но в одном Дуротиль был полностью прав: Для эльфов начиналась новая эра. Но это будет не золотая эра, как он себе представлял, а время великих бед и смятения. Значение Эвермита росло по мере того, как неуклонно увеличивались беды эльфов материка.

Многим эльфам казалось, что слезы луны - то самое, чему легенда приписывает рождение эльфийского народа, - вполне могут означать их конец на Фаэруне.

11 день Фламерула, 1368 ЛД

Атол из Кэндлкипа передает привет Данило Танну. С неохотой.

Очень хорошо, я прочитал ваше последнее письмо, и предыдущее, и несколько предшествующих. По правде говоря, я содрогаюсь при мысли о том, какими должны быть ваши счета за пергамент и чернила.

Но так, я полагаю, и должно быть. Если вы хотите выполнить эту задачу и сделать ее хорошо, вы должны быть неустойчивы и плодовиты в поисках информации. Однако это не означает, что вы не можете быть кратким.

Начните с того, что избавьте меня от изысканных приемов и лести. Хотя я не сомневаюсь в вашей искренности, подобные любезности только раздражают меня. Возможно, это потому, что я слишком хорошо помню те времена, когда вы настаивали, что та, кто назвал меня по имени, должна была говорить с придыханием.

Как бы то ни было.

Я сожалею, что не могу прислать вам книгу, которую вы просили. Это древняя книга, возможно, одна из пяти самых старых в этой библиотеке, и ее хрупкие страницы и переплет не выдержат путешествия. Лучшее, что я могу сделать, это нанять писца, чтобы он переписал ее для вас. Здесь прилагается несколько образцов страниц. Если вы удовлетворены усилиями, я найму ее для завершения работы. Разумная плата за такую работу - 5 000 золотых - это было бы значительно больше, но писец - студент первого курса.

И да, выражаясь твоими юношескими изречениями, я все равно дешевле, чем уродливая куртизанка. Хотя, признаться, причина, побуждающая к бережливости, от меня ускользает; в конце концов, я трачу ваши деньги, а не свои.

Вместе с этим письмом я возвращаю чернильный порошок, который вы мне прислали. Возможно, он действительно светится в темноте, но у меня нет желания стоять на том месте, где меня однажды поразила молния.

Далее следует отрывок из книги "Клинка и Кровная Честь", которую вы просили.

С уважением,

Атол Безбородый

** * * * **

Это было время мужчин.

Многим эльфам казалось, что люди процветают во всем, даже когда они, дети Кореллона, увядают.

В то время как число Эльфов уменьшалось, словно песок в песочных часах, человечество пополняло свои ряды с неприличной скоростью. Эльфийские общины отступили в леса, а люди распространились по всем землям и во всех климатах. Когда Высшая Магия стала редкой и тайной, человеческие маги обнаружили древние свитки, позволявшие им за несколько коротких лет жизни достичь невероятных уровней могущества. Могущественные человеческие королевства возвышались и падали. Сказочный Незерил стал воспоминанием, но из его пепла поднимались маглорды, чтобы командовать поселениями и городами северных земель. Люди проникали даже в глубь леса, стремясь поселиться среди древних деревьев и приятных далей, которые были последним оплотом эльфов на Фаэруне.

Повсюду контакты между эльфами и людьми усиливались. Полу-эльфы, некогда редкие и жалкие существа, которые почти всегда были результатом военных преступлений, становились почти обычным явлением. Эльфы, как народ, не знали, как относиться к этим событиям, и не были едины во мнении, как лучше поступить с вездесущими людьми. Однако в одном все были согласны: Эвермит должен оставаться священным для Эльфов.

Немногие люди знали об Эвермите. Большинство тех, кто слышал сказки, считали остров эльфийской фантазией, легендарным местом чудес, красоты и гармонии. Но было несколько человек, в основном мореходы, которые имели основания знать, что в далеких западных морях что-то существует. Тех, кто отваживался зайти слишком далеко в сторону заката, встречали ужасные штормы, отряды воинственных морских эльфов и всевозможные магические преграды. Эти сердечные

люди - те немногие, кто пережил эти встречи, - стали чаще говорить о богатом островном королевстве в море.

Возникший образ Эвермита был окрашен опытом общения людей с эльфами Фаэруна. Люди думали, что остров, если он вообще существовал, был местом безмятежной красоты и абсолютной гармонии, где эльфы объединялись в своем стремлении к магическому и воинскому искусству и созерцали чудеса неба и леса.

На самом деле все обстояло совсем иначе.

На протяжении тысячелетий знатные семьи золотых эльфов Эвермита соперничали за контроль над правящим Советом старейшин. Чаще всего верх брал клан Дуротилов, но это право решительно оспаривали семьи Ньерде, Нимесин и Старим. Лунные эльфийские кланы также не были довольны тем, что их позиции власти и влияния остаются неоспоримыми.

Споры между расами и кланами никогда не перерастали в войну, но остров стал кишачим интригами. Эльфийская культура, которая когда-то была сосредоточена на создании красоты и обеспечении надежной защиты, вместо этого сосредоточилась на искусстве политических маневров. Клань соперничали друг с другом в богатстве, вооружении и накоплении магического оружия.

Вполне предсказуемо, что в это время самым могущественным очагом эльфийской культуры стал вовсе не Эвермит, а лес Кормантир. Когда амбициозные золотые эльфы поняли это, многие из них стали покидать остров и селиться в растущих городах Кормантира.

Но даже там между этими кланами возникли разногласия. Эльфы Ньерде в целом были готовы пойти на компромисс с лунными эльфами и лесными эльфами, которые продолжили их дело. Они даже терпимо относились к вторжению людей, халфлингов и dwarфов в лесное сообщество. Но более ксенофобски настроенные кланы Золотых - среди прочих Старим, Нимесин и Ни'Тессин - громко заявили о необходимости изоляции.

После долгих дебатов Совет эльфов Кормантира открыл лесные земли для поселения людей. Стоячий камень был воздвигнут как памятник миру и сотрудничеству между многочисленными расами. Эта часть истории хорошо известна. Но задолго до этого года, года столь великих событий, что он стал мерилом, по которому отсчитывается время, произошли другие, более тайные события, которые должны были определить ход развития эльфийской расы.

Когда долгие разрушения, вызванные Войнами Короны, наконец, подошли к концу (около -9000 года по Летоисчислению Долин), некоторые эльфы забеспокоились, что подобный период раздоров может снова наступить в долгой истории эльфов. Они были полны решимости сделать все, что в их силах, чтобы предотвратить такое бедствие.

В это время в Кормантире жил древний эльфийский провидец Этландо, выживший из древнего королевства Аривандаар. Он считал, что растущий раскол среди эльфов может привести к всеобщей гибели. Этландо прожил намного больше обычных для эльфа лет, и ему было уже далеко за второе тысячелетие жизни. Считалось, что у него была особая связь с Селдарином, ибо видения, которые он получал, оказывались непогрешимыми. Даже в мелких делах его слово пользовалось

большим уважением в стране. Часто к его мнению прислушивались и следовали ему, когда требовался арбитраж между более спорными кланами.

В те годы, когда судьба Кормантира все еще горячо обсуждалась, Этландо заявил, что Эвермитом должна править одна королевская семья - такова, по его словам, воля богов. План, который он изложил для выбора этого клана, был настолько сложен, настолько зависел от магии, недоступной смертным магам, что Совет решил, что Селдарин действительно говорил через провидца.

Однако в одном вопросе они остались непреклонны: Этландо настаивал на том, что только кланы лунных эльфов могут претендовать на эту честь. Но в Кормантире властвовали золотые эльфы, и правящий класс постановил, что все благородные кланы - за исключением, разумеется, эльфов дреу, - желающие претендовать на трон Эвермита, могут это сделать.

Было выбрано триста мастеров-оружейников, и каждому из них было поручено создать один меч. Хотя каждому ремесленнику была дана свобода в изготовлении, некоторые вещи должны были быть неизменными. Все они должны были быть обоюдоострыми мечами, а рукоять каждого из них должна была быть украшена крупным лунным камнем. Из всех драгоценных камней, известных эльфам, лунный камень был самым чистым, самым текучим проводником магии. Однако мастера меча не должны были наделять оружие никакой магической силой. Это, настаивал Этландо, произойдет, когда придет время.

К году Стоячего камня мечи были завершены. В свое время проблема эльфийской королевской власти была решена без вопросов и споров.

Прелюдия: Глубокие Тени

1371 ЛД

Серебряный дракон опустился на Сумбар и с опасной скоростью полетел прямо к высокой округлой башне. Она была Хранительницей, и ее задачей было предупредить эльфов о приближающейся опасности. У нее были основания опасаться, что ее предупреждение может быть уже слишком запоздалым.

Ее сверкающие крылья бились о воздух, пытаясь остановить отчаянный полет, а когтистые лапы цеплялись за причудливую резьбу, опоясывающую округлую куполообразную крышу башни Сумбарара. Дракон опустил крылья на гладкие каменные стены, чтобы укрепить свой насест, а затем выгнул шею, чтобы заглянуть в высокое арочное окно верхней башни. Там собрались маги, чтобы творить магию Круга. Она лишь надеялась, что они не умрут от страха при внезапном появлении в их окне ее огромного, чешуйчатого серебристого облика!

Но, к ее удивлению, палата была пуста. Тишина. Ни один маг не собрался, чтобы встретить грядущую угрозу. Первой мыслью дракона было, что они не знают. Затем ее чуткий слух уловил грохот в глубине пещер Сумбарара, а чувства обострились от всплеска магии, исходившей из глубин острова-заставы.

Пока Хранительница наблюдала, шесть древних драконов вышли из своего векового сна и поднялись в небо. Она с благоговением наблюдала, как легендарные герои ее народа поднялись в воздух, словно со страниц учебников по истории. И все же ее удивление пересилило глубокое чувство ужаса. Было написано, что только во времена глубочайшей опасности Спящие могут быть призваны.

Хранительница расправила свои серебряные крылья и поднялась в небо, взяв курс на Орлиные Холмы. Там она разыщет драконьих всадников и узнает, какая судьба постигла ее эльфийского напарника. Шонассир Дуротиль не откликнулся на ее безмолвный зов. И хотя она боялась ответа, ей необходимо было знать, что грозит ей - да что там, всему Эвермиту.

* * * * *

Далеко от берегов Эвермита, в совсем другой башне, стоявшей в тени единственной горы Глубоководья, еще одна из хранительниц Эвермита откинула назад свою серебристую голову и издала вопль, смешанный со страданиями и разочарованием.

Хелбен Арунсун, человеческий маг, управлявший этой башней, вышел вперед и осторожно оторвал сцепленные пальцы хранительницы от позолоченной рамы ее зачарованного зеркала.

"Это бесполезно, Лаэраль", - твердо сказал он, взяв женщину за плечи и повернув ее к себе лицом. "Везде одно и то же. Все врата в Эвермит были заперты. Ни ты, ни я, ни кто-либо другой ничего не может сделать, чтобы изменить это".

"Но эти эльфийские врата - другое дело! Никто не должен быть в состоянии закрыть их. Разве ты не помнишь, как мы боролись, чтобы просто скрыть и переместить их?"

"Если бы хоть что-то в этом мире происходило так, как должно, а не так, как происходит, возможно, мы все погибли бы от потрясения", - сказал Хелбен без тени юмора. "Лаэраль, я бы все отдал, лишь бы было иначе. Ты должна принять, что битва за Эвермит находится в руках ее Народа".

Женщина застонала и погрузилась в объятия архимага. "Мы можем все изменить, Хелбен. Ты и я, мои сестры. Должен же быть способ, которым мы можем помочь!"

Маг погладил серебристые волосы Лаэраль, странный оттенок которых свидетельствовал о ее эльфийском происхождении и служил напоминанием об узах, связывавших женщину с Эвермитом. Как ни странно, человеческий маг и эльфийская королева давно стали закадычными друзьями, и Лаэраль носила на пальце один из эльфрунов, который называл ее доверенным лицом королевы Эвермита. Но даже магия кольца умолкла, его фейский свет погас из-за странной дымки, опустившейся на далекий остров.

Эвермит был поистине одинок.

"Доверься эльфам, - призвал ее маг. "Они пережили много штормов, и, возможно, в этот раз найдут дорогу к порту".

Лаэраль выскользнула из объятий Хелбена. "Это еще не все", - прошептала она, когда слезы начали литься по ее щекам. "О, это еще не все. Я никогда не рассказывала тебе о Море....".

* * * * *

Пролетая высоко над деревьями Эвермита, Мора вцепилась в кулак с золотыми перьями и низко склонилась над шеей огромного орла. Ее черные волосы развевались от порывов ветра, а лицо было мрачным, когда она осматривала землю внизу в поисках признаков полета эльфа-еда.

Наконец она увидела чудовище, когда оно врезалось в ручей, посылая вверх брызги воды и летящие капли, которые коротко сверкали в ярком утреннем свете.

"Сюда!" - крикнула она своему орлу, осмелившись отпустить одну руку, чтобы указать на него. "Следуй за этой штукой!"

"Ооо. Большой жук", - прокомментировал орел, разглядывая куполообразный панцирь чудовищного эльфа-еда. "Расколем панцирь, получим мясо для многих орлов. Мы, двое неэльфов, справимся с этим?"

"В конце концов. Сначала мы должны пролететь мимо него к роще Кореллона и предупредить тамошних эльфов о его приближении. Ты знаешь, где она находится?"

"Хмф! Я знаю, где находится каждая кроличья нора. Ты скажешь, я найду. Скоро сразимся, да?"

"Скоро", - согласилась Мора.

Орел резко накренился, когда пожиратель эльфов повернул на восток. Мора вцепилась в перья птицы, когда орел удвоил усилия. От скорости у нее перехватило дыхание; одна только сила биения его крыльев едва не сорвала ее с насеста.

Как ни быстр был орел, прошло несколько мгновений, прежде чем гигантская птица смогла обогнать чудовище. Казалось, пролетела вечность, прежде чем Мора заметила эльфийские храмы.

"Усадите меня вон там", - крикнула она, указывая на куполообразную святыню из зеленого хрусталя.

"Не садись там", - возразил орел. "Увидишь врага эльфов у реки, много-много. Рыбы-люди, очень плохие. Мы сразимся сейчас, да?"

"Сражаться сейчас, нет!" закричала Мора, отпустив одну руку, чтобы ударить орла по спине. "Сначала предупредите эльфов!"

Птица бросила озадаченный взгляд через плечо. "Ты смешно говоришь".

Мора вскрикнула от чистого разочарования. Она наклонилась вперед и громко и быстро заговорила в ухо орлу. "Твой народ знает о короле эльфов? Так вот, его дочь находится там, в одном из этих зданий. Если мы не уведем ее, большой жук съест ее!"

Орел издал пронзительный крик, который по ярости сравнялся с криком Меры, а по силе превосходил его. "Жук не съест эльфийку Заора", - мрачно пообещал он. Без всякого предупреждения он сделал круг, а затем с криком нырнул в воду.

Бушующий ветер рвал на Море одежду и застилал ей глаза до слепоты. Она зарылась лицом в перья на шее орла и изо всех сил прижалась к нему. Внезапный, неистовый стук крыльев о ветер предупредил ее о скором приземлении. Она

подняла голову и прищурилась. Ее глаза широко раскрылись, не обращая внимания на болезненный ветер.

Они летели прямо к разинутой пасти эльфа-еда.

Мора мало что могла сделать, но она инстинктивно схватила с пояса нож, чтобы бросить его в зияющую, хищную пещеру - хотя и сомневалась, что это причинит чудовищу хоть малейшее неудобство. Не было у нее уверенности и в том, что атака орла окажется результативной. Очевидно, существо считало, что его огромных крючковатых когтей и раздирающего клюва вполне достаточно для решения этой задачи. В отличие от Моря, он не видел эльфа-еда за работой.

"Вверх! Вверх!" - закричала она.

Орел откликнулся на настоятельную просьбу в ее голосе. Он наклонил крылья, чтобы под ними возник поток ветра, и начал подниматься в парящий полет.

Слишком поздно. Длинное щупальце метнулось вперед и схватило орла за ногу. Птица болезненно резко остановилась. Мора не успела. Она пролетела над головой орла и с сокрушительной силой приземлилась среди цветов одного из храмовых садов.

Не обращая внимания на боль, пронизывающую все конечности, женщина вскочила на ноги, держа кинжал наготове.

Брызги золотых перьев наполнили воздух, смешиваясь с яростными криками пойманного орла. Гигантская птица отважно сопротивлялась, но, несмотря на все ее усилия, чудовище медленно, неумолимо влекло ее в свою прожорливую пасть. Мора высоко подняла кинжал и бросилась вперед.

"Не надо!" - предупредил орел, когда его свирепые глаза упали на своего собрата "не-эльфа". "Иди и найди эльфийку Заора!"

На мгновение женщина заколебалась. Не в ее характере было бросать союзника или уклоняться от битвы.

"Вперед!" - закричал орел. Он резко дернулся в сторону чудовища. Раздался ужасный хрустящий звук, а затем его массивные крылья обмякли.

Мора повернулась и побежала к башне, где находился храм Ангарадха. Но уже на бегу она поняла, что, скорее всего, опоздала. Если бы Илайрана была похожа на своего младшего брата, она не стала бы использовать свою духовную магию, чтобы бежать отсюда. Принцесса попытается остановить пожирателя эльфов, даже ценой своей жизни.

Мора вдруг обнаружила, что полностью согласна с этим, хотя смерть Илайраны означала бы, что Мора почти наверняка уступит Ламруилу обязанности своего клана и его короны.

От этой мысли в груди у нее заныло, но почему-то ее печаль казалась мелочью по сравнению с тем злом, которое грозило ее приемному дому. Она всем сердцем понимала выбор, который сделал Ламруил, и выбор, который почти наверняка сделает Илайрана. Мора не могла поступить иначе. Если бы она могла помочь Илайране, она бы сделала это.

* * * * *

Волна за волной захватчики-сахуагины обрушивались на берега Эвермита, переполняя эльфийские корабли и проскальзывая сквозь них, чтобы сразиться с эльфами в рукопашной схватке на окрашенных в красный цвет берегах.

Два дня длилась битва. Когда, наконец, часть тварей прорвалась мимо эльфийских защитников, они устремились вглубь страны, попали в реку Ардулит и поплыли в самое сердце Эвермита. За ними плыли скраги, ужасные твари, которые с мрачным наслаждением пожирали любое существо, попавшее под когти и трезубцы рыболодей.

По дороге жители деревень и рыбаки собирались для битвы. Костры усеивали берега Ардулита, и облака маслянистого дыма поднимались в небо, когда эльфийские бойцы предавали пламени убитых морских троллей.

В водах за берегом Эвермита морские эльфы изо всех сил пытались сдержать приливную волну захватчиков. Но и они были застигнуты врасплох массовой и многосторонней атакой. Те морские эльфы, что были в дозоре, сражались как могли, но все остальные оказались заперты внутри своего кораллового города осаждающими силами огромных размеров. Кракен и драконья черепаха, патрулировавшие воды, хорошо питались, но даже они не могли сдержать стаи морских существ, нахлынувших на эльфийские берега.

Эльфийский флот, это чудо морей, действовал несколько лучше. В водах за магическими щитами Эвермита, эльфийские люди - эльфийский флот, чудо морей, держался несколько лучше. В водах за магическими щитами Эвермита эльфийские корабли и лебединые корабли сражались с огромным флотом пиратских кораблей. Они отправляли корабль за кораблем в объятия Амберли. И, что еще лучше, они расчистили безопасный путь для нескольких судов, которые бежали в Эвермит, тщательно и обманчиво преследуемые пиратами.

"Глупцы", - заметил Кимил Нимесин, наблюдая за огненной битвой, бушевавшей за его кораблем.

Капитан Близис, человек, командовавший флагманским кораблем "Праведное место", нервно облизнул губы. "Это почти последний наш флот, лорд Нимесин. Скоро останется всего шесть кораблей".

"Этого будет достаточно", - спокойно сказал золотой эльф. "Эльфийские корабли пойдут по одному в разные порты, как мы и договаривались. Один сядет на мель на берегах Сиилута, и оттуда наши войска двинутся вглубь страны, чтобы взять и удержать Дрелагару. Следующий поплывет к Нимлиту и удержит этот город. Продолжая двигаться на север, мы возьмем Дальние луга. Эта победа имеет ключевое значение, как для поставок продовольствия, так и для лошадей, которые нам понадобятся для похода на юг и вглубь страны. С востока мы атакуем три точки: Тейвианцы поплывут к северному городу Элион, чтобы вступить в бой и уничтожить мерзавцев дроу, которые удерживают там крепость - несомненно, польза темных эльфов закончилась."

"Судя по тому, что я слышал о дроу, эта задача может оказаться сложнее, чем кажется", - пробормотал Близис.

Кимил Нимесин бросил в его сторону косой взгляд. "А слышал ли ты также о магии красного волшебника? Эти двое хорошо сочетаются как по силе, так и по отвратительности. Тех немногих паразитов, которые выживут после встречи, будет

достаточно легко уничтожить. "Проблема этого вторжения, - сухо заключил он, - не столько в завоевании, сколько в том, как лучше избавиться от наших союзников".

Капитан промолчал, хотя слова эльфа заставили его задуматься о том, как хорошо будет ему и другим людям после захвата острова.

"Мы примем капитуляцию Крепости Светового Копья в Руите", - продолжал эльф. "А этот корабль, как и планировалось, войдет в бухту Лейтильспара, чтобы захватить двор".

"Ты говоришь, что это звучит легко", - прокомментировал Близис.

"Это было совсем не так!" - огрызнулся эльф. "Всю свою жизнь, более шестисот лет, я работал над этой последней атакой. Я выиграл и потратил дюжину состояний на его финансирование, заключил союзы, которые оставят зловоние на моей душе на всю вечность! Тебе рассказали все, что ты должен знать. Поверьте мне, когда я говорю, что наши корабли придут в порт на землю, которая была опустошена почти до неузнаваемости".

"Почти, но не совсем", - добавил Кимил. "В прошлые времена Люди восстанавливали и не такое, что мы им оставим. Эльфы просто очистятся в этом горниле, и золото наконец-то поднимется над окалиной. Эвермит будет восстановлен в образе древнего Аривандаара. И из этого места эльфы вновь потянутся к расширению и завоеванию".

Близису пришло в голову, что эльф больше не разговаривает с ним. Кимил Нимесин читал литанию, заново переживая образ, который управлял и формировал его многовековую жизнь. Была ли в этом видении хоть какая-то правда или даже здравый смысл, человек уже не мог сказать.

* * * * *

Если бы Кимил Нимесин мог видеть битву, разыгравшуюся среди храмов роции Кореллона, возможно, он и сам усомнился бы в разумности своих поисков. Даже его слепое рвение не могло оправдать развязывание мести Малара на родине эльфов.

Пожиратель эльфов пробил круг из камня, и множество извивающихся щупалец потянулось к нему, чтобы схватить группу шаманов лесных эльфов, которые читали заклинания защиты. Так же небрежно, как куртизанка отщипывает виноградную гроздь, чудовище забрасывало одного эльфа за другим в свою разинутую пасть. Несколько эльфов убежали в лес. Большинство осталось, отбиваясь тем оружием из стали, веры или магии, которое было у них под рукой.

Из своего окна в высокой башне храма Ангарадха принцесса Илайрана в ужасе смотрела на кровавую бойню внизу. В ее памяти всплыл образ того, как она в последний раз видела это существо - во время ужасного уничтожения синнорианских эльфов на Лунных островах. Это был день ужаса, и хуже всего было наблюдать за исчезновением синеволосого эльфийского юноши в этой хищной пасти. Кого из ее младших братьев постигла эта участь, она так и не узнала, равно как и не смогла выяснить, выжил ли каким-то образом второй близнец. Неудача, которую она ощутила тогда, полное бессилие молодой и неопытной жрицы, вновь нахлынула на нее.

В комнату вбежала молодая человеческая женщина в алом одеянии и явно растрепанная. Илайране потребовалось мгновение, чтобы узнать в ней дочь друга эльфов Лаэраль.

Женщина уперла кулаки в бедра и уставилась на принцессу. "Как я вижу, ты можешь либо сражаться, либо бежать, но сейчас ты должна выбрать одно из них!"

"Мора, не так ли?" пробормотала Илайрана своим нежным голосом.

"Это ненадолго, если ты не начнешь действовать". Женщина выхватила меч и шагнула к двери.

На мгновение эльфийская жрица подумала, что Мора намерена заставить ее бежать. Но внезапно она поняла, что не хочет этого делать. Она останется и будет сражаться.

Мора, внимательно наблюдавшая за лицом принцессы, удовлетворенно кивнула. "Делай, что должна, я буду стоять на страже, пока смогу".

Эльфийская жрица потянулась к магическим нитям, связывавшим ее с Арвандором. Знакомое присутствие затопило ее разум безмолвным упреком, но в то же время в ее оцепеневшие мысли проникли нити тепла и силы. Она погрузилась в мистическую молитву, полностью открывшись Анггаррадх, своей богине.

Тайна, над которой Илайрана размышляла всю свою жизнь, вдруг, казалось, открылась перед ней. Анггаррадх, богиня, которая была тремя и все же одной, не так уж сильно отличалась от других богов Селдарина. Не отличалась она и от уникальной магии, поддерживавшей Эвермит. Много, и все же одна. Возможно, маги были не единственными эльфами, которые могли призвать объединенную магическую силу Круга.

Илайрана закрыла глаза и погрузилась в медитативную молитву еще глубже, пока сила богини не стала струиться сквозь нее, как воздух, связывая ее серебряными нитями с паутиной. Она протянула руки, ища силу других жрецов и жриц. Одну за другой она протягивала руки, чтобы коснуться изумленных умов отчаянно молящихся клириков Ханали Селанил, Аэрдри, Сеханин Лунная Радуга - всех богинь, чья сущность отражалась в Анггаррадхе. Их было много, но они стали единым целым, даже как сама богиня была рождена.

По мере того, как по захваченной роще распространялось знание о заклинании Илайраны, жрецы и жрицы всех богов Селдарина следовали за принцессой, отдавая силу своих молитв и своей магии этому не совсем бессмертному ребенку Анггаррадха.

Илайрана собрала их объединенную силу, инстинктивно сформировав ее в новую и ужасную форму богини. В ответ на коллективную молитву из земли Эвермита поднялась дева-воин, облаченная в сверкающие пластинчатые доспехи. Высокая, как древний дуб, она держала копье размером с корабельную мачту.

Воительница устояла на ногах, когда эльф-людоед с грохотом бросился на нее, и глубоко вонзила острие копья в пасть чудовища. Со всей силы она толкнула тупой конец копья вниз, уперев его в землю. Затем она уперлась пятками и удержалась.

Копье глубоко вонзилось, резко остановив стремительный рывок чудовища. Хотя могучее древко согнулось, как лук, хотя дерево затрещало, застонало и потрескивало от напряжения, воительница не ослабила хватку. Затем, внезапно, она бросилась назад, предварительно выпустив копье.

Когда опущенный конец копья взвился ввысь, существо с силой дернулось в противоположном направлении. Оно перевернулось, приземлившись на округлый панцирь и раскачиваясь, как перевернутая черепаха. Три массивные ноги вздыбили воздух, щупальца дико замахали, но оно не могло встать на ноги.

Одно из щупалец нашло и схватило воительницу, обхватило ее руку и притянуло к себе. Магический эльф выхватил нож и отрезал конечность, а затем оторвал цепкий кусок от ее руки. В местах, где присоски щупалец зацепились за руку, появились круги крови, но воительница не обращала внимания на эти раны.

Дева-воительница сняла с пояса сеть из сплетенных нитей и коротко взмахнула ею. Она пролетела над существом, опутав его серебристой паутиной магии. Она повернулась к башне, кивнув в сторону бдительной эльфийской принцессы, придавшей ей форму и суть. А потом она исчезла, и эльф-пожиратель вместе с ней.

Исчезли и многие священнослужители, ибо их духи были связаны с заклинанием. Из всех эльфов, поднявших богиню-воительницу из своей объединенной силы, осталась только Илайрана.

Но и ее дух улетел. Когда Мора опустилась на колени рядом с неподвижной принцессой, она заметила кровавые круги на плоти одной белой руки.

Женщина подбежала к окну и позвала на помощь. Оставшиеся в живых клирики поспешили ей на помощь, но ничто из того, что они могли сделать, не повлияло на беспробудный сон Илайраны.

Наконец они мрачно приготовились отнести принцессу в Лейтильспар. Если кто и мог понять это непостижимое слияние смертного эльфа с божественным, так это сама королева Амларуил.

Мора отправилась с ними. Ухаживая за принцессой, она с ужасом и восхищением заметила, что на безмолвной эльфийке появились другие раны. Казалось, где-то, в какой-то битве, свидетелями которой могут быть только боги, Илайрана все еще сражается.

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ: Королевская Семья

"Долг перед родом и семьей, перед людьми и родиной — вот истина, которая направляет жизненный путь и согревает боевую кровь ффолков Муншае. Но за долгие годы жизни я понял, что честь, которой так дорожат мои горные сородичи, — лишь бледная вещь по сравнению с честью эльфов. Эта истина заставляет меня смириться перед этим дивным народом и, признаюсь честно, даже немного опасаться".

— Выдержка из письма Каррей Макумейл: Капитан "Туманного Ходока", друг народа... —

15. Лунные Клинки (-9000 ЛД)

Обряд утверждения мечей, создающих короля, был назначен на сумерки накануне летнего солнцестояния - времени могущественной магии. Со всего Абир-Торила эльфийские дворяне собрались в лесах Кормантира на церемонию. С ними прибыли и Высшие Маги, триста человек, по одному на каждый из мечей.

Когда солнце стало опускаться ниже зенита, все они собрались в широкой долине, где их ждал Этландо, стоящий в огромном круге мечей, лежащих рукоятками наружу. Маги тоже заняли свои места, стоя в пределах круга мечей, близко к остриям сверкающих клинков, но не касаясь их.

В воздухе повисло предвкушение - казалось, даже птицы затихли, слушая, как усиленный магией голос Этландо описывает, наконец, всю роль волшебных мечей.

"Много лет назад сам Кореллон Ларетиан дал мне заклинание", - начал Этландо, его голос, несмотря на солидный возраст, звучал уверенно и с причудливым акцентом потерянного Аривандаара. "Этому заклинанию я научил этих магов. Его магия даст мечам две вещи, которыми не обладает ни одно другое магическое оружие: способность определять, какими силами оно будет обладать, и право выбирать, кто достоин обладать этими силами".

Древний маг окинул собравшихся эльфов медленным, ищущим взглядом. На каждом лице он видел написанную уверенность, ожидание. Никто из собравшихся не считал себя менее чем достойным этой чести. Этландо надеялся, что не слишком многие умрут, прежде чем узнают обратное.

"Каждый клан выбрал и прислал своих представителей. Многие из тех, кто сегодня будет претендовать на мечи, происходят из древних родов, и они могут с гордостью указать на многих прославленных предков. Это прекрасно, но это не то мерило, которым будут мечи".

Несколько бровей нахмурились в недоумении или замешательстве, когда эльфы обдумывали эти слова. Как еще может быть выбран королевский дом, кроме как по чести рода?

Этландо воспринял это как хороший знак. По крайней мере, они задумались.

"Сегодня мечи выберут своих первых владельцев. Со временем они выберут достойный клан с проверенной преемственностью. Видишь ли, это наследственные клинки, предназначенные для передачи достойным потомкам до тех пор, пока длится род. С течением времени претендовать на меч будет все сложнее, ибо меч будет выбирать только тех, кто обладает потенциальной силой и характером, чтобы владеть всеми способностями меча. С каждым поколением задача будет становиться все сложнее".

"Как мы узнаем, выбрал ли нас меч?"

Этландо повернулся лицом к молодому эльфу, задавшему этот вопрос. "Если ты еще жив, значит, тебя сочли достойным".

Провидец позволил этому утверждению на несколько мгновений повиснуть в тишине. "Да, мечи - лунные клинки - отнимут жизнь у любого, кто не достоин. Это может показаться жестоким, но подумайте, насколько велика будет сила этого

оружия, когда пройдет десять поколений! Необходимо принять меры предосторожности, чтобы их магия не попала в злые руки и не была использована во зло. Как только меч будет затребован, только его законный владелец сможет обнажить его и остаться в живых".

Эльфы настороженно кивнули, обдумывая практические аспекты, связанные с охраной столь потенциально могущественного оружия. Однако никто не заговорил, ибо все были намерены услышать слова провидца.

"Любой эльф может отказаться от чести наследования. Сегодня нет принуждения, и никогда не будет. Но знай: те, кто берет в руки лунный клинок, также обязуются служить Людям. Они служат им великой ценой.

"Магия, которую каждый владеющий мечом добавляет к нему, - это та часть Плетения, которую эльф называет своей собственной. После смерти ты будешь служить мечу и Людям и откажешься от радостей Арвандора. Но это не вечный приговор, - быстро добавил Этландо. "Когда работа меча закончена, он становится бездействующим. Его магия улетучивается, и сущность всех его владельцев высвобождается в Арвандоре".

Провидец сделал паузу, чтобы дать каждому эльфу осознать масштаб обязательства, а затем перешел к делу, ради которого они все собрались.

"Лунные клинки выберут королевскую семью двумя способами. Во-первых, мечи сузят круг претендентов. Через несколько тысячелетий лишь несколько достойных кланов все еще будут владеть клинками. Они продемонстрируют доказанную преемственность достойных эльфов. Не исключено, что через несколько тысяч лет некоторые кланы будут иметь более одного клинка на службе у Народа.

"Во-вторых, силы, которыми наделен тот или иной меч, определяют, достоин ли клан править. Одни мечи станут грозным оружием для высококвалифицированных бойцов, другие уподобятся посохам магов, хранящим силу заклинаний. Один, а может быть, два или три, станет таким мечом, которым мог бы владеть король".

Этландо дал словам отзвучать долгим эхом. "Есть одна вещь, о которой я хотел бы попросить вас. Это не указание богов, а моя собственная просьба. Не позволяйте более чем двум эльфам из одного клана потерпеть неудачу в этот день. Если вы пожелаете, невооруженный меч может быть сохранен кланом в доверительном управлении для будущего владельца, который будет служить Людям. Но поймите, что те кланы, которые не преуспеют сегодня, имеют мало надежды претендовать на трон Эвермита.

"Сейчас самое время говорить, если у вас есть вопросы. Это не тот выбор, который следует делать легкомысленно. Ни один эльф не будет считать себя хуже, если решит не брать лунный клинок, ни сейчас, ни когда-либо. Есть много способов служить людям. Это лишь один из них".

Как и следовало ожидать, не было слышно ни звука, кроме беспокойного топота эльфийских ног, на лицах ожидающих не было написано никаких эмоций, кроме уверенности в результате и нетерпения начать.

Этландо горько улыбнулся. "Очень хорошо. Это последние мои слова. Когда заклинание будет готово, маги займутся церемонией выбора".

Глаза древнего эльфа закрылись, и он начал покачиваться, напевая жуткую мелодию. Один за другим круг магов взялся за странное заклинание. Перед

удивленными глазами эльфийской толпы Этландо начал светиться слабым голубым светом. Его форма стала полупрозрачной, мерцающей от набираемой силы. Скандирующие маги, сами зачарованные, начали добавлять слова к своему заклинанию, хотя слова, которые ни один смертный эльф не слышал и не произносил прежде. Форма Этландо обрела высоту и мощь, поскольку заклинание черпало магию из Плетения и мудрости богов.

Наконец заклинание закончилось на одной высокой, звонкой ноте. Светящаяся форма Этландо распалась, словно кристалл, разбившийся от звука. Свет, которым был Этландо, разлетелся, как лучи лазурного солнца. Голубые болты магии и силы вспыхнули на каждом из лунных клинков. Мечи вдруг ожили магией и засверкали интенсивным голубым светом.

Наблюдающие эльфы вскинули руки, чтобы отгородиться от внезапно вспыхнувшего яркого света. Когда их глаза привыкли к магическому свету, они увидели, что, хотя лунные мечи все еще горели, Этландо исчез.

Смысл этого был понятен всем. Все было так, как сказал Этландо: Сила лунных клинков будет создана из сущности благородных эльфов, которые будут их носить. Первая сила, та, что легла в основу всего последующего, - способность видеть и судить. Кто мог бы лучше справиться с этой задачей, чем сам почитаемый провидец?

Прошло мгновение благоговейной тишины, прежде чем один из Высших Магов заговорил. "Триста мечей, триста эльфов. Пусть кланы, стремящиеся к Эвермиту, выйдут вперед".

Без колебаний первые представители кланов вышли вперед. Эльфы образовали круг вокруг светящихся клинков, ненадолго преклонили колени в молитве богам и посвящении Людям. По сигналу магов они, как один, потянулись к рукояткам своих лунных клинков.

Голубой свет пронесся по долине, и от взрыва вздрогнули древние деревья. В наступившей тяжелой тишине менее двухсот эльфов поднялись на ноги со светящимися мечами в руках. Остальные лежали мертвые, сраженные магическим огнем.

Неверие и ужас были запечатлены на лицах всех свидетелей. Убитые эльфы были одними из лучших бойцов, величайшими магами! Если они не были достойны, то кто же может быть достоин?

И все же ответ стоял перед ними. Сто семьдесят два эльфа вложили лунные клинки в пустые ножны на поясах и вышли из кругов. Их лица сияли, но не гордостью, а благоговением.

Верховный маг заговорил снова. "Те кланы, которые хотят попытаться предъявить второе требование, могут сделать это сейчас. Сначала уберите своих мертвецов и помяните их с гордостью. В их смерти нет бесчестья. Одним существам дано летать, другим - плавать, третьим - охотиться. Не каждый эльф наделен потенциалом царствовать, и не каждый род несет в себе семя королей и королев".

Однако было очевидно, что большинство присутствующих эльфов чувствовали, что их клан предназначен для этой чести. Каждый из проигравших кланов послал своих членов вперед, чтобы попытаться снова. На этот раз остались только два эльфа.

"Лунные эльфы", - пробормотала Клэр Дуротиль, молодой маг, стоявшая четвертой в очереди за честь установить преемственность своего клана. "Все, кто носит клинки, принадлежат к народу лунных эльфов! Что это значит?"

Ее вопрос прокатился по толпе, ропот быстро перерос в ярость бури. Наконец Корональ, эльф, возглавлявший совет Кормантира, вышел вперед, чтобы утихомирить разгневанных эльфов.

"Это правда, что Этландо предложил устроить суд только над лунными эльфами", - признал он. "Он утверждал, что Лунный народ, как раса, по темпераменту и склонностям лучше всего приспособлен к тому, чтобы иметь дело с представителями других рас. Мы, эльфы, стали немногими среди многих". Этландо опасался, что правители, стремящиеся не замечать реалий меняющегося мира, не будут обладать достаточной проницательностью и знаниями, необходимыми для обеспечения безопасности Эвермита."

"И вы позволили нам попытаться, зная все это?" потребовала Клэр Дуротиль.

Корональ вздохнул. "Разве знание изменило бы ваш выбор? Даже сейчас, есть ли среди вас те, кто хочет попробовать в третий раз?"

Молчание было долгим и тяжелым. Затем десять золотых эльфов вышли вперед, чтобы заявить о чести своего клана.

С болью в сердце эльфы наблюдали, как все десять превратились в пепел и обугленные кости.

Когда кланы унесли останки своих убитых сородичей, Клэр Дуротиль вышла вперед.

"Я требую лунный клинок от имени клана Дуротиль. Это мое право, по слову Этландо. Хотя я и не претендую на понимание всего, что произошло в этот день, вполне возможно, что золотым эльфам не суждено править Эвермитом. Но я уверена, что в моей семье было много великих и достойных эльфов, и что их будет еще много. Дай мне этот клинок, и эльф из моего клана возьмет его, когда придет время".

Верховный маг надел на клинок ножны, затем передал приглушенное оружие золотому эльфу. Клэр без колебаний и страха взяла оружие в ножнах, а затем вернулась в свой мрачный клан.

Еще несколько золотых эльфов последовали ее примеру. Нимесин, Ни'Тессин и Старим унесли в тот день невостребованные клинки.

Молча все эльфы признали, что в этом есть честь, ибо, несомненно, придет время, когда меч выберет достойного владельца. И Этландо не сказал, что невозможно, чтобы Золотой эльф получил трон, только то, что это маловероятно.

До самой ночи продолжался обряд утверждения. Некоторые кланы лунных эльфов претендовали на несколько клинков - даже несколько простолюдинов получили в эту ночь волшебный меч, а вместе с ним и право основать благородный дом. Не было ни протестов, ни споров по поводу результатов, ибо нельзя было отрицать силу, действующую среди них. Большинство золотых эльфов были готовы оттянуть время, чтобы переждать процесс престолонаследия. Лишь немногие из них верили, что они полностью исключены.

Когда над долиной забрезжил рассвет, он не обнаружил ни следов магии, ни смерти, ни эльфов, чьи сородичи заслужили то или иное. Люди вернулись в свои дома, чтобы обдумать случившееся. Пройдет много лет, прежде чем будут выбраны

правители Эвермита. Но каждый эльф, носящий сейчас лунный клинок, знал, что независимо от того, как пройдет испытание престолонаследия, его ждет великая судьба.

16. Королевский меч (715 ЛД)

На леса Эвермита падал легкий снег. Крупные пушистые хлопья кружились и кружились, проносясь среди зимних деревьев. Несколько хлопьев прилипли к волосам Заора Лунноцветущего и выглядели ледяными звездами на фоне сумеречного блеска роскошных темно-синих локонов эльфа.

Но Заор не обращал внимания ни на красоту леса, ни на поразительный образ самого себя. Он был эльфом в самом расцвете сил, и за свои два века многое повидал и сделал. И хотя годы не оставили на нем следов, никто, кто бы ни взглянул на него, не принял бы его за неоперившегося юнца.

Во-первых, Заор был очень высок и почти так же мускулист, как человеческий воин. При росте более шести футов он был гигантом среди эльфов. Поражал и его цвет волос, ведь он был самого необычного цвета, известного народу лунных эльфов - глубокого, сияющего синего, напоминающего сапфир или штормовое море.

А в глазах Заора не было ничего от юности. Они тоже были голубыми, с золотыми вкраплениями, но их естественный блеск был приглушен глубокой и глубокой печалью. Эти глаза видели больше битв, больше смертей, больше ужаса, чем большинство эльфов, которые могли бы претендовать на его годы и даже больше.

Заор недолго пробыл в Эвермите. Он был одним из немногих выживших после падения Миф Драннора, кто нашел убежище в островном королевстве.

Но для Заора Эвермит не принес покоя. Даже спустя год после той последней осады в его ушах все еще звучали крики умирающего Миф Драннора, и он все еще ощущал пустоту, подобную физической боли, которая осталась после разрушения митала, поддерживавшего чудесный город.

И действительно, в компании эльфов острова Заор не находил ничего, кроме горечи. Народ сказочного Лейтильспара с его бесконечными мелкими интригами и глубоко укоренившимся чувством привилегий просто раздражал его. Возможно, если бы они потратили четверть своих накопленных богатств и растраченных сил на защиту Миф Драннора, город мог бы и не пасть!

Но даже когда эта мысль сформировалась, Заор знал, что в ней мало правды. Всю свою жизнь он сражался с врагами, которые давили на чудесный город. Это была его задача и его призвание. Он был рейнджером, и леса, окружавшие Миф Драннор, принадлежали ему. А поскольку он был рейнджером, то не находился в стенах во время последней осады, и потому выжил в последней, страшной битве.

Заор Лунноцветущий выжил, но чувство вины за свое дальнейшее существование сильно давило на него.

Ему казалось неправильным, что он должен быть жив, когда столько тысяч людей - да что там, целая цивилизация - погибли. Он чувствовал, что не сможет вынести того, что подобное случится снова. И все же эльфы Эвермита - они были так похожи на людей Миф Драннора в своей гордости и самодовольстве - были в такой же опасности, как и тот потерянный город.

Заор вздохнул и опустил взгляд на свежее снежное покрывало, заставляя свой разум подражать гладкой, нетронутой поверхности.

Его глаза сузились, когда взгляд упал на странный след. Эльф опустился на одно колено, чтобы рассмотреть его внимательнее. След был похож на отпечаток лошадиного копыта, но слегка зазубренный и гораздо более тонкий. И это был не столько отпечаток, сколько сверкающая тень на снегу.

Только одно существо могло оставить такой след. Чудо - чувство, которое Заор считал навсегда изгнанным из своего сердца, - накатывало на него волнами. Молча, осторожно, рейнджер пошел по серебристым отпечаткам вглубь леса, на покрытую снегом поляну.

От открывшегося перед ним зрелища у него перехватило дыхание. Два единорога - чудесные существа, чьи шерстинки были настолько белыми, что их почти не было видно на фоне безупречного снега, - выбивались из общей картины. Они направились к центру поляны, вскидывая свои серебристые рога и тихонько пофыркивая.

Это было достаточно удивительно, но Заор обнаружил, что его взгляд задержался не столько на редких и волшебных существах, сколько на паре эльфийских дев, ожидавших единорогов с протянутыми руками.

Обе девы были лунными эльфами и, судя по всему, посвящены в какой-то религиозный орден. Они были одеты в простые белые одежды и закутаны в белые плащи, и от них исходило спокойствие, которое бывает только при напряженной тренировке и большой личной дисциплине. В своих одеждах цвета снега, с молочной кожей и ярко-рыжими локонами они походили на статуи, созданные из льда и пламени.

Заор, едва дыша, наблюдал, как единороги подошли и поцеловали протянутые руки девиц. Одна из них, высокая девушка, чьи волосы ниспадали на плечи спутанными локонами, вскочила на спину единорога.

"Идем, Амларуил", - укорила она, когда другая девушка сдержалась. "Почему ты ждешь? Единороги приняли нас - мы можем навсегда оставить душные башни и наконец-то отправиться на поиски приключений!"

На лице другой девушки появилось тоскливое выражение, но она покачала головой, поглаживая шелковистую гриву второго единорога. "Ты знаешь, что я не могу, Иаланта. Это твоя мечта, и я желаю тебе добра, но мое место в другом месте". Она улыбнулась своей подруге. "Вспоминай обо мне время от времени, когда станешь капитаном всадников на единорогах".

Девушка по имени Иаланта фыркнула, как будто ее забавляли такие видения величия. "Все, что мне нужно, - это немного волнений и открытое небо! Год и один день - вот и вся служба единорога! А после этого я отправлюсь навстречу новым приключениям".

"Мы можем поставить ноги на путь, но не всегда можем выбрать, куда этот путь нас приведет", - серьезно сказала Амларуил. Она протянула руку и погладила фейского коня своей подруги. "Я думаю, ты нашла не только партнера на год, но и судьбу".

Глаза Иаланты расширились. "Значит, ты видела это для меня?"

Девушка колебалась. "Всадники на единорогах нужны", - осторожно сказала она. "Я думаю, этот единорог выбрал удачно. Ты умела ездить верхом еще до того, как научилась ходить, и ты доставала меч еще до того, как умела делать то и другое! Никто в Башнях не ездит верхом и не сражается так хорошо, как ты. Кому, как не тебе, возрождать старые традиции, обучать и командовать фехтовальщицами?"

"Действительно, кто?" поддразнила Иаланта. Ее лицо стало серьезным, и она протянула руку своей подруге. Девушки сцепили запястья с серьезностью воительниц.

Иаланта приподняла свой белый капюшон, чтобы скрыть яркие волосы, а затем постучала каблуками по бокам единорога. Существо взревело, ударив по воздуху копытами, такими же нежными, как падающий снег. С быстротой мысли единорог и его наездница скрылись в лесу. Второй единорог без всадника последовал за ними, как белая тень.

Через мгновение Амларуил повернулась к зарослям, где притаился Заор. "Ты можешь сейчас выйти", - сказала она чистым, похожим на колокольчик голосом. "Я не причиню тебе вреда".

Первой реакцией Заора было удивление и досада от того, что служанка-эльфийка так легко распознала его присутствие. Затем ирония ее замечания показалась Заору довольно забавной. Девушка казалась не более чем ребенком, стройной, как береза, и, судя по всему, хрупкой, как сон. Она могла бы составить половину его веса, если бы не была насквозь мокрой.

Но он поднялся и вышел на поляну, остановившись в нескольких шагах от нее, как того требовали приличия.

Он отвесил поклон, который, по его мнению, не слишком его опозорил. "Заор Лунноцветущий, к услугам Этриэль", - сказал он, используя вежливый термин для эльфийской женщины благородного происхождения и характера.

Большие голубые глаза девушки загорелись, как звезды. "О! Значит, мы родственники! Я тоже из клана Лунноцветущих. Почему мы никогда не встречались?"

Заору с трудом удалось выдержать ее взгляд. "Я недавно прибыл из Кормантира".

Он приготовился к обычному шквалу вопросов, или к формальному выражению сожаления, или к словам похвалы, которыми осыпают "героев" Миф Драннора. К его облегчению, девушка просто кивнула. "Тогда это все объясняет. Меня зовут Амларуил".

"Я услышал".

"Я знаю". Внезапная улыбка придала ее лицу такую красоту, что Заору пришлось опустить глаза, чтобы не смотреть на нее. За мгновение до этого она казалась всего лишь худеньким ребенком с длинными рыже-золотыми волосами и огромными серьезными глазами. Мимолетная улыбка превратила ее в отражение богини.

Заору понадобилось мгновение, чтобы собраться с мыслями. "Ты говорил о Башне".

"Да. Я учусь Высшей магии в Башнях Солнца и Луны. Они находятся недалеко отсюда".

Рейнджер нахмурился. "Я никогда не видел этих башен".

"И не увидишь, если не знаешь, где искать". Девушка рассмеялась, увидев обиженное выражение на лице Заора. "Не обижайся - магия, защищающая башни, скрывает их даже от птиц и лесных нимф. Но будь уверен, однажды ты их увидишь".

Заор поднял брови от этого странного заявления. В ее голосе прозвучала странная нотка, когда она произнесла эти последние слова, абстрактный тон, отсутствовавший мгновение назад.

"Ты говоришь очень уверенно. Значит, ты умеешь читать предзнаменования?" - спросил он, решив подшутить над ребенком.

"Иногда", - ответила она со всей серьезностью. "Это легче сделать, если человек носит с собой предмет, обладающий силой. Я не знаю, почему так, но это так".

Ее взгляд упал на меч на бедре Заора. Хотя он был в ножнах, богато украшенная рукоять с венчающим ее драгоценным камнем лунного камня была хорошо видна. Прежде чем Заор смог разгадать ее намерение, она протянула руку и провела кончиками пальцев по гладкой, молочной поверхности камня.

С клятвой Заор отпрянул. Никто, кроме владельца, не мог безопасно прикасаться к такому мечу - конечно, глупый ребенок знал это!

Но она, видимо, не знала. Амларуил удивленно смотрела на него, широко раскрыв глаза. Через мгновение Заор понял, что она осталась невредимой. Тонкие пальцы, которые по всем правилам должны были почернеть от взрыва убийственной магии, были гладкими и белыми, как зимний снег.

По какой-то причине это потрясло Заора почти так же сильно, как мысль о том, что девушка пострадала из-за его неосторожности. "Ты никогда не должна прикасаться к такому мечу", - сурово сказал он ей. "Это лунный клинок, и он может означать смерть для любого, кроме того, кто им владеет".

Глаза Амларуил стали еще шире. "Лунный клинок. О, тогда это объясняет..." Ее голос неуверенно прервался, а взгляд скользнул в одну сторону.

"Ты действительно что-то видела, не так ли?" - спросил он, заинтригованный.

Девушка кивнула, ее лицо было серьезным. "Это королевский меч. Кто будет править этим мечом, будет править и Эвермитом".

Заор уставился на нее, не желая верить словам, которые она произнесла с такой удивительной уверенностью. И все же в девушке было что-то такое, что придавало вес ее словам. Он поверил ей, даже если не хотел этого.

"Во мне нет ничего от короля", - мрачно сказал он. Как это может быть? Последний долг любого эльфийского короля - умереть за свой народ. Миф Драннор лежал мертвый, а он стоял, здоровый и невредимый, в полумире от него, на полянах Эвермита. "Возможно, мои дети когда-нибудь смогут служить - если только их мать сможет восполнить мой недостаток".

"Возможно", - повторила она тоном, который ничем не выдавал ее мыслей.

Заор отмахнулся от тревожного заявления девушки и обратился к тому, что было ему ближе. "Ты коснулась меча без вреда. Как такое может быть?"

Внезапно Амларуил уже не выглядела ребенком, как это было мгновение назад. Слабый румянец окрасил ее щеки. "Что касается этого, я не могу сказать", - пробормотала она.

"Не могу или не хочу?" нажал Заор.

И снова эта ослепительная улыбка. "Да", - только и сказала она.

Эльфы разразились хохотом. Заору показалось, что внезапно бремя, которое так долго тяготило его сердце, стало легче нести.

Когда общий смех утих, они долго стояли, глядя друг на друга. Амларуил первой нарушила молчание. "Я должна вернуться в Башни. Я слишком долго отсутствовала".

"Но мы еще встретимся?"

Девушка колебалась, словно не зная, как ответить. Затем медленно, нарочито медленно она протянула руку и обхватила пальцами рукоять меча Заора.

И тут же исчезла, растворившись в лесу так же быстро и бесшумно, как неуловимые единороги.

В белой тишине лесной поляны Заор склонил голову и попытался осмыслить то, что только что произошло. За несколько мгновений его жизнь полностью изменилась. Одно бремя - ужасный груз вины и горя - было снято; на его место пришло другое, еще более тяжелое бремя.

Видение Амларуил превзошло все, что Заор когда-либо мог себе представить. И все же он обнаружил, что у него нет желания уклоняться от него.

Рейнджер повернулся и быстрым и решительным шагом направился на юг. Всем, что он видел и выстрадал, всеми уроками, которые он усвоил к своему горю, он поделится. Он найдет способ заставить самодовольных эльфов Лейтильспара услышать то, что он хотел сказать. Эвермит не постигнет та же участь, что и Миф Драннор, пока жив Заор Лунноцветущий.

Даже произнося эту безмолвную клятву, Заор достал из ножен лунный клинок - королевский меч. Он не удивился, заметив, что на лезвии была выгравирована новая руна. Видение Амларуил теперь было его собственным, и магический меч, который он носил, ответил ему необходимой силой. Больше он не боялся и не сомневался в судьбе, предначертанной ему.

Кто правит мечом, тот будет править и Эвермитом.

* * * * *

Керит Черношлем покачал головой. "Это не сработает, Заор", - сказал он с горечью. "Я слишком молод - мне еще не исполнилось сто лет! И я не благородного происхождения. Клянусь богами, я даже не могу назвать своего отца, не говоря уже о том, чтобы проследить своих предков до Фейри и за ее пределами! Стража Лейтильспара не будет иметь ничего общего с такими, как я, и ты это прекрасно знаешь".

"Я знаю, что ты обладаешь лучшим умом из всех боевых мастеров, которых я встречал", - настаивал рейнджер.

Криво усмехнувшись, Керит поднял свой кубок, словно поднимая тост за себя. "И самой сильной рукой с мечом тоже".

"Этот вопрос мы обсудим в другой день", - добродушно ответил Заор. "Но если у тебя не хватает ума выбрать битву, в которой есть надежда победить, возможно, мне придется пересмотреть свое мнение о твоих способностях как мастера боя!"

Друзья присоединились к короткой усмешке. Третий член их трио, невысокий сереброволосый лунный эльф приблизительно возраста Керита, задумчиво посмотрел на Заора. "У тебя есть план", - заметил он.

"План? Я бы не стал говорить об этом так высоко", - сухо ответил Заор. "Возможно, идея. Если оно сработает, тогда это можно назвать планом".

"Согласен. И что же ты задумал?"

"Мне кажется, что ценность эльфа должна быть доказана, а для этого сейчас нет времени".

Миронтилар Серебряное Копье кивнул, как будто это было совершенно логично. Он отставил свой кубок и окинул таверну спокойным серебряным взглядом. "Клянусь Кореллоном, похоже, что половина городской стражи пьет в этом месте!"

"Та половина, что на службе, без сомнения", - вставил Керит.

"Тем лучше". Заор повернулся к Миронтилару. "Ты первый?"

Маленький эльф поднял серебряную бровь. "Конечно".

Мирон легко прыгнул с табурета и подошел к группе стражников, все - золотые эльфы, безучастно разлеглись на столе, заваленном бутылками и кубками. Один из них посмотрел на Лунного эльфа с надменной улыбкой, а затем толкнул локтем своего соседа. Он сказал что-то такое, от чего по группе прокатилась волна смеха.

Наблюдая за этим, Заор поднес руку к губам, чтобы скрыть ухмылку. Надменные эльфы должны были получить урок о важности открытого ума и острой наблюдательности. Если бы у них хватило ума не ограничиваться первым впечатлением, они бы никогда не сбрасывали со счетов маленького лунного эльфа.

В каждом движении Миронтилара чувствовалась удивительная экономия, точность и целеустремленность каждого шага и жеста. Он был как кинжал: тонкий, отточенный, идеально сбалансированный - и смертоносный. Результаты этой встречи, подумал Заор, станут хорошим началом для необходимого перевоспитания эльфов Эвермита.

Миронтилар остановился и трезво оглядел собравшихся. "Приветствую тебя, Сайда Эванара, - вежливо сказал он, обращаясь к внезапно насторожившейся золотой эльфийке. "Боюсь, я должен принести дурные вести. Миф Драннор пал".

Глаза женщины сузились. "И мне это хорошо известно. Я была там, пока не закончилась последняя битва!"

"Да, я слышал, как менестрели пели эту историю", - сказал Мирон. "Платные менестрели. Но есть и другие, чьи истории утверждают, что ты бежала, как крыса". Он оглядел элегантный зал. "Конечно, такие, как они, никогда бы не выступали в таком прекрасном заведении, как это".

Лицо Сайды вспыхнуло от возмущения. "Как вы смеете! Никогда в жизни меня так не оскорбляли!"

"Вообще-то, это не совсем так. Тебе действительно стоит послушать более широкий спектр бардовских сказок", - услужливо подсказал Мирон.

Один из стражников вскочил на ноги и грозно навис над миниатюрным лунным эльфом. "Позаботься о том, как ты говоришь. Сайда Эванара - моя родственница", - сказал он низким, зловещим тоном.

"Я тебе сочувствую", - ответил лунный эльф. "Конечно, поскольку никто из нас не может выбирать своих сородичей, я не буду держать на тебя зла".

Эльф нахмурился и потянулся за мечом с медленным, драматическим росчерком. Когда его пальцы сомкнулись на пустых ножнах, на его лице появилось выражение полнейшего недоумения. Его озадаченный взгляд сменился выражением паники, когда он посмотрел на стальной стержень у горла. Это была очень знакомая сталь. Мирон победил его в поединке - и его собственным мечом!

Лунный эльф поднял "одолженный" клинок ко лбу в насмешливом приветствии.

Сайда зашипела от ярости и вскочила на ноги. Прежде чем она успела достать оружие, Мирон бросил ей украденный клинок. Инстинктивно она поймала его и сделала выпад. Лунный эльф увернулся, крутанулся и парировал вторую атаку Сайды мечом.

Свободной рукой Сайда нащупала ножны на бедре, не желая верить глазам. Они действительно были пусты. Ее глаза сузились от злорадства.

"Ты быстр, Грей", - признала воительница Эванары, переходя в боевую стойку. "Но когда я закончу с тобой, ты подумаешь, что тебя топтал боевой конь!"

"Я слышал об этом", - сказал Мирон в разговоре. "Тебе действительно следовало бы выбирать любовников, менее склонных оплакивать свои переживания".

"Хватит!" - прорычал стражник, чей меч держала Сайда. "Клянусь Кореллоном, я прикажу выдубить твою шкуру на сапожную кожу!"

Разъяренный эльф прыгнул на Миронтиlara. Он так и не приблизился к нему. Более того, он так и не коснулся пола. Вместо этого он задыхался, болтая ногами, глядя в глаза самому большому эльфу, которого он когда-либо видел, - синеволосому гиганту, который держал его одной рукой за воротник мундира, как мальчик держит щенка за загривок.

"Как видишь, квессир уже занят", - сказал Заор, обращаясь к Мирону так, как называли благородных эльфов-мужчин. "Если в страже принято сражаться вдвоем и втроем против одного, то, во что бы то ни стало, выбери себе кого-нибудь из товарищей, и я буду рад тебе помочь".

Лицо эльфа, и без того красное от борьбы за воздух, стало багровым от ярости. Трое стражников вскочили на ноги и бросились на его защиту. Лунный эльф небрежно швырнул в них своего пленника, свалив всех четверых в кучу.

Мирон и Сайда уже полностью сцепились, и звон и лязг их оружия наполнил таверну мрачной музыкой. Оставшиеся двое стражников поднялись из-за стола, чтобы принять вызов синеволосого эльфа. Они потянулись за своими мечами, но обнаружили, что их ножны тоже пусты.

Они обернулись. Позади них стоял Керит, держа в каждой руке по мечу. "Извините, - вежливо сказал он, проходя мимо ошеломленных эльфов и протягивая один из клинков Заору. Он повернул другой меч и протянул его рукоятью вперед его владельцу.

"Прошу прощения за беспокойство, но, видите ли, мой друг не может сражаться с вами своим собственным мечом. Плохая форма, знаете ли, использовать лунный клинок в драке в таверне - особенно против таких благородных людей, как вы".

В почти комический унисон стражники повернулись и уставились на меч на бедре Заора. На их лицах промелькнула смесь недовольства и неодобрительного уважения. Один из эльфов, вороновоусый мужчина, носивший знаки отличия капитана, поднялся на ноги. Он вытер рукавом кровь с подбородка и посмотрел на Заора с искренним любопытством.

"В чем же дело?"

"Я хочу подать заявление на должность в гвардии", - сказал Заор.

Капитан сухо усмехнулся. "Ты выбрал необычный способ сделать это! Почему ты сразу не сказал, что ты лунный воин? Ни один орден или полк не отказал бы тебе".

"Если бы я так поступил, вы бы тоже считали меня своим другом?"

"Нет", - признал капитан. "Хотя они такие же быстрые и умелые, как любой эльф под моим командованием".

Заор тактично отказался указать на очевидный недостаток в утверждении капитана. "Значит, нас трое", - нажал он.

Золотой эльф пожал плечами. "Договорились".

В этот момент в таверне раздался резкий стук. Все обернулись и увидели, как Сайда, стиснув зубы, дергает за клинок, всаженный в живое дерево стены таверны. Миронтилар, только что отразивший ее выпад, в преувеличенном терпении рассматривал свои ногти.

"И еще одно. Отзови своего лейтенанта, пока она не оторвала острие от клинка своего родственника", - сухо попросил Заор.

Капитан фыркнул, как бы в знак насмешливого согласия. Он бросил взгляд на синеволосого эльфа. "То, что твой друг сказал о храбрости Сайды Эванары в бою - есть ли в этом хоть доля правды, или он просто насмеялся над ней, чтобы начать этот бой?"

Заор пожал плечами. "Об этом ты должен судить сам". Слова Миронтилара Серебряное Копье имели определенную цель, и они хорошо послужили своей цели. Сайда Эванара находится под твоим командованием. Ее мера - не моя".

"Справедливо". Капитан поднес руки ко рту и крикнул: "Стоять!"

Мирон мгновенно отреагировал, отпрыгнув назад из-под удара противника и опустив меч на низкую гарду. Он наклонил голову к Сайде - уважительный жест одного бойца к другому в знак окончания почетного тренировочного поединка.

Но женщина стояла на месте, ее меч был готов к удару, а все тело дрожало от ярости и нерешительности.

"Я сказал, стоять!" - огрызнулся капитан. Он подошел к эльфийке и схватил ее за запястье. Взгляд Сайды метнулся к его лицу. Ее глаза стали настороженными, затем осторожными.

"По вашему приказу", - согласилась она, а затем добавила: "Я бы не ударила, капитан".

Золотой эльф изучал ее лицо. "Интересно", - пробормотал он.

Он опустил ее запястье и отвернулся. "Следуйте за мной в казармы стражников. Вам предстоит многому научиться".

Три лунных эльфа обменялись торжествующими улыбками и зашагали за капитаном. Но Золотой эльф обернулся и устремил взгляд на компанию стражников позади них.

"Я говорил, - мрачно сказал он, - с вами".

* * * * *

Леди Майларла Дуротиль, грозная матриарх, возглавлявшая самый могущественный клан золотых эльфов города, с интересом рассматривала свою гостью.

Она не была молодой эльфийкой и уже много лет назад покинула середину своей земной жизни. Но она была не слишком стара, чтобы оценить такого красивого эльфа, как тот, что сидел перед ней. Если молодой капитан стражи обладал достаточным обаянием, чтобы растратить его на старую эльфийку, почему бы не дать ему шанс воспользоваться им? Более того, его план заинтриговал ее.

"Вы уверены, что Аскахала Дуротиль из моего рода?" спросила Майларла.

"Вне всяких сомнений", - твердо ответил Заор. "Я изучил родословную Дуротилов и могу заверить тебя, что она, как и ты, является прямым потомком Ролима Дуротила, который первым заселил Эвермит. Ее предки сражались против драконьего света в год Великой охоты Малара. Она - достойный потомок всех этих прославленных эльфов; более того, она - лучшая и самая свирепая дракониха, которую я когда-либо видел".

"Так ли это? Тогда как получилось, что она выжила после падения Миф Драннора, когда столько прекрасных, свирепых воинов не выжили?"

Это был трудный, но важный вопрос. Почти столь же важным был и способ, которым Заор дал ответ.

"Аскахала мало терпела привычки и заботы городских жителей", - осторожно сказал он. "Она предпочитала жить в диких местах и служила народу Кормантира, охраняя аванпосты. Если бы не ее усилия, город пал бы гораздо раньше, чем это случилось. Не одна шайка орков или гоблинов погибла благодаря ее усердию. Но ее дракон был ранен в первые дни осады, и они оба оказались в своем горном логове. Когда они, наконец, смогли взлететь, время для битвы уже прошло".

"Хм. Как бы нам связаться с этой драконихой?"

Заор склонил голову в знак уважения. "Способности Дома Дуротиль в вопросах связи легендарны. Не думаю, что эта задача вызовет затруднения у ваших магов".

"Хорошо сказано. Но почему ты думаешь, что она придет в Эвермит именно сейчас?" - проницательно спросила эльфийка. "Какую выгоду она надеется здесь найти? Власть? Честь? Богатство?"

"Аскахала видела падение одной эльфийской культуры. Она не пожелает того же другой".

Майларла моргнула, пораженная прямоотой молодого воина. "Ты считаешь возможным, что Эвермит может разделить судьбу Миф Драннора?"

"А ты нет?"

Долгое мгновение эльфы пристально смотрели друг на друга. Затем Майларла откинулась в кресле, и маска, казалось, упала с ее лица.

"Ты во многом прав, Заор Лунноцветущий", - с горечью сказала она. "Не могу выразить, как мне надоела бесконечная забота клана Дуротиль о болтовне с помощью магии. Так было не всегда. Первым драконьим всадником был Дуротиль - Дуротиль. Ты знал об этом?"

Не дожидаясь ответа, она выкрикнула земное ругательство и в досаде покачала головой. "Мой род - потомки Дуротилов, и кем мы стали? Эффектными, привязанными к башням бездельниками, довольными тем, что тратим наши короткие века жизни на магию, чтобы обмениваться сплетнями и заглядывать в дальние покои! Ба!"

Заор наклонился вперед. "На Эвермите еще есть драконы, не так ли?"

Майларла обдумала это. "Думаю, да. Я слышала разговоры о том, что совсем недавно над Орлиными Холмами летали золотой и спарившаяся пара серебряных". Она приподняла пытлившую бровь. "Если Аскахала - это все, что ты говоришь, то я сомневаюсь, что ей будет трудно обучить драконов этому делу. Меня беспокоит следующее: Как она справится с Дуротилами Эвермита и им подобными?"

"Твоим сородичам придется нелегко", - признал Заор.

Эльфийка кивнула. "Хорошо", - сказала она с мрачным удовлетворением. "В таком случае мы немедленно пошлем за ней".

Услышав в ее словах прощание, Заор поднялся, чтобы уйти.

Майларла тяжело вздохнула. Что-то в этом звуке заставило Заора застыть на месте, когда он вежливо поклонился в знак прощания. Он выпрямился и встретился с ней глазами, кивком побуждая ее продолжать.

"Этот визит напомнил мне о многих вещах, о которых я не должна была забывать. Во-первых, я слишком долго пробыла в этом городе. Прошло много лет с тех пор, как я поднялась на склоны Орлиных Холмов. Я даже не знаю наверняка, есть ли еще драконы в Эвермите!" Она посмотрела на Заора, и ее улыбка была странно неуверенной. "Скажи-ка мне вот что, юнец, как ты думаешь, сможет ли даже такая, как я, оседлать дракона?"

Когда она заговорила, в ее глазах появилось тоскливое выражение и смягчило ее стареющее лицо. Но пронзительная тоска ничуть не приглушила сталь в ее голосе или сильное воздействие ее присутствия.

Заор не смог сдержать улыбку на своем лице. "Миледи, я не думаю, что найдется хоть один дракон, способный удержать вас от этого".

Женщина-эльф разразилась удивленным и восхищенным смехом. Все еще тепло улыбаясь, она поднялась и протянула руку молодому воину, как один искатель приключений другому. "Тогда решено. Драконьи всадники станут хранителями Эвермита. Берега его будут оставаться неприкосновенными".

"Как будет угодно богам", - горячо ответил Заор.

Майларла наклонила голову. "Я имела в виду то, что сказала, ты знаешь, о том, чтобы самому научиться этому ремеслу. Но что насчет тебя? Присоединишься ли ты к тем, кто ездит на ветрах?"

"К сожалению, нет. Моя ответственность лежит в другом месте".

Леди Дуротиль долго смотрела на него. Затем она задумчиво кивнула. "Да. Да, возможно, это действительно так".

17. Наследники Судьбы

Для многих эльфов Эвермита Башни Солнца и Луны представляли собой воплощение эльфийской культуры.

Созданные из белого камня, который был поднят магией из самого сердца эльфийской земли, башни были окружены чудесными садами и спрятаны в сердце глубокого леса. Здесь хранились одни из самых могущественных магических артефактов, известных эльфийскому роду. Здесь собирались волшебники и Высшие маги для изучения и созерцания, для создания Кругов и для обучения подающих надежды учеников.

Из всех учеников Башни никто не подавал больших надежд, чем Амларуил Лунноцветущая. Казалось, магия текла через девушку так же естественно, как дождь из летнего облака. Втайне маги верили, что она может стать самым могущественным магом со времен легендарного Вури Дуротила. Уже сейчас ее готовили к тому, чтобы занять место Джанналора Ньерде, Великого мага Эвермита.

Однако в Башнях были и те, кто сомневался, что судьба эльфийской служанки так уж определена. Среди них была Накйаша, зеленая эльфийка, колдунья со значительными способностями, которая взяла на себя роль наставницы и доверенного лица Амларуил.

По своему обыкновению, две эльфийки, закончив дневную работу, пошли по тропинкам, изгибающимся через территорию Башни. Они шли молча, чтобы лучше насладиться красотой вечера. Пение птиц наполняло прохладный воздух, а стрекот сверчков и других лесных существ возвещал о наступлении ночи.

Это было время суток, которое они оба предпочитали всем остальным, когда последние, длинные лучи солнца окутывали все золотой дымкой. Но Накйаше показалось, что ее юная подруга выглядит рассеянной и совершенно отстраненной от их маленького, замкнутого в себе мира магии и учености.

"Где ты сегодня, дитя?" - спросила чародейка.

Амларуил опустила глаза на гравийную дорожку, и не потому, что ей хотелось созерцать изысканную аллею. Это было, конечно, диво дивное, ибо гравий на самом деле представлял собой кусочки мрамора тех оттенков, которые олицетворяли все благородные расы эльфов: золотой, серебряный, зеленый для диких эльфов и синий для морского народа. Какая-то причудливая магия заставляла цвета меняться в постоянно меняющейся мозаике. Однако в данный момент Амларуил хотела лишь избежать пристального взгляда своего учителя.

"Прости меня, Накйаша, - пробормотала она. "Прошу простить мою невнимательность".

"Уроки закончились. Я только хотела узнать, все ли у тебя в порядке", - сказала чародейка. При этом она пристально вглядывалась в лицо девушки - задача не из

легких, ведь Амларуил была очень высокой. Проницательные глаза Накйаша заметили румянец на лице девушки.

"Клянусь Ханали! Ты ведь не влюблена, правда?"

Амларуил бросила взгляд на своего учителя из-под опущенных ресниц. "Разве это было бы так плохо?"

"Возможно, нет". Накйаша пожала плечами. "Хотя, конечно, некоторые из здешних магов могут беспокоиться, что твои весенние увлечения могут помешать учебе. Удивительно, - добавила она с раздражением, - что с такими мыслями народ золотых эльфов не вымер еще задолго до этого! Кто этот парень? Лэрот? Хороший выбор. Очень талантливый".

В ответ девушка лишь пожала плечами. Лэрот был ее сокурсником и хорошим другом. И все же она не могла не представить молодого мага рядом с Заором Лунноцветущим. Хотя рост Лэрота был почти шесть футов - почти столько же, сколько у самой Амларуил, - он казался карликом по сравнению с воином. Амларуил подозревала, что в ее глазах так будет всегда.

Однако девичья тоска не имела никакого отношения к рассеянности Амларуил. Весь день она была странно беспокойна. Ее дух был подобен ястребу, которого гонит слишком сильный ветер.

Вздохнув, она остановилась у подножия Тотема - памятника в честь магии духа, свойственной зеленым эльфам. Амларуил окинула взглядом массивную статую, задерживаясь на каждом из суровых, мощных тотемных животных, изображенных на ней. Тотем защищал территорию Башни таким образом, который мало кто из эльфов понимал. До сегодняшнего дня Амларуил часто находила утешение и успокоение в его массивной тени. Теперь же, по причинам, которые она не могла определить, она задавалась вопросом, достаточно ли тотема - или чего-либо другого.

"Примитивное искусство, по меркам золотых эльфов, - заметила Накйаша с легким сарказмом, - но никто не может отрицать его силу! Тотем защищал Башни от соперничающих заклинаний на протяжении многих веков".

Амларуил кивнула, хотя и знала, что в наши дни, когда магия ослабла, битвы между башнями происходят только в сказках менестрелей. И хотя до Подмены такие состязания были обычным делом, на Эвермите никогда не происходило магических битв.

Накйаша похлопала ее по руке. "Уже почти наступил вечерний пир. Иди, познакомься со своим юным кавалером".

"Ты не идешь?" Амларуил посмотрел на старшую эльфийку. Накйаша редко уделяла время еде или даже отдыху, и ее кости были почти голыми, как зимний лес. Эльфийская служанка часто задавалась вопросом, какой источник подпитывает неиссякаемую энергию колдуньи. Однажды она спросила. Накйаша лишь улыбнулась и ответила, что в свое время сама узнает этот секрет.

Как и следовало ожидать, колдунья покачала головой. "Меня ждет работа. Ты, конечно, знаешь об Накопителе, и тебе известно, что он поглощает магическую энергию самого Эвермита. По какой-то причине сила артефакта быстро возрастает - он почти гудит от магической энергии! Мы пока не знаем, почему, но это мы должны узнать".

"Я почувствовала нечто необычное", - призналась Амларуил.

"А ты?" - сказала колдунья, задумчиво глядя на девушку. "Если тебя посетит что-то еще, сразу же ищи меня. А сейчас иди и освежись. Возможно, твоя молодость и сила нам еще пригодятся".

Накйаша закончила свои слова улыбкой, но для Амларуил они прозвучали скорее как предупреждение, чем как комплимент.

Служанка-эльфийка свернула на тропинку, ведущую к Башне Луны. Если башня Солнца была посвящена хранению и применению магии, то башня Луны занималась более скромными, личными нуждами. Здесь находились жилые помещения, небольшие комнаты, предназначенные для созерцания или учебы, и, наконец, кухня и столовая. Все трапезы проходили за узким, спиралевидным столом, заполнявшим нижний зал.

Лэрот ждал ее у дверей. Как она часто делала, Амларуил отметила, что в молодом маге было что-то потустороннее. Дело было не только в его внешности, хотя и это было довольно странно. Лэрот до ужаса напоминал древние статуи, изображавшие народ фейри. Высокий и чрезвычайно худой, он был весь в острых углах и жутко точной грации. Глаза у него были черные, под крылатыми черными бровями, уголки которых были скошены кверху. Только копна волос пшеничного цвета, которые были в обычном беспорядке, казалось, выдавала его принадлежность к миру смертных.

Молодой маг бросился к Амларуил, схватив ее за оба плеча. "Где ты была? Я ждал тебя целый час и даже дольше!"

Ярость в его горящих черных глазах нервировала девушку, особенно если учесть ее недавний разговор с Накйашей.

"Как для засады, это было сделано довольно плохо", - сказала она с улыбкой, пытаясь разрядить обстановку между ними. "Не принято показывать себя до момента нападения".

Лэрот отпустил ее и провел длинной рукой по своим непокорным волосам. "Луна взошла. Скоро станет достаточно темно, чтобы видеть".

"Видеть?"

Молодой маг взял ее за руку и повел прочь от Башни. "Свет здесь слишком яркий - он заглушает звезды", - объяснил он. "Я думаю, нам нужно пойти в лес".

Амларуил без комментариев последовала за ним, уловив его настоятельную необходимость. Два эльфа пробрались вглубь деревьев, в скрытую долину, где Амларуил встретила единорога и увидела свою тревожную, невероятную судьбу.

Лэрот остановился и указал на ночное небо. "Она должна быть там, между четвертой и пятой слезами Селуны, и немного севернее".

Служанка-эльфийка изучала небо, не видя ничего, кроме знакомых огней. Но когда ее взгляд устремился вглубь, она действительно заметила нечто новое. Тусклое и далекое, больше похожее на призрак звезды, чем на настоящий свет, оно притаилось среди светящихся слез, как багровая тень.

"Клянусь богами!" - вздохнула она. "Звезда Короля-Убийцы!"

Лэрот кивнул, на его узком лице появились мрачные черты. "Значит, ты видишь ее. Я так и думал, но мне нужно было убедиться. Обычно ее путь пролегает над Фаэруном и далеко на восток до Кара-Тура. На Эвермите ее никогда не видели".

"Что это значит?"

"Хотел бы я знать", - сказал Лэрот. "Эта тайна потянет за собой даже магов".

Амларуил уставилась на него. "Обрушит? Ты никому не сказал?"

"Я узнал об этом только сегодня вечером. На самом деле, ты увидела свет раньше меня". Он заколебался. "Это трудно объяснить, но мне кажется, я почувствовал присутствие звезды. По крайней мере, я что-то почувствовал. Весь этот день я провел в библиотеке, изучая предания в поисках какой-нибудь подсказки. Пришло время очередного появления звезды Короля-Убийцы, так что..." его голос прервался, и он пожал плечами.

Глаза Амларуил расширились. "Накопитель! Возможно, появление Короля-Убийцы поможет объяснить всплеск магии. Накйаша пожелает узнать это немедленно!"

Они поспешили в Башню Солнца и рассказали колдунье о том, что видели. Накйаша привела их в Палату Тысячи Глаз.

Здесь они нашли Джанналора Ньерде, который смотрел в длинную зрительную трубу. Линза была направлена на дальнюю стену, но Амларуил сомневалась, что он занят изучением висевшего там гобелена. Магический прибор мог видеть почти любую точку Фаэруна.

Джанналор оторвался от зрительной трубы и внимательно выслушал их рассказ. "Надеюсь, вы ошибаетесь", - сказал он, когда они закончили говорить. "Тем не менее, давайте посмотрим".

Великий маг произнес заклинание, а затем направил зрительную трубу на высокое арочное окно. Долгое время он изучал изображение, затем провел линзой вперед-назад, словно сканируя далекое небо.

Внезапно маг остановился, напрягся и произнес низкую, пылкую клятву. Он выпрямился и жестом велел Амларуил заглянуть в трубку.

Девушка заглянула в зазеркалье, и ее встретил яркий серебристый свет Селуны. Пока она смотрела, над луной пронеслась фигура, похожая на огромную летучую мышь. За ней последовали другие, их было так много, что они почти затмили свет.

Ужас стиснул ее горло, словно чудовищная рука, когда Амларуил поняла, что смотрит на самое смертоносное, самое страшное явление, известное Абейр-Торицу.

"Полет драконов", - хрипло пробормотала она.

Значит, именно это она и почувствовала. Магические существа обладали мощной аурой, и некоторые маги могли ощущать их близкое присутствие. Так же, очевидно, мог поступать и Накопитель, поскольку артефакт, несомненно, поглощал часть силы драконов.

"Где они?" - спросила она, отодвигаясь, чтобы дать Лэроту возможность приложиться к стеклу.

"Далеко в море, хвала богам", - обеспокоенно ответил Джанналор. "Но они летят прямо к Эвермиту. Мы должны донести весть о готовящемся нападении до каждого уголка острова!"

"Но Эвермит защищен магическими щитами, сотканными самим Кореллоном", - запротестовал Лэрот.

"Подумай, мальчик!" - прорычал маг. "Какое существо более волшебнее, чем дракон? Любой щит, который не пропускает магию сотни драконов, также блокирует поток Волшебного Плетения. Если бы Эвермит был так защищен, мы не

смогли бы творить магию; более того, под таким щитом мы, эльфы, погибли бы так же верно, как летние световые жучки, которых неосторожные дети собирают и оставляют надолго под стеклом! Помяни меня: будет нападение".

Накйаша взяла девочку за руку. "Пойдем, дитя. Пусть золотой эльф займется отправкой сообщений. Мы должны сформировать Круг и оказать воинам посильную помощь".

* * * * *

Дверь в кабинет Хорита Эванара распахнулась, со звоном ударившись о живой камень стены палаты.

Капитан Хорит ничуть не удивился, когда в комнату ворвался Заор Лунноцветущий. Высокий синеволосый лунный эльф быстро поднялся по служебной лестнице в гвардии Лейтильспара и просил о переводе в город-крепость Руит. Уже сейчас Заор превратил свою команду, возможно, в лучшее боевое подразделение из всех, что тренировались и стояли гарнизоном в стенах Крепости Светового Копья. Бойцы любили Заора, но он не всегда проявлял должное уважение к званию и мудрости командиров крепости.

"Я слышал о приближающемся полете драконов. Почему вы не вызвали драконьих всадников?" - потребовал молодой воин.

Капитан окинул холодным взглядом своего самого перспективного и самого проблемного офицера. "Ты имеешь в виду эскадрилью, которой командуют те крошки Дуротила? Думаю, нет. Это сражение - если оно действительно будет, - принадлежит мне".

"Ты не можешь быть серьезным! Ты никогда не видел разрушений, которые может оставить после себя разбушевавшийся дракон. Я видел. Это дело выходит далеко за рамки соперничества кланов или личной гордости!"

"Позаботься о том, как ты говоришь", - холодно сказал золотой эльф. "Уверяю тебя, ситуация под контролем. Драконьим всадникам Дуротила не нужно об этом слышать".

"Вы даже не послали весточку?" - недоверчиво спросил Заор.

Рассердившись, капитан Хорит поднялся и тут же пожалел о своем поступке. Трудно было утверждать свою власть над эльфом, который был на голову и плечи выше его. Хотя, по правде говоря, он подозревал, что Заор Лунноцветущий был бы грозным даже вдвое меньше его.

"Ситуация под контролем", - повторил золотой эльф сдавленным голосом. "Драконьи всадники не нужны, как и ваше присутствие в моем кабинете, капитан Заор. Вы свободны".

Но Лунный эльф стоял на своем. "У пеших воинов мало шансов против одного дракона, не говоря уже о сотне. Ты знаешь это не хуже меня. Что же ты намерен делать?"

Когда Хорит заколебался, Заор в гневе хлопнул кулаком по столу. "Это такое же мое дело, как и твое! У меня под командованием сотня эльфов, и будь я проклят как друу, если пойду с ними вслепую на смерть! Если у тебя есть план, говори!"

"Звезднокрылый флот", - нехотя сказал Хорит. "Звездные корабли, люди войны, которые проплывают сквозь облака так же проворно, как обычные корабли по морям. Они хранятся в тайне в морских пещерах Сумбрара. Кроме членов Совета и команды кораблей, о них знают лишь немногие эльфы".

Заор отступил на шаг, впитывая это чудо. "Сколько кораблей?"

"Десять. Все хорошо укомплектованы и хорошо вооружены", - с гордостью сказал золотой эльф. "Лучших боевых кораблей не существует ни в этом мире, ни в каком-либо другом. Если возникнет необходимость, я сам буду командовать битвой с флагманского корабля".

"Даже если так, какие шансы у десяти кораблей против сотни драконов?" Заор покачал головой. "Нет, леди Майларла должна быть немедленно предупреждена". Он повернулся и вышел из кабинета.

"Если ты это сделаешь, - шипел капитан, - я добьюсь, чтобы тебя лишили звания".

Заор не сделал паузы. "А если я этого не сделаю", - ответил он с мрачной уверенностью и голосом, от которого зазвенели коридоры, - "мы все будем мертвы".

Оставив золотого эльфа брызгать яростью, капитан лунных эльфов поспешил по коридорам Крепости Светового Копья к конюшням. На прилегающем пастбище его ждал конь. Это был не обычный зверь, а лунный конь, магический зверь, способный развивать огромную скорость. Он ему понадобится, ведь Орлиные холмы находились почти в пятидесяти милях к западу, а на гордость Хорита Эванара было потрачено слишком много времени.

Заор вскочил на спину жеребца и мысленно погнал его вперед. Когда он скакал по улицам к западным воротам, взгляд лунного эльфа упал на круглую беломраморную башню, одно из лучших зданий во всем Руите. Это был аэродром пегасов. Даже сейчас крылатые кони и их наездники кружили над городом, приземляясь на плоскую крышу Аэрии, отрабатывая бесконечные, сложные маневры, которые превратили их в легендарную оборонительную силу.

На мгновение у Заора возникло искушение остановиться и попытаться уговорить командира золотых эльфов присоединиться к его мятежу. Но он знал, что такая попытка провалится; к тому же он сомневался, что десяток крылатых лошадей сможет одолеть сотню разъяренных драконов.

Заор отвернулся и поехал через одни из беспорядочно меняющихся ворот в прозрачных стенах Руита. Он почувствовал облегчение своего лунного скакуна, когда они оставили город позади. Жеребец помчался в сторону холмов, а затем взобрался на первый изрезанный склон проворно, как горный козел.

Лунный эльф остановился у устья пещеры. Он сошел с коня, а затем призвал лунного коня укрыться на лугах к западу от гор. Если все пойдет так, как он надеялся, то в предстоящей битве ему не понадобится такой конь.

Когда волшебное существо скрылось из виду, Заор взял в руки изогнутый бронзовый рог, висевший на крюке у входа в пещеру. Он поднес его к губам и трижды быстро дунул.

Не успели стихнуть последние отзвуки, как Заор увидел две пары золотых глаз. Один принадлежал Аскахале Дуротиль, другой - Хаклашара, почтенному золотому

вирму, который был ее партнером. В тот момент Заор не мог с уверенностью сказать, кто из них двоих был более грозным.

Странные, почти рептилийские глаза эльфийки были единственным намеком на цвет. Белые волосы и кожа, затянутые в бледную кольчугу и серебристо-серую тунику, Ахскахала очень походила на копье, которое она несла: высокая, стройная, смертоносная. В янтарном взгляде дракона было больше тепла, чем в ее собственном, и меньше угрозы.

Воительница слушала предупреждения Заора с напряженным вниманием.

"Я могу встретить полет с тридцатью всадниками", - сказала она наконец. "Но, говорю тебе, этого будет недостаточно. Большинство драконов - молодые. Даже если бы их не было, число против нас".

"Возможно, звездолеты изменят баланс", - сказал Заор. Даже когда он говорил, он понял, как пусто прозвучали его слова.

Дракон Хаклашара прочистил горло - ужасный скрежещущий звук напомнил Заору первую стадию горного обвала.

"А как насчет гигантских орлов, которые гнездятся на высоких скалах?" - предложил вирм. "Я много раз говорил тебе, женщина-эльф, что их тоже можно убедить взяться за обучение вас, эльфов. По крайней мере, они могли бы снять часть бремени по защите Эвермита с плеч драконьего народа!"

Эльфийка посмотрела на своего скакуна. "Сейчас не время петь эту старую песню! Даже если бы ты был прав - а я не утверждаю, что ты прав, - сейчас не время для этого. Такие птицы должны начинать обучение с момента появления из яиц. Ни один необученный орел не сможет работать с эльфийским всадником".

"Или наоборот", - презрительно заметил дракон.

Несмотря на шутливый характер этого обмена мнениями, слова дракона натолкнули Заора на внезапную, отчаянную мысль. Он знал, что все существа, сделавшие Эвермит своим домом, тесно связаны с волшебным островом. Обычный орел, защищающий свое гнездо, был грозным противником. Возможно, в горах, которым они дали свое имя, обитало до пятидесяти гигантских орлов. Если ему удастся убедить этих существ присоединиться к предстоящей битве, у них появится реальный шанс.

"Кто ведет гигантских орлов?" - спросил он у Хаклашары.

"Хм..." Дракон поднял лапу и задумчиво постучал одним массивным когтем по своему чешуйчатому подбородку. "Думаю, это Ветрокрик".

"Ты знаешь, где его найти? Можешь отвести меня туда?"

"Ее", - поправил дракон. "Ветрокрик - самка, и такая же противная, как и другие двуногие перед тобой. Что касается твоих вопросов, то да и да. Я знаю, где находится ее гнездо, и я отведу тебя туда". Огромное существо выскользнуло из пещеры, извилистое, как змея, затем присело, чтобы Заор мог взобраться ему на спину.

"Ты позволишь другому эльфу ездить на тебе?" - изумленно спросила Ахскахала.

Дракон бросил на своего эльфийского партнера взгляд чистого, злорадного восторга. "Только у эльфа хватит здравого смысла распознать мудрость, когда он ее слышит", - лукаво сказал он. На его чешуйчатом лице появилось загадочное выражение, и он добавил более серьезным тоном: "И только тот эльф, который носит такой меч".

Прежде чем Ахскахала успела высказать свой протест, дракон расправил крылья и взмыл в воздух.

Внезапный порыв ветра и скорость едва не сорвали Заора с места. Он вцепился обеими руками в рог седла, держась за него изо всех сил и ругаясь с солдатской беглостью.

Сквозь пронзительный ветер донесся низкий, скрипучий смешок. "Привыкай, король эльфов", - посоветовал дракон. "Как ни больно мне это признавать, но в пикировании Ветрокрик летит даже быстрее меня!"

Хаклашара неуклонно набирал высоту, пока под ними не осталась лишь гряда облаков. Вдруг он изогнул крылья в тугую дугу и спикировал вниз по кругу.

Когда они вырвались из облаков, глаза Заора расширились в панике. Дракон с невероятной скоростью мчался к отвесной скалистой стене горы.

Глубокий, рокочущий смех вирма отскакивал от горы и снова и снова отражался от холмов за ней. Как раз в тот момент, когда Заор был уверен, что видит перед собой тени деревьев Арвандора, Хаклашара круто повернул в одну сторону, а затем с удивительной легкостью и непринужденностью приземлился на большой каменный выступ.

Ветер все еще ревел в ушах Заора, когда он прыгнул с седла. И все же он едва не оглох от пронзительного крика - крика настолько мощного, что он сотрясал камни и посылал их вниз по скалистому склону горы. Взмахнув крыльями, Ветрокрик бросился на захватчиков.

Лунный клинок Заора с шипением вырвался из ножен. Эльф поднял меч в защитную позицию и устоял на ногах.

Аура силы, словно сияющая голубая дымка, окружила эльфа. Магия сверкала, как пойманная молния, по всей длине вырезанного рунами меча. И все же Заор не напал на диковинную птицу.

Ростом с боевого коня и в золотых перьях, огромный орел был великолепен в своей ярости. Заор лишь надеялся, что Ветрокрик, как и Хаклашара, осознает значение волшебного меча и судьбу эльфа, владеющего им.

Ветрокрик остановилась за пределами светящейся ауры, ее крылья дико бились, а яростные золотые глаза были устремлены на дракона. Порывы ветра от ее трепещущих крыльев грозили смести Заора с ног, несмотря на защитный магический щит меча.

"Зачем ты пришел в мое гнездо, дракон?" - потребовал орел высоким, звонким голосом. "Принеси много синей магии, эльф с мечом. Как ты пришел? Если хочешь украсть яйцо, ты опоздал! Яйца вылупляются, птенцы становятся птенцами. Детей здесь нет - летите далеко и сильно!"

"Ты принимаешь меня за скворца или белку? Я не грабитель гнезд, и ты это прекрасно знаешь!" - прорычал дракон.

Заор сделал один шаг вперед. "Не вини Хаклашара за это вторжение, королева Ветрокрик. Эвермиту нужны ты и твои сильные дети".

Орлица наклонила голову и посмотрела на эльфа. "Кто ты?"

"Для существа с легендарно острым зрением ты удивительно медленно соображаешь, что перед тобой", - сухо сказал дракон. "Ты не осознаешь силу меча, не

так ли? Он пульсирует так, словно это сердце Эвермита! 'Много голубой магии', действительно! Это эльфийский король, болван с перьями! Наконец-то он пришел".

Это было не то утверждение, которое Заор считал возможным сделать, и не то, которое он хотел бы подтвердить. К его облегчению, Ветрокрик приняла заявление дракона без вопросов. "Зачем ты пришел в мое гнездо, король эльфов?"

"Я пришел, чтобы сообщить о большой опасности для твоего и моего народа", - сказал эльф. "Ты не ночная птица, поэтому, возможно, весть не дошла до тебя. В восточном небе сияет ярко-красная звезда. Когда это происходит, часто собирается стая злых драконов, чтобы присоединиться к полету разрушения. На этот раз они направляются прямо к Эвермиту. Мы должны остановить их, пока они не достигли острова".

Гигантский орел задумался над этим. "Что ты хочешь, чтобы Ветрокрик сделала, король эльфов?"

"Ты - королева своего рода. Веди их в бой. Риск будет велик, - серьезно сказал он ей, - и многие из твоих сородичей не вернутся. То же самое относится ко всем, кто будет сражаться, будь то орлы, драконы или эльфы. Но у нас нет другого выбора, кроме смерти для всех".

"Хм. Люди-орлы никогда не сражаются с драконами", - размышляла Ветрокрик, но в ее голосе не было страха.

"Я сражался, - сказал Заор, - и верю, что твое боевое мастерство соответствует задаче. Если ты будешь работать со мной, я верю, что вместе мы сможем повернуть их вспять".

"Доверяешь, король эльфов?"

Ветрокрик на мгновение уставилась на эльфа, ее дикие глаза не поддавались прочтению. Затем она бросилась на него, ее крючковатый клюв нырнул к его горлу.

Доверяя своему инстинкту, Заор не дрогнул и не попытался парировать атаку. Огромный клюв сомкнулся в двух шагах от его лица. Почти глаза в глаза орел и эльф смотрели друг на друга.

Гигантский орел отступил назад. "Ты очень храбр, король эльфов", - одобрительно сказала она. "Ты доверяешь Ветрокрику, а Ветрокрик доверяет тебе. Орлиный народ сражается с эльфами и драконами по сей день".

"Теперь, когда все улажено, - сказал дракон, - я ухожу. Ахскачала не самый терпеливый из эльфов, и ее настроение не улучшится от предстоящей битвы. Ваши величества". Без иронии великое существо склонило свою рогатую голову перед орлом и эльфом, а затем спрыгнуло с уступа в воздух.

Ветрокрик тоже расправила крылья. "Ты ведь не собираешься идти?"

Это фактически решило следующую проблему Заора - как убедить гигантского орла позволить ему прокатиться на ее спине. Эльф забрался на ее широкие плечи, сидящие прямо за огромной золотой головой. С пронзительным криком орел поднялся в небо.

* * * * *

В Башне Солнца Амларуил объединилась с другими Высшими Магами в заклинании поиска. В объединенном видении Круга эльфы протянули руки через

многие мили, через открытое море, к драконам, которые неуклонно летели на крыльях к Эвермиту.

Их было около семидесяти. Многие из драконов несли на себе шрамы долгого полета: чешуя потускнела или линяла, крылья истерлись от штормов и морских ветров, кожистая шкура на шее свисала свободными складками над истощенной плотью. Повинуясь странному побуждению драконьего полета, великие существа улетали далеко без отдыха и пищи.

Но эльфы не слишком обрадовались этому свидетельству усталости драконов. К этому времени существа были в отчаянии, и, стремясь достичь Эвермита, они, конечно же, бросили бы все свои оставшиеся силы против защитников.

Но даже когда эльфы с трудом переваривали ужасающий мысленный образ драконьего полета, в их обширное магическое полотно вкралось новое чудо. Амларуил затаила дыхание от благоговения при первом взгляде на звезднокрылый флот.

Их было десять, все боевые корабли, и они летели навстречу вторгшимся драконам, словно стая титанических бабочек. Их тонкие хрустальные корпуса рассекали воздух так же стремительно, как и гладкие формы драконов, а сверкающие, ярко раскрашенные пары двойных парусов ловили каждое дуновение ветра.

Пока Амларуил наблюдала, кроваво-красный корабль, шедший впереди, выстрелил из своей баллисты. Огромный болт с железным наконечником устремился к ближайшему черному дракону.

К изумлению эльфа, черный вирм ловко выхватил оружие из воздуха одной передней лапой. Тут же он прижал копьё к телу, чтобы сила остановившегося болта не пришлась на одну конечность. Затем дракон крутанул болт баллисты вокруг себя, проворно, как эльфийский боец крутил бы свой посох. Его массивный черный язык высунулся и лизнул острый наконечник.

Едкое шипение и вонь горящего металла наполнили воздух, когда кислота черного дракона начала плавить железный наконечник. Держа оружие как копьё, существо взвилось в воздух и метнуло болт баллисты обратно в сторону головного корабля.

Военный корабль резко дернулся в сторону, но испорченное оружие пробило правое крыло. Дыра, которую оно оставило после себя, начала расти по мере того, как кислота распространялась, прогрызая себе путь через багровое крыло и посылая тающие капли, падающие, как кровь, на палубу внизу. Крики раненых эльфов отдавались ужасным эхом. Корабль зашатался, погружаясь в море.

Оставшиеся корабли быстро развернулись, чтобы образовать оборонительную линию между островом и приближающимися драконами. Удар за ударом наполняли воздух, когда их катапульты обрушили на приближающихся драконов непрерывный шквал разящих снарядов.

Смертоносный огонь возымел действие. Четыре существа упали в воду по спирали, их крылья были разорваны и бесполезны. Но остальные, даже раненые, неуклонно приближались. Во главе их шел молодой красный дракон, крупный самец. Полосы брони, окружавшие могучую грудь дракона, вздулись, когда существо напилось топливом для убийственного взрыва.

Огненные щиты, быстро!

Голос Джанналора Ньерде, настоящий и отчаянный, звучал в сознании каждого эльфа Круга. Как один, Высшие Маги нараспев произнесли слова, из которых должно было сложиться защитное заклинание.

Из пасти существа вырвался огонь и хлынул потоком пламени, казалось, бесконечным потоком жара и разрушения. Огромный изогнутый магический щит, ограждавший корабли, отбросил пламя, но уже через несколько мгновений некогда невидимый барьер раскалился докрасна, а его поверхность полыхала и пузырилась, как плавящееся стекло.

Большинство наступающих драконов успели увернуться от отраженных волн огня. Они скользили под кораблями, позволяя обжигающему жару и пламени безвредно подниматься вверх. Только два дракона попали под восходящий поток и были подброшены высоко в небо.

Достаточно, с облегчением подумала Амларуил. Корабли выдержали самое страшное оружие драконов, к тому же они находились выше большинства вирмов, а значит, в гораздо более защищенном положении.

Немедленно боевые корабли начали маневрировать в новом строю. Корабли на внешних краях линии развернулись на запад, остальные последовали за ними, пока все девять не образовали круг. Драконы, однако, не знали такой организации. Они набросились на корабли со всех сторон, внезапно, ужасно, безжалостно атакуя.

Исчезла и всякая надежда на организованную защиту. Волшебники на борту всех кораблей пустили в ход противодействующее оружие. Массивные огненные шары рванулись в сторону красных драконов, встречая ответный огонь вспышками разноцветного света и сокрушительными взрывами звука. Зачарованные стрелы летели из луков, переданных по наследству от древних героев, истребители стремились попасть в уязвимые глаза и широко разинутые пасти атакующих вирмов.

Круг делал все, что мог, следуя примеру Джанналора и объединяя свои силы для одной атаки эльфов за другой. Но драконов было слишком много. Они били эльфийские корабли магией, срывались вниз и настигали эльфийских бойцов в своих когтях, резали паруса своими зубами и когтями и врезались в хрустальные корпуса своими огромными телами. Они сражались почти в исступлении, подгоняемые собственным отчаянным голодом и непреодолимым, таинственным побуждением драконьего полета.

Не помогла магам и оборонительная позиция Звездокрылов, ибо не было ни одной атаки, на которую можно было бы направить свои силы. Один за другим корабли были разбиты драконьим огнем, или расплавлены ужасными облаками кислотного дыхания, или настолько повреждены или лишены экипажа, что были вынуждены брести вниз к морю.

Внезапный всплеск магии, словно солнечный свет, пробившийся сквозь зимние тучи, затопил объединенные разумы эльфов Круга. Как один, они мысленно взмыли вверх в поисках ее источника.

Навстречу битве в точном строю летели тридцать золотых и серебряных драконов, каждый из которых нес эльфийского воина.

Губы Амларуил изогнулись в торжествующей улыбке. Она узнала грозную леди Майларлу Дуротиль. Матрона восседала на почтенном серебряном и выглядела так, словно была рождена для битвы. Мрачная серая эльфийка, скакавшая по правую руку от нее, могла быть только легендарной Ахскаhalой. С такими героями, как эти, сражающимися за Эвермит, победа не заставит себя ждать!

И все же, даже наблюдая за тем, как Джанналор плетет сеть силы, поддерживающую всадников, словно благоприятный ветер, Амларуил понимала, что битва не будет выиграна легко.

Драконьи всадники заходили сверху, атакуя захватчиков огромными пикирующими прыжками и импульсами магической силы. Но злые драконы отвечали своим страшным оружием. В страшной путанице крови и стали, пламени, дыма и магии пары гигантских существ сцепились в небе. То тут, то там сплетенные драконы падали с огненных облаков, чтобы их поглотило поджигающее море.

Над ревом сражающихся драконов и ответными криками эльфийских бойцов раздался пронзительный далекий голос, подхвативший боевые клич эльфов. Гигантские орлы, почти такие же огромные, как некоторые из драконов, спустились с неба. Возглавляла их дивная золотая женщина, а на ее спине восседал Заор Лунноцветущий. Его дикие темно-синие волосы развевались позади него, как грозная туча, а лунный клинок, которым он орудовал, пылал огнем.

Амларуил инстинктивно потянулась к нему. Ее магия укрепила его руку, и он бросился навстречу оскаленной пасти красного дракона. Меч отбросил голову дракона в сторону, и крючковатый клюв орлиного напарника Заора глубоко вонзился в уязвимую шею.

Молодой маг почувствовала, как поблизости взметнулась волна собирающей магии, и обратила свое внимание на маленького черного дракона, который затаил дыхание для атаки на смертоносного орлиного всадника. Амларуил почувствовала защитный щит лунного клинка и призвала его своей магией. Дракон изрыгнул кислоту в фекальном потоке. Она ударилась о созданный лунным клинком щит и растворилась в дурно пахнущем облаке, как легко рассеивается чашка с водой, брошенная в дварфийскую кузницу.

Амларуил глубоко проникла в магию меча Заора, отыскала его секреты и вложила свою магию в его силу. Сама того не подозревая, она освободилась от своего места в Круге и связала себя узами еще более глубокими и мистическими. И все же в далеком уголке своего сознания она все еще слышала голос Джанналора, все еще ощущала недоуменные мысли магов, сосредоточивших свои усилия на укреплении нового и могущественного Центра, неожиданно захватившего власть в ходе битвы.

Заор, казалось, был повсюду, его меч мелькал и пикировал, сражаясь с вторгшимися драконами. Он и его великолепный орел работали вместе, словно одно существо. Амларуил смутно слышала голос эльфа, когда он выкрикивал ободряющие слова и наставления метко прозванному Ветрокрику. Но больше того, она чувствовала, как в лунном клинке Заора пульсирует особая магия самого эльфийского острова, связывая защитников воедино. Она знала эту магию, ибо она струилась по ее телу и пела в ее жилах.

Не только она почувствовала силу Заора и его меча. Другие орлы, даже драконьи всадники, сплотились вокруг воина лунного эльфа, и магия королевского меча тонко потянулась к каждому ребенку Эвермита, чтобы коснуться его и вдохновить.

Орлы атаковали без устали, разя вторгшихся драконов своими крючковатыми клювами и разрывая их кожистые крылья когтями, длинными и острыми, как любой меч. Орлы срывались вниз группами по два и три, врезаясь в драконов, а те, в свою очередь, атаковали эльфийские корабли.

Не все гигантские птицы выжили. Вспышка драконьего огня настигла одного из орлов в середине пикирования, наполнив воздух брызгами золотых перьев и вонью обугленной плоти. Другой спикировал вниз к морю, сломанное крыло свисало над длинной кровавой раной, пробившей его бок так глубоко, что обнажился аккуратный ряд костей.

Но наконец битва закончилась. Единственный эльфийский корабль, дюжина пар драконьих всадников и вирмов и менее десятка гигантских орлов устало взмахнули крыльями, возвращаясь к острову. Они оставили за собой небо, все еще темное от дыма, и море, которое все еще дымилось и кипело от горящих разрушенных кораблей и гигантских воинов.

Медленно, осторожно Джанналор Ньерде вернул контроль над Кругом молодому магу.

Нам предстоит выполнить еще одно задание, которое бросит вызов нашим оставшимся силам. Вы все были связаны магией добрых драконов - вы знаете, что те немногие, кто выжил, без исключения тяжело ранены. Мы должны погрузить их в целительный сон, иначе все умрут, - мрачно сказал Великий Маг.

Я отведу половину Круга - всех самцов, скажем, - в башню в Сумбраре. Некоторые из наиболее тяжелораненых драконов наверняка останутся там, на ближайшей земле. Там есть скрытые пещеры, где они смогут переночевать. Накйаша, отведи остальных к Орлиным холмам и сделай то же самое.

В ответ эльфы отступили от своего общего Круга и реформировали магические связи в две группы. Вместе с другими женщинами-волшебницами Амларуил сосредоточила свою волю на произнесении заклинания, которое должно было перенести их по серебряному пути магии к Орлиным холмам.

Это был первый раз, когда она испытала магическое путешествие. Белый свет окутал ее внезапным, головокружительным вихрем. Втянутая в вихрь, Амларуил крепко держалась за нити магии, связывающие ее с Кругом, и за более глубокие, более личные узы, которые вели ее туда, куда ей было нужно.

Когда магия угасла, Амларуил почувствовала холодное дуновение ветра на своем лице. Осторожно открыв глаза, она обнаружила, что она и ее Круг стоят примерно на полпути к западному склону горы. Над ними кружились и парили пять серебряных драконов и один большой золотой. За ними, как яркие тени, следовали орлы.

Золотой дракон был явно в беде. Одно крыло было сильно потрепано. Разорванная плоть виднелась сквозь щель, где расплавленная чешуя, как жидкое золото, стекала по его израненному флангу. Ахскахала была не в лучшем состоянии. Ее лицо почернело от копоти и засохшей крови, а волосы и туника были сожжены. Заор и его орлиная напарница держались рядом с раненым драконом. Амларуил

слышала его голос, ощущала магию его меча, и они вместе, в бодрящей гармонии, подбадривали слабеющего вирма.

Дракон, которого Заор назвал Хаклашарой, опустился на землю, слишком сильно приложившись и больно ударившись о каменистый склон холма. Его голова, лишенная теперь одного из гордых, закрученных рогов, повернулась назад, чтобы посмотреть на своего эльфийского партнера. Странно довольная улыбка искривила его рептилоидную пасть, когда он заметил, что Ахскахала по-прежнему сидит на своем месте.

Амларуил метнулась вперед и подхватила раненую эльфийку, когда та упала. "Ты должна поговорить с драконом, помочь ему найти дорогу в пещеру", - убеждала она, опуская Ахскахалу на землю. "Мы погрузим его в глубокий магический сон. Он исцелится и будет жить, чтобы снова служить Эвермиту".

Красные глаза воина остановились на лице Амларуил. "Я присоединюсь к нему", - пролепетала она.

"Но..."

"Я присоединюсь к нему", - сказала Ахскахала более твердым голосом, который не приглашал и не позволял спорить. "Мы с Хаклашарой будем вместе исцеляться и вместе пробуждаться. Ты должна это сделать, маг!"

Нежная рука легла на плечо Амларуил. Еще не подняв глаз, она поняла, что Заор подошел к ней. "Иначе ей не жить", - мягко сказал он.

Молодой маг кивнула. Заор поднял драконицу на руки, и трое эльфов направились в пещеру, за ними последовал тяжелораненый дракон.

Когда они оказались в глубине горы, Аскахала объявила привал. Она стиснула зубы, когда Заор осторожно опустил ее на землю, а затем с удовлетворением посмотрела на каменную палату и дракона, который свернулся вокруг нее, как огромный кот, готовящийся задремать.

"Все хорошо. Здесь мы останемся, пока нужда Эвермита не станет столь же серьезной, как в этот день. Если этот день настанет, призови нас".

Воительница сняла с руки кольцо и протянула его Заору. "Произнеси мое имя, мой господин, и драконы всадники ответят на твой призыв. Если боги будут добры, а день будет долгим, ты должен отдать это кольцо тому, кто будет править после тебя".

"Ты знаешь", - удивленно произнес Заор.

На почерневшем лице эльфийки появилась слабая улыбка. "Если такой дремучий человек, как Хаклашара, может видеть, что ты собой представляешь, неужели ты думаешь, что я не могу?"

"Я слышал это, эльф", - проурчал дракон.

Тихонько хихикнув, Аскахала прислонилась спиной к чешуйчатому боку своего партнера. "Займись своей работой, маг. Мы очень устали".

На мгновение Амларуил охватила паника. Заклинание, которое она должна была произнести, было Высшей магией, чарами настолько сильными, что их нельзя было безопасно произнести вне силы и поддержки Круга. И это при том, что заклинание предназначалось только для дракона; отправить эльфа в бесконечный покой было еще сложнее.

И все же, что еще она могла сделать? Дракон и эльфийские герои погибнут прежде, чем Амларуил успеет собрать остальных эльфов, которые, к тому же, будут заняты другими своими подопечными драконами.

Маг сделала длинный вдох, чтобы укрепить свою решимость, а затем погрузилась в магию. Она вызвала заклинание, ее тело покачивалось, а руки грациозно жестикулировали, когда она произносила слова, призывая нити магии и сплетая их в нужный узор. По мере того как она работала, она чувствовала, как серебристая паутина обретает форму, а затем опускается на пару воинов, словно утешительное одеяло.

Поглощенная силой магии, Амларуил не чувствовала, как проходит время. Она не чувствовала ни голода, ни усталости, которые так часто мучили магов после работы Круга. Более того, она чувствовала, что поток магии оживляет ее.

Почти с сожалением она освободилась от заклинания и оставила Ахскахалу и ее друга-дракона наедине с их долгой дремой. Не разговаривая, они с Заором вышли из пещеры.

Когда они вышли из пещеры, склон горы был пустынен, и закат окрашивал дальние холмы. "Остальные, должно быть, вернулись в Башни", - пробормотала Амларуил. "Работая вместе, они могли бы выполнить задание быстрее, чем один".

После минутного молчания Заор протянул руку и взял ее руки в свои. "Я чувствовал, что ты со мной во время битвы. Твою магию, твою силу".

Эльфийка кивнула. Связь, которая образовалась между ними, все еще пела в ее крови и наполняла ее душу. Робкая улыбка искривила ее губы, когда она заглянула в ищущие глаза воина и увидела в них то же знание.

В ту ночь Амларуил не вернулся в Башни, и Заор не повернул свои шаги на юг, к крепости Руит. В каменной палате в сердце Эвермита, купаясь в мягком свете королевского меча, они признали то, что знали с первой встречи. В ту ночь, словами и любящими поступками, они с радостью поклялись друг другу в будущем. Они принадлежали друг другу, а вместе - Эвермиту.

С первыми лучами рассвета влюбленные попрощались, каждый из них был доволен тем, что их соединенная судьба непременно вернет их в объятия друг друга.

Амларуил долго стояла у устья пещеры и смотрела, как воин спускается с горы, спеша к горстке оставшихся в живых драконьих всадников, собравшихся в долине внизу.

Несмотря на все, что Заор рассказал ей о своем отъезде из Крепости Светового Копья, Амларуил почти не опасалась, что его ждет порицание. Во-первых, корабль капитана Хорита Эванара пропал, разбившись на осколки хрусталя под тяжестью падающего дракона. Даже если бы капитан выжил, он не смог бы отрицать, что Заор Лунноцветущий был одним из истинных героев битвы. Без драконьих всадников, без гигантских орлов полет злых драконов прорвался бы сквозь щиты Эвермита и опустошил бы остров.

И еще больше Амларуил верила в судьбу, о которой ей нашептывал лунный клинок, который носил Заор. Ему было суждено править, и ей - вместе с ним.

Яркие мечты наполняли ее мысли, пока она вызывала серебряный путь, который должен был перенести ее обратно в Башни. Но когда вихрь и спешка волшебного путешествия стихли, ее встретили звуки скорбного эльфийского плача.

Высокие, бессловесные рыдания наполнили воздух, когда эльфы Башен предались скорби. Амларуил подобрала юбки и побежала к Башне Солнца. Она ворвалась в нижнюю комнату, где стоял один-единственный эльф, задрапированный и закутанный в мантию Великого Мага Башен.

"Джанналор! Что случилось? Что случилось?" - вскричала она.

"Тише, дитя". К удивлению Амларуил, голос принадлежал не Джанналору, а Накйаше. Лесная эльфийка повернулась лицом к молодому магу и опустила платок, скрывавший ее залитое слезами лицо. "Не произноси его имени, пока его дух еще так близок к Эвермиту, чтобы он не отвернулся от Арвандора из-за любви к тебе".

Молодому магу это казалось невозможным. Сколько она жила - почти три с половиной столетия - Джанналор Ньерде правил Башнями Солнца и Луны. Его спокойное присутствие казалось постоянным и предсказуемым, как рассвет.

"Конечно, он не умер!" - запротестовала она.

"Вместе с другими магами, которые зачаровали драконов", - печально ответила Накйаша. "Задача была слишком велика, магия, связывавшая нас всех вместе, была слишком напряжена битвой и нашим далеким расстоянием друг от друга. Ты не была частью Круга, поэтому не могла знать. Но каждый из пяти магов, отправившихся с нами в Орлиные холмы, сопровождал серебряных драконов в отдельных дальних покоях среди пещер. Я чувствовала, как они умирали, когда чары были сняты, но ничего не могла сделать, чтобы спасти их".

Амларуил уставилась на своего наставника, мысли ее кружились в смятении и ошеломленном горе. Среди магов было много ее самых близких друзей и ближайших родственников. "Как же мы с тобой до сих пор живем? Это кажется невозможным. Это не похоже..."

"Правильно?" - закончила старая эльфийка. "Не думай, что я не задавалась этим вопросом много раз. Но делать это - значит сомневаться в воле богов. Ты и я, Амларуил, несем особое благословение Селдарина. Как ты думаешь, сколько мне лет?"

Девушка моргнула, пораженная кажущейся бессмысленностью. "Ты старше среднего возраста, возможно, тебе уже пятый век".

Накйаша фыркнула. "Удвой это, и ты была бы ближе. С тобой будет то же самое. Не смотри так сомнительно! Ты прожила три века с лишним, но многие, кто видит тебя, принимают за девицу, только что вышедшую из детства. А как же твоя сила? Ты не должна была в одиночку наложить заклятие на дракона, но ты смогла. Ты выжила, даже когда те, кто объединился в Круг, не могли выдержать поток магии. Это тяжелый факт, но ты должна привыкнуть к нему, ибо это твоя судьба. Как и это".

Лесная эльфийка сняла мантию Великого Мага и подошла к Амларуил, чтобы накинуть ее на плечи. "Такова была воля того, кто правил этими башнями, чтобы ты стала его преемницей. Я лишь сохранила его в тайне до твоего прибытия".

Амларуил уставилась на свою наставницу, не в силах воспринять все, что она сказала. "Но у меня есть обязательства в другом месте", - прошептала она.

"А ты?" Накйаша пронизательно посмотрела на нее. "А. Я поняла, в чем дело. Молодой воин, которого ты поддерживала во время битвы, не так ли?"

"Даже так", - бодро сказала чародейка, не дожидаясь ответа. "Какова была природа твоего обещания - просто обещание молодого любовника или же она желает служить всему своему Народу?"

"Должна ли я выбирать?"

"Возможно".

Пальцы Амларуил запутались в складках мантии Великого Мага, словно не зная, притянуть ее ближе или отбросить в сторону. Однако слова Накйаши нельзя было отрицать. Обещания, которыми они с Заором обменялись в долгие, сладкие часы ночи, пели в ее сердце, и она была верна им. Они были преданы друг другу и служению Эвермиту.

В своем сердце Амларуил знала, что она - истинная королева Заора. Но, несомненно, перед Заором лежал долгий и трудный путь, прежде чем он будет признан королем Эвермита. Возможно, она сможет лучше послужить его судьбе, приняв то, что возложил на нее бывший Великий Маг.

Эльфийка подняла голову в бессознательном повелительном жесте. "Мы должны собрать магов. Когда многие из нас пали, многое нужно сделать, чтобы восстановить силу Башен и поднять дух тех, кто остался".

Слабая улыбка, одновременно гордая и печальная, пересекла лицо Накйаши. Джанналор Ньерде сделал хороший выбор - Амларуил наполнила мантию власти так, словно была создана для этой задачи. Чародейка склонила голову в знак уважения и вышла вслед за новым Великим магом во двор Башни.

18. Во благо Народа

Эльфы, сидевшие за столом Совета Старейшин, с ошеломленным изумлением смотрели, как леди Майларла Дуротиль откладывает в сторону свой служебный плащ.

"Не выглядите так ошеломленно", - сухо сказала эльфийская женщина. "В последние годы титул Верховного Советника был в основном почетным. Откровенно говоря, это честь, без которой я могу прожить".

"Дуротиль никогда не уклонялся от выполнения долга", - сказал Бельстрам Дуротиль жестким, сердитым голосом.

"Я тоже", - ответила матрона. "Недавняя битва показала мне, как я могу лучше всего служить народу и себе. Я меньше подхожу для придворной жизни, чем для генеральского командования, и, не желая обидеть, скажу, что предпочитаю общество дракона обществу любого эльфа в этой комнате", - добавила она, пристально глядя на своего правнучатого племянника. Бельстрам сердито покраснел и отвел взгляд.

"Слагая с себя полномочия Верховного советника, - продолжала леди Дуротиль, - я не предлагаю распустить сам Совет. Но, заметьте, его роль, как и моя собственная, должна измениться".

"Леди Дуротиль", - прервала Сайда Эванара надменным голосом. "С вами или без вас, Совет правит Эвермитом уже несметное количество веков. Это традиция. То, что вы предлагаете, абсурдно".

"Правда?" - язвительно сказала матрона. "Возможно, мое пребывание в Орлиных холмах дало мне расстояние, необходимое для ясного видения. Вы хотите обсудить абсурд? Очень хорошо. Пока этот совет в мое отсутствие обсуждал план действий, пока командиры различных войск боролись за личную славу, драконы пролетели в одном дне пути на корабле от наших берегов! Ваш родной брат, Хорит Эванара, был убит в этой битве. Если бы он не поступил так, как поступил, вступив в бой без совета или созыва драконьих всадников, перед нами не стояла бы задача выбрать ему замену!"

"Что касается этого, я не вижу причин, по которым Совет должен обсуждать этот вопрос. Командовать должна я", - заявила Сайда, ухватившись за единственный пункт в речи леди Дуротиль, представляющий личный интерес. "Возможно, я не так давно в Эвермите, но в своем клане я стою рядом с Хоритом по воинскому званию и опыту".

"Клан Ньерде не уникален в производстве способных воинов", - заметила Франческа Серебряное Копье. "Да и ты, Сайда, не единственный сидящий здесь эльф, который сражался за жизнь Миф Драннора!"

"Это правда, но неужели ты хочешь, чтобы мы отбросили все традиции за один день?" - горячо возразила Сайда. "На протяжении веков клан Ньерде удерживал Руит и командовал Сумбраром!"

"И что теперь с Руитом?" - спросил Монтагор Амариллис, молодой дворянин с ярко-рыжими волосами, характерными для его клана. "А что с Сумбраром? Флот Звездокрылов практически уничтожен. Многие маги Башни Сумбрара погибли, пытаясь спасти выживших драконов. Наши запасы оружия и магии опасно истощились из-за действий последнего Эванара, удерживавшего Крепость Светового Копья. Я, со своей стороны, не желаю видеть продолжение наследия Хорита Эванара!"

Сайда обратила на лунного эльфа холодный яростный взгляд. "Амариллисы всегда были честолубивы, Монтагор. Ты будешь рад, если контроль над вооруженными силами Эвермита перейдет к золотым эльфам. Далее ты будешь утверждать, что Эвермиту пора поклониться королевской власти лунных эльфов!"

"Именно так я и думаю, и именно по этой причине я созвала совет в этот день", - твердо заявила леди Дуротиль, превратив насмешку Сайды в утверждение истины.

Она позволила тишине затянуться, чтобы придать вес ее следующим словам. "Я знаю, что многие из благородных семей, особенно кланы золотых эльфов, такие как мой собственный, будут сопротивляться этому. Но все мы знали, что время придет! Я говорю, что оно пришло, сейчас".

"Это правда, что с единым голосом, повелевающим всеми силами Эвермита, мы сможем лучше реагировать на внезапную угрозу", - признал Ялатанил Симберн. "Согласно докладам леди Дуротиль, ход битвы изменился, когда командование принял молодой Заор Лунноцветущий. Я могу говорить только о том, что видел, но полагаю, что если бы Миф Драннор возглавлял один-единственный способный

правитель, а не спорный совет, его судьба могла бы сложиться совсем иначе. Эвермит должен учиться и двигаться вперед".

Несколько членов совета задумчиво кивнули. Если бы это мнение исходило от лунного эльфа, оно не попало бы на такую восприимчивую почву. Но дом Симбернов был древним и почтенным, даже если сам волшебник из рода золотых эльфов был новым голосом в совете. Ялатанил и еще несколько выживших членов его клана бежали из разрушенного Миф Драннора, чтобы поселиться в Эвермите. Он уже пользовался всеобщим уважением как за свои магические способности, так и за мудрость.

"Я согласна с мнением леди Дуротиль о Заоре Лунноцветущем", - добавила Кирла Ястребиная Песнь, престарелая менестрель, возглавлявшая клан серебряных эльфов. "Его вербовка гигантских орлов была блестящей. Члены моего дома уже следили за этой победой и обсуждают с королевой Ветрокрик возможность формирования постоянного отряда орлиных всадников".

"Мы отклоняемся от сути дела", - заметил Монтагор Амариллис. "По словам нашего Верховного Советника, народу Эвермита пора выбрать королевскую семью. Я предлагаю, чтобы совет поставил этот вопрос на голосование сегодня же!"

"Молодые так мало заботятся об истории", - сухо сказала леди Дуротиль. "Ты забываешь, что выбор будет сделан не советом, а волей богов, истолкованной зачарованными мечами?"

"Забыл? Это вряд ли, - усмехнулась Сайда, - учитывая, что в клане Амариллис до сих пор хранится живой лунный клинок! Говорят, что Монтагор Амариллис немного провидец. Возможно, в своих мечтах о будущем он воображает себя королем".

"Что касается этого, то это должны сказать боги", - благочестиво ответил Монтагор. "Однако верно, что лунный клинок Амариллиса невостребован. Моя бабушка, Чин'нестре, была среди командиров Крепости Светового Копья, которые повели флот Звездокрылов против захватчиков. Она была убита драконьим огнем; ее меч был найден на обугленных останках корабля".

"Меч твоей бабушки - не единственный лунный клинок Амариллис, все еще служащий людям", - утверждала Франческа Серебряное Копье. Пока она говорила, воительница коснулась лунного камня в рукояти своего собственного клинка. "Я знаю это, ибо сражалась рядом со многими из твоих сородичей. Во время падения Миф Драннора погибло много героев, в том числе и много лунных бойцов. Некоторые из этих мечей остались невостребованными, другие были утеряны".

"Откуда нам знать, что один из этих потерянных мечей, возможно, не был предназначен для определения королевской власти?" потребовала Сайда Эванара. "Как можно принять такое решение сейчас, когда не все лунные мечи могут быть учтены?"

"В этом нам придется довериться богам", - твердо сказал Ми'тиларро Илороти. Слова золотого эльфа были настолько весомы, что все протестующие замолчали, ибо патриарх древнего клана золотых эльфов был также верховным жрецом Кореллона Ларетиана.

"Значит, решено", - твердо сказала леди Дуротиль. "Разошлите весть всем кланам Эвермита и всем эльфам, носящим лунные клинки на материке. Когда наступит летнее солнцестояние, все соберутся на лугах вокруг Дрелагары".

Внимание Монтагора внезапно оказалось приковано к стоящему перед ним кубку. "Как вы заметили, леди Дуротиль, мои познания в истории, возможно, не такие, какими должны быть. Скажите, что произойдет, если более одного клана докажут владением лунным клинком свое право на престол?"

Лицо Майларлы Дуротиль стало мрачным. "Все будет так, как было всегда: это решат боги. Каждый меч развивает определенные силы, и эльф, владеющий мечом, должен быть равен вызову своего клинка. Кто владеет самым мощным мечом, и кто владеет им лучше всех, тот и завоюет трон."

"Ты хочешь сказать, что эльфы благородных кровей должны сражаться друг с другом?" спросил Монтагор, явно потрясенный.

Улыбка эльфийки была в высшей степени ироничной. "С каких это пор, юный лорд Амариллис, мы стали делать что-то другое?"

* * * * *

Во всем Эвермите было мало мест, столь же прекрасных, как Дрелагара. Небольшой город, он компенсировал симметрией и тихой красотой то, чего ему не доставало в величии. Все здания были построены из белого мрамора, волшебным образом поднятого из глубин Эвермита, а весь город располагался в центре просторов пологого луга, ширина которого составляла более шестидесяти миль. Со всех сторон эти луга были окружены лесами, а в одном дне пути от них находились чудесные белопесчаные пляжи Сиилута.

Лунные лошади, эти волшебные белые звери, которые были добровольными союзниками и друзьями эльфов, обрели свой дом на лугах Дрелагара. Когда наступал день летнего солнцестояния, лунные кони были так же заметны, как и эльфы. Их блестящие шерстинки сверкали в бледном свете восходящего солнца, когда они прогуливались среди собравшихся людей и ярких шелковых павильонов, принимая ласки эльфийских детей, вскидывая свои заплетенные цветами гривы, словно любезные хозяева, приветствующие эльфийских гостей.

Со всего Эвермита эльфы собрались на лугу Дрелагара, вместе с представителями многих дальних эльфийских общин. Выбор правящего дома Эвермита был делом, которое волновало весь Народ.

Многие дикие эльфы отважились выйти из глубины леса на это событие, хотя никто не мог точно определить их число. Народ фей держался в тени на опушке леса или собирался под раскидистыми деревьями на лугу. Подобно неуловимым оленям, они были почти невидимы, пока не показывали свое присутствие движением.

Было также несколько представителей морских эльфов, которые носили амулеты, помогающие им дышать воздухом, чтобы они могли наблюдать за церемонией.

Лунные эльфы, разумеется, тоже были налицо. Каждый клан собрался под яркими знаменами своего домашнего штандарта. Те, кто владел лунными клинками, состязались за честь главенства, и этим кланам отводились самые лучшие места в центре места сбора.

Присутствовали и все кланы золотых эльфов, хотя, по общему мнению и негромким комментариям, многие из них не выглядели довольными перспективой скорого правления лунных эльфов.

В Дрелагаре собрались и представители всех других рас фей, ибо король Эвермита станет правителем их всех. Массивные воины-кентавры стояли по периметру леса, с опаской поглядывая на крупные серебристые формы литари - неуловимых, меняющих облик эльфийских людей-волков. Единороги и пегасы обменивались молчаливыми сплетнями. По лугу порхали фейри-драконы, некоторые из них забавлялись тем, что разыгрывали эльфов, а некоторые дико хихикали, гоня делегацию спрайтов, словно пасли стадо крошечных воздушных овец. Пикси удобно расположились на лиственных руках гигантского треанта, древнего, разумного дерева-человека, который с торжественным терпением наблюдал за происходящим.

Почетное место в самом центре собрания было отведено делегации из Башен Солнца и Луны. В своем личном павильоне Амларуил готовилась к празднеству с большей, чем обычно, тщательностью. Как леди Башни, она занимала положение, почти равное положению будущего избранного правителя. Это было ее первое государственное выступление, и в этот день она окажется в центре внимания многих.

Амларуил желала оказать честь Башням, но в своих приготовлениях она руководствовалась и другим, более личным мотивом. Прошло несколько месяцев с тех пор, как она и Заор дали свои обещания в пьянящем послевкусии битвы. С тех пор она его не видела. Все должно быть верно для этой, их первой встречи.

Эльфийка тщательно уложила свои рыже-золотые волосы в замысловатые локоны и надела драгоценности, переданные ей из далеких поколений. Ее платье, хотя оно было прекрасным и сшито из шелка цвета летнего неба, имело меньшее значение, поскольку его прикрывала струящаяся мантия, возвещавшая о ее должности.

"И это хорошо", - пробормотала Амларуил. Маленькая тайная улыбка искривила ее губы, когда она разгладила руками облегающий шелк своего платья. Хотя она не испытывала ничего, кроме радости, от крошечной жизни, которая спала в ее растущем животе, она хотела, чтобы Заор видел прежде всего ее, а не ребенка, который станет его наследником.

Его королевским наследником.

В этом Амларуил была уверена, как в восходе солнца. За несколько месяцев своего пребывания на посту Великого мага под чутким руководством колдуньи Накйаши она успела принять необычную связь между своим духом и богами Селдарина. Настроенная на Эвермит так, что она еще не могла понять, Амларуил знала и признавала силу меча, который носил Заор. Она также чувствовала врожденное благородство эльфа, владеющего им. По мнению Амларуил, Заор был королем Эвермита. Этот день лишь подтвердит то, что она знала.

"Моя госпожа?"

Голос Накйаши, раздавшийся снаружи павильона, вывел Амларуил из задумчивости. Она схватила свою мантию и быстро накинула ее на плечи.

"Идем", - сказала она, напустив на лицо безмятежное спокойствие, и повернулась, чтобы встретить свою наставницу.

Накйаша отмахнулась от закрывшейся завесы и оглядела молодую эльфийку с материнской гордостью. "Ты прекрасна, дитя", - сказала она, на мгновение забыв о формальностях, обусловленных положением Амларуил. "Время церемонии уже близко - ты должна занять свое место среди членов Совета".

Амларуил кивнула и последовала за чародейкой из павильона. В состоянии повышенного возбуждения она внимательно следила за взглядами, которые следили за ней, пока она поднималась по помосту к назначенному месту. Это был первый раз, когда она появилась на церемонии в качестве Повелительницы Башен, и эльфы с понятным любопытством рассматривали нового Великого Мага.

Но даже без мантии Амларуил притягивала к себе удивленные взгляды. Она была очень высокой - на целую голову выше большинства эльфов, и двигалась с неземной грацией, что придавало ей еще большее присутствие. Ее рыжевато-золотые волосы были необычного, поразительного оттенка, и она без тщеславия знала, что ее считают красивой. Даже Лэрот, ее коллега-маг и самый неромантичный и практичный эльф из всех ее знакомых, как-то заметил, что ее лицо остается в памяти, как напевная мелодия. Амларуил надеялась, что и память Заора была поражена подобным образом.

Она заняла место рядом с матроной клана Нимесин, женщиной из рода Золотых эльфов, сильно располневшей после рождения ребенка. Сочувственная улыбка искривила губы Амларуил, но ее слова поздравления так и остались нерожденными, когда эльфийка встретила ее дружелюбную улыбку взглядом, достаточно ледяным, чтобы заморозить приливы и отливы.

"Что ж. Теперь, когда я вижу тебя, я понимаю, почему в Башнях правит серая эльфийка", - холодно сказала эльфийка. "Джанналор Ньерде всегда был дураком, когда ему нравилось красивое личико и летние ночные забавы! Ты, как я понимаю, была его любимой игрушкой".

По лицу Амларуила медленно разлился жаркий румянец. "Вы не знаете меня, леди, но Джанналор Ньерд был широко почитаем за свою мудрость и честь. Ваши слова причиняют ему огромную неуважительность".

Горькие морщинки вокруг рта эльфийки углубились, и она продолжала смотреть на Великого Мага с презрением, обычно присущим полусъеденным подношениям охотничьей домашней кошки. "Разве недостаточно требовать, чтобы народ терпел королевскую власть лунных эльфов? Почему честь Башен должна быть запятнана еще и этим?"

"Я не причинила Башням никакого бесчестия, и не причиню", - сказала Амларуил. Ее голос был спокойным и мягким, но в то же время полным силы.

Враждебность в глазах золотого эльфа ослабла, как будто она вдруг почувствовала себя неуверенной в легкой добыче. "Церемония скоро начнется", - нехотя сказала эльфийка, но в ее голосе звучала странная благодарность за повод отвлечься от разговора - и за непоколебимое достоинство молодого лунного эльфа.

Когда наследники невестребованных лунных клинков вышли вперед, Амларуил забыла о горьких комментариях матроны Нимесина. Хотя ее родной брат владел

таким мечом, Амларуил никогда не видела церемонии, на которой утверждались мечи.

Это было красиво и одновременно ужасно. В недавних битвах несколько мечей остались не востребованными. Десять эльфов, все дворяне древнего дома с хорошей репутацией, поклялись силой мечей и служением Народу. Из них только шестеро пережили церемонию.

Для двоих из этих выживших триумфа не было. Магия, заключенная в клинках, которые они держали, угасла и затихла в их руках. Они оказались неспособны овладеть силой, заключенной в их фамильных клинках; как последние живые потомки первообладателей, они были избавлены от внезапной смерти. Выражение ошеломленного неверия на лицах двух эльфов говорило о том, что они, возможно, предпочли бы смерть этому живому осознанию своей потери.

В тяжелой тишине, наступившей после первого заявления, четыре дома лунных эльфов, потерявшие свою первую и лучшую надежду на будущее, снова и снова пытались претендовать на честь трона Эвермита.

Глаза Амларуил горели слезами гордости и горя, когда она наблюдала, как один молодой эльф за другим делает шаг вперед, чтобы умереть, как множество мотыльков бросаются на соблазнительное обещание тепла и света фонаря.

И все же ни один из эльфийских домов не сдавался, пока последний оставшийся в живых член клана стоял живой, но побежденный. Их лунные клинки, выполнив свою задачу по отбору, наконец-то затихли.

В мрачной и благоговейной тишине, последовавшей за утверждением, леди Майларла Дуротиль поднялась, чтобы произнести речь, в последний раз в своей должности Верховного Советника Эвермита.

"Совет старейшин чествует всех, кто пришел в этот день предстать перед народом и богами Селдарина и отважиться на горнило магии лунного клинка. Ни одно бесчестие не запятнает дома, которые не были выбраны, и место в Арвандоре ждет всех, кто отважился взять в руки лунный клинок. Мы поздравляем всех новых лунных бойцов".

Взгляд золотого эльфа окинул небольшую группу лунных эльфов перед ней. "Предстоящая задача еще сложнее. В живых осталось пять и двадцать лунных клинков. Легенда гласит, что когда их останется только четыре и двадцать, королевский меч объявит о себе и своем владельце. Нас слишком много, и поэтому королевская семья должна быть определена коллективной силой. Лунные, пожалуйста, соберитесь по кланам".

Хранители волшебных мечей сместились, каждый встал рядом со своим семейным штандартом. Во всех домах, кроме двух, был только один обладатель меча. Из них клан Лунноцветущих явно обладал более сильным притязанием.

Три бойца Лунноцветущих собрались под знаменем синей розы. Джуллио, старший брат Амларуил, выглядел очень неловко в центре внимания стольких людей. Невысокого роста и сдержанный в манерах, одинокий, ученый эльф посвятил себя почитанию Лабеласа Энореса, бога долгих лет. Джуллио был достойным претендентом на свой лунный клинок, обладающий магией исцеления и вдохновения, но он не был королем. Лишь с большим трудом удалось уговорить его приехать в Дреллагару. Таситалия, дальняя родственница, была авантюристкой,

никогда прежде не ступавшей на эльфийский остров. По ее собственным словам, она жаждала уехать. Ее дух был беспокойным, а меч создан для одиночных сражений. А еще был Заор, стоявший на голову и плечи выше всех остальных эльфов на поле боя. Молодой воин держался со спокойной уверенностью, ожидая решения, которое было принято много веков назад.

Клан Амарилиис владел двумя живыми лунными клинками. Один был мечом, недавно найденным в руинах древнего Аривандаара и принадлежавшим огненноволосой девушке по имени Эхо. Другим владел маг из материкового поселения Запутанного леса.

"Силой цифр Лунноцветущие доказали свою сильную преемственность и, таким образом, прошли первое испытание, данное для королевского клана", - начала леди Дуротиль.

"С вашего позволения, леди, я должен возразить", - прервал ее голос из толпы.

Низкий ропот пронесся по толпе, когда Монтагор Амарилиис шагнул вперед, чтобы присоединиться к двум своим родственникам. Лунный эльф был странно бледен, а его лицо было цвета снега под густой копной ярко-рыжих волос, характерных для его семьи. Он расстегнул пояс с оружием и высоко поднял клинок в ножнах, медленно повернув его так, чтобы все могли видеть сияющий лунный камень в рукояти.

"Этот меч принадлежал моей бабушке. По ее воле он перешел ко мне. Таким образом, в Доме Амарилиис есть три живых лунных клинка, что делает нас равными Лунноцветущим".

Леди Дуротиль ошарашенно уставилась на молодого дворянина. "Почему ты не явился на церемонию утверждения?"

"Это право каждого эльфа - отказаться от своего наследственного клинка", - ровным тоном сказал Монтагор. "Я требую права оставить этот меч на хранение моему старшему ребенку, пока еще не рожденному".

Монтагор повернулся к двум своим сородичам. "Эти достойные эльфы не из Эвермита, и они сказали мне, что не желают ни оставаться, ни править. Если и будет король Амарилииса, то он будет из моей крови". Он посмотрел на трех эльфов, стоявших под штандартом из синих роз. "Пришли ли Лунноцветущие к такому же пониманию?"

"Я не претендую на королевскую власть, и я бы отказался от трона, если бы его предложили", - объявила Таситалия Лунноцветущая ясным, низким голосом.

"А ты, Джуллио?" спросила леди Дуротиль.

В ответ священнослужитель достал свой лунный клинок и отсалютовал Заору.

"Это достаточно ясно", - сказал Монтагор, на его губах играла улыбка удовлетворения. "Я тоже обещаю свою поддержку Заору Лунноцветущему, если он согласится чтить и признавать права клана Амарилиис".

Заор шагнул вперед, чтобы встретиться взглядом с рыжеволосым благородным. "Честь Амарилииса не подлежит сомнению", - сказал он озадаченным голосом. "Но о каких правах ты говоришь?"

"О правах королевской власти", - твердо сказал Монтагор. "Мечи Миф Драннора заявляют, что это право принадлежит нам в той же мере, что и вам. Если ты отрицаешь это, знай, что семья Лунноцветущих не будет занимать трон бесспорно".

"Ты хочешь, чтобы я разделил королевство?" потребовал Заор.

"Я хочу, чтобы ты объединил два клана", - возразил Монтагор. "Возьми мою сестру, Лиди'алиру, в королевы, и мы будем считать вопрос решенным".

Благородный повернулся и протянул императивную руку. Маленькая золотоволосая эльфийка вышла вперед из-под зеленого гребня с дельфинами, который украшал павильон Дома Амариллис. Монтагор взял ее за руку, которую, в свою очередь, подал Заору, что было очевидным символизмом.

Ошеломленный неподвижностью, воин уставился на девушку. Она была очень красива, хотя бледный цвет кожи отличал ее от румяных эльфов Амариллиса. Ее платье было весенне-зеленого цвета, который в древних легендах считался цветом эльфийской королевской власти, а венок из цветов развевался на ее волосах, словно она уже готовилась к свадьбе.

Глядя на служанку-эльфийку, Заор молча проклинал Монтагора за то, что тот поставил его в такое невыносимое положение. Его взгляд метнулся к месту, где сидела Великий Маг Башен.

Голубые глаза Амларуил были нечитаемы, а лицо совершенно неподвижно. Даже поза не позволяла понять, о чем она думает, ибо струящаяся мантия ее кабинета скрывала ее фигуру.

Поскольку отказать девушке в признании он вряд ли мог, Заор принял протянутую эльфийской служанкой руку и склонился над ней. Но как только это стало возможным, он отпустил тонкие белые пальцы и вновь обратил свой взор к Монтагору.

"Я польщен предложением союза с Амариллис и согласием этой благородной леди", - осторожно произнес он. "Но решение о том, какой дом будет править Эвермитом, никогда не было моим. Это должны решать только лунные клинки".

"Ты предпочел бы битву между нашими кланами, а не союз?" недоверчиво спросил Монтагор. "Чего бы это стоило, если бы на твою защиту непременно встали все простолюдины северных земель, а за ними и те, кто присягнул им на верность! Новички из Серебряного копья на твоей стороне, как и простолюдин, капитан стражи Лейтильспара! Но Ястребиная Песнь, Эроты, Аленуаты - они связаны с Амариллис кровными узами и преданы ей. Подумай хорошенько, что ты хочешь начать".

"Битва, если она должна быть, не будет включать всех этих эльфов!" запротестовал Заор. "Только те, кто владеет лунными клинками, должны бороться за трон".

"Я отказался от своего в пользу наследника. Неужели ты позволишь вопросу о царствовании подождать, пока у меня не появится сын или дочь, чтобы бросить тебе вызов? Послужит ли Эвермиту отсрочка в сто или более лет?"

С большим трудом Заор сохранил самообладание. Он распознал в доводах эльфа слои софистики и не чувствовал себя равным им. В словах Монтагора было достаточно правды, чтобы встревожить его. Возможно, его отказ от союза с Амариллисом не вызовет полномасштабной гражданской войны, но он вызовет глубокое недовольство, раскол среди семей лунных эльфов. И было немало золотых эльфов, которые поспешили бы воспользоваться предложением Монтагора в надежде удержать власть Совета еще на несколько десятилетий.

"Мне кажется, что этот вопрос не может быть решен между нами. Я должен посоветоваться как с Советом Старейшин, так и со своими советниками", - сказал Заор. "Давайте встретимся снова этой ночью, когда слезы Селуны будут в середине неба. Возможно, напоминание о том, что все мы принадлежим к крови Кореллона и слезам Леди Луны, поможет нам объединиться, как мы и должны".

Челюсть Монтагора сжалась от гнева, но он не мог опровергнуть столь разумную и благочестивую просьбу. Он склонил голову перед Заором - поклон между равными, не более. "Я согласен. Все будет так, как ты предлагаешь".

Он повернулся и пошел прочь, оставив Лиди'алиру наедине с лунным эльфом. Заор поклонился молодой эльфийке и пошел с поля, не совсем понимая, куда ему идти.

Леди Майларла поймала его за руку и повела в свой павильон. "Я послала гонцов, чтобы собрать некоторых людей, с которыми ты захочешь посоветоваться: некоторых старейшин, лидеров среди воинов, нескольких священников и магов, круг твоих доверенных друзей", - сказала она, усаживаясь в кресло. "Они скоро придут. Я подумала, что лучше нам сначала поговорить наедине".

Заор беспокойно расхаживал по шатру. "Что ты думаешь о притязаниях Монтагора?"

"Он проявляет больше тонкости, чем я думала, что он способен на это", - признала она. "И у него есть все шансы выполнить свою угрозу - отсрочить выбор королевского дома".

"А возможность войны между кланами Амариллис и Лунноцветущих?"

"Маловероятно. Но вы знаете, что многие из Золотых эльфов возмущены тем, что их исключили из процесса выбора. Из всех семей Лунных эльфов Амариллис предъявляют наибольшие требования к их лояльности. Высшие советники, если они не принадлежали к роду Дуротиль, обычно были из Амариллис. Семья представляет собой одну длинную, почти непрерывную линию воинов, магов, легендарных героев. Если вы отвернетесь от союза с Амариллисом, вы оттолкнете от себя большую часть Эвермита. Поверь мне, Монтагор знает, от чего ты откажешься, если откажешься от Лиди'алиры. А это само по себе даст Амариллису - и большинству Эвермита - весомый повод для обиды".

"У меня нет желания оскорблять девушку, - сказал Заор в глубоком разочаровании, - но еще меньше желания жениться на ней!"

"Монтагор поступил бессовестно, поставив в такое положение тебя или свою сестру", - согласилась эльфийка. "И все же Лиди'алира - разумный выбор для королевы, даже если не принимать во внимание ее высокий род. Девушка красива и хорошо воспитана. Она искусная певица и хорошо разбирается в искусствах. Многие сочтут ее украшением двора. А вот и остальные", - сказала она, повернувшись, чтобы позвать небольшую, мрачную группу, собравшуюся у открытой двери ее павильона.

Когда эльфы вошли, Заор обратил внимание на то, как они выстроились. Члены Совета держались вместе, образовав небольшую группу в дальнем конце шатра. Его друзья Керит Черношлем, который теперь командовал гвардией Лейтильспара, и Миронтилар Серебряное Копье, капитан гвардии, встали по бокам от него в знак негласной поддержки.

Лишь Амларуил стояла отдельно и одиноко, такая же изолированная и уединенная, как и Башни, которыми она управляла. Заор не мог заставить себя встретиться с ней взглядом, опасаясь того, что он может открыть перед собравшимися эльфами. Он мог только представить, какое применение может найти Монтагор Амариллис, узнав, что Заор уже посвятил свое сердце эльфийке из своего клана!

Он обратился к Совету. "Поддержите ли вы, как группа, требование Лунноцветущих?"

"Как мы можем, когда задание лунных клинков не выполнено?" - ответил Ялатанил Симберн.

Франческа Серебряное Копье фыркнула и скрестила руки на груди. "Тогда пусть это будет завершено! Пусть ученик Амариллиса достанет свой лунный клинок, если он осмелится, а затем еще больше осмелится сразиться с Заором за трон!"

"Мы не можем принудить его к этому", - твердо сказал Ми'тиларро Илороти, его золотые пальцы обхватили священный символ Кореллона Ларетиана, висевший над его сердцем. "Правила выбора королевской семьи были даны богами. Монтагор Амариллис в своем праве".

"Вот видишь, как это бывает", - сухо сказала леди Дуротиль, бросив на Заора раздраженный взгляд. "Совет не имеет единого мнения ни по этому вопросу, ни по любому другому. Монтагор Амариллис играет на этих разногласиях, как менестрель на своей арфе!"

Заор кивнул и повернулся к Кериту Черношлему. "Ты знаешь умы воинов Лейтильспара. Что ты думаешь? Смогу ли я удержать Эвермит без поддержки Амариллиса?"

Капитан обдумал это. "Воины уважают тебя. Нет сомнений, что они пойдут за тобой в бой. Меня беспокоит мир. Мы с тобой воины, Заор, но никто из нас не понимает, что такое бескровная битва, которую ведут благородные дома. Значит, правда? Нет. Я не верю, что ты сможешь править без Амариллиса. По крайней мере, не так, как это должно быть".

Заор стоял молча, склонив голову, пытаясь разобраться в этом клубке. Наконец он поднял голову, и его взгляд наконец упал на Амларуил.

"Друзья мои, я хотел бы посоветоваться с Владычицей Башен", - мягко сказал он. "Я благодарю вас всех за совет. Я не заставляю вас долго ждать моего решения".

Леди Дуротиль бросила взгляд на непостижимое лицо Амларуил Лунноцветущей, а затем перевела ищущий взгляд на воина лунных эльфов. Казалось, увиденное глубоко взволновало ее. Она поспешно поднялась.

"Идемте, все вы", - бодро сказала она. "Чем скорее мы уйдем, тем скорее Заор сможет сделать свой выбор".

Амларуил молча сидела, пока матрона золотых эльфов выводила остальных из павильона, так же неумолимо и эффективно, как гончая Кроулнобаров гнала с пастбища стадо северных овец.

"Она знает", - просто сказал маг, когда они с Заором наконец остались одни. "Она знает и не одобряет".

"Леди Дуротиль была Верховным Советником в течение многих лет", - поспешно сказал Заор. "Она знает, как благородные кланы отреагируют на новость о нашей любви. Она всю жизнь имела дело с дворянами и их мелкими интригами".

"Что только придает больший вес ее мнению".

"Это не имеет значения. Ничего из этого не имеет значения". Заор в несколько шагов преодолел расстояние между ними и взял обе ее холодные руки в свои. "Амларуил, мы поклялись друг другу. Что бы ни случилось, я намерен выполнить его! Для меня не может быть никого, кроме тебя".

Взгляд Амларуил был печален, но непоколебим. "Если ты откажешься от союза с Амариллис, война между кланами - та самая угроза, которую должны были предотвратить лунные клинки, - вполне возможна. Даже если ты будешь править в мире, оскорбление Амариллиса почти наверняка приведет к провалу той самой задачи, ради которой ты был избран: принести эльфам единство. Вы должны понять, что клан Амариллис является одновременно связующим звеном и буфером между эльфами Луны и Золота. Без Амариллис ты с таким же успехом можешь взять скипетр и корону и передать их прямо в руки Дуротилов".

Она осторожно высвободила свои пальцы из хватки Заора. "Боги избрали тебя королем Эвермита. Они избрали меня, чтобы помочь тебе, и я должна это сделать".

Великий маг Башен опустилась на колени перед потрясенным эльфом. "Я клянусь в своей личной верности, а также во всей силе Башен Солнца и Луны Заору, королю Эвермита, и Лиди'алире, его королеве. Да будете вы оба жить долго и править хорошо". В ее глазах блеснули слезы, но голос был тверд.

Не успел Заор договорить, как Амларуил исчезла. Только слабая серебряная искра магии в воздухе да крошечный след от двух упавших слезинок на земляном полу павильона свидетельствовали о том, что она вообще здесь была.

Лунный эльфийский воин выбежал из шатра, судорожно оглядываясь в поисках среди толпы эльфов прекрасных красно-золотых волос Амларуил. Но ее нигде не было видно.

Леди Дуротиль вышла вперед и схватила его за предплечья, ее глаза искали его пораженное лицо. На ее лице смешались облегчение и сочувствие. "Ты хорошо выбрал", - мягко сказала она.

"Я вообще не выбирал!" - прорычал он. На мгновение в глазах Лунного эльфа промелькнули потеря и душевная боль.

"Леди Башен поступила с честью", - мягко сказала леди Дуротиль. "И она сняла с твоих плеч самое тяжелое бремя - бремя выбора. Она сделала то, что должна была сделать, а теперь и ты должен".

Заор замолчал на долгий миг. "Я всегда слышал, что жертвы, требуемые от тех, кто хочет вести за собой, могут быть велики. Если бы я хоть немного представлял, что от меня потребуется, я бы не хотел в этом участвовать!" - страстно сказал он.

Матрона вздохнула. "Если боги добры, может статься, что худшее ты уже пережил! Но идемте, милорд, остальные ждут".

* * * * *

В течение всего лета Высшие Маги Башен Солнца и Луны творили свое волшебство, создавая двор Эвермита. Дворец Лунного Камня, дивное сооружение из мрамора и лунного камня с золотой крышей, вырос в сердце Эвермита.

Для Амларуил этот труд был горько-сладким. Хотя она радовалась тому, что Заор стал королем, ее участие в его становлении было не таким, как она мечтала.

Когда прошло лето и яркие краски осени поблекли на земле, Амларуил уединилась, чтобы подготовиться к рождению дочери. В ночь, когда наследница Заора вздохнула, только Накйаша присутствовала при родах и была свидетельницей слез эльфийки, в которых смешались радость и потеря.

В последующие месяцы Амларуил находила огромное утешение в своей дочери. Но она не могла избавиться от ощущения, что этот ребенок был просто одолжен ей. Связи Амларуил с Селдаринном были глубокими и мистическими, но ей казалось, что эта малышка - скорее дитя богов, чем смертных эльфов.

С самого рождения Илайрана была странно молчалива, а ее большие, синие как море глаза были серьезными и древними. Не походила малышка и на своих родителей. Крошечная и неземно бледная, ее белая кожа казалась с голубым оттенком, а белоснежные кудри младенца имели бледно-зеленый оттенок. Амларуил назвала ее Илайраной, что на эльфийском означает "опал".

Амларуил ни разу не назвала имя отца своей малышки. Как эльфийка благородного происхождения, Высший маг и Великий маг Башен, она была неподсудна в таких вопросах. Ребенок был ее, и если кто-то из эльфов Башни и хотел строить догадки, то делал это с необычайной осторожностью. Амларуил уже завоевала уважение и любовь большинства молодых магов. Большинство из них поняли, что она хотела уберечь ребенка от посторонних глаз и знаний, и защищали свою госпожу и ее ребенка, как и любое другое наследие Башен.

Однако никто из магов не понимал, что сдержанность Амларуил была основана на чем-то гораздо более темном, чем осторожность и желание уединиться.

Махинации, продемонстрированные во время королевских выборов в предыдущее летнее солнцестояние, открыли ей глаза на вельмож Эвермита. Леди Башен внимательно следила за многослойными делами двора. Чем больше она узнавала, тем сильнее становилась ее тревога не только за Заора, но и за весь Эвермит.

* * * * *

"Действительно, Монтагор, я считаю твое предложение крайне невежественным, даже если учесть, что оно исходит от Серого эльфа", - усмехнулся Вашти Нимесин. "От тебя мне пользы меньше, чем от Лиди'алиры клану Амарилисс! Ты, конечно, знаешь, что любое потомство Заора будет считаться частью клана Лунноцветущих. Ты можешь призвать любого давно умершего героя Амарилисса, чье имя ты можешь вспомнить, и это не изменит факта!"

Наследник Амарилисса потягивал из своего кубка винофей, давая себе время собраться с мыслями. Он провел много дней, добиваясь расположения богатого и все более могущественного клана Нимесин. Наконец, ему удалось получить

приглашение на один из элитных приемов Вашти. Судя по ее пренебрежительному тону, было бы ошибкой считать его успехи слишком рано.

"Возможно, ребенок моей сестры будет Лунноцветущим, - допускал он, - но Лиди'алира все еще принадлежит к Дому Амариллис! Королева может многое сделать, чтобы повлиять на королевскую политику".

Леди Нимесин усмехнулась. "И вы утверждаете, что у нее хватит ума это сделать, я полагаю? Этой маленькой дурочке?"

"Лиди'алирой всегда руководил я", - твердо сказал Монтагор. "Говорю тебе, от союза с Амариллис можно многое получить".

Оценивающий взгляд матроны скользнул по молодому лунному эльфу. Вашти Нимесин прекрасно знала об амбициях Монтагора и, по сути, одобряла большинство шагов, предпринятых им для укрепления влияния и власти своего клана при новообразованном дворе. Натравить на Заора Лунноцветущего эту маленькую бесчувственную девку было искусным ходом. Надо отдать должное Монтагору, он также стремился наладить связи с членами могущественных кланов золотых эльфов.

Но леди Нимесин было совершенно ясно, что Монтагор не дотягивает до уровня своих прославленных предков. В своем голом стремлении к власти он был уязвим - и даже в большей степени являлся добровольным орудием, чем его бесчувственная младшая сестра.

Вашти Нимесин улыбнулась. "На самом деле ты можешь оказать мне одну услугу. Мой сын, Кимил, подает большие надежды как в магии, так и в оружии. Я бы хотела, чтобы он обучался в Башнях Солнца и Луны. Возможно, вы могли бы сопроводить его туда и представить правящему магу?"

Монтагор глубоко поклонился. "С большим удовольствием", - искренне ответил он, хотя и не питал особых иллюзий относительно причины просьбы леди Нимесин. Ей явно не нравилось, что в Башнях правит лунный эльф, и она не желала подчиняться Амларуил Лунноцветущей. Отправив наследника Амариллиса в качестве мальчика на побегушках, Вашти заявила бы о своем высоком положении и презрении к лунным эльфам.

Да будет так. Это была цена, которую стоило заплатить за благосклонность Нимесина.

Монтагор перевел взгляд на Кимила Нимесина, который стоял и разговаривал с небольшой группой молодых золотых эльфов. Он был необыкновенно красив, золотистая кожа его расы контрастировала с эбеновым блеском его черных волос и глаз. Но он был еще ребенком, слишком юным, чтобы попасть в башню.

В этот момент Кимил повернулся и встретился с любопытным взглядом Монтагора. Лунный эльф отшатнулся, ошеломленный злобой этих глаз. Но мгновение прошло так быстро, что Монтагор остался в раздумьях, не привиделся ли ему этот полный ненависти взгляд. Юный Кимил охотно подошел на зов матери, и его красивое лицо было образцом вежливости, когда он приветствовал наследника Амариллисов.

"Монтагор Амариллис проводит тебя в Башни, сын мой", - довольным голосом сказала Леди Нимесин. "Вы отправитесь с первыми лучами солнца. Смотри, чтобы ты был достоинством своего народа и своего дома".

"Да, мама", - машинально ответил мальчик. Ни в его лице, ни в голосе не было ничего, что говорило бы о том, что он не просто послушный сын, и в поклоне, который он отвесил благородному лунному эльфу, не было насмешки. И все же Монтагор чувствовал глубокое беспокойство, глядя на молодого эльфа.

Время от времени Монтагор улавливал проблеск того, что еще может быть. Он не стал требовать лунный клинок, потому что подозревал, что не переживет этой попытки. Теперь, глядя на юного Кимила Нимесина, он испытывал то же чувство приближающейся смерти. Что-то шевелилось в тумане будущего этого мальчика, что-то, чего Монтагор не мог ни увидеть, ни постичь. Но оно все равно тянулось к нему, дразня его страшными перспективами.

Лунный эльф быстро отмахнулся от своей тревоги. Лунный клинок, с его могущественной и убийственной магией, был тем, чего следовало бояться и уважать. Однако этот мальчик был всего лишь мальчишкой. Конечно, Монтагор Амариллис был более чем достойным соперником Кимила.

И вот на следующий день они отправились в Башни, как повелела леди Нимесин. Кимил ехал хорошо, но во время поездки на север он был странно молчалив, не задавал вопросов и не болтал, чего Монтагор ожидал от мальчика его возраста.

Наконец молчание стало утомлять Монтагора. "Я сам недолго тренировался в Башнях", - сказал он. "Если ты хочешь что-то обсудить, я буду рад помочь".

Мальчик бросил на него взгляд. "Спасибо, нет", - вежливо ответил он. "Я справлюсь".

"У тебя есть друзья в Башне?" упорствовал Монтагор. "Не думаю, что там много эльфов твоего возраста".

"По крайней мере, один есть", - мрачно ответил Кимил. Он поморщился, как будто даже это краткое замечание было больше, чем он хотел сказать.

Монтагор был заинтригован. "Я не знал, что маги Башни принимают детей".

"Время от времени у магов Башни рождаются дети", - спокойно ответил мальчик. "А иногда вундеркинда принимают в раннем возрасте. Танил Эванара, моя дальняя кузина, намного старше меня и почти равна мне в оружии и магии. Мы будем учиться вместе".

"А. И что ты будешь делать с магией, которую приобретешь?" - спросил лунный эльф покровительственным тоном, который часто использовался по отношению к совсем юным.

На уголках губ золотого эльфа заиграла жесткая улыбка. "Что бы ты сказал, лорд Амариллис, если бы я сказал тебе, что использую полученные знания, чтобы покончить с пародией на королевскую власть лунных эльфов и восстановить Эльфийский Совет?" - мягко ответил он. "Просто ради аргумента, конечно. Естественно, я бы никогда не попытался сделать это. Никто, кроме глупца, не станет вынашивать такие предательские мысли или высказывать их брату королевы - даже не учитывая, что ты сам выиграешь от такого хода событий. Амариллис никогда не займет трон, но вы, конечно, могли бы стать Верховным Советником, если бы Совет был восстановлен. Опять же, просто для аргументации".

Монтагор моргнул, пораженный уровнем интриги в словах мальчика. Его предупреждали, за ним ухаживали, ему угрожали - и все это одновременно.

Но даже когда он смотрел на молодого эльфа, лукавый жесткий взгляд исчез под гладкой золотой маской красивого лица Кимила.

По телу Монтагора пробежал холодок, за которым быстро последовала волна горького раскаяния в том, что он принял участие в доставке этого ребенка в Башни. Что бы из этого ни вышло, он будет в этом участвовать. Кимил намекнул на это.

Внезапно лунный эльф разуверился в своей способности контролировать или даже понять амбиции клана золотых эльфов. Но шпили Башен теперь были хорошо видны всем членам группы сопровождения.

Что бы ни случилось, теперь было слишком поздно поворачивать назад.

* * * * *

Прошло несколько лет, прежде чем Монтагор Амарилисс снова был вызван в особняк леди Вашти Нимесин. Он застал матрону в состоянии сильного волнения.

"Это началось", - прямо сказала она. "Первый из серых эльфов, претендующих на трон, был убит. И ты, мой друг, сделал это возможным!"

Монтагор уставился на золотого эльфа. "Заор мертв?"

Вашти презрительно рассмеялась. "Даже твоя сестра не смогла подобраться к королю настолько близко, чтобы совершить такое чудо! Нет, я говорю о дочери Заора".

"У моей сестры королевы нет детей", - сказал лунный эльф, озадаченно нахмутив брови.

"Как хорошо известно всему Эвермиту!" - усмехнулась леди Вашти. "Кровь Амарилисс иссякает - лучшее, что вы можете предложить в наши дни, это бесплодная королева. Нет, у Заора есть бастард, и от Леди Башен, не меньше!"

"У Амларуил Лунноцветущей есть ребенок?" потребовал Монтагор. "И ты уверена, что он от Заора?"

"О, да. Я подозревала, что она вынашивает потомство, когда увидела ее во время королевской свадьбы. Тогда я предположила, что это какое-то фестивальное отродье или результат того, что она взошла на свой высокий пост, добившись благосклонности Джанналора Ньерде на своей спине", - грубо сказала леди Вашти. "Но я решила проследить следы этой девицы. Они с Заором были вместе в нужное время. Есть магия, которая может определить отца ребенка..."

Она бросила лукавый взгляд на потрясенного Лунного эльфа. "Как ты думаешь, почему я так стремилась поместить своего сына в Башни? Уверяю тебя, это было не от желания, чтобы он учился магии у ног Серого эльфа!"

"Кимил убил дочь Амларуил", - ошеломленно повторил Монтагор.

"Что ж, похоже, эту эльфийку можно научить", - с тяжелым сарказмом сказала матрона Нимесин. "Илайрана Лунноцветущая мертва, или скоро умрет. Похоже, она считает себя жрицей, а не магом. Она покинула Башни и отправилась в Роцу Кореллона, как будто это было какое-то священное паломничество. Кимил прислал мне весть об этом. Что подводит нас к твоей роли в этом деле".

"Я не буду в этом участвовать!" сказал Монтагор.

"Восхитительное чувство, но немного запоздалое", - сухо сказала леди Вашти. "Когда вы сопровождали Кимила в Башни, он довольно ясно сказал вам о своих

намерениях. Он сказал, что вы не сделали ни единого движения, чтобы отговорить его или не согласиться. Мы восприняли ваше молчание как согласие, как и все, кто услышит об этом деле сейчас. Заговори об этом, и ты только осудишь себя".

Лунный эльф опустилсЯ в кресло, потерпев поражение. "Что же мне делать?"

Вашти Нимесин холодно улыбнулась. "Пройдет много дней, прежде чем Илайрану хватятся. К тому времени яд, погрузивший ее в дремоту, пройдет свой срок. Будут считать, что она, никогда не выходившая за пределы Башен, просто заблудилась в лесу и погибла. Хотя вряд ли возникнут подозрения в темных намерениях, вы предоставите Кимилу гарантию безопасности. Он покинул Башни за день до отъезда Илайраны. Если возникнут вопросы, ты скажешь, что он охотился на твоей вилле в Орлиных холмах в качестве приглашенного гостя".

Мысли Монтагора завертелись в голове, пока он решал эту головоломку. Всю свою жизнь он жил с мелкими интригами, бесконечной борьбой за власть и влияние, но никогда не подозревал, что один эльф может добровольно убить другого ради выгоды. Он не хотел принимать в этом никакого участия, но боялся, что оказался втянут в это дело так же прочно, как утверждала леди Вашти.

И все же, что он потеряет, если эльфы Нимесина добьются успеха? Конечно, золотой эльф не удовлетворится убийством дочери Заора. Лиди'алира будет следующей - возможно, леди Нимесин даже потребует руки Монтагора в этом деле! Да и вообще, что мешало бы ей устранить претендентов из клана Амарилис, как только эльфы Лунноцветущих будут устранены? Нет, это был не тот путь, по которому Монтагор мог спокойно идти. Он должен направить леди Нимесин на другой путь.

"Боюсь, что дело не ограничивается простым средством, которое ты предлагаешь", - серьезно сказал Монтагор. "Как вы знаете, моя сестра королева еще не родила наследника престола. Не вы одна заметили взгляды, которые проходили между Заором и Амларуил Лунноцветущей во время его становления королем, или искали возможные причины смерти короля."

"Что ты говоришь?" - потребовала эльфийка.

"Лиди'алира знает, что дочь Амларуил - наследница Заора, и она уже предприняла шаги, чтобы ребенка привезли во дворец на воспитание. В этом и кроется проблема. Смерть начинающей жрицы может быть принята за несчастный случай; смерть тайного наследника престола, безусловно, привлечет больше внимания, чем ты или я можем вынести".

"Как это возможно? Ты удивился, услышав о ребенке Амларуил!"

Монтагор развел руками. "Простите меня за мое уклонение, миледи. Я должен был притвориться невежественным, чтобы лучше узнать весь объем ваших знаний. Это деликатное дело, и я уверен, что вы меня поймете".

"Лиди'алира уже обратилась к королю? Знает ли он об этом ребенке?"

"Да", - твердо ответил Монтагор, молясь о том, чтобы вовремя сообщить сестре о своих планах.

Золотая эльфийка в ужасе сжала руки. "Тогда все потеряно! Если бы мы знали об этом, Кимил выбрал бы другой путь".

"Есть еще способ повернуть все вспять", - серьезно сказал Монтагор. "Кимил должен найти принцессу до того, как яд начнет действовать, и привести ее во дворец. Я поклянусь, что все это время он действовал в интересах Лиди'алиры".

"Нимесин, бегун на побегушках у Серого эльфа?" усмехнулась Вашти.

"Это лучше, чем прослыть убийцей и предателем", - холодно заметил Монтагор. "И не думай, что можешь обвинить меня в этом. Я помогал своей сестре в поисках наследника Заора - она за это поручится! В этом задании я продемонстрировал свою преданность королевской семье, даже поставив ее выше забот и претензий Амариллиса! В свете этого никто не поверит, что я сговорился с вами против кронпринцессы. Нет, Нимесин падет один за это деяние, в этом вы можете мне верить!"

Он дал женщине-эльфийке время, чтобы осознать эту новую угрозу. "Однако есть способ, с помощью которого Нимесин сможет избежать любого скандала", - мягко сказал он. "Не один клан золотых эльфов покинул Эвермит и отправился в Кормантир - всего две недели назад все члены Ни'Тессин отплыли на материк. Присоединяйся к ним и ищи там власть, которую ты потеряла на этом острове. Если ты уплывешь, я клянусь своей жизнью и честью, что твой секрет никогда не будет раскрыт".

Леди Вашти посмотрела на него с нескрываемой ненавистью. "Очень хорошо", - сказала она наконец. "Кимил доставит принцессу-бастарда и будет скрипеть зубами, играя роль героического спасителя. Затем я и весь мой дом покинем этот остров. Но не думайте ни на секунду, что мы перестанем работать на благо народа!"

Знакомый холодок пробежал по телу Монтагора при этих словах, ибо в них он увидел тень еще не совершенных дел.

Однако он быстро утешил себя успехом этого дня. Когда Нимесины благополучно покинут остров, он сможет предотвратить любые будущие нападения. В конце концов, разве Эвермит не был неприкосновенен?

Лиди'алира не обрадовалась бы такому развитию событий, но она была прагматичным эльфом. Обеспечить прочную преемственность трона было жизненно важно - таков был первый урок лунных клинков. Кроме того, будучи бесплодной женой, она не могла оставаться королевой вечно. У Эвермита должен быть наследник, и с этим согласились даже золотые эльфы.

Монтагор поднялся на ноги. "С вашего позволения, леди Нимесин, я отправляюсь во дворец. Королева должна знать, что принцесса уже в пути, причем раньше, чем ожидалось".

Спеша по улицам Лейтильспара к дворцу Лунного Камня, Монтагор язвительно заметил, что в его последних словах, сказанных Вашти Нимесин, было гораздо больше правды, чем могла знать эльфийская женщина.

19. Башни Солнца и Луны

Амларуил сидела одна в своих покоях в Башне Луны и смотрела на картину в рамке, которую держала в руках. Это была небольшая картина, изображавшая Илайрану в детстве, написанная одним из магов-студентов много лет назад в подарок Владычице Башен.

Маг изучала лицо своей единственной дочери, ища, как она часто делала, какую-то видимую связь между собой и Заором. Но Илайрана всегда и во всем была только сама собой.

Никогда еще Амларуил не видела такого странного красивого цвета кожи, как у Илайраны. Эльфийка очень походила на опал, в честь которого ее назвали; чисто белая, но с оттенками бледных цветов, которые, казалось, отражались от какого-то другого источника. Голубой цвет прилипал к ее угловатым чертам, розовый румянец задерживался на губах и во впадинах щек, а среди белых локонов поблескивал зеленый. Илайрана была так же прекрасна и почти так же далека, как сами боги.

Вздохнув, Амларуил отложила портрет, безмолвно ругая себя за ужасную, ошеломляющую потерю, которую она ощущала из-за отсутствия дочери. Конечно, это было не что иное, как эгоизм!

И все же, даже когда эта мысль сформировалась, Амларуил знала, что это неправда. Она скучала бы по Илайране, если бы та отправилась в рощи Кореллона учиться на жрицу, но она была бы довольна, зная, что ее дочь идет по избранному ею пути. Не было покоя в том, что Илайрану лишили ее собственных желаний, чтобы воспитать как принцессу при дворе Лейтильспара.

Амларуилу казалось, что у нее есть причины для беспокойства. От матери Илайрана унаследовала одну вещь: ее связь с Селдарином была глубокой и основательной, настолько, что девочка часто казалась отстраненной от окружающих ее смертных эльфов. Как бы она смотрелась среди мелких, ничтожных забот двора Лейтильспара? Во дворце королевы Лиди'алиры фейская и необычная Илайрана была бы подобна единорогу, запечатленному на бумаге, или пикси, запечатленному под стеклом!

Мягкий стук в дверь прервал горькие размышления мага. "Леди? Мне велено позвать вас на вечерний пир", - раздался неуверенный мужской голос.

Амларуил виновато потупилась. Праздник уже наступил? День пролетел незаметно. Он был не первым.

Она поднялась, разглаживая складки мантии, и пригласила юношу войти. Танил Эванара, мальчик-золотой эльф, чьи стройные конечности уже обещали необыкновенную грацию и рост, проскользнул в комнату.

"Простите за вторжение, леди, - сказал он, бросив взгляд на портрет Илайраны.

"Вовсе нет", - бодро ответила Амларуил, смягчив слова улыбкой. "Ты просто сделал то, что тебе поручили, и хорошо, как обычно. Надеюсь, твоя учеба продвигается?"

Лицо мальчика озарилось ухмылкой. "Шануррия Аленуат говорит, что из меня выйдет мастер клинка, если таково мое желание! Она говорит, что у меня есть и меч, и голос для этого!"

"Я уверена, что она права", - сказала Амларуил, но ей было интересно, не говорит ли пылкая юная фехтовальщица больше от импульса, чем от мудрости. У Шануррии была такая тенденция. И все же Танил проявлял способности к владению оружием и магией песен, и, возможно, путь фехтовальщика действительно был ему подвластен. Певец клинка соединял магию, музыку и бой в уникальную эльфийскую технику, и во многом был воплощением эльфийского воина. Но певец клинка был не просто боевым стилем, а философией. Амларуил не могла представить себе общительного Танила одним из таких замкнутых воинов.

"Я уверена, что Шануррия права насчет твоего потенциала, - повторила Амларуил, - но помни, что твой путь - твой собственный выбор. То, что ты можешь что-то сделать, еще не означает, что ты должен это сделать".

Мальчик нахмурил лоб, обдумывая этот совет. "Я запомню", - мрачно сказал он. Он поклонился и протянул руку Амларуил с изяществом придворного.

"Я провожу Вас на вечерний пир. Вы должны поесть - Накйаша так сказала", - добавил он с ухмылкой, внезапно показавшись мальчишкой, каким он и был. Он явно наслаждался их подразумеваемым общением; в конце концов, даже прекрасный Великий Маг Башен должен был кого-то слушать!

подавив улыбку, Амларуил взяла руку Танила и пошла с ним по спиральной лестнице, ведущей в обеденный зал.

При этом она не могла не задаваться вопросом, были ли ее благонамеренные слова, обращенные к этому талантливому мальчику, основаны на реальности. Выбрала ли она сама тот путь, по которому сейчас идет? А Илайрана или даже Заор? Да и вообще, выбирал ли кто-нибудь?

Тихий ропот разговоров, наполнявших столовую, стих, когда в комнату вошел Великий Маг. Амларуил улыбнулась и кивнула собравшимся эльфам, показывая, что им следует продолжать. Гордый Танил прошел в самый центр спиралевидного стола. Когда она заняла свое место среди них, ужасное опустошение нахлынуло на нее внезапными, разрушительными волнами. Все это казалось нереальным - ни собравшиеся эльфы, ни еда на ее тарелке, ни даже ее присутствие в этом зале.

Амларуил отрезала кусочек оленины и сделала вид, что ест. При этом она заметила неодобрительный взгляд Бельстрама Дуротила.

Тревожная мысль пришла ей в голову. Молодой дворянин занимал высокое положение в своем клане и даже был членом Совета до своего недавнего решения покинуть двор Лейтильспара, чтобы изучать магию в Башнях. Бельстрам также был близким родственником Майларлы Дуротиль, той слишком проницательной матроны, которая видела, что произошло между Заором и Амларуил в день коронации Заора. Леди Дуротиль теперь была одним из самых доверенных генералов Заора, но вполне возможно, что она рассказала своим родственникам о "почти свершившейся катастрофе", которая поставила под угрозу королевский союз между Лунноцветущими и Амариллисами. Возможно, именно Бельстрам выяснил правду о происхождении Илайраны и передал весть о королевском наследнике во дворец Лунного Камня. Его прибытие в Башни было как нельзя кстати.

Амларуил опустила взгляд на свою тарелку. Горечь закралась в ее глаза и еще больше обидела бы любого члена клана Дуротиль. Среди Дуротилов было немало тех, кто считал, что вместо Амларуил Башнями должен править один из их членов - или, по крайней мере, другой золотой эльф.

"Здорова ли моя госпожа?" вежливо поинтересовался Бельстрам.

"Нет, и тебе это хорошо известно".

Прошло долгое молчание, прежде чем Амларуил осознала, что произнесла вслух горькие слова. Амларуил сделала длинный, успокаивающий вдох и заставила себя встретиться взглядом с золотым эльфом.

"Прости меня, лорд Дуротиль, и всех вас", - сказала она ясным голосом, который доносился до краев комнаты. "Это было сказано без мысли и цели. Я была слишком поглощена своими делами. Так больше не будет продолжаться".

"Я рад слышать эти слова, леди Амларуил. Значит, ты хочешь сказать, что больше не будешь уединяться в этих башнях?" настаивал Бельстрам. "Это вопрос, который необходимо решить", - горячо продолжил он, заглушая ропот протеста, поднявшийся среди собравшихся магов. Леди Амларуил не покидала территорию Башни почти пятнадцать лет, с тех пор как родилась ее дочь". Действительно, до недавнего времени за этими стенами не было известно, что у нее есть ребенок".

Амларуил поднялась одним стремительным движением. "А теперь, когда об этом знает весь мир?" - спросила она задышающим голосом. "Что хорошего из этого вышло?"

Золотой эльф поднялся со своего места и подошел к разгневанному магу. "У королевского дома есть наследник", - мягко сказал Бельстрам. "Это было необходимо. Что сейчас нужно Эвермиту, миледи, так это Великий Маг".

Несколько эльфов задохнулись от его наглости, другие поднялись в знак протеста. Владеющая клинком Шануррия, как и следовало ожидать, выхватила меч в горячем желании сражаться за честь Леди Башни.

Амларуил смотрела на золотого эльфа, пораженная его открытым вызовом ее положению перед всеми собравшимися магами. Но, к своему изумлению, она прочла на лице Бельстрама не враждебность, даже не честолюбие, а глубокое и искреннее беспокойство. Она также увидела правду в его обвинениях.

Грустная улыбка искривила ее губы. "Спасибо, лорд Дуротиль, - тихо сказала она. "Спасибо за вашу честность. Ваши слова суровы, но справедливы. Я не была тем Великим Магом, которого заслуживает Эвермит".

"Вы не поняли", - сказал Бельстрам, казалось, искренне потрясенный словами Амларуил. Он еще больше поразил ее, опустившись перед ней на одно колено.

"Вы умираете, леди Амларуил", - прямо сказал он. "С каждым прошедшим днем вы все ближе к Арвандору. Эвермиту нужен Великий Маг, но вы сознательно лишаете ее, возможно, величайшего из тех, кто правил этими башнями. Когда-то я думал, что Джанналор Ньерде неразумно выбрал себе преемника. Не продолжайте идти по этому пути и докажите, что я прав".

На долгие мгновения тишина, заполнившая зал, была глубокой и абсолютной. Затем Накйаша громко зарычала. "Пора бы уже кому-то, кроме меня, высказаться в этих залах", - заявила чародейка. "Что приводит меня к интересному вопросу. Ты абсолютно уверен, Бельстрам, что ты не замаскированный зеленый эльф?"

Озадаченное выражение, появившееся на лице Дуротила, заставило чародейку лесных эльфов разразиться хохотом.

Смех Накйаши был заразителен, он распространился по обеденному залу и долго еще отдавался эхом, поскольку эльфы нашли в смехе столь необходимую разрядку. Даже Бельстраму удалось застенчиво улыбнуться, когда он поднялся и направился к своему месту.

Амларуил, одновременно подбодренная и пристыженная правдой слов Бельстрама, вернулась на свое место и с большим усилием принялась за еду. По мере того, как продвигался вечер, светлое настроение пиршества переросло в праздник, ибо юную Верховную магичку очень любили, и велико было облегчение эльфов от того, что их заботы о ней были озвучены.

Много позже, когда эльфы танцевали в садах Башни под звездным небом, Амларуил ускользнула в лес, чтобы обдумать события и выводы дня. Следуя верному инстинкту, она направилась к поляне, на которой впервые встретила Заора.

Она долго стояла в тишине, вспоминая свою первую встречу с Заором и видение, которое пришло к ней в тот день. Вспомнила она и ту ночь, когда звезда Короля-Убийцы явилась ей и Ламруилу и по иронии судьбы положила начало событиям, приведшим к коронации эльфийского монарха.

Гораздо позже тем же вечером Заор нашел ее там, как велела Накйаша. Когда эльфийский король взглянул на свою потерянную любовь, он понял, почему чародейка послала за ним.

Перемены в Амларуил были ужасающими и безошибочными. Когда-то Заор был свидетелем перехода эльфа в Арвандор. Его собственный отец, рейнджер, всю жизнь посвятивший защите лесов Миф Драннора, просто угас, оставив после себя, как последнее напутствие, мимолетное мерцание серебристых мотыльков. Амларуил делала примерно то же самое. В слабом свете звезд ее стройная фигура казалась почти полупрозрачной. Заор мог видеть слабые тени этих сверкающих мотыльков - не только серебряных, как он ожидал, но и золотых, голубых, зеленых и даже несколько крошечных крупинок сверкающего обсидиана. Заор не удивился этому, ибо в его представлении Амларуил была некоронованной королевой всего эльфийского народа. Однако он чувствовал глубокую печаль за годы утраты - не только за пустые годы, проведенные во дворце Лунного Камня, но и за века, что тянулись перед ним, лишенные его единственной любви, его истинной королевы.

"Вернись к нам, Амларуил, - мягко сказал он.

Эльфийка вздрогнула при звуке его голоса, ее голубые глаза расширились от удивления, а одна рука поднесена к горлу. На мгновение она уставилась на Заора, словно не совсем уверенная, что не вызвала его мыслью. Затем ее слишком угловатое лицо расслабилось в улыбке. "Вы все еще ходите с тишиной рейнджера, милорд".

Она сделала движение, чтобы опуститься на колени, но Заор в несколько быстрых шагов оказался рядом с ней. Он схватил ее за руки и яростно притянул к себе.

"Что ты делаешь?" - потребовал он грубым, гневным голосом.

Амларуил моргнула. "Я думала оказать должное почтение королю Эвермита", - сухо ответила она.

"Но не это! Ты ускользаешь - ты оставляешь Эвермит позади. Я этого не допущу!"

Эльфийка вздохнула, потрясенная страданием в голосе Заора и правдой в его словах. Ее голова опустилась на плечо Заора. Его руки обняли ее.

"Пообещай мне, что останешься", - сказал он более мягким тоном. "Поклянись, что останешься на Эвермите до тех пор, пока в тебе будут нуждаться".

Амларуил подняла голову и посмотрела ему в глаза. "Это трудное обещание, мой господин, и требовать его не в силах даже король Эвермита".

"И все же я думаю, что в твоих силах его выполнить".

Даже произнося эти слова, Заор понимал, что в них есть правда. Все эльфы медленно старели, но время не хотело прикасаться к Амларуил никакими, кроме самых добрых рук. Если бы не прическа и не грусть в глазах, она все еще оставалась той светловолосой эльфийской служанкой, которую он видел много лет назад. И с того дня, как он встретил Илайрану, его не покидало подозрение, что девушка не совсем смертная. Боги коснулись его дочери. Заор если и не понимал, то чувствовал глубокое единение и связь Илайраны с Селдаринном. И через Илайрану он лучше понял природу матери Илайраны. Что бы Амларуил ни задумала, она могла сделать.

Амларуил долго молчала, словно тоже понимала истинность его слов. "Клянусь", - сказала она наконец.

Слабо улыбнувшись, она высвободилась из объятий Заора. "Как там Илайрана?"

Это было странно успокаивающе - обсуждать своего ребенка так, словно они были влюбленными, недавно воссоединившимися после недолгой разлуки. Заор только жалел, что ему нечего рассказать Амларуил.

"Илайрану трудно узнать", - признался он. "Она не холодная и не грубая девушка, но при этом остается замкнутой, отстраненной".

"Хорошо ли она восприняла придворную жизнь?"

Заор вздохнул. "На первый взгляд, достаточно хорошо. Ее манеры без изъяна, а красота замечательна. Хотя она еще не достигла совершеннолетия, молодые дворяне уже выстраиваются в очередь, чтобы добиться ее благосклонности. Но когда она не на уроках и не при дворе, она почти ни с кем не общается во дворце".

"Королева добра к ней?" неуверенно спросила Амларуил, не желая спрашивать, но желая знать.

"Лиди'алира не недоброжелательна. Но она не знает, что делать с Илайраной. Она не понимает девушку. Не то чтобы я был намного лучше", - добавил он.

Амларуил услышала вину в его голосе. "Ты не можешь винить себя. Илайрана для тебя чужая. Этот выбор был моим, хорошо это или плохо".

"Ты должна была сказать мне", - тихо произнес Заор.

Эльфийка покачала головой, понимая, что он имеет в виду. "Если бы я сказала тебе в день твоего созыва, что ношу твоего ребенка, ты бы никогда не согласился на союз с Амариллисом. Сейчас королевство в безопасности, оборона Эвермита еще никогда не была такой сильной, и даже самые спорные золотые эльфы говорят о своем короле с нескрываемой гордостью. Достигло бы все это, если бы ты отдал Лиди'алире в жены свою кузину?"

"Но разве это имеет значение по сравнению с тем, что мы потеряли?"

"Это важно!" сказала Амларуил с внезапной страстью. "Не отвергай того, чего мы достигли, и не унижай жертв, которые мы принесли! Если бы я не верила, что все, что я сделала, было на благо Эвермита, я не смогла бы вынести этой жизни!"

Заор снова взял разгневанную эльфийку на руки, успокаивая ее мягкими словами и нежными руками. Годы отступали от них обоих, и он с радостью ощущал знакомое пламя их общего огня. Когда ему показалось, что он больше не в силах терпеть, Амларуил отстранилась. Ее глаза искали его.

"Как случилось, что у тебя нет наследника в браке?" - мягко спросила она.

Эльф поморщился, но не отмахнулся от вопроса. "Возможно, мне не хватает твоей преданности Эвермиту, Амларуил. Но есть некоторые обязанности, с которыми я не могу смириться. Если это делает меня менее королем, пусть будет так". Лиди'алира согласилась на этот союз ради политического удобства и не более. Перед свадьбой я честно рассказал ей, что будет между нами, а что нет. Я не могу быть другим, чем я есть".

"И что же это?" - прошептала Амларуил, читая ответ в его глазах, но нуждаясь в том, чтобы услышать слова.

"Твоя", - ответил он. "Только твоя".

"На эту ночь", - согласилась она, взяла его за руки и увлекла за собой на лесную подстилку из глубокого, зелено-бархатного мха.

"Нет", - тихо сказал Заор. "На все времена".

* * * * *

В последующие месяцы Амларуил выполнила свои обещания, данные в ту ночь, так, что это поразило даже ее самых ярых сторонников.

Наконец она покинула Башни, путешествуя по Эвермиту с небольшим кругом магов и испытывая сыновей и дочерей как знатных, так и простых домов. Тех, кто проявлял талант, принимали на обучение, независимо от рождения.

Это не понравилось всем эльфам, особенно отпрыскам могущественных семей Золотых эльфов, которые считали, что уже потеряли достаточно. У Амларуила был готовый ответ для этих беспокойных и недовольных молодых эльфов. В запланированном противостоянии, во время летнего сбора на лугах Дрелagara, она вызвала Круг магов на шуточную битву с могущественным боевым магом Ялатанилом Симберном.

Хотя все понимали, что магический поединок был предназначен для развлечения, мощь волшебного посоха Ялатанила, продемонстрированная перед большим собранием магов, волшебников и знати, произвела желаемый Амларуил эффект.

Магические предметы, настаивала она, были не просто семейными сокровищами, которые нужно было хранить. Они были важной частью эльфийской культуры, наследием всех эльфов. Она пообещала поддержку Башен всем искателям приключений, которые захотят вернуть эльфийские артефакты из руин исчезнувших эльфийских цивилизаций, и ремесленникам, которые создадут новые. В результате возникла бурная деятельность, и гавани Лейтильспара расцвели кораблями, плывущими на восток, чтобы вернуть славу прошлых времен.

Вдохновленные примером Верховного мага, эльфы с новым рвением принялись за магические искусства. Но, как вскоре узнала Амларуил, возвращать сильные стороны эльфов было делом простым. А вот справиться с их неудачами - совсем другое дело.

Поскольку кланы соперничали друг с другом за власть в магических делах, детей знатных домов все чаще призывали преуспевать. В Башню были отправлены дети, которые в менее восторженные времена не попали бы туда. Главным среди них был Реннин Илороти.

Юный золотой эльф быстро становился проблемой. Как и многие его сородичи, Реннин гордился и даже высокомерно относился к своему высокому происхождению. Но в отличие от большинства эльфов, в его сердце был барьер, который удерживал его от любого вида глубокого общения. Клан Илороти был твердо намерен, чтобы их сын стал Высшим магом, но интенсивное общение с магией Круга было ему совершенно не по силам.

Некоторое время Амларуил пробовала занять таланты Реннина в другом месте. Но он отказался учиться искусству клинка у Шануррия Аленуата, заявив, что не станет учиться у лунного эльфа. Он проявил некоторые способности к боевым заклинаниям и простым иллюзиям, но по мере обучения стало ясно, что он просто обладает необычайно малым талантом к любой магии.

Спрос на места в Башне был велик, и многообещающие эльфы ждали своей очереди. Другие Высшие Маги стали требовать отчисления Реннина. Но Амларуил не хотела этого делать, и не только из-за страха отторгнуть могущественную семью Илороти. Она видела в Реннине немало ценного. Хотя его навыки не были теми, которые высоко ценились в эльфийской культуре, она начала представлять себе роль, в которой он мог бы преуспеть.

В тот день, когда она позвала его в свои покои, Реннин предстал перед ней с жесткой гордостью человека, который видел приближение своей судьбы и был готов принять ее, стоя во весь рост.

"Ты знаешь, что я посвятила себя служению этим Башням, но я буду первой, кто признает, что они - не весь Эвермит", - начала Амларуил, сразу же заставив молодого эльфа насторожиться. "Есть и другие важные задачи, которые необходимо выполнить. Я думаю, что эльф с такими талантами, как у тебя, может добиться большего, если выйдет за пределы этих Башен".

"И какие же это могут быть таланты?" с горечью сказал Реннин. "Я - неудавшийся маг, как бы вам ни хотелось позолотить меня своими золотыми словами!"

"Не так", - возразил Амларуил. "Ты овладел многими видами магии. У тебя нет задатков высшего мага, я согласна с этим, но с небольшой помощью нужных устройств ты сможешь выполнить любую магическую задачу".

Она сняла со своей руки кольцо и протянула ему. "На стене позади тебя висит зеркало. Надень кольцо и представь, что тебе нужно поговорить с лесным эльфом, который тебе незнаком".

Эльф недоверчиво посмотрел на нее, но сделал то, что ему было велено. Он повернулся лицом к зеркалу, но тут же отпрянул назад, пораженный странным лицом, которое смотрело на него. Его собственное лицо, хотя и медного оттенка,

испещренное зелеными и коричневыми татуировками, смотрело из стекла непостижимыми черными глазами. Знакомые золотистые волосы потемнели до коричневого цвета и были украшены плетением из перьев и бисера. Реннин поднял удивленную руку, чтобы коснуться своего лица, и с удивлением посмотрел на свое отражение.

Амларуил улыбнулась. "Магия кольца тебе очень идет. У тебя врожденный талант, Реннин, быть не тем, кем ты кажешься. Я видела, как ты очаровываешь улыбкой эльфийскую служанку, как убеждаешь солдата несколькими обманчивыми словами, что ты его товарищ и друг. И все же - прости меня - тебя никогда не трогают в ответ. Ты держишься в стороне от тех, с кем легко подружиться, и даешь только и исключительно то, что решил дать. И, по правде говоря, эльфийская служанка и солдат не узнали бы тебя по описанию друг друга".

Амларуил наклонилась вперед, ее лицо было серьезным. "У меня есть для тебя роль, в которой ты сможешь преуспеть. Пусть это звучит не так грандиозно, как советник или боевой маг, но для Эвермита это не менее важно. Я хочу, чтобы ты стал глазами и ушами Башен. Ты будешь путешествовать как по Эвермиту, так и в дальние страны, и посылать мне вести о таких вещах, которые мы здесь должны знать".

"Ты хочешь, чтобы я был шпионом?" - спросил он скорее с удивлением, чем с неодобрением.

"Скрытым дипломатом", - согласилась она. "У тебя прекрасная рассудительность и великолепное благоразумие, и если вдруг эти таланты окажутся недостаточными для выполнения поставленной задачи, твои боевые навыки впечатляют и с лихвой восполнят этот пробел. Твое первое задание очень важно, я бы не доверила его эльфу с меньшими способностями".

Амларуил встала и стряхнула с себя мантию. Шелковистые складки платья прижались к ее округлившемуся животу. "Как видишь, я снова беременна", - безмятежно сказала она, сложив руки на животе, словно обнимая жизнь внутри. "До наступления зимы я рожу королю Заору сыновей-близнецов. Они будут воспитываться в тайной приемной семье моих дальних родственников и обучаться среди воинов Крепости Кроулнобар. Ты будешь сопровождать их в качестве опекуна и телохранителя и проследишь, чтобы они были доставлены в целости и сохранности. Никто не должен знать ни об их личности, ни о твоей". Амларуил улыбнулась изумленному эльфу. "Стану ли я давать тебе задание, столь близкое моему сердцу, если есть другой, более подходящий?"

С усилием Реннин перестал таращиться. "А король?"

"Заор знает о моем выборе и одобряет его", - сказала ему Амларуил. "Когда ты сделаешь это, ты сможешь отплыть на материк. Кольцо, которое ты носишь, тоже эльфрун, устройство моего изготовления. Я заколдовал его, чтобы ты мог говорить со мной по желанию. Оно также может мгновенно перенести тебя магическим образом в Эвермит во время серьезной опасности. Я покажу тебе, как пользоваться этими способностями. Но сначала, - предложила она, - покажи мне обличье, в котором ты отправишься в Крепость Кроулнобар".

Реннин снова повернулся к зеркалу. Слабая сардоническая улыбка заиграла на его губах, когда он предстал перед своим изменившимся обликом. Теперь он был

воином лунных эльфов, белокожим и серебристоволосым. Его телосложение стало тяжелее, почти человеческим, а руки и плечи свидетельствовали о внушительной силе.

"Простите меня, госпожа, - пробормотал он, - но я сомневаюсь, что мои родители одобрили бы такое превращение".

Амларуил встала рядом с ним, положив руку ему на плечо. "Доверь мне свою семью, как я доверяю тебе свою", - твердо сказала она ему. "Я расскажу Илороти все, что им нужно знать, чтобы они поняли, как важен их сын для Эвермита. Твои сородичи благородны; они сохраняют свой совет и лишь с гордостью скажут, что Реннин ездит на задания к королю".

Эльф повернулся и низко поклонился Амларуилу. "Спасибо, что позволили моей семье сохранить лицо".

"Ты все еще думаешь, что это мое намерение?" - потребовала она. "Ты замечательный эльф, Реннин, с необычными талантами. И хотя ты служишь королю Заору, ты также будешь моим личным представителем и опекуном моих сыновей. Я не поручаю это задание легкомысленно".

"Рыцарь королевы", - задумчиво пробормотал Реннин, и в его глазах зажглась гордость.

Амларуил подняла одну бровь. "Не думаю, что королева Лиди'алира поблагодарит тебя за такое описание", - сухо сказала она.

"Лиди'алира - пустоголовая дура", - беззлобно ответил Реннин. Он пожал плечами. "Простите меня, но мне кажется, что именно вы, а не Лиди'алира Амариллис, являетесь законной королевой Эвермита. И я говорю это не только из-за наследников, которых вы подарили Заору".

Прежде чем Амларуил успела ответить на это заявление, Реннин выхватил свой меч и положил его к ее ногам. "Я буду служить Вам и Вашим детям, в тайне и чести, скрытый рыцарь скрытой королевы", - сказал он и опустился перед ней на колени.

Возможно, потому, что молодой эльф смотрел на нее с таким сияющим ожиданием, возможно, потому, что он так отчаянно нуждался в вере в свою и ее ценность, Амларуил взяла меч и с благоговейной торжественностью объявила Реннина Илороти рыцарем Эвермита. И когда он ушел, она обнаружила, что не жалеет об этом поступке.

Амларуил снова надела скрывающую мантию Верховного мага. Но прежде чем вернуться к своим обязанностям, она сделала паузу, чтобы задумчиво посмотреть на свое отражение в зеркале.

Ей показалось, что на ее лбу застыла слабая тень короны. И она подумала, что, возможно, магия кольца Реннина позволяет ему не только видеть сквозь иллюзии, но и создавать их. Молодая эльфийка увидела истину, которую сама только-только начинала принимать: Хотя она правила лишь в башнях Солнца и Луны, сердцем и духом она была истинной королевой Эвермита. Боги знали это: разве не она, будучи девочкой, прикасалась к лунному клинку Заора, королевскому мечу, как к своему собственному?

Какое значение имело то, что эльфы не признавали и не признают ее? Она все равно будет служить - скрытая королева, как назвал ее Реннин, но все же королева.

Довольная, Амларуил покинула свои покои, чтобы вновь взять на себя управление Башнями.

20. Окна в Мир

Амларуил пыталась сурово смотреть на этих одинаковых мальчишек, стоящих перед ней, их курчавые синие макушки покорно опустились, а босые пальцы ног зашаркали по полированному мраморному полу.

Однако было трудно вызвать в себе хоть что-то похожее на материнский гнев по поводу последнего проступка мальчишек. В самом деле, она только и могла, что удержаться от того, чтобы не заключить обоих в свои объятия и не простить их за этот, все прошлые и все будущие проступки.

Харлион и Зоран, ее сыновья-близнецы, были маленькими копиями своего отца. Крепкие и упрямые, они унаследовали резкие черты лица Заора - вплоть до вмятины в центре подбородка - и характерные кудри отца цвета сапфира. Амларуил не могла не улыбаться, глядя на них, - благословение приходило к ней слишком редко.

"Вы, мальчики, находитесь под опекой лорда и леди Кроулнобар", - напомнила она им с насмешливой строгостью. "Вы должны слушаться их так же, как меня, и с усердием изучать все то, чему они хотят вас научить".

"Но танцы?" воскликнул Харлион, выплюнув это слово с изысканным презрением. "Какая нужда в этом у воинов Эвермита?"

"Таков обычай Кроулнобаров - обучать всех молодых эльфов, находящихся под их опекой, как придворной жизни, так и боевым навыкам", - напомнил ему Амларуил. "Это, добавлю, обычай, с которым я полностью согласна. Жизнь не ставит перед нами одной задачи, и эльфийский дворянин должен уметь вести себя хорошо во многих обстоятельствах. А что вы вообще имеете против танцев? Это так же важно для эльфа и так же естественно, как магия!"

"Ну, эти две вещи не так уж плохи, если сложить их вместе", - заметил Зоран, его голубые глаза сверкали озорством. Близнецы обменялись хитрыми взглядами. Их плечи пожали, когда они захихикали, вспоминая утренние события.

Амларуил с трудом удержалась от того, чтобы не присоединиться к ним. Образ чопорно спокойной Чикландры Кроулнобар, визжащей и хватающейся за свои развевающиеся юбки, едва не стал для Амларуил гибельным.

"Вам не следовало заклинять леди Чикландру танцевать на потолке, нежели на полу", - наставляла она их.

"Леди Куриные лапки", - симпровизировал Зоран, чем вызвал у близнецов очередной приступ хихиканья. "Этой леди следовало бы носить более длинные панталоны, я бы сказал!"

"Она и танцует, как курица", - сказал Харлион. Он высоко закинул руки на бока, хлопая локтями, как крыльями, когда проделывал первые шаги в хороводе. Его маленькое лицо жутко точно имитировало натянутую, чопорную улыбку леди Чикландры.

Наконец Амларуил поддалась хихиканью, что вызвало у нее пару одинаковых, заговорщицких ухмылок.

"Не думайте, что я это одобряю", - предупредила она мальчиков. "Какого бы мнения вы ни были о танцах леди Чикландры - или о ее ногах, если уж на то пошло, - вы должны проявлять к ней должное уважение. Пугать и смущать свою хозяйку - это не то поведение, которого я от вас ожидаю".

Искреннее разочарование в ее голосе окончательно испортило близнецам настроение. Они пробормотали извинения, и когда Амларуил отпустила их, они действительно вышли из комнаты и пошли по коридору, который вел в сад, а не бросились сломя голову в открытое окно, как это было принято. Однако уже через несколько мгновений они нашли деревянные мечи и принялись с остервенением колотить друг друга, издавая боевые вопли, достаточно громкие, чтобы заставить задуматься хорошо вооруженного людоеда.

Амларуил вздохнула, наблюдая за игрой мальчиков. "Моя работа в Башнях слишком часто отрывает меня от них".

"Здесь их хорошо учат, госпожа", - заверила ее Реннин Илороти, выходя из тени и становясь рядом с магом. Золотой эльф был частым гостем в замке Кроулнобара, а близнецов он считал своими личными подопечными. "Во всем Эвермите нет лучшего мастера меча, чем Эланьяр Кроулнобар".

Маг повернулась и улыбнулась Реннину. "Вот уж никогда не ожидала услышать от тебя такие слова в адрес Серебряного эльфа!" - поддразнила она его.

Реннин в ответ пожал плечами. "За последние десять лет я многое повидал. Все не так просто, как я когда-то думал, и золотые эльфы не такие уж образцы, какими нам нравится себя считать. Есть эльфийские культуры, которые, хотя и сильно отличаются от культуры Эвермита, но достойны уважения."

"Так ты сказал ранее. Расскажи мне больше об эльфах Муншае", - попросила она, зная, что ее молодому советнику не терпится поговорить об этом, ведь он недавно вернулся из поездки на эти острова.

"Они - яростные бойцы и прекрасные наездники, а верхом на лошади они проворны, как кентавры", - начал Реннин, говоря с большим энтузиазмом. "Их магия тоже отличается от нашей и очень похожа на нашу. Даже элфу было бы трудно найти их долину, потому что она скрыта от посторонних глаз магией". Он сделал паузу. "На самом деле, эта укромная долина может быть тем самым местом, где беспокойные молодые принцы могут начать исследовать мир".

Амларуил задумчиво кивнула, наблюдая за враждующими близнецами. Их игра переросла из буйного веселья в ожесточенное соперничество. Они отбросили мечи и бросились друг на друга. Они падали вместе, катались и бились кулаками и ногами. К счастью для душевного спокойствия Амларуил, оказалось, что близнецы наносят гораздо больше вреда клумбам леди Кроулнобар, чем друг другу.

"Они слишком похожи на своего отца в том, что им придется найти или создать собственные королевства", - размышляла она. "Боюсь, что здесь, на Эвермите, у них мало будущего, поскольку Илайрана, похоже, обречена править".

"Сонорианская долина может нуждаться в таких воинах, какими станут Харлион и Зоран", - сказала Реннин. "Эльфы сейчас в достаточной безопасности, но я опасаюсь за них, поскольку людей на острове становится все больше. Возможно,

присутствие молодых принцев поможет убедить эльфов установить ворота между Эвермитом и их долиной".

"Прекрасная идея", - похвалила она его. "Ты хорошо потрудился, Реннин, налаживая связи с другими эльфийскими поселениями и обучая эльфов Амакиссара следовать твоему примеру".

Эльф поклонился. "Я благодарю вас за ваши слова, миледи. Однако они напоминают мне о моем страхе, что мы скоро лишимся услуг одного из наших агентов. Неварта Амакиссара".

"О?"

"Он желает остаться в Высоком Лесу, в компании молодой эльфийской женщины".

"Ах." Амларуил кивнула в знак сочувствия, хотя ей было трудно представить этот образ. Неварт был развратным, беззаботным эльфом, который менял возлюбленных с частотой, соперничающей с частотой новолуний. "Ты встречал эту девушку?"

На лице Реннина появилось озабоченное выражение. "Встречал. Она очень красива и очень завораживает. Полагаю, я понимаю, почему Неварт увлекся ею".

Маг услышала и поняла нерешительность своего агента. Хотя она прекрасно знала о силе молодой любви, она также знала, что Неварт долго и упорно тренировался, чтобы завоевать свое место среди советников Высшего Мага. Он не стал бы легкомысленно отбрасывать ее в сторону.

"Возможно, мне стоит позвать его домой и попытаться узнать больше о его намерениях".

"Это было бы мудро. Если позволите, леди, я бы предпочел не присутствовать при вашем разговоре с ним". Реннин сделал паузу и снова выглядел встревоженным. "Он не поблагодарит меня за то, что я говорю против его возлюбленной. Он очень ревнует ее и уже обвинил меня в том, что я пытаюсь встать между ними, чтобы таким образом добиться ее благосклонности для себя".

Амларуил нахмурилась. Это было совсем не похоже на Неварта. Он все меньше походил на влюбленного эльфа и все больше - на зачарованного. "Я поговорю с ним сейчас через эльфруну, которую он носит с собой. Тогда иди, Реннин, и я обещаю тебе быть осторожной с источником информации".

Золотой эльф поклонился и вышел из комнаты. Как только она осталась одна, Амларуил коснулась кольца на своем маленьком пальце и произнесла имя своего агента, а затем арканную фразу.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Неварт ответил. Его голос звучал необычно рассеянно, даже нетерпеливо. Амларуил, беспокойство которой росло с каждым мгновением, настояла на том, чтобы он немедленно встретился с ней в небольшом домике у Озера Снов, который Великий маг и ее агенты часто использовали для подобных встреч.

Когда свет от ее кольца померк вместе с неохотными заверениями Неварта, Амларуил подобрала юбки и выбежала в сад, который стал импровизированным полем битвы мальчиков. Времени хватило лишь на то, чтобы заключить их в объятия и дать краткое наставление относительно будущего поведения, прежде чем ее обязанности вновь оторвали ее от тех, кого она любила.

* * * * *

"Почему ты должен уйти?"

Неварт Амакиссар перестал натягивать сапоги, чтобы бросить тоскливый взгляд на эльфийку, свернувшуюся калачиком среди шелковых подушек их общей постели. Даже только что проснувшаяся, она была потрясающей - самая красивая лунная эльфийка, которую он когда-либо видел. Ее иссиня-черные волосы еще не успели растрепаться от его прикосновений, а кожа ее стройного обнаженного тела была насыщенного бледного цвета нового крема. Словно почувствовав минутную слабость, Арошни мило надулась, а затем вновь приглашающе похлопала по подушкам.

"Что для тебя эта Амларуил? Ты не спешишь, когда я тебя зову", - сказала она голосом, напомнившим Неварту одновременно винофей и темный бархат.

"Спешишь?" Эльф усмехнулся. "Никогда! Ты создана для того, чтобы тобой наслаждались, любовь моя".

"И все же ты покидаешь меня".

"Только на время", - сказал он успокаивающим тоном. "У меня есть дела в Эвермите, а потом я вернусь. И когда я вернусь, мне уже никогда не нужно будет уходить".

"Красивые слова!" - насмеялась Арошни. "Сколько девиц-эльфиек слышали эту песню от прославленного менестреля Неварта?"

Эльф поймал одну из ее рук и поднес к своим губам. "Мое сердце принадлежит только тебе", - сказал он с простым достоинством, совсем не похожим на его привычные шутки. "Ты знаешь, что это правда".

Арошни подняла другую руку и провела пальцем по кольцу, которое Неварт носил на маленьком пальце руки. "Тогда дай мне знак, чтобы я хранила его до твоего возвращения. Это кольцо".

"Я не могу". Он колебался, словно размышляя, как много открыть. Слова вырвались в спешке. "Я бы отдал тебе это или что-нибудь другое, но не могу. Кольцо заколдовано. Никто не может носить его, кроме меня - его даже нельзя снять с моего пальца, пока я жив, а когда я умру, его магия погибнет вместе со мной".

Эльфийская служанка подняла одну эбеновую бровь. "Мощная магия для простого менестреля".

"Да", - сказал он, и хотя она ждала, он не предложил дальнейших объяснений.

Спустя мгновение Арошни вздохнула и взяла кольцо со своей руки. "Если ты не хочешь дать мне символ, то хотя бы надень один из моих! Возьми его с собой в Эвермит и думай обо мне, когда будешь смотреть на неё".

Неварт с готовностью протянул ей руку. Он взглянул на кольцо, которое она надела ему на средний палец, и отметил, что кольцо сместилось, чтобы соответствовать его более крупной руке. Камень, рубин, казалось, смотрел на него, как злобный багровый глаз. Неварт моргнул и тряхнул головой, словно прогоняя странный образ. Когда он снова взглянул на кольцо, оно оказалось всего лишь прекрасным красным камнем, таким же ярким, жизненным и удивительно

яростным, как и женщина-эльф, которая делила с ним постель и держала его сердце в своих белых руках.

Арошни поднялась с колен, обвила руками его шею и подняла лицо для последнего поцелуя. С готовностью, с нетерпением эльф прощался с ней. Когда он наконец отошел, его улыбка без слов сказала, что ему не понадобится ее символ, чтобы помнить ее долго и хорошо.

Эльфийка смотрела, как Неварт ускользает в серебряный путь магии, и ждала, пока оставленная им тепловая тень не исчезнет совсем. Затем она сама начала меняться. Насыщенный эбеновый цвет ее волос выщелачивался, растекаясь по коже, как пролитые чернила. Она внезапно обрела рост и силу. Ее тело стало более пышным и сверкало в свете лампы, как полированный обсидиан, когда она поднялась с кровати и подошла к запертому сундуку. Из него она достала кроваво-красную чашу для гадания. Когда она опустилась на колени и заглянула в нее, ее большие голубые глаза стали зеркально отражать злобный багровый цвет кольца, которое Неварт носил в ее честь.

Существо, известное в давно минувшие века как Арошни, пристально изучало чашу, пока последние остатки ее смертной маскировки ускользали. Даже с острыми глазами дроу, аватар богини Ллос, она ничего не увидела. Да она и не ожидала этого. Магия, охранявшая Эвермит, была сильна и тонка, и она не могла проникнуть в нее даже с такой магией, какой обладала. Ни она, ни ее агенты не могли пробить щит, который Кореллон поставил вокруг своих детей.

Что ж, у Арошни - или Ллос, как ее теперь называли - были свои дети, и никто не плел паутину искуснее, чем она. Под землями, по которым ступали дети Кореллона, под морями, по которым они плавали, ее народ живет в лабиринте туннелей, таких запутанных и сложных, что даже они сами не могут назвать все свои тайны.

Многие сотни лет дроу искали под морями проход в Эвермит. И всегда им это не удавалось, ибо заклятия, защищающие остров, были очень сильны. Не раз многолетний труд был разрушен внезапным и страшным наводнением, когда море устремлялось внутрь, чтобы уничтожить слишком горячий туннель. До сих пор Эвермит оставался неподвластным руке Ллос.

Но Неварт, очаровательный маленький эльфлинг, каким он был, наконец-то изменит это. Как и многие другие эльфы Эвермита, он посвятил себя исполнению воли этой выскочки, этой Амларуил.

Ллос ненавидела Великого мага Эвермита с такой страстью, которая соперничала с ненавистью к самому Кореллону. И все же она была почти благодарна лунной эльфийке. Ведь именно Амларуил открывала окна между Эвермитом и остальным Абейр-Торилом.

Окна, которые при правильном использовании могли смотреть в обе стороны.

Для Ллос не было ничего особенного в том, чтобы принять форму аватара, столь отличную от ее природы, не было ничего особенного в том, чтобы сыграть роль соблазнительницы лунных эльфов. Но если ее гамбит удастся, приз будет стоить всех переживаний.

А когда Неварт вернется, чтобы забрать свою "возлюбленную", Ллос получит небольшое удовольствие, убив эльфа, медленно и с изысканным вниманием к каждому возможному нюансу боли.

На темном лице богини промелькнула улыбка почти удовлетворения. Даже по сравнению с ее главными страстями - всепоглощающей ненавистью к эльфам, любовью к власти и неукротимой жадой мести - преданность Неварта своей драгоценной Амларуил была сильной вещью. Ллос с огромным удовольствием сообщит ему, что его не только предали, но и он в свою очередь предал Эвермит.

* * * * *

Белый вихрь и спешка магического путешествия исчезали, сменяясь глубокой зеленой дымкой. Когда зеленая дымка стала более резкой, Неварт Амакиссар почувствовал, как знакомая магия леса Эвермит потянулась к нему, чтобы обнять, словно приветствуя.

И все же что-то казалось не совсем правильным. Эльф услышал слабый звук, визг и крики, которые наводили на мысль о раненом животном. Он пошел на звук, пока не оказался у края глубокой и широкой ямы. Внутри ямы, истекая кровью из дюжины ран и почти обезумев от боли и ужаса, лежал огромный дикий кабан.

Неварт нахмурился. Не в обычаях эльфов было рыть ямы для охоты, поскольку существовала вероятность, что животное может остаться раненым и беспомощным. Изучив раненого кабана, он понял, что дело обстоит еще хуже. Похоже, что раны животному нанесли эльфийские копыта и стрелы. Кабана намеренно ранили и оставили здесь. Но почему?

Слабый звук эльфийских сапог насторожил его и подсказал, что ответ, возможно, скоро появится. Неварт нырнул в густую листву, далеко за пределы видимости, и присел, чтобы прислушаться.

"Готова ли ловушка?" - спросил мелодичный эльфийский голос, принадлежавший молодому мужчине.

Неварт переместился, пытаясь разглядеть говорившего, но густая завеса листьев закрыла ему обзор.

"Все так, как мы и договаривались", - ответил другой мужчина. "Король Заор придет, и один. В этом я уверен. Когда он пройдет между дубами-близнецами - а он должен пройти, чтобы добраться до домика, - веревки поднимут сеть под кабаном. Существо вырвется из ямы, и в своей боли и безумии нападет на все, что окажется в пределах досягаемости. Ни один эльф, даже Заор Лунноцветущий, не сравнится с раненым кабаном!"

"Это страшное животное, и оно в полной готовности к бою", - сказал первый эльф. "Ты хорошо справился, Финиан".

"Надеюсь, это существо слишком далеко от боли и ярости, чтобы попасть под чары короля", - обеспокоенно сказал тот, кого звали Финиан. "Мой отец знал Заора в Кормантире. Он говорил, что как рейнджер Заор не имеет себе равных. Как ты думаешь, он сможет приручить этого кабана?"

Эльф рассмеялся. "Сомневаюсь. И даже если Заору удастся приручить или убить зверя, он не найдет спокойного пути обратно в Лейтильспар. Его ждут другие ловушки. А если возникнет необходимость, что ж, я и сам с радостью сделаю это. Мать запретила мне убивать лунного эльфа самому - ведь всегда есть вероятность

разоблачения, - но я с радостью приму участие в битве. Разве я не обещал убить каждого из притворщиков Серых эльфов?"

Неварт не мог больше терпеть. Он выскочил из своего укрытия и, выхватив меч, бросился на предавших эльфов.

Те испуганно подняли головы, когда на них налетел лунный эльф. С удивлением Неварт понял, что знает одного из них. Финиан Ни'Тессин покинул Эвермит вместе со своей семьей золотых эльфов много лет назад и отправился в леса Кормантира. Другой, более молодой золотой эльф тоже был знаком, но Неварт не мог его узнать.

Оба эльфа достали свои мечи. По негласному соглашению они вихрем метнулись в сторону от надвигающегося эльфа, заставив Неварта выбрать единственную цель. Лунный эльф остановился на Финиане и набросился на него, высоко подняв меч для колющего удара вниз.

Как и надеялся Неварт, Финиан парировал удар, подняв свой клинок для парирования. Лунный эльф сильно замахнулся, встретив меч Финиана с такой силой, что искры посыпались в лесную тень. Прежде чем золотой эльф-предатель успел оправиться от удара и отвести свой клинок, Неварт выхватил с пояса длинный нож и шагнул под сведенные мечи.

Меч второго эльфа сильно ударил, нанеся глубокую рану по тыльной стороне руки Неварта и испортив его добивающий удар. Лунный эльф широко вскинул руку и каким-то образом сумел нанести дикий удар сзади по лицу нападавшего. Он отскочил в сторону, а затем столкнулся лоб в лоб с парой золотых эльфов. Они набросились на него, как охотничьи кошки, с мечами наперевес.

Неварт делал все, что мог, но два его клинка не могли сравниться с мечами золотых эльфов-предателей. Снова и снова они прорывались сквозь его защиту, их мечи оставляли длинные кровавые следы на его руках, груди, лице.

И все же Неварт продолжал сражаться, не только за свою жизнь, но и за жизнь короля. Он должен был выжить, иначе Заор попадет в ловушку предателей.

Женский голос назвал его имя, и вдруг Неварт понял, что битва выиграна. "Это Амларуил - Великий маг", - сообщил он эльфам, произнося слова между быстрым обменом ударами. "Вы все равно что мертвы".

На лице младшего эльфа промелькнуло выражение глубокой ненависти, но он отпрыгнул назад, за пределы досягаемости меча Неварта. "Финиан, к деревьям! Пусть королевская шлюха найдет своего убитого чемпиона. Ты сможешь сразить ее стрелой, пока она будет оплакивать его!"

Неварт подумал, что это несколько самонадеянно, учитывая, что он был далеко не мертв. Но даже когда эта мысль сформировалась, золотой эльф вихрем бросился вперед, его меч мелькнул вверх и вокруг так быстро, что его путь, казалось, застыл в виде сплошного серебристого круга. Неварт не почувствовал пореза, но смутно ощутил, как земля, пропитанная кровью, устремилась ему навстречу. Каким-то далеким, угасающим уголком сознания он видел, как золотой эльф убрал клинок в ножны и скрылся в лесу.

Он пытался предупредить Амларуил, пытался отмахнуться от нее, пытался сказать ей "нет", когда она опустилась на колени рядом с ним. Но его конечности были так ужасно холодны, и они больше не отвечали на его волю. Никакие слова не могли вырваться из его разорванного горла.

Он на мгновение подумал о своей Арошни, но, как ни странно, не смог вызвать в памяти образ ее лица. Свет померк перед его глазами, и в памяти остался лишь образ сияющего рубина на его руке и глубокое, ужасное чувство поражения. Амларуил погибнет из-за него.

Да, она умрет, и все дети Кореллона вместе с ней, - ликовал в его голове знакомый темно-бархатный голос.

Неварт услышал испуганный вздох Амларуил и понял, что она тоже слышит этот тихий голос. А потом он исчез, отлетев от своего разорванного тела.

Амларуил в недоумении смотрела на мертвого эльфа, ее мысли вихрем проносились в голове, пытаясь осмыслить случившееся. Он был в жестокой битве - она слышала звон мечей из домика неподалеку. Его враги не могли уйти далеко. А как же тот ужасный, злобный голос, ощущение темной и злой магии, которое витало вокруг него, словно миазмы?

Ответы должны быть у нее, как бы они ни были получены. Амларуил глубоко вздохнула и приготовилась сделать то, что было анафемой для любого эльфа: вмешаться в загробную жизнь другого. Задерживать переход в Арвандор по любой причине было ужасно. Но Амларуил была уверена, что она должна это сделать.

Она не была жрицей, но ее связь с Селдарином была глубокой и прямой. Амларуил направила свои мысли по пути в Арвандор, по тому же пути, по которому, несомненно, шел Неварт.

В серой мгле между миром смертных и бессмертных она почувствовала неуверенный дух агента лунных эльфов. Она срочно потребовала рассказать ей, что произошло. Неварт рассказал ей без слов, передавая свои мысли, свои страхи и неудачи. Он назвал ей известное ему имя - Финиан - и предупредил, что есть и другие предатели. Он рассказал о своих сожалениях, надеждах, самых заветных мечтах. По мере того как информация проникала в ее сознание, одно выделялось - имя из древнего мифа ее народа. Чувство ужаса и страха наполнило Амларуил, когда она поняла, что Неварт принес с собой в Эвермит. Но когда его дух улетучился, его последнее и самое срочное послание было не о богине Арошни, а о непосредственной и смертельной опасности.

Действуя инстинктивно, Амларуил отбросил тело Неварта в сторону и покатылся прочь. Две стрелы стремительной чередой вонзились в мертвого лунного эльфа.

Высший маг вскочила на ноги, ее голубые глаза пылали боевым светом, а руки были вытянуты вперед. Из кончиков ее пальцев вырвался маленький импульс силы и с шипением устремился вверх по пути, пройденному стрелой. Крик боли разнесся по лесу, и деревья над головой зашумели, когда скрытые враги отступили.

На мгновение Амларуил почувствовала искушение преследовать. Но ее занимало другое, более насущное дело. Заор был в серьезной опасности. Неварт не знал ни местонахождения, ни природы всех ловушек, которые эти предатели расставили для короля, поэтому Амларуил мало что могла сделать, чтобы их избежать. Она не знала, где может находиться сам Заор, и у нее не было никаких способов связаться с ним с помощью магии.

Но был один человек, который знал. Амларуил приготовилась к предстоящему противостоянию. Никогда, ни разу, она не сталкивалась с супругой Заора. Однако

Лиди'алира носила эльфруну, настроенную на короля, - дар Башен, сделанный самой Амларуил.

Верховный маг опустилась и взяла на руки растерзанное тело Неварта. Закрыв глаза, она прошептала фразу, которая призвала серебряные нити магии и перенесла их обоих в самое сердце эльфийского двора.

Звон арфы и вопль смешанного ужаса и отвращения приветствовали Амларуил во дворце Лунного камня. Она открыла глаза и посмотрела в белое, изумленное лицо королевы Заора.

Заклинание, наложенное Амларуил, должно было привести ее в присутствие владельца эльфруны. Она явилась к королеве Лиди'алире в тот момент, когда та была одна и развлекалась в покоях, наполненных произведениями искусства и диковинными музыкальными инструментами. Королева вскочила на ноги, опрокинув и мягкую скамью, на которой сидела, и золотую арфу, стоявшую перед ней. Ее широкие, пристальные глаза были устремлены на убитого эльфа.

Со всем достоинством, на которое она была способна, Амларуил встала лицом к лицу с супругой Заора. Она отчетливо заметила вспышку негодования в глазах Лиди'алиры, когда та узнала свою гостью, и презрение на лице эльфийки, когда она увидела растрепанный вид Амларуил и испачканные кровью одежды.

"Простите меня за вторжение, миледи, - начал Амларуил, - но дело очень срочное. Вы должны немедленно связаться с королем".

Лиди'алира подняла подбородок. "Кто ты такая, чтобы говорить мне, что я должна делать?" - сказала она со смесью ненависти и надменности, которая могла бы быть ледяной, если бы у Амларуил не было куда более серьезных забот.

Маг взяла маленькую белую руку королевы и повернул ее так, чтобы эльфруна была видна. "С помощью этого кольца ты можешь говорить с Заором. Сделай это сейчас, иначе он умрет! Его ждут предатели и ловушки - я не знаю точно, сколько их и где они могут быть! Но он должен немедленно повернуть назад. Немедленно!"

Срочность в голосе Амларуил наконец-то начала пробивать облако обиды, которое, казалось, окутывало королеву. Маленькая, лукавая улыбка приподняла уголки ее губ.

"Хорошо, я сделаю так, как ты предлагаешь, - согласилась королева, - но за это придется заплатить".

Амларуил отшатнулся назад, глядя на нее в недоумении. "Ты хочешь заплатить за жизнь Заора?" - потребовала она.

"Разве моя жизнь не имеет цены?" Лиди'алира ответила пронзительным, сдавленным голосом. "А я? Неужели я совершенно ничего не стою, что должна сидеть и смотреть, как ребенок другой женщины становится наследником моего мужа?"

"Если ты не предпримешь никаких действий сейчас, то Илайрана получит наследство раньше, чем кому-либо из нас хотелось бы", - заметил маг, избрав другую тактику.

"Не ставь эту маленькую ведьму на мою совесть", - прошипела королева. "Она не по моей вине, и я клянусь, что трон ей не достанется! Она не получит!"

"Это в руках богов. Жизнь Заора, однако, в твоих руках. Назови свою цену, и быстро", - сказала Амларуил, готовая на все, чтобы успокоить королеву.

Лиди'алира, казалось, почувствовала это. Слабая, дикая улыбка озарила ее худое лицо. "Очень хорошо. Я хочу, чтобы ты дала мне зелье, которое заставит Заора хранить в своем сердце только мой образ, и еще одно, которое позволит мне - мне! - зачать наследника трона Эвермита!"

21. Меч Заора

Разве ты можешь спрашивать об этом сейчас?" Амларуил сказала в недоумении. "Как ты можешь думать о чем-либо, кроме того, что король в опасности?"

"Я бы подарила Заору законного наследника!" непримиримо сказала Лиди'алира. "Конечно, ты, самая преданная подданная короля, не можешь желать для него меньшего".

"У Заора уже есть наследник, как ты знаешь! Ты отняла у меня дочь. Сколько еще ты потребуешь?"

"Всего лишь немного магии", - сказала Лиди'алира, небрежно пожав плечами. "Зелье. Любая лесная ведьма или простолюдинка могла бы собрать несколько трав и создать тот же эффект".

"Если ты так считаешь, то почему ты беспокоишь меня из-за этой магии, а не по злобе?"

Бледное лицо Лиди'алиры вспыхнуло. "Помни свое место, маг, и не забывай, как ты со мной разговариваешь!"

"Мое место - в Башнях", - сказала Амларуил сдавленным голосом. "Позвольте мне немедленно вернуться туда".

Королева шагнула вперед, протянув руку так, чтобы Амларуил могла видеть заколдованное кольцо. Ее бледные глаза были полны решимости. "Тогда иди. Но делай это, зная, что ты стала причиной смерти своего любимого короля! Отдай мне то, что я хочу, и я предупрежу его об опасности. Если ты не пообещаешь сделать то, что я скажу, он умрет и будет потерян для нас обоих. Я бы предпочла, чтобы это было так, а не так, как есть".

Две женщины-эльфийки сцепились взглядами в молчаливом, горьком поединке. Наконец Амларуил склонила голову, потерпев поражение. "Я обещаю тебе. Предупреди короля, и я приготовлю тебе зелья".

Торжествуя улыбаясь, королева поднесла кольцо к губам и произнесла одно арканное слово. Кольцо начало светиться слабым фейским светом. Через мгновение в комнату вплыл голос Заора.

"Чем я могу служить тебе, королева Лиди'алира?" - спросил голос в официальных, отстраненных тонах.

"Мой господин король, у меня есть серьезные новости", - сказала королева, и на ее губах появилась слабая ухмылка, когда она перевела взгляд на Амларуила. "Ты один хочешь услышать ее?"

"Со мной никого нет".

При этих словах беспокойство Амларуил возросло в четыре раза. Что заставило царя отправиться в лес одного? Где были его воины? Где был Миронтилар Серебряное Копье, его верный страж?

"Ты должен немедленно вернуться на свой путь", - сказала Лиди'алира. "Предатели из числа золотых эльфов задумали, чтобы с тобой произошел несчастный случай".

"Это маловероятно", - нетерпеливо сказал король.

Выражение лица королевы напряглось. "Тем не менее, это правда. Передо мной гонец из Башен Солнца и Луны. Маги предвидели этот заговор и послали весточку".

Наступило минутное молчание. "Я не могу вернуться во дворец, но благодарю магов за их усердие".

Амларуил рванулся вперед и схватил королеву за руку. "Заор, ты должен!" - срочно сказала она. "Они расставили для тебя ловушки! Я сама видела одну, возле домика у Озера Грез, и один из моих агентов слышал, как заговорщики говорили о других! Тебя ждут вооруженные эльфы - двое, о которых я знаю, а может, и больше. Как получилось, что ты остался один, не оставив ни слова о том, куда идешь?"

"Амларуил?" - произнес его голос, светясь надеждой. "Ты слышала что-нибудь о наших сыновьях? Харлион и Зоране? Живы ли они еще?"

Внезапно маг поняла, что заманило короля в лес. "Я приехала сегодня из Крепости Кроулнобар", - заверила она его. "Мальчики здоровы и в безопасности. Это всего лишь жестокая уловка, чтобы заманить тебя одного!"

"Слава богам, - горячо сказал Заор. "Я немедленно вернусь в Лейтильспар".

Свет в кольце Лиди'алира погас. "Он не стал бы рассматривать предупреждение только на основании моих слов", - с горечью сказала королева. "О нет. Он слушает только мать своих детей! Что ж, скоро ты потеряешь свое единственное право на это место".

Амларуил не стала комментировать. "С вашего позволения, я должна вернуться в Башни. Я распоряжусь, чтобы вам прислали зелья".

"О, нет", - мягко сказала королева. "Ты сама принесешь их и вложишь в мою руку. Если бы можно было сделать это, не нарушая приличий, я бы попросила тебя остаться и наблюдать за результатами, от первого глотка вина до рождения истинного наследника Эвермита!"

Верховный маг отвернулся, не в силах смотреть на жестокость в лице эльфийки. Она выбежала из зала, не думая о достоинстве, и столкнулась лоб в лоб с огненноволосым эльфом, только что вошедшим в комнату.

Монтагор Амарилис подхватил ее под локти, чтобы удержать. "Леди Лунноцветущая", - сказал он, его тон был слегка насмешливым. "Удивительно видеть вас здесь, учитывая, что короля нет при дворе. Надеюсь, с принцессой все в порядке?"

Амларуил вырвалась от него и взмахнула обеими руками в неожиданном, отчаянном жесте. Она исчезла во вспышке серебряного огня.

Благородный моргнул. "Что ж. Необычайно яркий образ для нашей леди-мага. Должно быть, она очень хотела избавиться от нашего присутствия. Какие злоключения ты затеяла, сестра моя?"

Улыбаясь, как сытая кошка, Лиди'алира взяла его за руку и увлекла за собой на балкон. Пока они шли, она рассказала ему, что произошло. Монтагор слушал слова королевы с открытым ртом. Когда она закончила, он тихонько захихикал и удивленно покачал головой.

"Молодец, младшая сестра! Я бы не подумал, что ты способна на такую хитрость".

Королева одарила его самодовольным взглядом. "У меня был прекрасный учитель".

Монтагор подтвердил ее слова легким поклоном. "Поскольку у вас все в порядке, я покину вас".

"Нет, останься", - убеждала королева. "Заор вернется не раньше завтрашнего дня. Мне нужен твой совет, как лучше избавиться от этой несчастной Илайраны. И раз уж ты об этом заговорил, - добавила она уже менее приятным тоном, - объясни мне, почему я никогда не слышала ни слова о двух последних отродах Амларуил. А когда ты закончишь, тогда можешь начать думать о том, как лучше сделать так, чтобы твоего будущего племянника не беспокоил трижды брошенный вызов его законному трону!"

* * * * *

Когда она бежала из дворца, первым желанием Амларуил было немедленно вернуться в Крепость Кроулнобар и еще раз убедиться своими глазами, что ее сыновья действительно в безопасности от заговорщиков из числа золотых эльфов. Она знала, что они ждут ее там, бодрые, счастливые и грязные, как пара поросят после шумной игры, и что такая поездка ничего не даст. Это будет личная поблжка, не более.

Но у нее было обещание, которое она должна была выполнить, чего бы ей это ни стоило. В запертой комнате башни она обратилась к древним книгам по фольклору и траволечению, смешивая старые предания с силой собственной Высшей магии. Она работала всю ночь и до самого утра. Наконец она взяла в руки два маленьких флакона, которые обещали стать исполнением мечты Лиди'алиры и смертью ее собственной.

Сердце Амларуил стало свинцовым, когда она призвала магию, которая вновь привела ее во дворец из лунного камня. На этот раз она нашла Лиди'алиру в обществе своего брата, идущую с ним рука об руку по чудесным садам, окружавшим дворец.

Амларуил пришло в голову, что как только Заор будет магически очарован королевой, Монтагор Амарилис получит значительную власть при дворе. По слухам, королева во всем подчинялась своему брату.

Что ж, с этим ничего нельзя было поделать. Амларуил отдала зелья королеве и ушла так же быстро, как и пришла. Уходя, она взяла с собой Илайрану - она не доверяла Лиди'алире безопасность своей дочери. Если королева готова рискнуть собственным мужем, чтобы выторговать наследника собственного происхождения, то на что она может пойти, чтобы устранить возможных претендентов на трон ее ребенка?

Со всей возможной поспешностью Амларуил собрала своих троих детей и снова доверила их своему агенту Реннину. Перед тем как наступил этот день, она стояла на стенах замка Кроулнобар и смотрела, как исчезает из виду корабль, увозящий их в безопасное место - на острова Муншае.

Когда она возвращалась в Башни, сердце мага было тяжелым. Она не только потеряла любовь Заора в этот день с помощью магии, созданной ею самой, не только рассталась со своими тремя детьми, но и чувствовала себя отчужденной от самого Эвермита. Ужасные события на лесной поляне навсегда лишили ее чувства безопасности, которое она всегда считала своим правом по рождению.

Казалось немыслимым, что эльф может сыграть роль убийцы или что ее собственным детям придется искать убежище в другом месте. Это перечеркивало все, что она считала правдой - ведь Эвермит был создан богами как высшее убежище для всех эльфов?

В ту ночь, когда Амларуил в изнеможении пыталась отдохнуть, ей приснился страшный сон. В покое она вновь стояла на стенах замка Кроулнобар, но перед ее взором предстали не белокрылые эльфийские корабли и спокойное море. Замок был выжжен и почернел, абсолютно безмолвен и жутко лишен жизни, а море за его пределами было усеяно обломками дюжины разбитых эльфийских кораблей.

Амларуил резко очнулась от сна, охваченная ужасной уверенностью, что в ее сне было нечто большее, чем ее собственные тревожные мысли. Она быстро оделась и вызвала магию, которая должна была перенести ее в замок ее родственника.

Когда она сошла с волшебной дорожки и вышла во двор древнего замка Кроулнобар, уже занимался рассвет. У Амларуил возникло странное ощущение, что она ступила в сон.

Все было именно так, как она себе это представляла. Древние стены почернели и разрушились. Никаких признаков жизни не встречало ее. Казалось, будто все процветающее, жизненно важное сообщество было уничтожено вспышкой драконьего огня.

Тонкий, пронзительный крик прорезал прохладный утренний воздух. Амларуил поспешила на звук, который, казалось, доносился откуда-то из-под земли. Она потянула за тяжелую дверь, закрывавшую вход на самый нижний уровень замка, а затем сбежала вниз по длинной извилистой лестнице. В маленькой комнате в самом дальнем углу замка она нашла две живые души: старого эльфа, давно вышедшего из возраста воинов, и маленького, хнычущего младенца.

Эльф поднял голову, когда Амларуил вошла в комнату, его глаза были красными на потемневшем от копоти лице. Прошло мгновение, прежде чем она узнала в нем Эланьяра, патриарха клана Кроулнобаров и мастера меча, который пытался научить дисциплине ее собственных непокорных сыновей.

"Что здесь произошло?" - спросила она, опустившись на колени перед эльфом.

Глаза Эланьяра ожесточились. "Нас захватили существа из Нижнего мира".

"Нет", - в недоумении произнесла Амларуил. "Как такое возможно? На остров никогда не ступала нога людей из Подземья!"

"И они - пока нет", - ответил эльф. "Ты ведь знаешь остров Тилрит, не так ли?"

Маг кивнула. Крошечный остров, лежавший к северу от владений Кроулнобара, по рельефу местности был очень похож на северный Эвермит. Это было дикое место

со скалистыми холмами, испещренными пещерами. Кроулнобары и их арендаторы держали на острове овец, и несколько слуг жили там круглый год, чтобы ухаживать за стадами. Внезапно Амларуил поняла, что это время года, когда рождаются весенние ягнята, а овцы сбрасывают зимние шубы. Большинство жителей деревни и знати приезжали на Тилрит для работы и последующих празднеств.

"На острове на них напали", - пробормотала она, пораженная.

"Большинство было убито вместе с овцами", - с глубокой горечью сказал Эланьяр. "Нескольким удалось спастись. Дроу последовали за ними - не на кораблях, а с помощью магии. Они послали на корабли и на этот замок такой огненный шторм, какого я и представить себе не мог. Те немногие эльфы, что остались, превратились в пепел. Я выжил только благодаря магии меча, который ношу", - добавил он, коснувшись светящейся рукояти лунного клинка Кроулнобара. "Этот ребенок, мой внук Элайт, был у меня на руках, когда разразилась огненная буря. Он и я - все, что осталось от этого клана". Обгоревшая голова эльфа поникла, словно это откровение отняло у него последние силы.

Амларуил положила утешающую руку ему на плечо, а затем протянула руку, чтобы взять ребенка из его рук. Она откинула обугленное одеяло и посмотрела на младенца. Невольная улыбка искривила ее губы. Маленький Элайт был прекрасным мальчиком с большими торжественными глазами цвета янтаря и шапочкой коротких серебристых кудрей.

"Этот ребенок - мой родственник, - мягко сказала она. "Его родители приютили моих сыновей; я сделаю то же самое для их сыновей. Элайт будет моим приемным сыном, и я клянусь перед всеми богами, что он будет мне так же дорог, как любой ребенок из моего собственного тела. Его будут обучать магии в башнях и воспитывать при дворе Лейтильспара так, как подобает благородному эльфу и наследнику Кроулнобара".

Она подняла глаза на Эланьяра. "Идемте. Я должна отвести вас двоих в безопасное место в Башнях. Дроу вернутся с наступлением ночи".

"Замок Кроулнобара практически неприступен", - сказал Эланьяр, и его лоб избороздили тревожные морщины. "Если дроу овладеют этим замком, у них появится оплот, из которого они смогут нанести удар по всему острову!"

"Они не ступят на Эвермит", - заверила его Амларуил, помогая подняться на ноги. "Если для выполнения этой задачи потребуется каждый воин и каждый маг Эвермита, мы остановим их на Тилрите и навсегда запечатаем их туннели!"

* * * * *

В одиночестве и пешком Заор прошел через северные ворота Лейтильспара и бодрым шагом направился ко дворцу. Не успел он отойти далеко, как Миронтилар Серебряное Копье появился рядом с ним, словно маленькая серая тень.

"Я же сказал тебе ждать меня", - проворчал король.

"Так я и сделал", - заверил его друг. "Это дело, из-за которого ты отправился один, которое было настолько важным, что никто не мог сопровождать тебя - оно завершено?"

На лице Заора появились мрачные черты. "Похоже, все только начинается. Амларуил все еще во дворце?"

Воин заколебался. "Она не раз приходила и уходила с тех пор, как ты уехал, и с тех пор, как она пришла с вестью о том, что тебе угрожает опасность, брат королевы очень часто бывает здесь. Он разглядывает дворцовых служанок, словно выбирая вечернее развлечение, и изучает сундуки, словно раздумывая, в каком из них лучше всего хранить запасные плащи и сапоги. Скажу вам, милорд, мне это не нравится".

"Ты всегда был осторожен с Монтагором Амарилисом", - сказал Заор. "Если бы он хотел претендовать на трон, то сделал бы это двадцать пять лет назад".

"Монтагор не король, и он это знает. Но, возможно, он желает регентства", - серьезно сказал ему Мирон. "Его надежда на наследника Амарилиса почти угасла, потому что принцесса Илайрана достигла совершеннолетия. Она будет коронована как твой наследник еще до конца года".

Заор замер. "Ты думаешь, принцесса в опасности?"

"Леди Амларуил думает", - сказал Мирон. "Она забрала принцессу и отправила ее и близнецов в безопасное место. И она попросила меня встретиться с тобой, как только я смогу сделать это, не нарушая своего слова". Его лицо стало серьезным. "Это правда? На вашу жизнь было совершено покушение здесь, в Эвермите?"

"Ты сомневаешься в леди-маге?" сухо сказал Заор.

Как он и ожидал, лицо Миронтиlara приняло выражение почти благоговения. "Ни в этом, ни в чем другом", - тихо сказал он.

"Спасибо за твою веру, друг мой", - произнес женский голос позади них.

Оба воина вскочили и повернулись лицом к говорившему. На их лицах было одинаковое выражение досады, что их могли неправильно понять. Сжалившись над мощной смесью мужской и эльфийской гордости, Амларуил протянула руку и коснулась кольца на руке Миронтиlara.

"Эльфруна, которую я тебе дала, позволяет мне найти тебя, когда это необходимо", - объяснила она. "Если бы у меня хватило ума подарить такое же Заору, а не заботиться о приличиях и внешнем виде! Но есть и другие дела, которые требуют вашего внимания, милорды". В нескольких кратких словах она рассказала им о вторжении в Тилрит.

Лицо Заора потемнело. "Все силы Эвермита немедленно двинутся на север. Вы можете отвести нас во дворец, миледи?"

Амларуил призвала магию, которая мгновенно перенесла всех троих в зал совета Заора. С быстротой опытного полководца король разослал гонцов во все уголки Эвермита, чтобы собрать эльфов для битвы.

Наконец он обернулся к Амларуил, которая молча стояла в стороне. "Можешь ли ты привести Круг на северный берег? Нам понадобится мощная магия, чтобы закрыть туннели.

Если Тилрит придется сбросить в море, чтобы обеспечить безопасность Эвермита, то так тому и быть".

"Это будет сделано", - заверила она его.

В этот момент двери в палату распахнулись, и в комнату влетела Лиди'алира, за ней по пятам следовал Монтагор. Ее взгляд загорелся, когда он упал на Амларуил, и улыбка стала кошачьей. Обдуманно движениями она взяла графин с вином и

налила два кубка. Она достала из пояса флаконы, держа их так, чтобы Амларуил могла видеть их и прочесть ее намерения.

"С возвращением, мой господин. Не выпьешь ли ты со мной в честь своего возвращения?" - промурлыкала она.

Заор покачал головой. "Я не могу остаться. Разве ты не слышала новости или хотя бы не подозревала, что что-то может быть не так? Дворец в беспорядке, а солдаты заполонили улицы города. Сейчас не время для торжеств".

Самодовольное выражение на лице королевы пошатнулось. "Ты не уйдешь, конечно!"

"Немедленно. Северные берега находятся под угрозой вторжения - на этот раз не сахуагинов, а существ из Подземья".

"Нет. Это невозможно", - сказала Лиди'алира, ее глаза были огромными от страха.

"Я бы хотел, чтобы это было так", - сказал король мрачным тоном. "Но не беспокойтесь. Во дворце вы будете в полной безопасности", - заверил он ее, не понимая истинного источника ее беспокойства. Он поклонился женщинам-эльфам и вышел из комнаты.

Лиди'алира вихрем бросилась к магу. "Это твоих рук дело", - прошипела она. "Ты всегда отнимал у меня Заора! А теперь ты замышляешь против меня, даже если это означает союз с дроу!" Королева отдернула руку, словно собираясь швырнуть кубок в Амларуила.

"Хватит!" - тихо сказал маг.

Леденящая ярость, прозвучавшая в этом слове, заставила королеву замереть на месте. Амларуил шагнула вперед, ее глаза пылали на бледном лице. "Не смейте обвинять меня в преступлениях, которые совершили вы, и только вы в этой комнате. Ты хочешь говорить о предательстве? Тогда расскажи о королеве, которая не подняла бы руку, чтобы спасти своего мужа, пока не была бы уверена, что получит свою волю".

"Я должна дать Заору наследника", - упрямо повторила женщина-эльф.

"Возможно, ты сделаешь это, но не моей силой, не сейчас и никогда больше", - поклялась Амларуил. "Магия зелья плодородия не переживет этой ночи; магия любовного зелья тоже ослабевает со временем. Возможно, тебе еще удастся заманить Заора в свою постель, но ты не найдешь путь к его сердцу! Ты упустила свой шанс, и я не дам тебе другого". Она отвернулась.

"Я не разрешала тебе уходить", - огрызнулась королева.

Верховный маг обернулась, ее голубые глаза потемнели от гнева. "У меня есть более важные заботы, чем твое личное тщеславие и необходимость прибегать к соблазнению с помощью магии! Неужели ты забыла, что остров, на котором ты якобы правишь, даже сейчас находится под угрозой вторжения? Я нужна, даже если ты не понадобишься".

"Ты будешь сражаться на стороне Заора, я полагаю?" - насмехалась Лиди'алера.

Амларуил холодно улыбнулся в ответ. "А ты думала, что маги Башни проводят все свое время, танцуя под звездами? Это будет не первый раз, когда я использую свою магию в бою. И если возникнет необходимость, да, я возьму в руки меч".

Верховный маг пропала в резком, сердитом треске магии.

После минутного молчания Монтагор вышел вперед, качая головой в недоуменном восхищении. "Амларуил в бою! Вот это было бы зрелище, достойное внимания!"

Рука Лиди'алиры метнулась и резко ударила брата подзатыльником по голове. "Подумай об этом, брат! Ты все слышал. Что мне теперь делать?"

Монтагор внимательно посмотрел на нее. "Ты ведь понимаешь, как важен наследник Амариллиса?"

"Да, да, конечно! Иначе стала бы я прилагать столько усилий, чтобы обеспечить его?"

Эльф кивнул. "Тогда вот что ты должна сделать. Вы, конечно, знаете Адамара Аленуата. Вы когда-нибудь замечали, как сильно он похож на Заора?"

"Нет", - ответила она. "Он и близко не стоит с королем, как и все на этом острове".

"Возможно, "близко" - это преувеличение", - признал он. "Но Адамар - воин лунных эльфов и крепко сложен, хотя и не дотягивает до роста Заора. У него такой же странный окрас - голубые волосы, золотые прожилки в голубых глазах. Если бы ты соблазнила Адамара, получившееся потомство было бы настолько похоже на Лунных эльфов, что могло бы считаться собственным королем".

Лиди'алира вскрикнула. "Ты не можешь быть серьезным!"

"Почему нет? Ты можешь придумать другой способ?"

"Но даже если бы я захотела сделать такое, Адамар никогда бы не согласился на это!"

"Опять же, почему нет? Ты очень красива. Он восхищается тобой - я это точно знаю".

Женщина-эльф нетерпеливо пожала плечами. "И что из этого? Адамар верен королю. Ложь с женой Заора была бы изменой и личным предательством. Он не сделает этого, даже если будет желать меня больше, чем следующего глотка воздуха!"

Хитрая улыбка искривила губы Монтагора. "Тогда настало время проверить силу заклинания Амларуил. Я устрою так, чтобы Адамар пришел во дворец под каким-нибудь предлогом. Дай ему зелье в бокале вина, и он не устоит перед предложенными тобой чарами".

Лиди'алира развела руками. "Но ведь он потом признается!"

"И запятнать свою честь и честь своего клана? Публично опозорить свою королеву?" Монтагор ухмыльнулся. "Думаю, нет".

Лицо эльфа стало смертельно серьезным. "Но не тревожься так сильно, сестра моя. Адамар считает меня своим другом и советуется со мной по всем вопросам. Зачастую я знаю его мысли раньше, чем он сам полностью в них уверен. Если его побудят признаться, он начнет с того, что разоткровенничается со мной. Если понадобится, я вызову его на бой за честь моей сестры. И не сомневайся, что я выиграю".

Она рассмеялась без юмора. "Я видела, как ты сражаешься, брат. Ты не ровня Адамару".

"Дуэль будет притворством", - тихо сказал Монтагор, хотя его горящие глаза свидетельствовали о том, что ее слова попали в цель. "Адамар - благородный глупец,

он будет думать, что заслуживает смерти. Он будет думать, что его поражение - единственный достойный конец, и сделает для этого больше, чем я могу себе представить. На самом деле, он может просто сделать это сам и избавить меня от необходимости поднимать меч".

"Но в любом случае, Адамар будет мертв".

"И у Заора будет наследник от его законной королевы".

Лиди'алира надолго замолчала, глядя в открытое окно на город невидящими глазами, не замечая суматохи подготовки к битве внизу. "Очень хорошо. Тогда посылай за Адамаром", - сказала она, и слова вырвались у нее в спешке. Она повернулась лицом к брату, в ее глазах горела ненависть. "Но пусть Ллос примет тебя как своего", - произнесла она ядовитым шепотом.

Это проклятие, возможно, самое смертоносное и оскорбительное из всех, что могли прозвучать между двумя Людьми, вызвало лишь улыбку на губах Монтагора.

"Как бы то ни было, дорогая сестра. Но имей в виду, что Абисс - очень большое место. Будь очень осторожна, кого ты обрекаешь на проклятие, чтобы тебя не судили по той же мерке".

Он повернулся и, размахивая руками, вышел из комнаты. У двери он остановился, словно его посетила какая-то новая мысль. Оглянувшись через плечо, он сказал: "Я не видел Амларуил много лет. Она удивительно красива, не правда ли? Неудивительно, что король так одержим ею".

"Убирайся", - процедила Лиди'алира сквозь стиснутые зубы. Она выхватила инкрустированную драгоценными камнями вазу и замахнулась ею.

Но Монтагор еще не закончил. "Дам тебе совет, сестра моя. Прибереги несколько капель этого зелья для возвращения Заора. Тебе нужно будет уложить его в постель, чтобы завершить этот фарс. А без магии Амларуил - даже той, что поставляется в склянке, - у тебя нет ни единого шанса".

Королева швырнула вазу в брата. Она пролетела мимо него и разбилась о стену. Звон падающего хрусталя смешался с издевательским и торжествующим смехом Монтагора. Наконец-то он получил то, что хотел, и почему его должно волновать, что за это придется расплачиваться ей?

Несмотря на свой гнев, Лиди'алира понимала мысли брата. Он долго и упорно добивался этого и получит то, чего желал: наследника Амарилиса на троне Эвермита. Лиди'алира тоже получит свое: собственного ребенка, уважение законного мужа, почитание Эвермита. Что такое маленький, необходимый обман по сравнению с такой выгодой?

* * * * *

Под командованием короля Заора дроу были изгнаны с острова Тилрит, а туннели запечатаны. Король также отправил воинов и магов в пещеры Сумбрара и Орлиные холмы, чтобы исследовать и запечатать все возможные отверстия в подземный мир. Единственными туннелями, оставшимися нетронутыми, были те, что вели к спальным местам драконов-хранителей Эвермита. Если бы дроу случайно попали в эти пещеры, их ждала бы хорошая встреча.

Через год после битвы в королевской семье родился мальчик. Если и были те, кто удивлялся этому рождению, то они держали свои подозрения при себе. Заор не говорил об этом даже самым близким друзьям, но провозгласил Реналирра своим наследником и воспитал молодого эльфа, чтобы тот стал королем после него.

Прошло время, и Реналирр достиг возраста ответственности. Все эльфы Эвермита должны были присутствовать на церемонии, назвавшей его наследником престола, и стать свидетелями того, как юный принц принесет клятву на мече своего отца, которым он однажды будет владеть как король.

По мере приближения этого дня не все жители Эвермита радовались почестям, оказанным их принцу. Лиди'алира уходила в молчание при каждом упоминании о церемонии. А что Великий Маг думает о Реналирре, никто не знал, ибо Амларуил ни словом не обмолвился о сыне Заора и не отрицала его притязаний на трон.

Вместе со всем Эвермитом Амларуил готовилась к высокой церемонии. Она отстранила всех эльфов Башен от их обязанностей, чтобы они тоже могли присутствовать.

Шануррия Аленуат, мастер клинка, обучавший в Башнях уникальной эльфийской смеси меча и магии, не хотела ехать. По натуре она была эльфом-одиночкой и совсем не любила государственные собрания и веселье фестивалей. Действительно, она уже много лет не переступала порога своего родового особняка. Однако чувство клана в ней было сильно, и по пути на юг она остановилась в Лейтильспаре, чтобы вместе с остальными членами клана присутствовать на церемонии.

Войдя в дом своего детства, она обнаружила, что там царит странная тишина. В особняке было пустынно, кроме одного эльфа: ее отец - Шануррия чувствовала его присутствие. Она всегда была близка с Адамаром и любила своего отца с такой силой, которая граничила с доверием.

Поэтому она почувствовала тяжесть его отчаяния и острую, яркую боль, которая обещала освобождение. Ее сердце, казалось, подскочило к горлу, и она затрепетала, как жаворонок в клетке, взбегая по извилистой лестнице в покои отца.

Шануррия нашла Адамара там, его руки сжимали рукоять фамильного лунного клинка, который торчал у него под ребрами. Она в ужасе уставилась на него. Это было невыносимо! Никогда еще эльф не лишал себя жизни, и уж тем более оружием, которое символизировало честь семьи!

"Почему?" - просто спросила она.

Адамар в нескольких словах рассказал ей о том, как мало времени у него осталось.

Певчая клинков слушала в ошеломленном, скорбном недоверии, как ее отец признался в собственном бесчестии и поведал, наконец, страшную тайну, которую так и не смог заставить себя открыть: что именно он станет причиной смерти собственного сына. Принц Реналирр не принадлежал к крови Заора. Лунный клинок короля, меч Заора, не принадлежал ему, и вскоре весь Эвермит станет свидетелем позора дома Аленуат.

Когда Адамар окончательно замолчал, Шануррия выбежала из особняка и вскочила на ожидавшего ее лунного коня. Пусть Реналирр и не был настоящим

принцем, но он был ее сводным братом. Она была обязана ему преданностью и защитой, полагающейся любому члену клана.

Но когда ее намазанная луной лошадь остановилась в долине Дрелагара, певчую клинков встретил хор жалобных эльфийских голосов. Ей не нужно было спрашивать, чтобы понять, что Реналирр не пережил ритуала.

Лицо ее побагровело от гнева, Шануррия спрыгнула с коня и отправилась на поиски мести.

Она проскользнула в павильон, где королева сидела в одиночестве и плакала беззвучными, беспомощными слезами. Тихо подошла она к скорбящей эльфийке. Быстрым, плавным движением она выхватила меч и приставила острие к горлу Лиди'алиры.

"Я называю тебя, Лиди'алира Амариллис, ложная королева Эвермита, трусихой, лгуньей, шлюхой и убийцей моего отца Адамара Аленуата и моего сводного брата Реналирра".

Королева уставилась на свирепую певчую клинка, как мышь, ожидающая когтей грозной совы. "Я не знала..."

"Ты знала", - резко сказала Шануррия. "Ты знала, что Реналирр не принадлежит к крови Заора, но ты молчала, пока он проходил испытание лунным клинком! Конечно, ты знала, что он не выживет".

"Он был прекрасным, благородным молодым эльфом", - продолжала она. "Был шанс, что он преуспеет. И если лунные клинки должны быть единственным мерилom, то Амариллис так же достоин королевской власти, как и Лунноцветущие!"

Шануррия уставилась на королеву сузившимися глазами. "Говорят, что только те, кто действительно достоин править, могут носить меч Заора. Тогда очень хорошо. Пойдем."

Она быстрым движением убрала меч и достала с пояса небольшой нож. Одной рукой она схватила волосы Лиди'алиры и рывком подняла ее на ноги. Она крепко обхватила королеву за плечи и сильно вдавила нож в ребра эльфийки.

"Я поддержу тебя в твоём горе, моя королева, - с тяжелой иронией произнесла певчая клинков, - и отведу тебя туда, куда ты должна идти".

Эльфийка попыталась вырваться, но Шануррия была сильна и держала ее крепко. "Что ты собираешься делать?" потребовала Лиди'алира.

"Не больше того, что ты сделала с моим братом. Ты достанешь меч Заора и проверишь, насколько ты достойна править Эвермитом. Ты рожден в Амариллисе, так что твои шансы не меньше, чем у Реналирра!"

"Я не буду этого делать!" - задыхалась Лиди'алира.

"Ты сделаешь", - заверила Шануррия. "Если ты не сделаешь этого, я объявлю перед всем Эвермитом о том, что ты совершила. Заор уберет тебя, и ты и весь твой род будут опозорены. Или, если хочешь, я убью тебя сейчас, а потом скажу".

Королева уставилась на нее, вся надежда улетучилась из ее глаз. "А если я сделаю это и преуспею? Будешь ли ты молчать обо всем этом?"

"Будешь ли ты жить или умрешь, решит лунный клинок. Я буду довольствоваться этим. В любом случае, ты выиграешь: королевство или почетную смерть. Это больше, чем ты заслуживаешь".

Поскольку у нее не было другого выхода, королева вместе с Шануррией направилась к месту, где на церемониальном постаменте лежал меч Заора, сверкающий слабой голубой магией. Прежде чем кто-либо смог разгадать ее намерение, Лиди'алира шагнула вперед, взяла меч в две руки и начала вынимать его из ножен.

Вспышка ужасного синего света озарила равнину. Когда он померк, эльфийки уже не было, только кучка бледного пепла.

Шануррия мрачно кивнула в знак согласия с приговором, который произнес лунный клинок. Певчая клинков не чувствовала вины за свою причастность к смерти королевы. Она считала Лиди'алиру виновной не только в смерти брата и отца, но и в измене короне. Ей казалось правильным, что судьбу Лиди'алира, несмотря на свою гордость, амбиции и трусливое молчание, она выбрала для собственного сына.

Многие были свидетелями смерти Лиди'алиры. По ошеломленному ропоту, прокатившемуся по группе, эльфы предположили, что королева была обезумевшей от горя, или решила доказать ценность Амарилисы после неудачи своего сына. Шануррии было все равно, что они думают, лишь бы они приняли одну очень важную истину: Лиди'алира Амарилис не годилась для правления. Она не являлась и никогда не могла быть королевой Эвермита.

Певчая клинков повернулась лицом к собравшейся толпе. Ее глаза отыскивали Амларуил, которая стояла бледная и ошеломленная среди магов Башни. Шануррия глубоко поклонилась, затем выхватила свой клинок и подняла его ко лбу в знак уважения.

"Королева мертва", - сказала она, и ее слова, казалось, эхом отозвались в ошеломленной тишине. Затем она прошла вперед и положила свой клинок в знак верности к ногам Амларуил.

"Королева мертва", - повторила Шануррия. "Да здравствует королева".

Заор сразу же понял всю важность этого момента. Он подошел к алтарю и достал меч. Держа его одной рукой высоко над головой, он протянул другую Амларуил.

Маг колебалась лишь мгновение. Она подошла к Заору и переплела свои пальцы с его пальцами. Затем другой рукой она взялась за рукоять королевского меча.

Фейский голубой свет пролился сквозь лунный клинок и окутал их обоих. Они стояли вместе, на виду у всего Эвермита, соединенные древней магией.

Один за другим мрачные эльфы опускались на колени, чтобы признать то, что никто не мог отрицать.

Наконец-то у Эвермита появилась настоящая королева.

20 Фламерула, 1368 ЛД.

Лорду Данило Танну, Ламруил, принц Эвермита, шлю сердечные приветствия.

Благодарю тебя за твое последнее письмо, друг мой, и за прекрасную балладу, которую ты прислал для моей Моры. Сегодня середина лета, и я сохранил твою песню, чтобы спеть для нее в качестве подарка на середину лета. У меня мало навыков игры на арфе, но я практиковался в простом аккомпанементе, который вы для меня создали, и надеюсь, что это будет моей заслугой. Мора - не критик, когда

дело касается музыки. Она спокойна, как белка осенью, и я редко видел, чтобы она сидела неподвижно столько времени, сколько нужно, чтобы дослушать музыкальное произведение до конца. Но мало найдется женщин, которые не задерживаются, чтобы услышать похвалу своему очарованию и красоте, и я уверен, что она найдет удовольствие в этой похвале.

Похоже, что вы успешно продвигаетесь в своем начинании. Я легко могу понять ваше разочарование, ибо история эльфов Эвермита столь длинна и сложна, что ни одна работа не может сделать больше, чем прикоснуться к краешку ее тени. Но это достойное усилие, при всем при этом.

Вы просили меня рассказать о королеве. Это очень похоже на задачу, которую вы взяли на себя: Все, что можно сказать, будет далеко не соответствовать возможностям. Амларуил из Эвермита почитаема и любима эльфами острова и широко уважаема за его пределами. Даже многие из тех, кто не обязан ей политической верностью, признают, что в мистическом смысле она действительно является Королевой всех эльфов. Королева олицетворяет собой все, что ценит эльфийский народ: красоту, грацию, магию, мудрость, силу. И это только начало. Подобно тому, как ваша подруга Лазраль является Избранницей своей богини Мистры, Амларуил - нечто большее, чем просто смертная. Она стоит на особом месте между женщиной-эльфом и богиней. Она также моя мать, и поэтому она часто доводит меня до безумия, как и подобает матери и сыну. И, честно говоря, я должен признать, что отвечаю ей взаимностью.

Одно из самых замечательных достижений королевы Амларуил состоит в том, что она преодолела многие мелкие разногласия между эльфийскими народами. Золотые эльфы вместе с лунными эльфами поют ей дифирамбы. Зеленые эльфы сожгли бы свои древние леса, если бы могли служить и защищать ее. Морские эльфы обожают ее, и ходят слухи, что морской эльфийский монарх Кораллового королевства неоднократно просил ее руки. Я могу подтвердить это, поскольку подслушивал во время одного из таких обращений. Даже некоторые дроу признают Амларуил своей законной королевой. Не так много лет назад королева тайно приняла представителя богини Эйлистри. Хотя дроу никогда не будут допущены на Эвермит, семья Лунноцветущих теперь заключила союзы с некоторыми добрыми последователями Темной Девы.

Позвольте мне рассказать вам личную историю, которая, как я полагаю, проиллюстрирует уникальное бесцветное почитание, которое эльфы питают к Амларуил.

Задолго до вашего рождения, когда я был всего лишь саженцем и только начинал чувствовать, как поднимается мой сок, я праздновал летнее солнцестояние в традиционной манере моего народа - с пирами и песнями, весельем и танцами. По обычаю, королевская семья Лунноцветущих принимает участие в празднествах в разных уголках острова: в тот год мы праздновали на пышных лугах Лошадиных Полей, которые занимают большую часть северо-западной части Эвермита.

Утро летнего дня было прекрасным и ярким, и я почувствовал, что благословлен вниманием одной из весенних служанок, танцевавших во время утренних ритуалов. Это была золотая эльфийка, девушка из хорошей, если не благородной семьи. Вскоре

мне стало ясно, что в этом году я приму участие в вечернем веселье так, как не делал этого раньше.

Мы с девушкой, в своем юношеском задоре, были не удовлетворены тем, что ждали наступления ночи - ведь середина лета - самый длинный день в году! Она была старше меня и мудрее в том, что касается летних празднеств. Одаренный ее мягкой улыбкой и сладкими словами обещания, я обнаружил, что мне не хватает этой якобы эльфийской добродетели - терпения.

Не успела роса сойти с травы, как мы украдкой нашли место для наших уединенных пирушек. Мне стыдно признаться, что этим местом были сеновалы ее отца. В то время, однако, мы чувствовали себя великолепно, не обремененные этим исключительным отсутствием оригинальности и воображения.

Позже, когда мы выковыривали клочья соломы из волос друг друга и смеялись над мелочами, которые при других обстоятельствах не показались бы и вполнину такими остроумными или умными, нас прервал ее отец. Да. Пока что все это похоже на балладу второсортного менестреля, не так ли?

Эльф стоял над нами, с мрачным достоинством и почти дрожа от сдерживаемого гнева. "С вашего позволения, принц Ламруил, я хотел бы поговорить со своей дочерью наедине", - сказал он жестким, отрывистым тоном.

Я собрал свою одежду и выбежал из сарая. Что еще мне оставалось делать? Но далеко я не ушел, ибо, хотя я и уважал право эльфа управлять своей семьей по своему усмотрению, я не позволил бы девочке пострадать от его рук.

И вот, поспешно надев свои праздничные одежды у дверей сарая, я бесстыдно подслушивал разыгравшуюся внутри маленькую драму.

"Ты опозорила себя и свою семью, Элора", - сказал ей фермер тем же мрачным тоном.

Я представлял себе, как она дерзко и вызывающе вскидывает свою золотистую голову. "Как это? Сейчас середина лета. Я совершеннолетняя и не обещана ни одному мужчине. Я могу делать все, что захочу - даже мой уважаемый отец не может перечить мне в таких вопросах".

"Я не об этом, и ты это прекрасно знаешь!" - прогремел он, внезапно потеряв самообладание. "Как ты могла лечь с Серым эльфом? Как ты могла?"

Наступило тяжелое молчание, к которому, добавлю, прибавилось и мое собственное удивление. Затем моя девушка ответила: "Ламруил - принц Эвермита. А кто, по-твоему, эльф, достойный того, чтобы я легла с ним в постель - сам король?"

"Даже не говори о таком предательстве короны и королевы! Своими руками я убью любую женщину-эльфа, которая так предаст Амларуил Эвермита, даже свою собственную дочь!"

"Тогда как ты можешь возражать против принца Ламруила?" - резонно ответила она - или мне так показалось. "Он сын своей матери".

"И что из этого?"

Снова озадаченное молчание, пока мы с девушкой пытались понять логику ее отца.

"Ну, королева Амларуил тоже серая эльфийка", - заметила она.

Звонкая пощечина эхом разнеслась по утреннему воздуху. "Позаботься о том, как ты говоришь о королеве Эвермита!" - прорычал он.

Я уже собирался броситься в дом, чтобы защитить девушку от дальнейшего плохого обращения, но мое вмешательство не понадобилось. Фермер выбежал из сарая, слишком поглощенный гневом из-за святотатства своей дочери, чтобы заметить меня, стоящего в нижнем белье, в одном незашнурованном ботинке и с готовым мечом возмездия. Конечно, вряд ли его впечатлило бы это зрелище.

Так и случилось. Какая бы вражда ни существовала между серебром и золотом, королева Амларуил - действительно королева всех эльфов. Усилия нескольких фанатиков, таких как Кимил Нимесин, причинили большой вред, о чем с горечью может свидетельствовать моя семья, но я не верю, что им удастся разрушить то, что построила Амларуил.

Но, честно говоря, я должен признать, что и раньше мне случалось ошибаться.

Клянусь солнцем и звездами! Что за унылые чувства в конце письма! Позвольте мне в заключение еще раз поблагодарить вас за подаренную песню Моры, которая, как я с нежностью верю, добавит сладости и тепла в мою летнюю ночь. Передайте мой привет Эрилин и малышу. С нетерпением жду скорой встречи со всеми вами.

Ваш дядя и друг,

Ламруил

Прелюдия: Сумерки

1371 ЛД

Шануррия Аленуат одной из первых заметила приближающийся небесный караван. На склоне холма, неподалеку от Башен Солнца и Луны, певчая клинков обучала новую партию потенциальных учеников. Это была особенно многообещающая группа, поскольку, возможно, половина из них обладала правильным сочетанием талантов в музыке, магии и искусстве владения мечом, необходимых для того, чтобы стать настоящим певчими клинков. Из них двое или трое могли пройти специальное обучение в Башне Восхода. Там искусные певчие клинков оттачивали свои музыкальные таланты до искусства заклинания. Целью было не что иное, как возрождение древнего, почти забытого искусства пения заклинаний. Это была лишь одна из попыток, возникших в ответ на вызов, брошенный Амларуил, когда она была Леди Башен. Став королевой, она продолжала развивать и поддерживать эльфийские искусства, и Шануррия гордилась тем, что принимала в этом участие. Сама она никогда не стала бы заклинательницей, но она сделала делом своей жизни поиск многообещающих учеников и направление их в Башню Восхода.

Но была одна преданность, еще более близкая сердцу Шануррии. Одного взгляда на бледно-голубую розу, начертанную на знамени небесного каравана, было достаточно, чтобы она бросила меч и забыла о своих учениках. Она в ужасе и смятении смотрела на белоснежную поклажу, которую несли на юг четверо белых пегасов. Это было похоже на похоронную процессию. Синяя роза была штандартом семьи Лунноцветущих, а пегасы находились на службе у самой королевы.

Шануррия сразу же отпустила учеников и помчалась вниз по холму к Башне Солнца. Лэрот Рунмейстер, сменивший Амларуил на посту Великого Мага Башен, должен знать, если... Мысли Шануррии остановились, не желая складываться в слова. И все же она должна была знать, что означает этот белый покров. Лэрот узнает все, что должно быть известно.

Все Высшие Маги собрались в большом зале для заклинаний в ожидании Великого Мага. Нетерпеливая, чтобы ждать, Шануррия протиснулась сквозь них и отправилась на поиски Лэрота. Она нашла пожилого эльфа в верхней башне, когда он извлекал Накопитель из защитной оболочки. Опасение вцепилось в ее горло ледяными пальцами, когда она задумалась об опасности, из-за которой придется прибегнуть к помощи одной из величайших защитных систем Эвермита. Древний артефакт, он хранил силу окружающих его заклинаний. Натренированные чувства Шануррии пели в гармонии с магией - уникальной магией Эвермита, - которая исходила от артефакта тихой песней.

Лэрот повернулся к певче клинка. "Я должен отнести это во дворец", - просто сказал он. "Королеве нужны все защитники Эвермита".

Облегчение захлестнуло Шануррию. "Королева жива! Хвала богам! Но королевская свита?"

"Принцесса Илайрана", - печально сказал рунный мастер. "Она жива, но ее дух улетел - улетел, чтобы сражаться в другом месте. Они отнесли ее тело к ее матери, королеве".

"Как..."

"Итьяк-Ортил ", - перебил Лэрот, его обычно мягкий голос потемнел от ненависти. "Существо Малара, выпущенное на сам Эвермит. Илайрана унесла его в Арвандор, я полагаю, но, боюсь, большинство эльфийских священников были убиты во время битвы". Он опустил взгляд на Накопитель. "Многое еще предстоит. Каждый ребенок Эвермита должен сплотиться, чтобы противостоять этой угрозе, иначе мы все погибнем. Мы стоим одни, ибо все магические врата Эвермита были заблокированы. Высшие Маги собрались, чтобы узнать, можно ли противостоять этому".

Он взглянул на нее. "Вы друзья кентавров. Предупреди их, скажи, чтобы они поспешили к реке и сдержали сахуагинов и скрагов, которые вторглись в сердце страны. Затем поспеши в Башню Восхода, подготовь заклинателей к защите долины". Приближается огромный флот вторжения, и если кому-то из налетчиков удастся сойти на берег, можешь себе представить, какие призывы они могут взять".

Шануррия кивнула. Башня Восхода стояла в Дрелагаре, городе золотых эльфов посреди пышных земель, где обитали лунные лошади. Диковинные звери часто играли в море и на белопесчаных пляжах к востоку от лугов; если бы налетчики увидели таких существ, они бы непременно преследовали их в долине. Один лунный конь стоил больше, чем весь клад красного дракона.

Певчая клинков полезла в кожаную сумку на пояс и достала оттуда небольшой сверток с зеленым порошком. Она высыпала его в руку. Она сплюнула, затем смешала его с пастой и пальцами рук размазала по щекам. Это была не такая сложная боевая раскраска, как она обычно делала, но это было все, что позволяло время. Шануррия уже представляла собой устрашающее зрелище. Ее внешность

была необычной для серебряного эльфа: она была высокой и широкоплечей, с глазами цвета янтаря. Ее рыжевато-коричневые волосы были заплетены в десятки косичек и украшены перьями и расписными каменными бусами. В самом мягком настроении Шануррия внушала страх. Теперь даже Рунмейстер, отнюдь не трус и не слабак, держался от нее подальше.

"Отправьте меня в Башню Восхода", - потребовала она. "Я соберу всех заклинателей, а потом пойду сражаться рядом с кентаврами".

Лэрот кивнул и начал произносить заклинание, которое перенесло бы певчую клинков в далекую Дрелагару.

Шануррия приняла водоворот и стремительность магического путешествия, и вышла из заклинания на полной скорости. Она пронеслась через двор Башни, проталкиваясь мимо стражников-золотых эльфов, которые преградили ей путь. Они кричали, что Круг наложен и его нельзя прерывать.

Она едва успела переступить порог, как на нее обрушился взрыв мощной силы. Шануррия попятилась назад, зажимая кровоточащие уши. Не было ни звука, ни сотрясения, ничего, что могли бы услышать или почувствовать другие люди, кроме эльфов, но Шануррия не сомневалась, что каждый эльф на Эвермите ощутил воздействие этого ужасного беззвучного взрыва. Она сама, столь настроенная на тихую музыку магии, была оглушена ее силой.

Ужас охватил певчую клинков, когда она осознала последствия для Башни Восхода. В прошлые времена целые башни высших магов были разрушены мощной вспышкой магии. Если это неизвестное заклинание могло так подействовать на нее, то что оно должно было сделать с Кругом заклинателей?

Шануррия несколько раз ударила себя по лицу, надеясь отвлечься от ужасной, звенящей боли и сосредоточить силы на предстоящей задаче. Она со всей возможной скоростью поднялась по винтовой лестнице, ведущей в комнату заклинателей на вершине Башни, приготовившись увидеть тела своих друзей.

От изумления она застыла на пороге. Группа золотых эльфов - каждый из них был ей известен, большинство из них она отобрала и обучила - стояла в кругу, кончики их вытянутых пальцев соприкасались. Круг был невредим; даже сейчас губы эльфов шевелились в песне заклинания, которую Шануррия уже не могла расслышать. Посреди них стояла одна женщина-эльф. Шануррия узнала в ней Певицу Круга, воина-мага, который мог объединить магическую песню в одно заклинание, подобно тому, как Центр объединяет круг Высших Магов.

Внезапно Шануррия поняла, что произошло. Эти эльфы были предателями! Башня Восхода атаковала. Разрушительная сила, которую она ощутила, была ничем иным, как сокрушением Башен Солнца и Луны.

Мрачно взмахнув мечом, певчая клинков вошла в комнату. У Эвермита не было защиты от такого предательства изнутри, но и у заклинателя не было защиты от магии клинка. Шануррии показалось хорошим и правильным, что многие из них умрут от ее клинка.

Она схватила ближайшего эльфа за золотые волосы и потянулась к нему, чтобы перерезать горло. Нанося смертельный удар клинком, она повернулась так, чтобы удар пришелся на эльфа справа от нее. Шануррия не питала иллюзий относительно своей судьбы. Она умрет в этом зале башни. Но когда она придет в Арвандор, то

приведет с собой множество предателей, чтобы они предстали перед Советом Селдарина для вынесения приговора.

Единственным ее сожалением было то, что она умрет до конца битвы, не зная, какова будет судьба Эвермита.

КНИГА ПЯТАЯ:

"Амларуил - не просто королева Эвермита: Амларуил и есть Эвермит".

— *Элвен Максим*

22. Амларуил из Эвермита

После неприлично короткого периода официального траура по Лиди'алире Амларуил и Заор сыграли свадьбу. Ее сразу же короновали королевой, несмотря на возмущение Дома Амариллис и ропот нескольких других домов Золотых эльфов. Но всем было ясно, что лунный клинок выбрал. То, что Амларуил родила детей Заору, было засчитано в ее пользу.

Монтагор Амариллис был в ярости от этих событий, но он мало что мог сделать, не вынеся на свет свои действия и позор сестры. Кроме того, грозная певчая клинков Шануррия Аленуат разыскала его и в частном порядке дала понять, что считает Лиди'алиру ответственной за смерть своего сводного брата, предполагаемого наследника Заора. Она поклялась, что будет следить за ним и его домом и отомстит за любое покушение на королевскую семью. Свиная репутация Певчих клинков была широко известна, и Монтагору не хотелось навлекать ее гнев на свою голову. Он подозревал, хотя и не мог доказать, что Шануррия заставила Лиди'алиру наложить на себя руки. Его сестра никогда бы не решилась на такой смелый и отчаянный шаг в одиночку.

Амларуил оставила Башни, передав управление ими доверенному боевому волшебнику Танилу Эванаре и своему старому другу Лэроту, известному теперь как Рунный Мастер. Хотя Танил не принадлежал к числу Высших Магов, он был одним из самых могущественных магов-одиночек. Амларуил была довольна тем, что Башни находятся в надежных руках, и полностью посвятила себя Заору и их совместному правлению Эвермитом.

Хотя некоторые эльфы беспокоились, что воин и маг станут мрачной королевской парой, искусства и музыка, которые были страстью бывшей королевы, развивались как никогда прежде.

Эльфийские менестрели стали путешествовать за границу, принося в Эвермит легенды и музыку многих земель. В частности, эльфы были заинтригованы множеством новых инструментов, разработанных изобретательными человеческими бардами. К арфе и флейте, традиционным инструментам эльфийской

музыки, вскоре добавилось множество других инструментов. Эльфийские дворяне и менестрели вскоре наперебой стали сочинять новые куплеты к популярным песням для лютни, а группы эльфов стали с удовольствием исполнять буйную, многоголосую музыку, которой наслаждались люди.

В качестве подарка новой королеве маги Башни с помощью волшебства расширили и преобразили дворец Лунного камня. На территории дворца появился огромный сад-лабиринт, наполненный волшебными витринами, тихо играющими фонтанами и дивными цветами. Именно Накйаша, наставница Амларуил, привнесла во дворец характерные штрихи, свидетельствующие об истинном расположении к королеве. В результате магического и лесного искусства, потребовавшего трех лет кропотливой работы, лесная эльфийка перенесла на территорию дворца ту самую лесную поляну, на которой Амларуил и Заор впервые встретились. Эта поляна, словно драгоценный камень посреди древней рощи, быстро стала любимым местом отдыха королевской четы и самым посещаемым детьми, которые заполнили дворец почти до отказа.

Союз Заора и Амларуил был необычайно плодотворным, и с наступлением весны дом Лунноцветущих увеличивался еще на одного принца или принцессу. Илайрана, которая не стремилась к придворной жизни, довольствовалась тем, что оставалась на Муншае. Там же росли и близнецы, Зоран и Харлион, постигая боевое искусство эльфов Сонории. Хотя Амларуил очень скучала по ним, она радовалась каждому новому младенцу, который наполнял ее руки, и посвятила себя их обучению.

Родившийся сын, Чозистер, рано проявил талант к магии и со временем захотел стать Высшим Магом, как и его мать. Следующей весной родилась дочь, свирепая огненноволосая девушка, которую называли Шандалар в честь певчей клинка - мастера Шануррии Аленуат. За ней последовали близнецы, Тира'аллара и Хора, милые, серьезные девочки, которые с ранних лет посвятили себя обучению на клириков Ханали Селанил. Затем появились Лаззиар и Жемстарза, девочки-близнецы, которые, казалось, по своей природе и склонностям были предназначены для пути воина.

Однако не все дни Амларуил были заняты воспитанием потомства. Шанс показать себя достойной супругой короля-воина представился слишком скоро.

Далеко на западе, у побережья плодородной и беспокойной земли, известной как Тетир, скопление островов привлекало пиратов так же, как пчел клевер. Архипелаг, казалось, был создан для скрытности, с его мириадами маленьких островов и потайных бухт, и лежал он между древними южными королевствами и процветающими городами севера. По мере того как пираты становились все богаче и смелее, они обращали свои взоры к закатному небу и к сказочным богатствам Эвермита.

Время от времени пиратские корабли уходили на запад, и о них больше не было слышно. Но бывали и успехи, хотя товары, которые пираты привозили в порт, были в основном награбленными чудесами и экзотическими рабами, захваченными с эльфийских судов в открытом море. Когда до Нелантера дошли слухи, что эльфы с материка тайно ускользают и уплывают на свой остров, пираты начали всерьез патрулировать моря.

Однажды ранней весной молодой дозорный дракон принес весть о том, что приближающийся эльфийский корабль преследует небольшой флот нелантерских пиратов. Хотя корабль лебедей был проворным и маневренным, пираты приближались и собирались захватить корабль прежде, чем он достигнет щитов Эвермита.

Заор призвал трио драконьих всадников отправиться навстречу пиратам. Он хотел бы сам возглавить атаку орлиных всадников, но расстояние было слишком велико, чтобы гигантские орлы смогли долететь.

Однако у Амларуил была своя идея. Верховный маг поднялась в небо на колеснице, запряженной упряжкой из шести пегасов. С собой она несла древний скипетр, известный как Аккумулятор, в котором хранилась Высшая магия, достаточно мощная, чтобы телепортировать флагманский корабль подальше от острова. Она так и сделала, устроив впечатляющий магический фейерверк, который озарил небо и был виден от Эвермита до далекого Глубоководья.

Где именно приземлился корабль, королева сказать отказалась. Это не помешало менестрелям строить догадки, и их оды храбрости королевы присоединились к тем, что восхваляли ее красоту и грацию.

Но горе и трагедия вскоре постигли королевскую семью. Повелитель зверей Малар выпустил на эльфов островов Муншае свое самое страшное творение. Чудовище, известное как Пожиратель эльфов, напало на некогда безопасную долину Синнории. Многие эльфы бежали через врата в Эвермит.

Среди них была и принцесса Илайрана, но она принесла с собой ужасную весть. Когда ее проталкивали через Врата эльфийские защитники, она увидела синеволосого юношу, зажатого в одном из многочисленных щупалец чудовища. Она не знала, кто из ее братьев-близнецов был убит в тот день, и никогда не узнала о судьбе другого. Но Зоран и Харлион были потеряны для Эвермита.

Они также не были единственными детьми Амларуил и Заора, чья судьба так и не была определена. Корабль с Лаззиаром и Джемстарзой был потерян в море, когда близнецы плыли с дипломатической миссией.

Даже простое течение лет сказалось. Чозистер в юном возрасте отправился в Арвандор, а Шандалар, любимца Заора, была случайно убита сокурсником, одаренным заклинателем, во время обучения на певчего клинка.

Заор, скорбя и старея, втайне начал ощущать зов Арвандора. Шли годы, безопасность Эвермита заставляла короля-воина чувствовать себя ненужным, а дети ускользали от него, и Заор начал удаляться от повседневной жизни дворца.

Больше интересуясь садоводством, чем управлением, он все чаще оставлял правление Эвермитом своей способной и, похоже, нестареющей королеве.

23. Связь

Заор из Эвермита, постаревший намного больше, чем большинство эльфов, возился в дворцовых садах. Он опустил ножницы и склонил голову набок, любуясь

произведенным эффектом. В самом центре дворцового сада он посадил живую изгородь из бледно-голубых роз и придал ей форму полумесяца. В слабом свете летних сумерек редкие цветы, казалось, светились своим внутренним сиянием.

"Очень красиво", - прокомментировал голос позади него, голос, который, несмотря на прошедшие столетия, все еще был способен растревожить сердце Заора.

Он повернулся лицом к Амларуил. Смесь тоски и боли охватила его, когда он взглянул на ее прекрасное лицо. Она выглядела точно так же, как и тогда, когда он встретил ее более четырехсот лет назад. А он? Он был старым эльфом, бесполезным для Амларуил и Эвермита, тоскующим по Арвандору.

Амларуил сделала один шаг вперед, ее руки сжались в кулаки, а лицо пылало от неукротимого гнева. "Никогда бы не подумала, что у меня будет повод назвать тебя лицемером!" - сказала она холодным голосом. "Разве ты не помнишь, какое обещание ты требовал от меня в те давние годы? Ты заставил меня пообещать, что я останусь на Эвермите ради блага Народа, сколько потребуется".

"Я стар, Амларуил, - сказал он просто, - и я очень устал".

"Избавь меня от своих рассказов о скрипучих суставах!" - рассердилась она на него. "Неужели ты думаешь, что мне было легко или всегда приятно делать то, о чем ты просил? Если бы я могла видеть, как проходит моя молодость, каждый год, как впустую потраченный весенний день, как я терплю, видя твою свадьбу с другой, неужели ты не можешь набраться мужества, чтобы прожить свои почтенные годы? Ты нужен!"

"Ты - королева Эвермита и правительница, в которой эльфы действительно нуждаются".

"А как же мои нужды, мой господин? И в самом деле, что будет с Эвермитом, если я, как и ты, стану настолько поглощена собой, что не буду заботиться о будущем? Кого из наших детей ты мог бы представить на троне? Тира'аллара? Хора?"

Заор медленно покачал головой. Он любил своих дочерей, но ни одна из них не стала бы королевой. Жрицы Ханали Селанил, они обе были полностью захвачены культом любви и красоты, настолько, что временами он беспокоился за них. Тира'аллара была вовлечена в потенциально катастрофическую связь с молодым золотым эльфом, известным как грабитель и пустозвон. Заор подозревал, что интерес юноши к принцессе был связан скорее с ее рангом и богатством - ведь Тира'аллара с радостью погасила его игорные долги ее драгоценностями и приданым, - чем непосредственно самой принцессой. И все же Тира'аллара любила эльфа со всей своей страстной, сильной натурой. Заор гадал, сможет ли она пережить разочарование, которое непременно наступит. А Хора готовилась отплыть в далекий Фаэрун, ибо была полна решимости выйти замуж за случайно встреченного простолюдина, с которым она разделила праздник.

"Эвермит остался без наследника", - прямо заявила Амларуил. "Меч Заора - клинок воина, и ни один из наших выживших детей не сможет овладеть им и остаться в живых. Мы должны дать Эвермиту наследника".

"Я стар, Амларуил", - повторил он.

Она поспешно подошла к нему, обхватив его обветренное лицо руками, гладкими и нежными, как у девы. Слезы наполнили ее глаза, и глубокая скорбь

смягчила ее гневное лицо. "Не покидай меня, любовь моя", - сказала она с тихой силой. "Я не вынесу этого".

Он погладил ее светлые волосы. "Ты можешь справиться со всем. Я никогда не знал никого настолько сильного".

"Вместе мы сильны!" - действительно сказала она. "Разве ты не видишь этого? Все, чего мы достигли, мы сделали вместе. Связь между нами глубока и уникальна, но она может быть еще больше".

Заор уставился на нее, ошеломленный тем, что она предлагала. Редкие, глубокие узы эльфийского взаимопонимания связывали их душа в душу. Его будет поддерживать тот же божественный огонь, что связывал ее с Селдарином - какой ценой для нее, он не мог даже представить. Он мог дать и выполнить обещание, которого она от него требовала. Он мог поклясться оставаться на Эвермите до тех пор, пока в нем будут нуждаться.

"Сейчас середина лета", - прошептала она, прижимаясь к нему с такой настоящей силой, что кровь его согрелась и запела в жилах. "Время давать обещания. Пойдем со мной на нашу поляну, любовь моя".

Король понял, что не может противиться мольбе в глазах своей возлюбленной. Он подхватил ее на руки, все еще сильные, несмотря на его годы, и понес из сада, словно она снова стала невестой.

Дворцовая стража расступалась, чтобы пропустить их, слуги и садовники таяли вдали. Ни на одном эльфийском лице не было ничего, кроме улыбок понимания и радости. Никто не видел ничего несоответствующего в том, чтобы видеть прекрасную весну в объятиях поздней осени. Была середина лета, и обещания, данные в середине лета, обладали собственной магией.

Так началась новая совместная жизнь Заора и Амларуил.

В последующие годы у них родилось еще четверо детей. Первой была Амнестрия, унаследовавшая от отца цвет кожи и редкую красоту матери, а также то, что не было ни тем, ни другим. Попеременно солнечная и яростная, Амнестрия обладала силой, которая казалась странной и неуместной при безмятежном дворе Лейтильспар.

Зандро и Финуфаранель, последующие мальчики, были больше похожи на эльфов. Они были прилежными учениками и с раннего возраста занимались в Башнях. И наконец, был Ламруил, солнечный, очаровательный, избалованный ребенок в семье. К тому времени, когда он был еще мальчиком, не более тридцатисорока лет, он уже начал увлекаться приключениями и верховой ездой. Ламруил был склонен к озорству; к счастью, его неистовая любовь и восхищение старшей сестрой Амнестрией помогали ему держать себя в руках. В тот год, когда он покинул остров в поисках приключений и эльфийских артефактов, многие эльфы в тихой столице - включая наставников и мастеров меча Ламруила - вздохнули с облегчением.

С прибытием Таситалии Лунноцветущей жизнь во дворце вновь изменилась. Искательница приключений, близкая к концу своего земного срока, должна была выполнить одну задачу, прежде чем ответить на призыв Арвандора. Как и положено каждому эльфу, владеющему лунным клинком, ей нужно было выбрать наследника клинка.

Несколько недель остроглазая и острая на язык эльфийка оставалась во дворце, скандализируя вельмож и радуя молодежь рассказами о своих путешествиях.

Амнестрия, в частности, была очарована рассказами о далеких местах и странных событиях. Король и королева наблюдали за своей дочерью, когда она сияющими глазами слушала Таситалию, а в душе Амларуил поселился страх, которому она не могла дать названия. Они с Заором были недовольны, когда Таситалия объявила Амнестрию избранницей Заора и выбрала ее наследницей клинка. Однако честь лунного клинка была тем, что никто, особенно избранные король и королева, не могли презирать. Выбор был за Амнестрией, и она приняла меч со страстью и радостью: меч искателя приключений, одинокого бойца. Это не был благоприятный шаг для дочери, которую Амларуил и Заор с нежностью надеялись увидеть на троне Эвермита.

Тем не менее Амнестрия, казалось, была довольна жизнью в Лейтильспаре. К изучению меча и боевой магии эльфийская дева добавила жестокий режим тренировок для вызова лунного клинка. Но мир девушки разрушился, когда ее суженый, Элайт Кроулнобар, покинул ее и Эвермит без единого объяснения.

Несколько недель после его ухода все во дворце ходили на цыпочках вокруг брошенной принцессы, ведь об огненном нраве Амнестрии ходили легенды. Из всех королевских эльфов только Ламруил осмелился разыскать ее.

Принц нашел свою сестру в ее покоях, ее лицо было решительным, когда она складывала одежду и ценности в морской сундук. Когда Ламруил вошел в комнату, она подняла на него глаза и недовольно проворчала.

"Дверь была заперта и заклета", - сказала она с укором. "Я бы не подумала, что ты владеешь магией настолько, чтобы открыть ее!"

Ламруил пожал плечами, а затем кивнул на переполненный сундук. "Что это?"

Принцесса захлопнула крышку. "Я иду за ним".

"За кем? За Элайтом?"

Она бросила на брата насмешливый взгляд. "Он прислал мне весточку из Глубоководья - разве это не мило с его стороны? Он присоединился к группе искателей приключений. В основном, люди. Он отправился посмотреть мир. Ну, а я собираюсь стать частью пейзажа, который он увидит!"

"О."

"О? И это все? Ты не попытаешься убедить меня в моей глупости?"

"А это поможет?"

Неохотная улыбка смягчила лицо Амнестрии, и ее плечи поднялись и опустились с долгим вздохом. "Ну, утешает то, что хотя бы один человек в этом дворце понимает меня".

"Я понимаю больше, чем ты думаешь", - сказал Ламруил, внезапно посерьезнев. Он протянул руку и коснулся пояса с оружием на талии сестры. Застежка была немного ослаблена, и справа от нее виднелась хорошо затертая насечка.

Взгляд Амнестрии проследил за его жестом. Она нахмурилась и пожала плечами. Хотя она была красива почти сверх меры, в ней не было ничего от тщеславия.

"И что? Одна зарубка ничем не хуже другой, лишь бы меч был на мне и штаны не спадали".

"Кстати говоря, как вы расстались с Элайтом?"

Лицо принцессы потемнело, и она отвернулась, чтобы защелкнуть застёжки на сундуке с большей силой, чем требовалось. "Это не твоё дело".

Брат увидел, что она действительно не понимает. "С тех пор как Элайт покинул остров, прошло четыре луны", - мягко сказал он. "Пройдет ещё слишком много, и тебе придется совсем забыть об этом поясе".

Амнестрия обернулась к нему, её глаза расширились от шока. Она опустилась на кровать и уткнулась лицом в руки. "О, я чувствую себя такой душой! Как я могла не знать?"

Принц сел рядом с ней, ненавидя то, что он должен сказать ей дальше. "Я знаю, почему Элайт покинул Эвермит. Его дед перешел в Арвандор, и клинок Кроулнобара перешел к нему. В его руках он затух, поскольку наследника у Кроулнобаров нет".

Она резко села. "Теперь есть. Проклятие! Если бы он только подождал, чтобы достать лунный клинок, пока мы..."

"Если бы он подождал, он был бы мертв", - резко прервал её Ламруил. "Меч не принял его. Если бы был наследник, он бы убил его, а ты бы сохранила меч для своего ребенка".

С минуту они сидели в молчании, пока Амнестрия пыталась разобраться во всем этом.

"Есть ещё кое-что", - неохотно сказал Ламруил. Он достал из своей туники письмо. "Это пришло по каналам связи, от человеческого рейнджера и товарища Элайта. Он говорит, что, судя по описаниям Элайта, немного знает тебя, и настоятельно просит тебя не приходить".

"Я никому не говорила о своем приезде", - пробормотала принцесса.

"Что ж, возможно, он действительно понимает тебя. Есть ещё кое-что. Группа искателей приключений, с которой отправилась Элайт, покинула город. Они хотят найти древние захоронения Аривандаара и опустошить их".

Ужас застилал глаза Амнестрии, как туман, и лишь затем быстро сгорал от жара её гнева. "А этот человек?"

"Он не одобряет. Он попытается остановить их любыми средствами".

Принцесса кивнула, мрачно одобряя. "И я помогу".

"А как же ребенок?"

"Я всё ещё могу путешествовать некоторое время, и я всё ещё могу сражаться. Когда я не смогу, я найду место, где меня не узнают, и буду вынашивать ребенка в тайне. Клянусь тебе перед всеми богами Селдарина, Элайт никогда не узнает об этом ребенке! Я отдам младенца на воспитание другому, прежде чем свяжу свой дом с предателем и разбойником!"

Она взглянула на Ламруила, осмеливаясь возразить ему.

"Это твоё право", - сказал он. "Я помогу тебе всем, чем смогу, но ты должна пообещать мне две вещи. Во-первых, ты должен сказать мне, где находится ребенок. Во-вторых, он должен быть воспитан в умениях и знаниях, необходимых потенциальному королю. Он может понадобиться Эвермиту".

Амнестрия сверкнула глазами. "Проклятье, Ламруил, до такого бы додумалась наша мать! Ты сам начинаешь говорить как король".

Широкая ухмылка расплылась по лицу Ламруила. "Ни за что", - сказал он, искренне забавляясь этой идеей. Он поднялся и протянул руку, чтобы помочь ей

встать на ноги. "Я помогу тебе ускользнуть", - мягко сказал он. "Бран Скорлсун был не единственным, кто подозревал, что ты отправишься в погоню за Элайтом. У берегов Руита тебя ждет корабль, и я подкупил достаточно дворцовых слуг, чтобы ты могла ускользнуть тайно".

Принцесса поблагодарила его коротким, яростным объятием, а затем отстранилась. "Кто такой Бран Скорлсун?"

"Человеческий рейнджер. Я послал ему весточку и сказал, где тебя ждать. Он хороший человек, и я думаю, что вы с ним хорошо работаетесь".

* * * * *

Ламруил долго помнил эти слова и долго жалел о сказанном. Амнестрия действительно объединилась с Браном Скорлсуном, и им удалось помешать усилиям Элайта и его товарищей. Древние захоронения Аривандаара, место упокоения останков тех, кто погиб, защищая эту чудесную землю, остались священными.

Элайту так и не суждено было узнать о своем сыне. Младенец родился в руках человека и был спрятан, чтобы воспитываться в тайном приемном доме. Амнестрия выполнила все, что обещала.

Но на остров она не вернулась. Эльфийская принцесса нашла более глубокую любовь, чем та, которую она потеряла, и вышла замуж за Брана Скорлсуна. С ним она установила такие же глубокие отношения, как и между ее королевскими родителями. И тем самым она нечаянно привела в движение события, которые должны были иметь мрачные последствия для ее семьи и для всего Эвермита.

24. Элита (2-й день Чес, 1321 ЛД)

Эльф вышел на поляну - небольшой зеленеющий луг, окруженный плотным кольцом огромных древних дубов. Его путь привел его в место редкой красоты, которое, на взгляд неискушенного глаза, казалось совершенно нетронутым. Никогда еще эльф не видел более глубокой зелени; несколько решительных лучей раннего утреннего солнца проникали сквозь листья и лианы, и даже воздух вокруг него казался густым и живым. У его ног изумрудные капли прилипали к траве. Ищущие глаза эльфа сузились в догадке. Опустившись на колени, он изучал траву, пока не нашел ее - почти незаметную дорожку, где роса стекала с травы высотой по щиколотку. Да, его добыча пришла сюда.

Он быстро пошел по росистой тропе туда, где она пролегла между двумя огромными дубами. Он раздвинул завесу лоз и вышел на поляну, моргая от яркого утреннего солнца. Когда глаза привыкли к свету, он увидел узкую грунтовую дорожку, петляющую между деревьями.

Его жертвы не знали, что за ними следят, так почему бы им не выбрать самый простой путь через лес? Эльф пробрался сквозь заросли и направился по тропинке. Мало что указывало на то, что его преследовали другие шаги, но эльфа это не

волновало. Те двое, которых он искал, несмотря на свое плачевное происхождение, были одними из лучших рейнджеров, которых он встречал. Мало кто мог пройти по густой, глубокой траве этой укромной поляны и оставить после себя лишь след росы.

Эльф бесшумно скользил по тропе, его кровь учащалась при мысли о предстоящей победе, столь долгожданной и теперь столь близкой. Эльфы, особенно золотые эльфы, не были поспешными людьми, и за этой утренней миссией стояли годы планирования, десятилетия обсуждений и почти четыре столетия ожидания подходящего средства и момента. Время нанести удар пришло, и его удар будет первым.

Тропинка закончилась у каменной стены, и эльф снова замер, настороженный и наблюдательный. Он присел в тени стены и осмотрел раскинувшуюся перед ним сцену. За стеной был сад, прекрасный, как все, что он когда-либо видел.

По лужайке расхаживали павлины, некоторые из них распускали хвостовые перья, чтобы продемонстрировать десятки переливчатых сине-зеленых глаз. На цветущих весенних деревьях, окружавших отражающий пруд, щебетали блестящие птицы котала. Врожденная любовь эльфа к красоте всколыхнулась в нем, на мгновение отодвинув на задний план срочность его миссии. Легко было бы, размышлял он, наблюдая за садом, эльфам соблазниться таким великолепием.

Так оно и было, заключил он, когда его взгляд поднялся над садом к далекому замку - чуду из заколдованного лунного камня и мрамора. Его золотые глаза сверкнули ненавистью и триумфом, когда он понял, что тропа привела его в самый центр власти серых эльфов. Древняя раса золотых эльфов слишком долго поддавалась господству низших. С новой силой эльф начал планировать атаку.

Его положение вряд ли могло быть лучше: внешние дворцовые сады не патрулировали никакие стражники. Если он сможет поймать свою жертву до того, как она приблизится к дворцу, он сможет нанести удар и уйти незамеченным, а на следующий день вернуться, чтобы нанести новый удар.

Между ним и дворцом был огромный лабиринт, созданный из живой изгороди из самшита. Идеально! Эльф сверкнул лукавой улыбкой. Серая девка и ее домашний человек вошли в собственную гробницу. Могли пройти дни, прежде чем в этом лабиринте обнаружили бы тела.

У этой затеи были свои недостатки. Сам лабиринт его не беспокоил, но вход в него можно было найти только через сад колокольчиков. Цветы, выращенные как для звука, так и для запаха, доносили до него слабую музыку в утреннем воздухе. Эльф прислушался на мгновение, и его челюсть сжалась. Он уже видел такие сады. Клумбы и статуи были расположены так, чтобы улавливать и направлять малейшее дуновение ветра, так что цветы постоянно напевали одну из нескольких мелодий. Любое нарушение воздушного потока, пусть даже слабое, меняло их песню. По сути, сад представлял собой красивую, но эффективную систему сигнализации.

Поскольку его добыча, несомненно, находилась в лабиринте и двигалась ко дворцу, эльф знал, что ему придется рискнуть. Он легко перемахнул через невысокую каменную стену и промчался мимо любопытных павлинов, а затем проскользнул через сад колокольчиков с легкостью, на которую способны только лучшие эльфийские рейнджеры. Как он и опасался, звонкая песня слегка изменилась

с его появлением. Для его чуткого уха это изменение было столь же явным, как трубный звук, и он, пригнувшись за статуей, стал ждать приближения дворцовой стражи.

Прошло несколько тихих минут, и в конце концов эльф расслабился. Его губы искривились в насмешке, когда он представил себе дворцовых стражников - олухов, слишком глупых и простоватых, чтобы распознать собственный музыкальный сигнал тревоги. Они были глухи, как и все серые эльфы. Эльф намеренно игнорировал тот факт, что лишь немногие эльфы, будь то золотые, серебряные или зеленые по происхождению, обладали его тонким слухом для тончайшего сочетания музыки и магии. В конце концов, он был певчим клинков и одним из элиты, обученной древнему искусству пения заклинаний. Тихо усмехнувшись, эльф проскользнул в лабиринт.

В садовых лабиринтах, как он знал, обычно соблюдается общая схема. После нескольких уверенных поворотов эльф начал подозревать, что этот - исключение. Этот лабиринт не был похож ни на один из тех, что он видел раньше. Обширные и причудливые, его запутанные дорожки петляли из одного маленького сада в другой, каждый из которых был фантастичнее предыдущего. С растущим чувством тревоги эльф проходил мимо экзотических фруктовых деревьев, фонтанов, беседок, ягодных грядок, крошечных прудов, наполненных яркими рыбками, и колибри, завтракающих среди лиан красных трубчатых цветов. Больше всего поражали магические дисплеи, изображающие знакомые эпизоды из эльфийского фольклора: рождение морских эльфов, полет драконов, приземление звездолета.

Он побежал дальше, добежав до входа в еще одну садовую поляну. Один взгляд внутрь, и он остановился. Перед ним стоял мраморный постамент, увенчанный большим глобусом, наполненным водой. Конечно же, он не мог пройти мимо этого шара раньше! Он подкрался ближе, чтобы рассмотреть его получше. Внутри шара бушевала магическая иллюзия - страшный морской шторм, который швырял крошечные эльфийские кораблики. На его глазах из волн поднялась морская богиня Амберли, ее белые волосы развевались в шторм, словно молнии. Ей-богу, это снова было рождение морских эльфов!

Сомнений быть не могло. Конечно, даже в этом нелепом лабиринте не могло быть двух подобных зрелищ. Эльф провел обеими руками по своим золотистым волосам, с отвращением к самому себе. Он, эльф, прославившийся не только своими навыками рейнджера, но и талантами владения мечом и певчий клинков, бегал по кругу!

Не успел он еще раз осудить себя, как услышал слабый щелкающий звук неподалеку. Он проследил его до большого круглого сада, окруженного цветами, которые привлекали тучи ярких бабочек. Из сада вело множество дорожек, на которых доминировали бледно-голубые розы на клумбе в форме полумесяца. На одной из вершин голубовато-розовой луны стоял пожилой эльфийский садовник, обрывая кусты роз скорее с энергией, чем со знанием дела.

И снова эльфийский незванный гость улыбнулся. Судя по всему, это был центр лабиринта, и, несомненно, его жертва прошла через него. Старый садовник, если понадобится, в любой момент подскажет ему, по какому пути пошла девушка.

Эльф вошел в сад. Когда он вошел, стая бабочек взлетела, и садовник поднял голову, его серебристо-голубые глаза зажглись нежным любопытством.

Его взгляд упал на незваного гостя, но тот лишь махнул рукой и прочистил горло, как бы приветствуя его.

Нет, только не это! подумал незванный гость в панике. Он не может сейчас предупредить свою жертву!

Кинжал взлетел в воздух, и на лице садовника появилось удивленное выражение. Рука старого эльфа метнулась к лезвию в груди, и он тяжело упал на землю. Его грубая шапка слетела с головы. Из нее высыпалось множество длинных темно-синих волос, пронизанных серебряными нитями.

Синие волосы!

Волнение охватило убийцу, и он стремительно преодолел расстояние между ним и павшим эльфом. Когда он присел рядом с трупом, его внимание привлекла вспышка золота. Он потянулся к нему. Из-под грубой льняной туники садовника он достал медальон с королевским гербом. Эльф нащупал застежку и открыл медальон. Внутри была крошечная картина. Изысканное, безошибочно узнаваемое лицо королевы Амларуил смотрело на него, на ее губах играла нежная, очень личная улыбка.

Это была правда! Убийца выронил медальон и сел на пятки, задыхаясь от восторга. По счастливой случайности он убил короля Заора!

Истошный женский крик прервал его торжество. Одним быстрым движением эльфийский убийца вскочил на ноги и закружился, держа в руках мечи-близнецы. Он оказался лицом к лицу со своей изначальной жертвой. Она была так бела и неподвижна, что на мгновение показалась ему высеченной из мрамора. Однако ни один скульптор не смог бы передать горе и вину, искажившие ее бледное лицо. Костяшки пальцев одной руки прижались к ее рту, а другой рукой она вцепилась в руку высокого мужчины, стоявшего рядом с ней.

Ах, судьба сегодня была благосклонна, - злорадствовал эльфийский убийца. Стремительно и уверенно он двинулся на пару, держа наготове клинки. К его удивлению, у рослого спутника девицы хватило ума снять с плеча небольшой охотничий лук и выпустить стрелу.

Эльфийский убийца почувствовал сначала оглушительный удар, а затем жгучую вспышку боли, когда стрела пробила его кожаный доспех и вонзилась в бок, чуть ниже грудной клетки. Он взглянул на древко и увидел, что стрела не вошла глубоко и не попала в жизненно важное место. Собрав всю свою суровую самодисциплину, он прогнал боль и поднял мечи. Он еще мог убить девку - убить их обоих - прежде чем сбежать. Это был бы прекрасный рабочий день.

"Сюда!"

раздался яркий голос в стиле контральто, совсем рядом. Крик женщины насторожил дворцовую стражу. Убийца слышал быстро приближающиеся шаги по меньшей мере дюжины стражников. Он не должен быть схвачен и допрошен! Он готов умереть за дело и сделать это с радостью, но серые правители, конечно, не дадут ему достойно умереть. С помощью своей дурной магии Серая королева наверняка выпытает у него имя его хозяина и имена заклинателей, которые будут

ждать - здесь, в самом Эвермите, - с золотым эльфийским терпением ожидая сигнала к удару.

Эльфийский убийца колебался всего мгновение, затем повернулся и побежал в сторону поляны и стоявшего там магического портала.

Тяжело дыша и чувствуя головокружение от боли и потери крови, эльф проскочил сквозь круг голубого дыма, обозначавший магический проем. Сильные, стройные руки подхватили его и опустили на землю.

"Фениан! Скажи мне, что случилось!"

"Портал ведет в Эвермит", - вздохнул раненый эльф. "Король Заор лежит мертвый!"

Торжествующий, звонкий крик вырвался из уст спутника эльфа, эхом разнесся над горами и заставил взлететь пару певчих птиц. "А эльфийская дева? Арфистка?" - взволнованно спросил он.

"Они все еще живы", - признался убийца. Усилие, затраченное на то, чтобы говорить, вызвало новый спазм агонии. Он скорчился и схватился обеими руками за древко стрелы.

"Успокойся", - утешил его друг. "Амнестрия и ее человеческий любовник скоро последуют за Заором в могилу". Он осторожно отвел руки эльфа в сторону и принялся за стрелу. "Тебя видели?"

"Да." Ответ прозвучал между стиснутыми зубами.

Руки со стрелой замерли, затем напряглись. "Несмотря на это, ты хорошо справился". Быстрым движением он вогнал стрелу под грудную клетку эльфа и вонзил ее в его сердце. Когда поток крови затих, он выдернул стрелу и всадил ее обратно в тело эльфа под прежним углом. Он поднялся на ноги и с легким сожалением посмотрел на мертвого эльфа. "Но недостаточно хорошо", - пробормотал он.

Эльф стремительно сбежал с горы, устремившись к кишащему безвестностью человеческому городу. Эльфам не потребовалось бы много времени, чтобы отследить Фениана до магического портала, но к тому времени он был бы уже далеко. Он затеряется в Глубоководье и начнет придумывать, как использовать открытие, сделанное им в этот день. Врата в Эвермит были как раз тем, что ему было нужно для выполнения своего жизненного долга. И было вполне уместно, что Амнестрия, бывшая и бесславная наследница трона Эвермита, поможет ему достичь этой цели.

Кимил Нимесин слабо улыбнулся на бегу, не замечая двух пар глаз, которые смотрели ему вслед.

* * * * *

"Возможно, он тот самый", - размышляла Ллос, отворачиваясь от своей чаши, чтобы посмотреть на своего давнего товарища.

Великий Охотник Малар с отвращением фыркнул. "Он же эльф!"

"А кто лучше?" - ответила она. "Планы, которые разработали эти золотые эльфы, весьма изобретательны, и они могут стать тем штрихом, который нам нужен, чтобы осуществить то, чего мы так долго желали. Во всяком случае, будем наблюдать за

ним, и если он покажет себя, мы сможем дополнить его усилия своими собственными".

25. Месть Малара (1371 ЛД)

Богиня Ллос была вполне довольна. В туннеле под океанами, окружающими Эвермит, она и Малар с мрачным ликованием смотрели в большую чашу, наслаждаясь своей долгожданной местью детям Кореллона Ларетиана.

Конечно, гораздо приятнее было бы наблюдать за происходящим лично, но это было так близко к Эвермиту, как только они могли добраться. Плетение, которое Кореллон наложил на остров, запрещало всем злым богам входить внутрь. Но оно не мешало дроу пользоваться Вратами, которые так удобно устроил Кимил Нимесин, и не препятствовало проходу смертоносного существа Малара - Пожирателя эльфов.

Врата. Много элементов было заложено в эту атаку, но именно врата нанесли самый смертельный удар. Чудесная вещь, это искусство кругового пения - использование заклинательной песни для объединения многих магических эффектов в один - особенно если учесть, как изобретательно использовал его Кимил. Под его руководством поющие в круге собрали силу всех врат в Эвермит и объединили их в одни врата, эффективно отрезав остров от внешнего магического вмешательства.

Это был мастерский план, и Ллос была весьма впечатлена Кимилом Нимесином. Золотой эльф годами вынашивал свои планы, собирая и обучая всех талантливых эльфийских заклинателей, которых только мог найти. Если бы только можно было привить ее последователям дроу такое терпение! Как быстро они стали бы править всем Абейр-Торилом!

Что ж, скоро они захватят Эвермит, а пока она могла довольствоваться этим. Несомненно, Малар думал, что его создание уничтожит и их, тем самым дав ему победу над его темно-эльфийским союзником. Однако Ллос всегда была готова к предательству. Чтобы подстраховаться, она попробовала скормить пожирателю эльфов несколько своих верных дроу и обнаружила, что у чудовища нет на них аппетита. Малар скоро рассеет свое создание, когда на Эвермите больше не останется развлечений.

Она взглянула на Малара. Хотя он не спускал глаз с изображения в чаше, оно двигалось по короткой, беспокойной дорожке. Это тоже нервировало Ллос. Ее дроу хорошо поработали - с наступлением дня они заманили многих эльфийских бойцов в туннели, где могли расправиться с ними в свое удовольствие, - но ей нужен был пожиратель эльфов Малара, чтобы по-настоящему уничтожить Эвермит. Богу было неуютно в этих туннелях. Если он уйдет и заберет с собой свою прекрасную игрушку, игра закончится, не успев начаться.

"Здесь прекрасная охота", - заметила она, ее багровые глаза сверкали, когда она смотрела, как двое дроу медленно срезают плоть с костей эльфийского воина. Куда бы они ни посмотрели, туннели были заполнены битвами.

Малар хмыкнул, не впечатленный этим зрелищем. "Я не крот, чтобы рыть туннели в земле в поисках червей!"

Прежде чем Ллос успела ответить, изображение в ее скользящем бассейне изменилось. В бой вступил новый боец - огромная эльфийская дева, от которой веяло божественной силой. Почти до того, как Ллос успела воспринять эту угрозу, дева-воительница аккуратно накрыла сетью пожирателя эльфов. На ее полных ужаса глазах эльфийка и пожиратель эльфов исчезли.

Малар тоже увидел это. Страшный рев Повелителя зверей разнесся по туннелю, сотрясая камни на стенах туннеля и заставляя дроу на короткое время приостановить свое кровавое веселье.

Ллос быстро оправилась от шока, ее проворный ум увидел возможность даже в этом. "Новый аватар", - взволнованно сказала она. "Но это не аватар одного из известных мне богов. Это дух могущественного смертного эльфа - следовательно, есть только одно место, куда он может попасть. Конечно, дева-эльфийка принесет это существо в Арвандор!"

"А куда пойдет пожиратель эльфов, туда и мы можем последовать", - сказал Малар, начиная понимать. "Но нас двое против множества селдарингов".

"Это неважно", - сказала она. "Нам остается только смотреть и наслаждаться тем, как пожиратель эльфов бесчинствует! Я представляю, что духи верных усопших будут лакомым кусочком для твоего чудовища. Если нам повезет, возможно, оно сожрет и пару богов!"

"Мы идем", - согласился бог. Он схватил запястье Ллос в одну огромную лапу и потащил ее за собой, следуя за своим созданием. Боги исчезли в туннеле, переведя битву на новый уровень.

* * * * *

В одной из комнат дворца Мора ерзала в кресле, беспокойная даже в своем тяжелом сне. Она пришла во дворец вместе с дремлющим телом принцессы Илайраны и сидела у постели эльфийки. Но страшные дни битвы взяли свое, и Мора погрузилась в тревожную дрему.

Но даже во сне битва продолжалась. В странном сне Мора наблюдала, как дева-эльфийка отчаянно пыталась остановить чудовище, напавшее на рошу Кореллона. Существо, на котором все еще держались клочья серебристой паутины, пронеслось через лес, прекраснее которого Мора еще не видела, и ворвалось в город, удивительный настолько, что даже Лейтильспар поблек. Существо шло все дальше и дальше, останавливаясь лишь для того, чтобы схватить доблестных эльфов, оставшихся сражаться, чтобы большинство их народа могло спастись бегством. Она наблюдала, как существо надвигается на высокого синеволосого эльфа-мужчину. Его сходство с Ламруилом поразило ее, как стрела в сердце.

Ладонь спящей женщины чесалась от желания потрогать собственный меч, хотя она знала, что мало что может сделать против такого чудовища. Действительно, даже дева-воительница не справилась. Выкрикнув одно слово, она бросилась между синеволосым эльфом и приближающимся чудовищем. Мора вздрогнула, когда дева-воительница полетела, отброшенная в сторону одним из машущих щупалец

пожирателя эльфов. Эльфийка поднялась на ноги, но со лба, порезанного при падении, капала кровь.

Страшный, пронзительный рев вырвал Мору из сна. Инстинктивно она поняла, что это не было частью ее сна, и бросилась к окну и посмотрела в небо.

Сотни, возможно, тысячи ужасных существ пролетали над городом, закрывая солнце своими отвратительными телами. Она почти с отчаянием наблюдала, как их рой накрыл летящего по воздуху золотого дракона. Сражение было жестоким и страшным, но в конце концов дракон был побежден. Он рухнул на землю, его крылья полностью исчезли, изъеденные нападшими на него неестественными существами. Дракон обрушился на остров с силой, потрясшей дворец, и, несомненно, сравнял с землей большую часть города, мрачно заметила Мора.

Она осмотрела небо, пытаясь хоть немного разобраться в этом странном нападении. То тут, то там группы существ, похожие на темные, бурлящие облака на фоне неба, наводили на мысль, что и остальных драконьих всадников - даже постаревших Хранителей, выпущенных для борьбы с пиратским флотом, - вскоре может постигнуть та же участь.

Мора испустила длинный, дрожащий вздох и отвернулась от окна. Она ожидала, что умрет в этот день, и утешалась двумя вещами: тем, что Ламруил в безопасности, и тем, что ужасная резня эльфов, свидетелем которой она только что стала, была лишь сном.

Она взглянула на спящую принцессу, и сердце ее болезненно сжалось. Белые волосы Илайраны, обычно сверкавшие бледным цветом опалов, были темными и матовыми от крови, а на лбу у нее красовалась рана, идентичная той, что была нанесена деве-воительнице.

Единственное слово, которое выкрикнула воительница-эльфийка, теперь имело смысл, как и сходство синеволосого мужчины с Ламруилом. Мора крутанулась на пятках и выбежала из комнаты. Если кто и мог что-то сделать с этим новым ужасом, так это королева.

И даже если королева не могла действовать, она имела право знать.

* * * * *

По всему Эвермиту эльфы пытались избавиться от ужасной заторможенности, которая навалилась на них после разрушения Башен. Почти все Высшие Маги Эвермита собрались в Башнях Солнца и Луны или в башне Сумбрара на острове к востоку от Лейтильспара. Эти маги сплели мощную магическую сеть, которая поддерживала эльфийских бойцов и укрепляла легендарную оборону острова. Эта паутина не просто разрушилась, хотя и это было бы катастрофой. Башни превратились в пыль, а маги были убиты. Удар, нанесенный Плетению, а значит, и всем им, был ошеломляющим.

Амларуил стояла в своем зале совета и смотрела на ошеломленных и опечаленных эльфов, которые неподвижно стояли на улицах города, слишком ошеломленные, чтобы отреагировать на появление неестественных ужасов, внезапно заполнивших небо.

"Темные звери", - прошептала она, ибо ее информаторы были хорошо знакомы с такими магиями, какие были в ходу у человеческих магов. Это была работа худших из них, ужасных красных магов, которые правили далеким Тэем. Амларуил не нужно было спрашивать, какой интерес эти люди могут иметь к Эвермиту. Они уже пытались прорвать оборону острова; конечно, они могли присоединиться к столь разрушительной атаке, надеясь захватить в качестве добычи часть легендарных магических богатств эльфийского острова. Мысль о сокровищах эльфов - жезлах и мечах, произведениях магического искусства, даже Древе Душ - придала ей новую решимость и силу.

Повернувшись к Кериту Черношлему, она попросила его предоставить отчет, который был прерван беззвучным магическим взрывом. Спокойное поведение королевы, казалось, ободрило ее советников, но даже несмотря на это, новости, которые сообщил серебряный эльф, были ужасны.

Северный берег пал перед существами из Нижнего мира. Драконьи всадники Орлиных холмов добились некоторых успехов в борьбе с сахуагинами и скрагами, заполонившими Ардулит, но большинство кентавров и других лесных существ пали в бою. Смешанный отряд людей и эльфов высадился на Сиилут и шел на запад, к Дрелагаре.

"Эльфы?" - резко спросила она. "Среди пиратов были эльфы? И они прорвались через нашу оборону?"

Керит скорчил гримасу. "Да, миледи, но не так, как мы ожидали. Эльфийские корабли с эльфийскими экипажами, те, которые, как мы думали, спасались от вторжения, были частью этого. Трюмы этих судов были забиты воинами и заклинателями, жаждущими битвы. Даже с помощью литари и лунных коней народу Дрелагары приходится нелегко".

Королева приняла это к сведению. "А другие корабли? Их было шесть, я полагаю".

"Мы не знаем", - признался он. "Очевидно, корабли разделились после того, как то, что осталось от нашего флота, помогло им пройти через магическую защиту. Наши корабли все еще находятся в море, сражаясь с тем, что осталось от пиратского флота. Флот-приманка", - добавил он с глубоким отвращением к себе.

"Ты не мог знать, друг мой", - произнесла Амларуил. "Никто из нас не ожидал такого предательства от своих. А следовало бы".

"Это еще не все", - сказал военачальник. "Трое из этих кораблей приближаются к Лейтильспару. Их лидер находится достаточно близко, чтобы передавать сообщения через язык флагов".

Амларуил нахмурилась. "Звезднокрылый флот не смог их остановить?"

"Мы не посылали против них звезднокрылые корабли", - мягко сказала Керит. "Я не думал, что вы пожелаете этого. С корабля пришло известие: сам принц Ламруил на борту".

* * * * *

Кимил Нимесин бросил нетерпеливый взгляд на молодого человеческого моряка. Юноша почти пританцовывал от плохо сдерживаемого возбуждения. Это

раздражало Кимила. Он терпел энтузиазм молодого Каймида примерно столько, сколько собирался. Как только битва за Эвермит закончится, этот жалкий мальчишка станет первым человеком, павшим под клинком Кимила.

"Ты хочешь что-то сказать?" - холодно спросил он.

"Тебя хочет видеть принц эльфов", - важно сказал Каймид.

Это заинтересовало Кимила. Молодой Ламруил не сказал своему бывшему мастеру меча и двух слов с того дня, как попал в ловушку Кимила. Хмурый и обиженный, он являл собой образ избалованного и непутевого мальчика-принца.

Золотой эльф последовал за Каймидом в трюм, где Ламруил сидел на полу своей камеры. На мгновение Каймид взглянул на молодого эльфа, с удовольствием отмечая истощенный вид Ламруила. Во время плавания по океану ему давали достаточно еды и воды, чтобы он мог выжить. Но даже несмотря на то, что молодой эльф был гораздо худее и менее крепким, чем в начале плавания, он все равно превосходил большинство эльфов, которых мог назвать Кимил.

"Ну что?" - спросил он. "Что тебе нужно?"

Ламруил поднял голову, и мрачный взгляд его голубых глаз заставил Кимила попятиться. "Мою жизнь", - холодно сказал принц. "И я готов заплатить любую цену, чтобы получить ее".

Кимил был склонен поверить ему. "Что ты можешь предложить? Ты для меня все еще полезная пешка - пешка, которую, если правильно сыграть, можно обменять на ферзя".

"Ты недооцениваешь Амларуил", - категорично заявил принц. "Нет ничего, чем бы она не пожертвовала ради Эвермита. Поскольку мы с ней не сходимся во мнениях по многим вопросам, я сомневаюсь, что она прольет много слез по мне". Он бросил насмешливую улыбку на Кимила. "Простое похищение, лорд Кимил? Ожидаете, что королева выкупит меня за счет своего королевства? Должен сказать, что это самая слабая часть вашего превосходного плана".

В этом была доля правды, и это раздражало Кимила. "И что же ты хочешь, чтобы я сделал?"

"Освободи меня", - сказал Ламруил. "Мы устроим шуточную битву на палубе этого корабля, на виду у тех, кто наблюдает за ней из доков Лейтильспара. Затем я, принц-победитель, сбегу на берег, доблестно прихватив с собой единственного выжившего эльфа".

"Я, полагаю", - холодно сказал Кимил, хотя на самом деле он скорее одобрял ход мыслей принца. "А потом?"

"Потом я потребую отречения королевы от престола. У меня есть такое право", - спокойно сказал он, подняв руку, чтобы остановить саркастический смех Кимила. "Я наследник, я совершеннолетний. Мне нужно только достать меч Заора, и дело сделано".

"И это все?"

"И получить королевство", - сказал принц. "Сколько эльфов, выживших в Эвермите, пойдут за тобой, если твоя рука поднимется на их любимую королеву? Заор может простить тебя. Но Амларуил - никогда. Нет, мы будем играть роль героев. Амларуил умрет, защищая свой народ. Я не король, - сказал он небрежно, - и не хочу им быть. Да и народ Эвермита не примет меня в свои объятия. Я с радостью

отложу меч Заора и уеду на материк, где меня ждет жизнь с роскошными женщинами и крепким сидром. Это устроит меня гораздо лучше, чем корона. Тогда ты, в каком бы обличье ты ни был, сможешь восстановить Совет Старейшин. Мы оба получим то, чего хотим".

Кимил уставился на принца, пораженный мрачным тоном и продажным огоньком в его глазах. Он знал, что Ламруил - эгоцентричный пустозвон, но не думал, что он способен так сосредоточенно мыслить, даже в целях самосохранения. Он хотел проверить, насколько далеко готов зайти принц.

"Убеди меня", - предложил Кимил. "Расскажи мне больше".

"У тебя есть заклинатель. Я слышал, как говорили другие. Не отправляй его, пока остров не будет покорен. У Сумбрара есть защита, которая с легкостью уничтожит его".

"Хранители. Спящие драконы уже освобождены, и большинство из них сменили свой вековой сон на более постоянный. То же самое касается и всадников на драконах. Меня не беспокоит мысль о нескольких пегасах".

"На Сумбраре есть флот Звездокрылов", - сказал Ламруил.

"Не так. Флот был уничтожен более пятисот лет назад, во время бегства драконов!"

"Верно, но он был восстановлен в тайне. Там десять кораблей". Ламруил дал краткое, сжатое описание, которое полностью убедило Кимила. Он провел достаточно времени на таком корабле, чтобы понять, что только знание из первых рук может подтвердить слова принца.

Принц продолжал, описывая оборону острова и силы его королевы так подробно, что Кимил был почти убежден.

"Дай мне еще кое-что, и мы поступим так, как ты предлагаешь", - сказал эльф.

В глазах принца зажегся странный, почти безумный свет. "Возможно, по той или иной причине вы захотите вернуть трон Эвермита. Есть законный наследник. У принцессы Амнестрии родился ребенок".

Кимил фыркнул. "Не напоминай мне! Бастард-полукровка - не претендент на трон, по любым эльфийским меркам".

"Эрилин была вторым ребенком моей сестры. У нее был еще один - сын от лунного эльфа из знатной семьи. Никто на Эвермите не знает об этом, кроме меня. Принцу ничего не известно о его личности. Я могу сказать вам, где он. Я могу доказать, что он тот, за кого себя выдает. Ты можешь использовать его или убить, как тебе будет угодно".

Золотой эльф кивнул, убежденный в ценности того, что предложил Ламруил. Истину он уже знал. В конце концов, это было небольшое дело - наложить заклинание, взвешивающее правдивость сказанного.

"Мы сделаем, как ты говоришь", - сказал он. "Но будь уверен, что кинжал найдет твое сердце прежде, чем хоть одно слово предательства сорвется с твоих губ!"

Принц пожал плечами. "Просто выпустите меня из этой дыры, и я буду доволен".

Ламруил холодно улыбнулся. "Ты думаешь, я не смогу достать меч и остаться в живых? Очень хорошо - скажи, что я не выживу. Ты все равно выполнил то, что задумал. Все члены королевской семьи на Эвермите будут мертвы".

"Кроме самой Амларуил".

"Ах. Я забыл сказать тебе об этом", - сказал принц. "Я убью ее сам, прежде чем достану королевский меч".

"Ты никогда не подойдешь достаточно близко", - усмехнулся Кимил.

"Кто сказал, что я собираюсь использовать оружие?" - ответил принц. "Я знаю свою мать, и я знаю ее абсолютную преданность Эвермиту. Если мы дадим ей задание, опасное заклинание, которое может произнести только она, она выполнит его. Даже если бы это означало ее смерть".

"Например?"

"Другие корабли", - прямо сказал Ламруил. "Мы скажем ей, где они находятся. Амларуил может наложить заклинание, способное телепортировать один корабль подальше от Эвермита. Возможно, ей удастся отправить два и остаться в живых. Но больше?" Принц покачал головой. "Она все равно попытается".

"И я потеряю свои корабли".

* * * * *

Портовые стражники доставили Ламруила прямо в зал совета королевы, как она и просила. Спазм боли пронесся по ее изрезанному лицу, когда ее взгляд упал на исхудавшую фигуру сына. Даже худой, одетый в грязную одежду и отмеченный несколькими небольшими ранами, полученными в битве, которая освободила его, он вел себя с высокомерием, которое заставило нахмуриться всех советников Амларуил.

Тем не менее, он был ее сыном, ее последним ребенком. Амларуил подлетела к нему и заключила его в свои объятия. Он недолго обнимал ее, затем взял за плечи и отстранил от себя.

"Времени мало, мать", - сказал он срочно. "Я знаю, куда направляются остальные четыре корабля. Один из них везет три десятка красных волшебников, решивших опустошить магические сокровища Эвермита. С ними - человеческие разбойники, пришедшие за золотом и эльфийскими девицами. На каждом из четырех оставшихся кораблей их еще больше. Человеческие волшебники и столько бойцов, сколько они смогут запихнуть в трюм. Я знаю, о чем прошу тебя, но я также знаю, что ты захочешь это узнать".

Беспокойные глаза Амларуил искали его лицо. "Илайраны больше нет", - тихо сказала она. "Если я сделаю это, возьмешь ли ты меч своего отца?"

"Принеси его мне", - твердо сказал принц. "Я возьму его, если придется!"

Королева кивнула советнику, который принес оружие в ножнах с почетного места на пьедестале за ее троном. Она положила его на стол рядом.

"Все вы должны засвидетельствовать это. Я называю принца Ламруила своим преемником. Теперь вы должны молчать, пока я произношу нужное заклинание".

Керит вскочил на ноги, дрожа от ярости. "Ты не можешь, моя королева! Я знаю, что ты хочешь сделать, и знаю, чем это закончится. Ты нужна здесь! Мы разберемся с этими кораблями. Конечно, они не такая уж угроза, как пытаются представить их принц!"

На лице Амларуила появилось нерешительное выражение. "Ты видел эти корабли, Ламруил. Должна ли я произнести это заклинание?"

Прежде чем он успел ответить, из зала донеслись звуки короткой борьбы и сердитый женский голос. В зал ворвалась Мора с дикими глазами. Она задохнулась при виде Ламруила, но не пошла к нему. Скорее, она побежала к королеве и быстро рассказала ей обо всем, что видела.

"Дева-воительница - это Илайрана", - заключила Мора. "И она позвала тебя! Пожиратель эльфов находится в самом Арвандоре! Он нападает на духов верующих. Я видела среди них Заора".

На лице Амларуил появилась решимость.

"Вы нужны нам здесь", - повторил Керит.

"Не совсем", - холодно ответил Ламруил. "Независимо от того, произнесет она заклинание или нет, я потребую ее отречения от престола. Меч теперь мой, а вместе с ним и королевство".

Мора обернулась к нему. "А как же твоя королева? Что насчет меня?"

На лице принца промелькнуло озадаченное выражение. "Что с тобой? Я выберу себе в королевы эльфийскую деву из высокого рода".

Глаза женщины вспыхнули. "Ты всего лишь... дроу-альбинос!" - прорычала она.

Принц снова пожал плечами и повернулся к королеве. "Ну что, мать? Что будем делать? Долг, как всегда?" Он издал короткий презрительный смешок, когда Амларуил кивнула, а затем повернулся к эльфу в плаще. "Убедился, мой господин? Не скажешь ли ты ей, где можно найти эти корабли?"

Эльф снял капюшон, открыв красивое, но незнакомое золотистое лицо. Он говорил коротко и точно. Когда он закончил, Ламруил взял одну из бледных рук королевы и прижал ее к своим губам.

"Прощай, мать", - сказал он негромко.

Королева мгновение смотрела на него, а затем повернулась и прошла к своему трону. Она села на него и закрыла глаза. Аура магии собралась вокруг нее, когда она начала заклинание, которое должно было отослать опасные корабли от ее берегов - и отправить ее снова сражаться на стороне Заора.

Эльфы со слезами на глазах наблюдали, как их королева произносит последнее заклинание в их защиту. Безмолвная сила собралась, пронеслась по комнате, как вихрь, и развела волосы и плащи эльфов. Внезапно раздался взрыв, второй ужасный беззвучный взрыв.

Амларуил исчезла.

Одним быстрым движением принц схватил королевский меч и выхватил его из древних ножен. Ошеломленные и убитые горем эльфы испытали секундное потрясение, увидев принца живым и невредимым. Меч Заора сверкал в его руках, а магический голубой свет, казалось, гудел праведным гневом.

"Я нарекаю тебя, Кимил Нимесин, предатель Эвермита, и призываю магию меча, чтобы развеять иллюзию, которую ты навел. Все вы, свидетельствуйте".

Черты лица золотого эльфа мерцали и расплывались, быстро преобразуясь в знакомый облик эльфа, чьи махинации привели к гибели короля Заора и Амнестрии.

"Он раскрыт и обвинен. Вы, советники королевы Амларуил, говорите, что должно быть сделано. Какой приговор вы вынесете?" воскликнул Ламруил.

Приговор предателю был вынесен одним словом, произнесенным словно из одного горла. Молодой король Эвермита поднял лунный клинок, чтобы вынести приговор.

Кимил Нимесин увидел приближение смерти и воспользовался единственным известным ему способом спасения. Он прикоснулся к драгоценному камню, который вручила ему Ллос, и высвободил мощное заклинание, сдерживающее все врата Эвермита в единое целое. Часть высвободившейся силы открыла врата, которые он приготовил на крайний случай.

Меч Заора безвредно пронесся по пустому воздуху. Золотому эльфу снова удалось сбежать.

* * * * *

Амларуил была втянута в Арвандор с силой, которая заставила ее отшатнуться. Сильные руки сомкнулись вокруг нее, знакомые руки. Она подняла голову и увидела лицо своей единственной любви - Заора, выглядевшего таким же жизнелюбивым и молодым, как и тогда, когда они впервые встретились на их поляне. Она коснулась его лица, затем протянула руку к новой сильной фигуре своей дочери.

"Вы оба, одолжите мне свою силу", - прошептала она.

Королева Эвермита повернулась лицом к чудовищу Малара, не совсем понимая, что ей делать, чтобы противостоять ему. К ее удивлению, в тени существа появились два божественных облика, их багровые глаза сверкали злобным восторгом.

На губах Верховного мага появилась мрачная улыбка, и она начала собирать магию. Больше не стесненная своим смертным телом, она щедро черпала силу Селдарина, а также веру Илайраны и любовь Заора.

Магия полетела на злых богов полосой голубого сияния. Она окутала их вспышкой яркого света, а затем так же быстро исчезла. На месте огромного, покрытого черной шерстью существа, которым когда-то был Малар, стояло высокое существо, которое, на взгляд любого наблюдателя, вполне могло сойти за эльфа. По бокам от него стояла изящная белокожая эльфийская богиня.

Ллос, поднимая руки, чтобы обрушить на ненавистную королеву эльфов ответную магию, вскрикнула при виде собственных рук.

Пожиратель эльфов вихрем помчался на звук, а затем бросился на блюдо, которое было представлено так близко. Злые боги, предчувствуя неминуемую гибель от рук своего собственного создания, обратились в бегство. Они исчезли с клубами серного дыма, а существо Малара пустилось в погоню.

Амларуил улыбнулась и повернулась к Заору. "Заклинание не работает в Абиссе - у меня нет там силы. Но как она выглядит!"

Объединенная семья разразилась облегченным смехом, прижимаясь друг к другу в радости от того, что вечность началась.

Через несколько мгновений Амларуил отстранилась. "Есть кое-что, что я должна вам показать", - мягко сказала она. "Последнее послание от нашего младшего сына, короля. Он вложил его мне в руку во время нашего последнего прощания".

Она достала из рукава крошечную записку и показала ему. На ней была написана единственная фраза: "Еще раз, на благо народа!".

Заор посмотрел ей в глаза и улыбнулся. "Значит, ты все-таки была права. Ламруил будет прекрасным королем".

Королева видела, что ее любимый еще не до конца понял слова их сына. Ламруил знал о жертвах, на которые пошла его мать. Однажды она уже отказалась от своей любви, чтобы удовлетворить потребности Эвермита. Ламруил убеждал ее вновь отказаться от своей глубочайшей любви; он и сам готов был сделать это, если понадобится.

"Да, - тихо сказала она, - он будет прекрасным королем. Но не для Эвермита".

ЭПИЛОГ: Рассвет

Ламруил и Мора стояли вдвоем на высоком утесе, где они в последний раз простились друг с другом. Оба знали, что это прощание станет для них последним. Глаза женщины были печальны, но полны решимости.

"Я не королева, и ты это прекрасно знаешь", - спокойно сказала девушка. "Твоя судьба была вручена тебе. Ты не можешь отвернуться от Эвермита".

"Ты знаешь, что я люблю тебя", - сказал он. "То, что было сказано во дворце, было необходимо. Я должен был убедить Кимила Нимесина в своей неверности".

"Как же хорошо, что я знала", - ответила она, - "И я ответила тебе тем же".

"Да. Если я правильно помню, ты назвала меня дроу-альбиносом".

Женщина покраснела и пожала плечами. "Я искала действительно хорошее, убедительное оскорбление".

"У тебя хорошо получилось", - сухо сказал он.

Они коротко рассмеялись, затем грусть вернулась в глаза Мора. "Мне пора идти".

Молодой эльф знал, что лучше не пытаться отговаривать ее. Тем не менее, он чувствовал себя так, словно его сердце превратилось в пепел и рассыпалось. "Куда ты пойдешь?"

Мора пожала плечами. "Куда-нибудь в новое место, в дикое место. Это все, что я знаю и что меня волнует".

"Если бы я мог поехать с тобой!" сказал Ламруил с глубокой горячностью.

"Возможно, мой мальчик, ты сможешь", - сказал знакомый голос, голос, похожий на воздух и музыку.

Ламруил повернул удивленные глаза в сторону звука. В воздухе за краем обрыва возникла знакомая и любимая форма его матери. Сначала она была лишь мерцающей тенью, прозрачным образом. Затем в ней появились и закружились лучи света, похожие на сверкающие разноцветные драгоценные камни - серебряные, золотые, голубые, зеленые и обсидиановые.

Ламруил и Мора прижались друг к другу, потрясенные, когда явление обрело форму. Через несколько мгновений призрачная Амларуил спустилась с воздуха.

Как только ее нога коснулась земли Эвермита, цвет пронесся сквозь нее, добавляя кремовые оттенки к ее белой коже и поджигая облачные волосы красно-

золотым огнем. Ощутимая волна силы пронеслась через нее, когда магический импульс, которым был Эвермит, пронесся через нее и вернул ей титул королевы.

Не говоря ни слова, Ламруил снял с шеи кулон своего отца и протянул его королеве.

Улыбаясь, Амларуил покачала головой. "Ты доказал, что являешься достойным преемником Заора, сын мой. Пришло время тебе править своим собственным королевством".

"Но ты - Эвермит", - сказал Ламруил. "Зачем же тебе возвращаться, как не для того, чтобы править там, где ты нужна?"

На мгновение грусть коснулась прекрасного лица королевы. "Нелегко было покинуть Арвандор и Заора. Но ты прав. Я должна была вернуться ради блага народа. Я еще нужна Эвермиту. Защита острова сильно ослаблена, уверенность Народа подорвана. Хотя, возможно, последнее было необходимо, мы должны будем все восстановить. Это дело должно быть моим. Твое, сын мой, совсем другое".

Амларуил подняла обе руки и сделала сложный, плавный жест. Вдруг она взяла в руки зеленую чашу, в которой было посажено крошечное, изысканное дерево с листьями зеленого, синего и золотого цвета. "Ты знаешь, что это такое?"

Принц кивнул, его глаза расширились от удивления. Он давно разделял страсть своей матери к древним сокровищам эльфийского рода и знал старые легенды не хуже любого провидца или знатока.

"Это Древо Душ, один из величайших артефактов Эвермита!" - воскликнул он.

"Пришло его время. Древо душ будет посажено на материке, создавая второй оплот для эльфов", - постановила Амларуил. "Где бы ты разместил его, если бы выбор был полностью в твоих руках?"

Ламруил обдумал этот вопрос. "Моя первая мысль - вернуть Кормантиру его утраченную славу. Но то время уже прошло. Нет, новое королевство должно быть более защищенным. Остров, подобный Эвермиту, но другой по силе и обороноспособности".

Принц замолчал. "Я думаю, - сказал он в конце концов, - что расположу это королевство посреди другого огромного моря, еще более запретного, чем владения Амберли. Далеко на севере от Хребта Мира есть обширные, неисследованные области. Зеленый остров, окруженный льдами, был бы достойным пристанищем".

"Но в отличие от Эвермита, это будет тайная земля, известная только эльфам", - добавила Амларуил одобрительным голосом. "Твой выбор хорош. Хотя это будет скрытая от глаз земля, укрепленная присутствием Высшей Магии и защищенная океаном льда, это будет дикая и опасная земля. Возможно, это и есть тот вызов, который нужен Народу".

Взгляд королевы скользнул к Море. "И для такого королевства не может быть лучшей королевы, чем та, которую выбрало твое сердце".

Амларуил протянула одну руку Ламруилу, а другую - человеческой девушке. "У меня не осталось другой дочери", - тихо сказала она. "Благодарю тебя, сын мой, за этот великий дар".

Девушка на мгновение замешкалась, а затем ее маленькие коричневые пальчики обвилились вокруг протянутой королевой руки.

* * * * *

В ту ночь улицы Лейтильспара сияли огнями праздника, а на тысяче лесистых склонов холмов мерцали костры и звенели звуки музыки и торжества. Усталые и измученные эльфы радовались возвращению своей возлюбленной Амларуил и надеялись, что эльфы Эвермита вновь обретут утраченное.

И все же в сердце каждого эльфа зародилось неохотное осознание того, что Эвермит уже никогда не будет прежним - возможно, он никогда не был тем, чем его хотели сделать эльфы.

Обещание убежища от перемен, видение места, где можно не обращать внимания на течение времени и размах далеких событий, в конечном итоге оказалось пустым.

Эвермит выстоит. Но, как уже много раз делали их предки, эльфы будут жить дальше.

Большинство останется и поддержит королеву, восстанавливая силу Эвермита и пополняя ее новыми способами. Многие из них найдут новую родину, как и отчаявшиеся золотые эльфы из другого мира, которых Ламруил встретил радушно и предложил убежище. Многие из этих новичков последуют за неугомонным Ламруилом и отвоюют новое королевство у мира льда и одиночества, как и некоторые из уроженцев Эвермита. Другие уйдут в Арвандор, возможно, раньше срока, не сумев приспособиться к более полному пониманию окружающего их мира смертных.

И, возможно, другие найдут древние врата в другие земли и начнут все сначала, как когда-то их предки строили дом на новой земле Фазруна. Они создадут еще больше легенд и будут творить их, зная, что они никогда не умрут по-настоящему, пока рассказываются старые истории и поются древние песни.

В таких вещах есть магия, а там, где есть магия, всегда будут эльфы.

30-й день Элейнта, ЛД 1371

Данилу Танну передает приветствие Хелбен Арунсун.

Спасибо, что прислал мне свою рукопись эльфийских историй. Спасибо также за твои заверения, что никто другой не увидит ее, пока у меня не будет возможности прочитать и одобрить содержание. То, что вам пришло в голову предпринять такие шаги, свидетельствует о таком уровне благоразумия и рассудительности, что я уже и не надеялся, что вы этого добьетесь.

Я прочитал твою рукопись с большим интересом. Как ты уже догадался, в ней есть очень много деликатных моментов. Публикация этой работы в полном объеме, безусловно, вызовет гнев и поставит под угрозу безопасность жителей Эвермита.

Ты совершенно прав, когда говоришь, что было бы разумно отдать одну версию Эрилин, а другую, усеченную, передать в Кэндлkip, как должное Атолу за его участие в этом деле. Однако я счел за лучшее, чтобы эльфийский ученый просмотрел рукопись до того, как она будет воспроизведена в любом формате. Поэтому я отправил

рукопись в Эвермит на рецензию Элаше Эванаре, известному писцу и хранителю Библиотеки Королевы.

Этот писец древний даже по эльфийским меркам, и, как известно, работает медленно - опять же, даже по эльфийским меркам. Хотя ты и заявил о своем желании подарить эту работу своей даме в качестве подарка в середине зимы, тебе не стоит рассчитывать на то, что она вернется к празднику в этом году. Или в следующем году, если уж на то пошло. Тебе знакомы пути эльфов, и я верю, что ты будешь ждать возвращения своей рукописи с необходимым терпением. Не унывай и не отчаивайся, если увидишь ее снова. Известно, что члены семей Танн и Арунсун очень долгоживущие.

Я надеюсь, что это письмо застало тебя в добром здравии. Ты выбрал отличный год, чтобы отправиться в Серебряную Луну на сезон обучения. Зима в этом году наступила очень рано, а дороги и гавань были закрыты из-за шквала раннего снега и льда в последнюю декаду. Я полагаю, что Эрилин наслаждается хорошей охотой в лесах близ Серебряной Луны. Передавай ей мой горячий привет.

К этому письму я прилагаю несколько свитков с заклинаниями, которые я хотел бы, чтобы ты выучил. Да, я уважаю выбранный тобой путь барда, но это не отменяет необходимости заниматься более важными делами. (Лаэраль сообщает мне, что я снова веду себя напыщенно и невыносимо. Возможно, это и так, но когда человек прав, ему не нужно извиняться или уклоняться. Магия важна, и ты не должен пренебрегать своими дарами.) Ты должен знать, Данило, что я не совсем отказался от надежды, что ты вернешься к серьезному изучению магии. Кто-то должен будет держать Башню Черного посоха, когда придет время мне двигаться дальше, и кто может быть лучше моего племянника и бывшего ученика? Я знаю, что ты думаешь по этому поводу, и призываю тебя не отвергать эту возможность полностью.

Твои новости о недавних событиях в Серебряной Луне были весьма занимательны. Я чуть не рассмеялся вслух над твоим рассказом о студенческих эпосах, созданных в твоем классе под названием "Школа Баллады Сатиры". Приятно слышать, что возрождение старого бардовского колледжа в Серебряной Луне идет полным ходом, и что не все учебные курсы так легкомысленны, как те, на которые вы потратили столько чернил и пергамента. В твоем следующем письме, возможно, будет немного больше информации о событиях, связанных с реорганизацией дворца Алустриель, и о новых политических союзах королевы? Если это должно быть сделано за счет одной-двух пошлых историй, я верю, что переживу разочарование.

Лаэраль передает тебе привет и просит выразить соболезнования. Я не совсем уверен, что она имеет в виду, но я точно перепису ее слова и оставлю тебе догадываться об их смысле.

Ваш в служении Мистре,
Хелбен Арунсун

Об авторе

Скорее случайно, чем специально, большинство историй Элейн Каннингем были посвящены эльфам мира FORGOTTEN REALMS®. Но эта, ее восьмая книга для TSR, первая, в которой она переключает внимание с таких персонажей, как полу-эльфийская боец Эрилин Лунный Клинок, лунный эльф-разбойник Элайт Кроулнобар и Лириэль, странствующая принцесса дреу; чтобы взглянуть непосредственно на эльфийскую культуру, которая сформировала их.

Элейн Каннингем живет в одном доме со своей семьей, тремя компьютерами и несколькими тысячами книг.

